АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Том 12, № 3
2018
DOI: 10.21202/1993-047X.2018.3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X
Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главные редакторы:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)
Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Заместители главных редакторов:

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)
Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)
Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Лазарев В. В., заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук (г. Москва, Россия)
Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН (г. Москва, Россия)
Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МПОА) (г. Москва, Россия)
Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мальгин В. А., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (г. Казань, Россия)
Марченко М. Н., доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва, Россия)
Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
Салимов Л. Н., доктор экономических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)
Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)
Шабанова Л. Б., доктор экономических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)
Шаймиева Э. Ш., доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)
Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)
Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)
Апостолакис А., доктор экономики, профессор Технологического образовательного института Крита (г. Ираклион, Греция)
Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)
Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)
Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)
Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)
Рубин Э. Л., профессор права и политологии, Школа права, Университет Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)
Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)
Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)
Фидрмук Д., профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель и издатель –
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: apel.ieml.ru

Журнал включен в Перечень ВАК по группе специальностей 08.00.00 – экономические науки

Индексируется в EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова,
О. А. Аймурзаева

Дизайн обложки:
Е. Н. Морозова

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-67150 от 16 сентября 2016 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 15.09.2018. Заказ № 104
Дата выхода в свет 29.09.2018
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)», ООО ТЦО «Таглимат», 2018

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.
При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS AND LAW

Vol. 12, No. 3
2018
DOI: 10.21202/1993-047X.2018.3

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X
Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Co-editors-in-Chief:

Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)
Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Deputies of the Co-editors-in-Chief:

Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)
Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G.Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)
Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)
Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Lazarev V. V., Head of the Department of Court Decisions' Implementation into Legislation of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia)
Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)
Malgin V. A., Doctor of Economics, Professor, Honoured worker of science (Kazan, Russia)
Marchenko M. N., Doctor of Law, Professor, Chairholder, Chair of Theory of State and Law and Political Science, Meritorious Scientist of the Russian Federation of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Salimov L. N., Doctor of Economics, Professor of Kazan Federal University (Kazan, Russia)
Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Shabanova L. B., Doctor of Economics, Professor of Kazan Federal University (Kazan, Russia)
Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)
Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)
Apostolakis A., Assistant Professor Technological Educational Institute of Crete (Irákleion, Greece)
Jaffry Sh., PhD of Economics, Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Frieburg, Germany)
Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)
Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Fidrmuc Ja., Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder and publisher – Private educational establishment of higher education «Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)»

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.,

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, and DOAJ, ProQuest

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:
G. A. Tarasova

Computer lead out:
S. A. Karimova

Cover design:
E. N. Morozova

Translator:
PhD (Pedagogics),
member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration certificate:
PI № ФС77-67150 of September 16, 2016.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 15.09.2018. Order № 104
Date of publishing 29.09.2018
Free price

© PEE HE «KIU named after V.G. Timiryasov (IEML)», Tatar Educational Center «Taglimat» Ltd., 2018

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind.
When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.
The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

453

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Андреева Е. С., Дырдонова А. Н., Фомин Н. Ю. Инструменты государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры регионов РФ (на примере Республики Татарстан) 453

Бирюкова И. А., Гераськин М. И. Анализ рефлексивной игры агентов на телекоммуникационном рынке для случая двух рефлексирующих агентов 468

Болгова Е. В., Курникова М. В. Опыт Франции в пространственной организации системы высшего образования 481

Малков С. Ю., Билюга С. Э., Давыдова О. И. Прогноз динамики мирового импорта по товарным группам 502

Чугункова А. В., Пыжев А. И., Пыжева Ю. И. Влияние глобального изменения климата на экономику лесного и сельского хозяйства: риски и возможности 523

538

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФЕНОМЕН

Крамин Т. В., Стрельникова А. С. Социальный капитал как фактор кластерного развития региона 538

Селиверстова Н. С., Яковлева Е. Л., Григорьева О. В., Воронцова Л. В. Размерности социального капитала 553

453

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Andreeva E. S., Dyrdonova A. N., Fomin N. Yu. Tools of state-private partnership in developing the infrastructure of the Russian regions (by the example of Tatarstan Republic) 453

Biryukova I. A., Geras'kin M. I. Analysis of reflective game of agents in telecommunications market for a case of two reflective agents 468

Bolgova E. V., Kurnikova M. V. Experience of France in the territorial organization of higher education system 481

Malkov S. Yu., Bilyuga S. E., Davydova O. I. Forecast of the dynamics of world import by commodity groups 502

Chugunkova A. V., Pyzhev A. I., Pyzheva Yu. I. Influence of global climate change on economy of forestry and agriculture: risks and opportunities 523

538

SOCIAL CAPITAL AS A PHENOMENON

Kramin T. V., Strelnikova A. S. Social capital as a factor of cluster development of a region 538

Seliverstova N. S., Iakovleva E. L., Grigoryeva O. V., Vorontsova L. V. Dimensions of social capital 553

569

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами состояния правопорядка и уровня безопасности в мегаполисе: результаты криминологического мониторинга. 569
Клеймёнов М. П., Пустовит Р. В. Развитие служебной коррупционной преступности 594

606

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ. ОБЗОРЫ

Данилов А. П. Обзор международной беседы «Преступность миграционных процессов»...606
Толстик В. А., Васильев П. В. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Критерии в праве: теория, практика, техника (IX Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.).....626

640

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Колган Б. А. Штрафы, комиссионные сборы и конфискации 640
Чин Г. Дж. Побочные последствия осуждения в уголовном порядке 660

677

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

569

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A. Citizens' estimation of the law order and safety in a megalopolis: results of criminological monitoring.....569
Kleymenov M. P., Pustovit R. V. Development of the official corruption crimes 594

606

WORKS OF CONFERENCES. REVIEWS

Danilov A. P. Review of the international dispute "Crimes of migration processes"... 606
Tolstik V. A., Vasilyev P. V. Review of all-Russian scientific-practical conference "Criteria in law: theory, practice, technique (9th Babayev's readings)" (Nizhniy Novgorod, 24–25 May 2018) 626

640

TRANSLATED ARTICLES

Colgan Beth A. Fines, fees, and forfeitures 640
Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction.....660

677

RULES FOR THE AUTHORS

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

УДК 338.2:334:332.1(470.41)
JEL L32, R10, R11

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.453-467

Е. С. АНДРЕЕВА[1],
А. Н. ДЫРДОНОВА[1],
Н. Ю. ФОМИН[1]

[1]Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Нижнекамск, Россия

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ РФ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Контактное лицо:
Андреева Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры экономики и управления, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»
Адрес: 423578, Республика Татарстан, г. Нижнекамск, пр. Строителей, 47, тел.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: esandreeva-nk@rambler.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1323-2524
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-5746-2018

Дырдонова Алена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Нижнекамск)
Адрес: 423578, Республика Татарстан, г. Нижнекамск, пр. Строителей, 47, тел.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: DAN-home@yandex.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-7144-7473
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/C-9023-2017

Фомин Никита Юрьевич, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры экономики и управления, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Нижнекамск)
Адрес: 423578, Республика Татарстан, г. Нижнекамск, пр. Строителей, 47, тел.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: ya.juventino@yandex.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-2410-0335
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-5739-2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Цель: выявление факторов, оказывающих влияние на уровень развития инфраструктуры, создаваемой в рамках проектов государственно-частного партнерства в регионах РФ.
Методы: в процессе исследования использовались общенаучные методы познания; методы системного анализа, дающие возможность понять закономерности развития инфраструктуры, оптимальные пути и методы управления партнерскими проектами; статистического и структурно-функционального анализа, позволяющие выявить зависимость от внутренних и внешних факторов; приемы обобщения и группировки.
Результаты: государственно-частное партнерство является одним из механизмов, зарекомендовавших себя в развитии инфраструктуры регионов и муниципальных образований. В статье подчеркивается значение проектов ГЧП в российской практике, а также необходимость дальнейших научных исследований для повышения его эффективности. На основании рейтинга регионов по уровню развития государственно-частного партнерства, представленного в результатах исследования, проведенного ассоциацией «Центр развития ГЧП», был проведен анализ различных факторов, позволяющих судить о месте того или иного региона в данном рейтинге. Также представлены результаты анализа реализации проектов по созданию инновационной инфраструктуры ГЧП в Республике Татарстан, в результате которого нашли подтверждение тезисы о влиянии выделенных факторов на развитие ГЧП. Определены основные мероприятия, способствующие развитию ГЧП в Республике Татарстан, а также сформулированы рекомендации по повышению его эффективности.
Научная новизна: на основе данных рейтинга субъектов РФ построена регрессионная модель, описывающая зависимость между уровнем развития государственно-частного партнерства в регионе и такими факторами, как близость расположения субъекта РФ к столице, уровень безработицы в регионе и число крупных прибыльных предприятий на его территории – потенциальных субъектов государственно-частного партнерства. Выявлены и систематизированы условия эффективного развития региональных проектов государственно-частного партнерства.
Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы в качестве рекомендаций для развития инфраструктуры регионов в рамках проектов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; государственно-частное партнерство; инфраструктура; социально-экономическое развитие; условия

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Андреева Е. С., Дырдонова А. Н., Фомин Н. Ю. Инструменты государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры регионов РФ (на примере Республики Татарстан) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 453–467. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.453-467

E. S. ANDREEVA[1],
A. N. DYRDONOVA[1],
N. YU. FOMIN[1]
[1]Kazan National Research Technological University, Nizhnekamsk, Russia

TOOLS OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN DEVELOPING THE INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN REGIONS (BY THE EXAMPLE OF TATARSTAN REPUBLIC)

Contact:
Elena S. Andreeva, Senior Lecturer of the Department of Economics and Management, Nizhnekamsk Chemical-Technological Institute (branch) of Kazan National Research Technological University
Address: 47 Prospekt Stroiteley, 423578 Nizhnekamsk, Russian Federation, tel.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: esandreeva-nk@rambler.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1323-2524
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-5746-2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Alena N. Dyrdonova, PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management, Nizhnekamsk Chemical-Technological Institute (branch) of Kazan National Research Technological University
Address: 47 Prospekt Stroiteley, 423578 Nizhnekamsk, Russian Federation, tel.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: DAN-home@yandex.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-7144-7473
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/C-9023-2017

Nikita Yu. Fomin, PhD (Engineering), Senior Lecturer of the Department of Economics and Management, Nizhnekamsk Chemical-Technological Institute (branch) of Kazan National Research Technological University
Address: 47 Prospekt Stroiteley, 423578 Nizhnekamsk, Russian Federation, tel.: +7 (8555) 39-18-15
E-mail: ya.juventino@yandex.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-2410-0335
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/H-5739-2018

Objective: to identify the factors influencing the level of infrastructure development created in the framework of public-private partnership projects in the regions of the Russian Federation.
Methods: general scientific methods of cognition were used in the process of research; methods of system analysis, which make it possible to comprehend the patterns of infrastructure development, the optimal ways and methods of managing partner projects; statistical and structural-functional analysis, enabling to identify the dependence on internal and external factors; methods of generalization and grouping.
Results: public-private partnership is one of the mechanisms that have proven useful for the development of infrastructure of regions and municipalities. The article emphasizes the importance of PPP projects in the Russian practice, as well as the need for further research to improve its effectiveness. On the basis of the regions' ranking by the level of public-private partnership development, presented by the "PPP Development Center" Association, the analysis of various factors was carried out that allow determining the place of a region in this ranking. Also, the analysis results are presented, which show the implementation of projects to create an innovative PPP infrastructure in the Republic of Tatarstan, as a result of which the thesis about the impact of the selected factors on the development of PPP was confirmed. The main activities contributing to the development of PPP in the Republic of Tatarstan are identified, and recommendations to improve its efficiency are formulated.
Scientific novelty: based on the data of the ranking of the Russian Federation subjects, a regression model was made, describing the relationship between the level of public-private partnership development in the region and such factors as the proximity of the Russian Federation subject to the capital, the unemployment rate in the region and the number of large profitable enterprises in its territory – potential subjects of public-private partnership. The conditions of effective development of regional projects in the sphere of public-private partnership are revealed and systematized.
Practical significance: the results can be used as recommendations for the development of regional infrastructure in the framework of public-private partnership projects.

Keywords: Economics and national economy management; Public-private partnership; Infrastructure; Social and economic development; Conditions

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Andreeva E. S., Dyrdonova A. N., Fomin N. Yu. Tools of state-private partnership in developing the infrastructure of the Russian regions (by the example of Tatarstan Republic), *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 453–467 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.453-467

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Введение

Инструменты и механизмы государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) не новы для российской экономики. И, как показывает практика их применения в различных странах мира, ГЧП способствует развитию инфраструктуры территорий [1–8].

На сегодняшний день в зарубежной и российской практике развитие региональной и муниципальной инфраструктуры все чаще осуществляется посредством использования партнерских взаимоотношений государства и бизнеса. Глядя на состояние экономической конъюнктуры в нашей стране, нельзя сказать о прорыве в инфраструктурном развитии. Но в то же время невозможно не отметить поступательное развитие ГЧП по основным этапам: развитие законодательства, становление институциональной среды и, конечно, разработка проектов и их воплощение в жизнь.

Сегодня в нашей стране реализуется немало совместных проектов. Но, если сравнить соотношение частных инвестиций в развитие инфраструктуры на принципах ГЧП к номинальному валовому внутреннему продукту по разным странам, то в России данный показатель находится на уровне менее 1 %. По мнению экспертов, он должен составлять 4–5 %, только в таком случае можно будет говорить о сбалансированном процессе привлечения ресурсов на принципах ГЧП, что обеспечит значительный рост российской экономики [1].

В формате государственно-частного партнерства реализуется большое количество проектов создания технопарков, особых экономических зон, региональных центров инжиниринга. Однако их успешность различна, более того, многие инфраструктурные площадки неэффективны, что обусловливает необходимость изучения вопросов оценки эффективности таких проектов, исследования факторов, определяющих их успешность, и институциональных условий, позволяющих в полной мере реализовать синергетический эффект от взаимодействия государства и частного бизнеса.

Все это в совокупности, а также имеющиеся проблемы теоретического и практического характера, связанные с повышением эффективности подготовки и реализации партнерских проектов и использования преимуществ ГЧП при создании региональной инфраструктуры, предопределили актуальность темы и выбор направления исследования.

Теоретико-методологические вопросы оценки, моделирования, развития партнерства государства с частным бизнесом и его использования при создании региональной инфраструктуры не являются новыми в экономической литературе.

В зарубежной литературе проблема развития государственно-частного партнерства рассматривалась в работах Е. Йескомба, Д. Лейдена, А. Линка, Д. Делмона, А. Эсташа, Б. Акинтоби и др. [9–12].

В отечественной литературе по теме применения государственно-частного партнерства в экономике РФ наиболее значимыми являются работы В. Г. Варнавского, И. А. Морозовой, Н. А. Шапиро, В. А. Генг, А. В. Андреевой и др. [13–16].

Большую значимость имеют также материалы, опубликованные Всемирным банком, Международным валютным фондом, различными ведомствами, ответственными за реализацию партнерских проектов как в России, так и в зарубежных странах [17–19].

Описанные выше материалы в большей степени посвящены правовым аспектам государственно-частного партнерства, опыту его становления и развития в различных странах, многообразным схемам ГЧП, отдельным факторам, определяющим эффективность и риски для участников такого рода проектов.

Вместе с тем ускорение темпов экономического развития, пополнение набора инструментов, которые используются в современных моделях управления и стратегиях регионального развития, существенно видоизменяют и усложняют анализируемые процессы. Отсюда меняется и представление о государственно-частном партнерстве, уточняются подходы и методы при осуществлении оценки партнерских проектов, происходят изменения в представлениях о способах и возможностях эффективного применения преимуществ ГЧП при создании элементов региональной инфраструктуры. Это, безусловно, требует новых выводов и обобщений. При этом, на наш взгляд, одним из приоритетных направлений является определение условий, способствующих повышению эффективности взаимодействия в форме ГЧП при создании и развитии инфраструктуры инновационного развития, что, безусловно, должно привести к росту экономической активности предприятий – участников проектов и ускорению темпов территориального социально-экономического развития. Что и явилось целью данного исследования.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Результаты исследования

В современных условиях вопросы взаимодействия представителей частного бизнеса и органов государственной власти представляют особый интерес. В концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ развитие института государственно-частного партнерства – одно из стратегически важных направлений, позволяющих ускорить темпы социально-экономического развития и оптимизировать затраты государства [20].

Сегодня практически все проекты инновационной инфраструктуры реализуются государством при участии частного капитала. Большая их часть ориентирована на повышение инновационной активности предприятий регионов, создаваемых в форме индустриальных и промышленных парков и площадок, технопарков и технополисов, являющихся неотъемлемыми элементами инновационной экосистемы.

Анализируя опыт использования инструментов ГЧП по странам с разным уровнем социального и экономического развития, можно понять, что сфер применения возможностей государственно-частного партнерства достаточно много. Но в последнее время происходит смещение приоритетов в сторону инноваций. Интерес к вопросам инновационного развития, возникший в 90-х годах прошлого века, и по сей день не утратил своей актуальности. И сегодня инновационное развитие регионов посредством партнерства государства с бизнесом является одной из главных задач, которая стоит перед нашим государством.

Успешность инновационного развития во многом определяется способностью к осуществлению инновационной деятельности, эффективность которой, в свою очередь, зависит от состояния институциональной среды, а также наличия и степени развитости инновационной инфраструктуры. Другими словами, от эффективности работы объектов инфраструктуры инновационного развития, которая все чаще создается с использованием механизмов ГЧП, во многом зависит уровень социально-экономического развития региона.

С целью определения факторов, влияющих на развитие партнерских взаимоотношений между государством и бизнесом в регионах в процессе создания и развития инфраструктуры на принципах ГЧП, обратимся к исследованию, проведенному в 2017 г. Центром развития ГЧП совместно с Минэкономразвития РФ [1], в рамках которого представлен рейтинг регионов по уровню развития партнерских взаимоотношений государства и бизнеса. Данный рейтинг позволяет получить достаточно объективное представление об уровне инвестиционной привлекательности регионов.

В рамках данной статьи мы полагаем, что показатель рейтинга российских регионов по уровню государственно-частного партнерства зависит от ряда факторов. В этой связи предлагается провести первичный поисковый анализ факторов, связанных с достижением определенного уровня обозначенного выше показателя.

Методология, данные и результаты моделирования

В рамках поискового метода использовался метод наименьших квадратов, построенный на кросс-секциях. Подобный метод ранее использовался в работах отечественных исследователей-экономистов: Д. Ш. Султановой [20], А. А. Зворыгиной [21], Л. М. Мингазовой [22] и др.:

$$Y = c + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + \beta_5 X_5 + \beta_6 X_6 + \beta_7 X_7 + e,$$

где $X_1 \dots X_7$ – объясняющие переменные; $\beta_1 \dots \beta_7$ – коэффициенты уравнения при объясняющих переменных; c – константа; e – случайные ошибки наблюдения.

Данное уравнение представляет собой уравнение с полным набором объясняемых переменных, однако оптимальное уравнение находилось перебором комбинаций спецификации уравнения путем максимизации R_2.

Основанием для использования кросс-секционной регрессии стал небольшой период данных о показателях рейтинга ГЧП российских регионов. В этой связи исследование направлено на первичный скрининг факторов, влияющих на обозначенный показатель рейтинга.

С целью определения факторов, оказавших влияние на развитие ГЧП в субъектах РФ, был проведен регрессионный анализ. В процессе экономико-математического моделирования исследовалось влияние семи показателей на уровень развития государственно-частного партнерства в 85 российских регионах (табл.).

В процессе экономико-математического моделирования исследовалось влияние данных показателей (данные для расчетов представлены в приложении) на уровень развития ГЧП в регионах, в результате чего были получены следующие данные.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Переменные регрессионного анализа*
Table. Variables for regression analysis*

Наименование переменной / Variable	Источник данных / Source of data
Y – значение рейтинга ГЧП / Y – value of PPP ranking	Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». URL: http://p3week.ru/images/presenatation/preze_29-03.pdf / Research "Development of public-private partnership in Russia in 2015–2016. Ranking of the regions by the PPP development level" /Association "PPP development center", available at: http://p3week.ru/images/presenatation/preze_29-03.pdf
x_1 – общий размер территории субъекта или его площадь (тыс. кв. км) / x_1 – total area of the subject territory (thousand square km)	Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm / Russian regions. Main characteristics of the Russian Federation subjects, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_2 – численность трудоспособного населения (тыс. чел.) / x_2 – number of able population (thousand people)	Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm / Russian regions. Social-economic indicators, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_3 – удаленность от центра (км), в качестве которого была взята Москва / x_3 – proximity from Moscow (km)	Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm / Russian regions. Main characteristics of the Russian Federation subjects, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_4 – инвестиции в основной капитал на душу населения (руб.) / x_4 – investments into capital assets per capita (rubles)	Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm / Russian regions. Social-economic indicators, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_5 – показатель уровня безработицы (%) / x_5 – unemployment rate (%)	Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm / Russian regions. Social-economic indicators, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_6 – заработная плата (среднемесячная) (руб.) / x_6 – average monthly salary (rubles)	Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm / Russian regions. Social-economic indicators, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm
x_7 – показатель удельного веса прибыльных организаций в общем числе предприятий региона (%) / x_7 – unit weight of profitable enterprises in the overall number of enterprises of the region (%)	Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm / Russian regions. Social-economic indicators, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm

* *Источник*: составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Итеративный перебор комбинаций факторов уравнения выявил регрессию с наибольшим показателем R-квадрат = 0,464. Значимыми оказались три фактора, и регрессионная модель приобрела следующий вид:

$$Y = \underset{(0,874)}{1,893} + \underset{(0,001)}{0,006} \times X_2 - \underset{(0,006)}{1,165} \times X_5 + \underset{(0,044)}{0,37} \times X_7 + e,$$

т. е. на уровень развития региональной инфраструктуры, создаваемой в формате ГЧП, наибольшее влияние оказывают три показателя.

Численность трудоспособного населения – первый фактор, который оказал позитивное влияние на рейтинг региона по уровню развития государственно-частного партнерства. Высокая концентрация рабочей силы говорит о благоприятной демографической ситуации в регионе, в том числе миграционной политике, обеспечивающей приток рабочей силы на территорию региона. Кроме того, в таких регионах лучшие условия удержания и накопления человеческого капитала, а именно более высокий уровень качества жизни (образование, здравоохранение, культура, политика занятости, социальная защита и др.). Что, безусловно, способствует повышению регионального рейтинга ГЧП.

Уровень безработицы в регионе – показатель может быть косвенно коррелирован с показателем численности трудоспособного населения, однако оба они могут характеризовать регионы с развитой индустриальной и инновационной инфраструктурой, при этом показатель безработицы при росте, как следует из уравнения регрессии, имеет негативный эффект на показатель ГЧП рейтинга. Таким образом, знак при коэффициенте корректен: более развитые регионы, предположительно имеют меньшую безработицу и способность аккумулировать трудовые ресурсы, а большое число предприятий, создающих рабочие места, предположительно дает большую вероятность в повышении рейтинга ГЧП.

Удельный вес прибыльных организаций в общем числе предприятий – фактор, оказывающий положительное воздействие на развитие региональной инфраструктуры в формате ГЧП. То есть чем больше успешных предприятий на территории субъекта, тем более быстрыми темпами будут развиваться механизмы ГЧП в его рамках, поскольку это первая предпосылка для направления средств от их деятельности в новые проекты в формате ГЧП. Кроме того, это говорит о наличии благоприятной социально-экономической среды в регионе.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

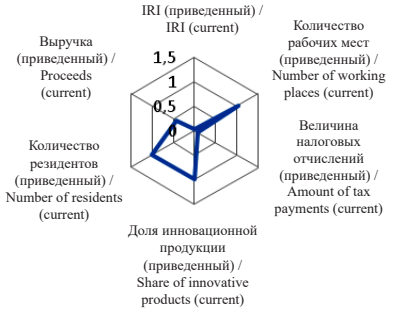
Остальные факторы в рамках первичного моделирования оказывают незначительное влияние на рейтинг регионов по уровню развития государственно-частного партнерства.

В подтверждение результатов моделирования представим анализ крупнейших проектов по созданию инновационной инфраструктуры на условиях ГЧП в Республике Татарстан.

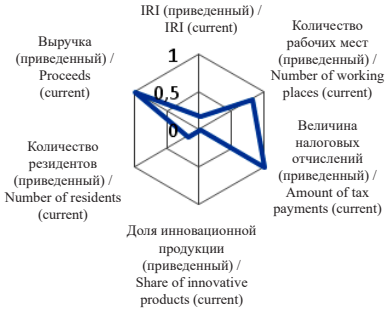
Республика Татарстан на протяжении пяти последних лет (2013–2017 гг.) постоянно входит в десятку лидеров по уровню развития инфраструктуры, создаваемой на принципах государственно-частного партнерства, улучшив свои позиции за последний год.

Проанализировав практику реализации республиканских проектов по созданию инновационной инфраструктуры в формате ГЧП (индустриальный парк «Камские Поляны», особая экономическая зона «Алабуга», Камский индустриальный парк «Мастер», технополис «Химград», индустриальный парк «Чистополь» и др.) [24–31] (рис.), можно сделать следующие выводы.

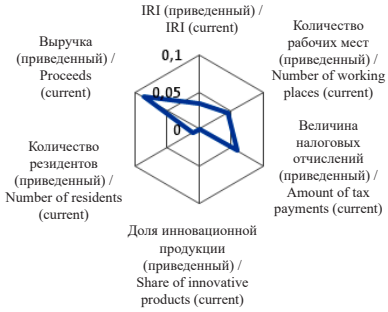
Технополис «Химград» / “Khimgrad” Technopolis



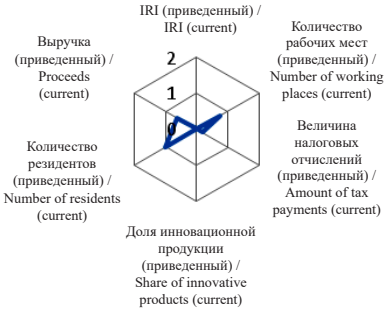
Особая экономическая зона «Алабуга» / “Alabuga” Special Economic Zone



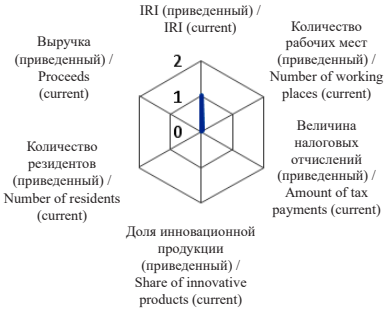
Индустриальный парк «Камские Поляны» / “Kamskiye Polyany” Industrial Park



Камский индустриальный парк «Мастер» / “Master” Kama Industrial Park



Индустриальный парк «Чистополь» / “Chistopol” Industrial Park



Показатели эффективности ГЧП-проектов (по часовой стрелке): IRI – показатель соотношения инвестиций государственного и частного секторов; количество создаваемых рабочих мест; величина налоговых отчислений в бюджет; доля инновационной продукции; количество резидентов; выручка.

Indicators of efficiency of state-private partnership projects (clockwise): IRI – Indicator of state and privat sectors investment ratio; number of the jobs created; amount of tax assignments into the budget; share of innovative products; number of residents; receipts.

Эффективность региональных объектов инновационной инфраструктуры за период реализации проектов*
Efficiency of regional objects of innovative infrastructure during the period of projects implementation*

* *Источник*: составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Во-первых, в качестве подтверждения результатов предыдущего анализа необходимо отметить, что наиболее развитыми в плане использования государственно-частного партнерства при создании инфраструктуры инновационного развития оказались Приволжский федеральный округ (ПФО) и Центральный федеральный округ (первый значимый фактор). Республика Татарстан – один из регионов, имеющий, по данным государственной статистики, большую численность рабочей силы среди других регионов ПФО.

В качестве подтверждения значимости второго фактора – уровня безработицы в регионе – целесообразно сказать следующее. В рамках проектов ГЧП создается достаточно большое количество рабочих мест, способствуя снижению безработицы в регионе (проекты КИП «Мастер, ОЭЗ «Алабуга», Технополис «Химград» в Татарстане). В то же время есть территории с высоким уровнем безработицы, где партнерские проекты реализуются реже. Что, вероятнее всего, связано с низкой экономической активностью населения данных территорий.

И весомое доказательство значимости третьего фактора (на примере Республики Татарстан) – проекты реализуются на базе крупных промышленных предприятий и при их непосредственном участии. Среди рассматриваемых нами проектов можно отметить следующие предприятия: ПАО «Нижнекамскнефтехим» для ИП «Камские Поляны», ПАО «КАМАЗ» для КИП «Мастер», ГК «Тасма» для «Химграда», ОАО «ПО ЕлАЗ» для ОЭЗ «Алабуга» и ООО ПКФ «БЕТАР» для ИП «Чистополь». Эти предприятия являются своего рода локомотивом социально-экономического регионального развития. Наличие крупных предприятий в регионе, безусловно, положительно влияет на успешную реализацию партнерских проектов и инфраструктурное развитие.

Во-вторых, большая часть объектов строилась на ранее возведенных площадях. В России в целом и в Татарстане в частности имеются строительные объекты с уже подведенными коммуникациями, которые остались от закрытых производств и на сегодняшний день не функционируют. И такие объекты не единичны. Часто они расположены либо в черте города, либо недалеко от населенного пункта. Если обратить внимание именно на такие объекты, можно будет решить разом большое количество важных проблем: сократить временные затраты на реализацию проектов, сократить объем необходимых финансовых вложений, возобновить работу неиспользуемых площадей, в том числе в инновационном направлении, создать дополнительные рабочие места и т. д. В результате увеличатся налоговые поступления, повысится доля добавленной стоимости, создаваемой на территории субъекта. Готовая инфраструктура позволит резидентам сконцентрироваться на ведении основного бизнеса, что не может не сказаться на эффективности реализации инвестиционных проектов.

В-третьих, анализируемые проекты воплощаются в жизнь преимущественно по двум схемам:

– DBOO (Design, Build, Own, Operate – проектирование – строительство – владение – эксплуатация/управление). Проектирование и строительство объекта ГЧП осуществляет частная компания. Вклад государственного сектора – финансовые ресурсы, вклад частного партнера – финансы, технологии, опыт, инновации. При такой схеме реализации объект создается в кратчайшие сроки, не передается публичной власти, остается в распоряжении инвестора, что стимулирует эффективно и рационально распоряжаться возведенными объектами;

– DBOOT (Design, Build, Own, Operate, Transfer – проектирование – строительство – владение – эксплуатация/управление – передача). В этом случае частный партнер получает правомочие пользования и владения объектом инфраструктуры в течение определенного срока, пока не покроются затраты и инвестор не получит желаемую выручку от инвестиций, после чего он передается публичной власти. Такая схема используется в отношении объектов, которые стратегически важны для государства и не могут оставаться в руках представителей частного сектора.

Если взять во внимание тот факт, что большая часть проектов связана с химией и нефтехимией (для Республики Татарстан это приоритетные отрасли), а, как мы знаем, сегодня в нефтехимической отрасли довольно высокий уровень износа (и физического, и морального) основного технологического оборудования, специализированных транспортных средств, сооружений и других объектов, и их строительство, покупка и использование всегда ассоциируются с высоким уровнем капитальных затрат и продолжительным сроком окупаемости, наиболее оптимальным подходом является возможность оставить возведенные в ходе реализации проекта объекты по истечении

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

срока действия партнерского договора в распоряжении представителей частного сектора. Реализуя данный подход, республиканские органы власти дают возможность представителям частного сектора стать полноправными собственниками объектов, создаваемых в ходе реализации партнерских проектов. Что позволяет эффективнее их использовать, наращивать мощности, модернизировать оборудование, в полных объемах финансировать ремонтные работы, своевременно осуществлять их, прорабатывать стратегию развития партнерства на долгосрочную перспективу и т. д. Только так частный инвестор будет заинтересован в сохранности и эффективности использования средств, вложенных в проект. Государственный партнер в таком случае минимизирует расходы на содержание объекта. Это, безусловно, способствует повышению инновационной активности предприятий – участников таких проектов.

В-четвертых, основными институтами, способствующими развитию партнерских взаимоотношений на территории РТ, в настоящий момент являются Инвестиционно-венчурный фонд РТ (далее – ИВФ РТ) и Внешэкономбанк. Инструменты ИВФ РТ сегодня являются наиболее эффективными инструментами государственной инвестиционной политики. Но полноценное вовлечение данного института в развитие региональной инфраструктуры в формате государственно-частного партнерства затормаживается сложностью процедур согласования проектов, а также пробелами в законодательстве (отсутствует, например, возможность финансировать проектную стадию объектов). Учитывая, что эффективность ИВФ РТ как института ГЧП достаточно высока (об этом можно судить по перечню уже реализованных и реализуемых в настоящий момент проектов, представленных на сайте Инвестиционно-венчурного фонда РТ), необходимо продумать процедуры по оказанию методической помощи субъектам партнерских проектов при подготовке заявок на соискание финансирования за счет его средств и, конечно же, распространить положительный опыт его деятельности на инвестиционные фонды других регионов. Внешэкономбанк (далее – Банк развития ВЭБ) также имеет хорошие перспективы в подготовке и реализации совместных проектов. Используя его инструменты, можно гарантировать выполнение государственным участником обязательств по партнерским проектами в то же время обеспечить защиту государственных интересов в процессе распределения бюджетных средств. При реализации проектов по созданию инфраструктуры ВЭБ может выступать либо как кредитор, либо как гарант (в случае обращения за коммерческим кредитом в банк). Кроме того, ВЭБ может стать центральным игроком в случае, например, введения финансовых инструментов, таких как инфраструктурные облигации. По окончании создания объекта инфраструктуры, пользуясь все теми же гарантиями банка, инвесторы, реализовавшие ГЧП-проект, могут выпустить инфраструктурные облигации, и полученную от их эмиссии выручку можно будет направить на погашение кредита. Еще одна перспектива участия ВЭБ в совместных проектах – делегирование ему полномочий по координации проектов ГЧП, финансирование которых осуществляется за счет средств региональных инвестфондов. Кроме того, на Банк развития можно возложить функции инвестиционного консультанта по проектам государственно-частного партнерства. Все вышеперечисленное имеет место быть, поскольку:

– ВЭБ имеет хорошую ресурсную базу для реального структурирования, администрирования, анализа и оценки совместных проектов;

– ВЭБ – это институт, приближенный к государству;

– ВЭБ даже в условиях кризиса имеет возможность финансировать партнерские проекты.

Однако сегодня его возможности при подготовке и воплощении в жизнь ГЧП практически не используются, несмотря на обозначенные выше преимущества участия ВЭБ в партнерских проектах.

Один из возможных вариантов решения указанной проблемы – это формирование либо координационного центра, содействующего развитию государственно-частного партнерства, либо экспертного консультационного совета по развитию партнерских взаимоотношений между государством и бизнесом с целью популяризации их использования в качестве инструмента инфраструктурного развития. Указанные центры (советы) должны состоять из представителей органов исполнительной власти, местного самоуправления, бизнес-ассоциаций, общественных предпринимательских объединений и других организаций путем привлечения экспертов, заинтересованных лиц и фирм. В отдельных случаях функции подобных советов могут брать на себя, например, агентства инвестиционного развития регионального уровня.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Еще одна проблема, с которой сталкиваются оба участника партнерства при подготовке и реализации инфраструктурного проекта, – это отсутствие реальных показателей эффективности и целевого использования бюджетных средств. Оценка эффективности деятельности таких объектов проводится, как правило, однократно, на этапах подготовки и начала реализации инновационных проектов. Оценка эффективности партнерских проектов и определение путей ее повышения, в силу достаточно длительного жизненного цикла ГЧП и высоких требований к качеству итоговых показателей, не должна быть одноразовой задачей, которая сегодня свойственна этапу подготовки проекта. Необходимо, чтобы с самого начала был заложен механизм, который позволит на протяжении всего жизненного цикла ГЧП-проекта в заранее согласованное участниками время или, например, при возникновении каких-то непредвиденных ситуаций проводить своевременные аналитические расчеты эффективности. В самом общем виде речь идет о необходимости создания своеобразной системы мониторинга для своевременной и регулярной оценки эффективности (имеется в виду более широкий анализ, чем традиционно используемый при оценке инвестиционных проектов) и в результате определение путей ее обеспечения на таком уровне, который более полно будет удовлетворять каждого участника партнерства, поскольку цели участников партнерства часто разнонаправленны.

Кроме вышеперечисленных, можно выделить и другие факторы, способствующие развитию республиканской инфраструктуры в формате государственно-частного партнерства. Среди таковых можно отметить такие, как полноценный комплекс инженерной инфраструктуры; бесплатное технологическое присоединение; подведенные к площадкам резидентов инженерные коммуникации, что сводит к минимуму затраты на подключение; конкурентные тарифы на обеспечение электроэнергией; расположенные в одном месте складские, офисные, производственные помещения; развитая инфраструктура; комплексность предоставления услуг (в большинстве проектов действует система одного окна). Указанные преимущества, концентрация людей, научных идей на данных объектах обеспечивают синергетический эффект в промышленном развитии, выпуске инновационной продукции, развитии бизнеса, что в совокупности ведет к росту доли передела полимерной продукции на территории РТ и продолжает закладывать основы формирования в регионе устойчивого инновационного кластера [32–33].

Необходимо развивать такого рода проекты и распространять имеющийся положительный опыт на другие регионы РФ. Безусловно, без помощи государства делать это достаточно трудно, но в случае успешной реализации можно получить хорошую отдачу и окупить вложенные средства в сравнительно небольшой период времени. Кроме того, надо сказать, что во всех анализируемых ГЧП-проектах в Татарстане федеральный центр принимает активное участие.

Выводы

Исходя из результатов проведенного анализа, необходимо еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день есть эффективные формы сотрудничества между государством и представителями частного сектора, которые активно используются в нашей стране. Прежде всего, это формат государственно-частного партнерства. Все чаще представители государственных органов власти и частные компании обращают свое внимание на совместные инфраструктурные проекты, где возможно создание более благоприятных условий по развитию предпринимательства. Как показывает опыт, именно государство и его инвестиции в создание инфраструктуры регионов позволяют создавать на ее основе эффективную социально-экономическую систему, стимулирующую инновационную деятельность и дающую возможность привлекать больше частных инвестиций в основные производственные мощности.

С целью определения факторов, влияющих на развитие ГЧП в регионах, в рамках статьи был проведен первичный поисковый анализ методом наименьших квадратов, построенный на кросс-секциях, который позволил установить, что на значение рейтинга региона по уровню развития ГЧП влияют положительно два фактора: численность трудоспособного населения и удельный вес прибыльных организаций в общем числе предприятий; отрицательное влияние оказал уровень безработицы в регионе. Это было подтверждено результатами анализа партнерских проектов, реализуемых в Республике Татарстан. Более глубокой анализ факторов предполагается осуществить в дальнейших работах.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таким образом, взаимодействие малого и среднего бизнеса с субъектами крупного предпринимательства и государственными органами – чрезвычайно ценная сторона ГЧП. Инициативная предпринимательская деятельность частного сектора в условиях динамично развивающейся конъюнктуры рынка связана с многочисленными рисками. Потому поддержка со стороны государства и крупных предприятий обеспечивает участников партнерства большей уверенностью в своих возможностях и гарантирует некую стабильность в ведении производственной и коммерческой деятельности. Что, безусловно, способно существенно повысить темпы социально-экономического развития регионов.

Необходимо как можно более быстрыми темпами внедрять концепцию ГЧП во все сферы жизни и отрасли народного хозяйства. В нашей стране первоочередное внимание должно быть направлено на сферу промышленного производства: инновационные разработки, поддержка предприятий МСП и т. д. Но, для того чтобы все преимущества партнерских взаимоотношений между государством и бизнесом были ощутимы, необходимо вывести эту форму партнерства на новый уровень, справиться с теми системными ошибками, которые сложились в силу объективных обстоятельств, ну и, конечно, существенно улучшить качество управления ГЧП-проектами. Поскольку государство и бизнес преследуют разные цели, сделать это будет нелегко. Поэтому, чтобы интересы обеих сторон были более согласованны, нужно серьезнее подходить к процессу анализа и оценки совместных проектов, установить грамотные критерии вхождения в проект для каждого из участников, простые и понятные правила участия в конкурсах на соискание государственных финансовых ресурсов, а также четкие показатели оценки эффективности использования предоставленных средств. Плохая система оценки и достаточно формальный контроль за освоением средств приводят к тому, что намеченные социально-экономические показатели остаются недостижимыми, а сам институт государственно-частного партнерства не развивается.

Подводя итог вышесказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что механизмы государственно-частного партнерства способствуют социально-экономическому развитию регионов и страны в целом, формируя необходимую инфраструктуру, создавая новые рабочие места, увеличивая величину налоговых отчислений и т. д.

Уже на данном этапе развития партнерства в России можно утверждать, что только совместными силами государственного и частного секторов можно добиться значимых результатов, которые будут способствовать, во-первых, укреплению позиций частного сектора, во-вторых, социально-экономическому росту региона и страны в целом и, в-третьих, инновационному развитию регионов.

Список литературы

1. Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» / Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. 36 с.

2. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. 32 с.

3. Черевиков Е. Л. Развитие инновационной сферы в Украине: от публично-частного партнерства к инновационному партнерству // Белорусский экономический журнал. 2014. № 3 (68). С. 65–75.

4. Аксенова И. А., Сачек А. Н. Привлечение инвестиций в жилищно-коммунальное хозяйство регионов Республики Беларусь с использованием механизма государственно-частного партнерства // Вестник экономической интеграции. 2013. № 10. С. 47–54.

5. Андреева Е. С. Зарубежный опыт формирования механизмов государственно-частного партнерства и возможности его использования в России // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сб. науч. тр. вузов России. № 28. Иваново. 2010. С. 153–158.

6. Жукова Н. С. Зарубежный и российский опыт государственного регулирования инновационного развития инфраструктуры на основе государственно-частного партнерства // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2011. № 3. С. 26–30.

7. Камышанченко Е. Н., Масленникова М. А. Особенности использования механизма государственно-частного партнерства для создания и обновления инфраструктуры за рубежом и в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. Т. 18, № 7–1 (102). С. 55–63.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

8. Колесникова И. В. Опыт использования государственно-частного партнерства в европейских странах // Государственно-частное партнерство: теория, методология и практика. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 205–208.

9. Йескомб Э. Р. Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования. М.: Альпина Паблишер, 2015. 457 с.

10. Leyden D. P., Link A. N. Public Sector Entrepreneurship: U.S. Technology and Innovation Policy. Oxford University Press, 2015. 250 p.

11. Delmon J. Public-Private Partnership Programs: Creating a Framework for Private Sector Investment in Infrastructure. Kluwer Law International, 2013. 299 p.

12. Yescombe E. R. Principles of Project Finance. 2nded. New York, NY: Academic Press, 2013. 560 p.

13. The development of socially-important markets in Russia on the basic of public-private partnership mechanisms and cluster approach / L. S. Shakhovskaya, I. A. Morozova, O. S. Peskova, Yu. I. Gushchina // International Business Management. 2015. Т. 9, № 5. Pp. 835–839.

14. Варнавский В. Г. Частно-государственное партнерство в промышленности России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 5. С. 41–54.

15. Шапиро Н. А., Каплина Ю. Е. Территориальный аспект в управлении инновациями и соглашение о государственно-частном партнерстве // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 11 (93). С. 3.

16. Андреева А. В., Генг В. А. Региональный опыт применения государственно-частного партнерства в экономике (на примере Тверской области) // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1–1. С. 89–94.

17. Public-Private Partnership in infrastructure resource center // World Bank Group. URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/node/335/ (дата обращения: 10.04.2018).

18. 7 keys to success // The National Council for Public-Private Partnership, Washington. URL: https://www.ncppp.org/ppp-basics/7-keys/ (дата обращения: 08.04.2018).

19. PPP Talk // Public-Private Partnership Center Republic of the Philippines. URL: https://ppp.gov.ph/wp-content/uploads/2018/03/PPPC_rep_pppTalk-2ndSem2017.pdf (дата обращения: 08.04.2018).

20. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ 28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 10.04.2018).

21. Султанова Д. Ш. Теория и методология активизации инновационной деятельности в нефтеперерабатывающей отрасли на основе развития конкурентной среды: дис. … докт. экон. наук. Казань, 2009. 386 с.

22. Зворыгина А. А. Человеческий капитал как фактор эффективности российских компаний // Вектор экономики. 2018. № 4.

23. Мингазова Л. М. Оценка развития регионального рынка недвижимости на основе панельного анализа // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 6 (54). С. 25

24. Стратегия устойчивого развития отраслей, комплексов и регионов России: коллективная монография / под общ. ред. Н. А. Адамова. М.: Профессор, 2016. 222 с.

25. Химград // Инвестиционный портал Республики Татарстан. URL: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=106 (дата обращения: 10.12.2017).

26. Стратегия (программа развития) кластера производителей полимерных изделий Республики Татарстан на 2017–2019 годы / Д. Ш. Султанова и др. Казань, 2017. 53 с.

27. ОЭЗ «Алабуга» // Инвестиционный портал Республики Татарстан. URL: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=105 (дата обращения: 10.12.2017).

28. ООО «УК Индустриальный парк Камские Поляны» // Инвестиционный портал Республики Татарстан. URL: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=128 (дата обращения: 10.12.2017).

29. ОАО «Камский индустриальный парк «Мастер» // Инвестиционный портал Республики Татарстан. URL: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=127 (дата обращения: 10.12.2017).

30. Бизнес-инкубатор города Чистополя // Инвестиционный портал Республики Татарстан. URL: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=125 (дата обращения: 10.12.2017).

31. Как инвестировать в Татарстане (справочник) / под общ. ред. Ш. Р. Агеева. Казань: Идел-Пресс, 2011. 240 с.

32. Фомин Н. Ю., Дырдонова А. Н., Зинурова Р. И. Формирование территориально-производственных кластеров как эффективный механизм развития региональной экономики // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 12. С. 384–387.

33. Дырдонова А. Н. Эффекты формирования и развития территориального нефтехимического кластера Республики Татарстан // Научное обозрение. 2017. № 14. С. 94–96.

34. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

References

1. *Research "Developing the Public-Private Partnership in Russia in 2015–2016. Ranking of the regions by the level of public-private partnership development"*, Assotsiatsiya "Tsentr razvitiya GChP", Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, Moscow, Assotsiatsiya "Tsentr razvitiya GChP", 2016, 36 p. (in Russ.).

2. *Research "Public-Private Partnership in Russia in 2016–2017: current state and trends, ranking of the regions",* Assotsiatsiya "Tsentr razvitiya GChP", Moscow, "Tsentr razvitiya GChP", 2016, 32 p. (in Russ.).

3. Cherevikov E. L. Developing innovative sphere in Ukraine: from public-private partnership to innovative partnership, *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, 2014, No. 3 (68), pp. 65–75 (in Russ.).

4. Aksenova I. A., Sachek A. N. Attracting investments into dwelling-communal sector of the Republic of Belarus regions with the mechanism of public-private partnership, *Vestnik ekonomicheskoi integratsii*, 2013, No. 10, pp. 47–54 (in Russ.).

5. Andreeva E. S. Foreign experience of forming the mechanisms of public-private partnership and possibilities of implementing it in Russia, *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom: sb. nauch. tr. vuzov Rossii*, No. 28, Ivanovo, 2010, pp. 153–158 (in Russ.).

6. Zhukova N. S. Foreign and Russian experience of state regulation of infrastructure innovative development based on public-private partnership, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*, 2011, No. 3, pp. 26–30 (in Russ.).

7. Kamyshanchenko E. N., Maslennikova M. A. Features of using the mechanism of public-private partnership for creating and renovating the infrastructure abroad and in Russia, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol. 18, No. 7–1 (102), pp. 55–63 (in Russ.).

8. Kolesnikova I. V. Experience of implementing public-private partnership in the European countries, *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teoriya, metodologiya i praktika*, Moscow, IE RAN, 2011, pp. 205–208 (in Russ.).

9. Ieskomb E. R. *Public-private partnership: key principles of financing*, Moscow, Al'pina Pablisher, 2015, 457 p. (in Russ.).

10. Leyden D. P., Link A. N. *Public Sector Entrepreneurship: U.S. Technology and Innovation Policy*, Oxford University Press, 2015, 250 p.

11. Delmon J. *Public-Private Partnership Programs: Creating a Framework for Private Sector Investment in Infrastructure*, Kluwer Law International, 2013, 299 p.

12. Yescombe E. R. *Principles of Project Finance*, 2nd ed., New York, NY, Academic Press, 2013, 560 p.

13. Shakhovskaya L. S., Morozova I. A., Peskova O. S., Gushchina Yu. I. The development of socially-important markets in Russia on the basic of public-private partnership mechanisms and cluster approach, *International Business Management*, 2015, vol. 9, No. 5, pp. 835–839.

14. Varnavskii V. G. Public-private partnership in the Russian industry, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2015, No. 5, pp. 41–54 (in Russ.).

15. Shapiro N. A., Kaplina Yu. E. Territorial aspect in managing innovations and agreement on public-private partnership, *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2016, No. 11 (93), p. 3 (in Russ.).

16. Andreeva A. V., Geng V. A. Regional experience of implementing the public-private partnership in economy (by the example of Tver region), *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*, 2017, No. 1–1, pp. 89–94 (in Russ.).

17. Public-Private Partnership in infrastructure resource center, *World Bank Group,* available at: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/node/335/ (access date: 10.04.2018).

18. 7 keys to success, *The National Council for Public-Private Partnership, Washington,* available at: https://www.ncppp.org/ppp-basics/7-keys/ (access date: 08.04.2018).

19. PPP Talk, *Public-Private Partnership Center Republic of the Philippines,* available at: https://ppp.gov.ph/wp-content/uploads/2018/03/PPPC_rep_pppTalk-2ndSem2017.pdf (access date: 08.04.2018).

20. *Conception of long-term social-economic development of the Russian Federation up to 2020,* available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ 28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (access date: 10.04.2018) (in Russ.).

21. Sultanova D. Sh. *Theory and methodology of activating innovations in oil processing based on developing the competitive environment,* doctoral (Economics) thesis, Kazan, 2009, 386 p.

22. Zvorygina A. A. Human capital as a factor of efficiency of the Russian companies, *Vektor ekonomiki*, 2018, No. 4.

23. Mingazova L. M. Estimating the development of a regional real estate market based on panel analysis, *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2013, No. 6 (54), p. 25.

24. *Strategy of sustainable development of sectors, complexes and regions of Russia*, ed. N. A. Adamov, Moscow, Professor, 2016, 222 p. (in Russ.).

25. Chimgrad, *Investitsionnyi portal Respubliki Tatarstan*, available at: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=106 (access date: 10.12.2017) (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

26. Sultanova D. Sh. et al. *Strategy (program of development) of the cluster of polymer goods producers of the Republic of Tatarstan for 2017–2019,* Kazan, 2017, 53 p. (in Russ.).

27. "Alabuga" Special Economic Zone, *Investitsionnyi portal Respubliki Tatarstan,* available at: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=105 (access date: 10.12.2017) (in Russ.).

28. Industry Park "Kamskiye Polyany" Ltd., *Investitsionnyi portal Respubliki Tatarstan,* available at: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=128 (access date: 10.12.2017) (in Russ.).

29. "Master" Kama Industry Park pen Corporation, *Investitsionnyi portal Respubliki Tatarstan,* available at: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=127 (access date: 10.12.2017) (in Russ.).

30. Business-incubator of Chistopol, *Investitsionnyi portal Respubliki Tatarstan,* available at: http://invest.tatar.ru/investarea/investment_area.php?ID=125 (access date: 10.12.2017) (in Russ.).

31. *How to invest in Tatarstan (reference book),* ed. Sh. R. Ageev, Kazan, Idel-Press, 2011, 240 p. (in Russ.).

32. Fomin N. Yu., Dyrdonova A. N., Zinurova R. I. Forming the territorial-industrial clusters as an effective mechanism of the regional economy development, *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, vol. 17, No. 12, pp. 384–387 (in Russ.).

33. Dyrdonova A. N. Effects of forming and developing the territorial petrochemical cluster of the Republic of Tatarstan, *Nauchnoe obozrenie*, 2017, No. 14, pp. 94–96 (in Russ.).

34. *Regions of Russia. Social-economic indicators. 2016*: Collection of statistics, Moscow, Rosstat, 2016, 1326 p. (in Russ.).

Приложение / Appendix

Данные для построения модели зависимости рейтинга региона по уровню развития ГЧП (*Y*) относительно факторов ($X_1 - X_7$)*

Data for building a model of dependence between ranking of a region by the level of PPP development (*Y*) and factors ($X_1 - X_7$)*

Рейтинг региона / Ranking of the region	Регион / Region	Показатели / Indicators							
		Y, %	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7
1	г. Москва / Moscow	60,2	2,6	7067	0	131 403	1,8	64 310	64,6
2	г. Санкт-Петербург /Saint Petersburg	59,9	1,4	2967	706	100 081	2,1	44 187	70,2
3	Самарская область / Samara region	59,6	53,6	1758	1 054	93 087	3,4	26 849	73,3
4	Новосибирская область / Novosibirsk region	57,4	177,8	1441	3 356	56 836	6,9	28 046	67,6
5	Нижегородская область / Nizhniy Novgorod region	53,6	76,6	1764	421	70 117	4,3	26 481	68,8
6	Свердловская область / Sverdlovsk region	49,7	194,3	2293	1 793	80 957	6,5	30 691	68,9
7	Ленинградская область / Leningrad region	48,4	83,9	966	706	112 364	5,1	33 996	64,1
8	Московская область / Moscow region	47,9	44,3	3938	59	88 018	3,3	40 643	69,2
9	Ульяновская область / Ulyanovsk region	44,6	37,2	650	889	71 503	4,9	22 846	60,7
10	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	43,0	67,8	2062	812	159 813	4	29 147	73,1
11	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	41,2	142,9	2017	1 345	77 788	6,1	25 928	76,7
12	Тамбовская область / Tambov region	40,4	34,5	526	464	115 929	4,6	21 725	77,7
13	Удмуртская Республика / Udmurt Republic	40	42,1	821	1 203	52 950	5	24 694	69,1
14	Республика Саха / Republic of Sakha	39,6	3 083,5	501	8 370	208 663	7,3	54 631	62,5
15	Владимирская область / Vladimir region	39,3	29,1	760	202	57 427	5,6	23 877	67
16	Республика Бурятия / Buryat Republic	37,2	351,3	458	5 628	37 017	9,2	28 386	68,8
17	Рязанская область / Ryazan region	37,0	39,6	538	196	47 720	4,7	25 482	75
18	Калужская область / Kaluga region	34,2	29,8	535	183	91 580	4,3	29 939	65,2
19	Волгоградская область / Volgograd region	33,9	112,9	1308	969	75 771	7,2	24 361	62,6
20	Воронежская область / Voronezh region	33,4	52,2	1162	515	113 030	4,5	24 906	74,6
21	Хабаровский край / Khabarovsk krai	33,4	787,6	728	8 417	81 562	5,3	38 041	58,8
22	Астраханская область / Astrakhan region	32,8	49	529	1 392	109 379	7,5	25 499	61,6
23	Вологодская область / Vologda region	31,7	144,5	611	469	70 950	6,8	27 445	66,3
24	Тульская область / Tula region	31,6	25,7	803	183	69 924	4,1	27 555	64,4
25	Ямало-НенецкийАО / Yamal-Nenets Autonomous District	31,6	769,3	316	2 317	1 446 221	3,6	77 272	58,3
26	Пермский край / Perm krai	31,5	160,2	1305	1 442	82 327	6,3	28 528	69,8
27	Оренбургская область / Orenburg region	30,7	123,7	1012	1 469	84 482	4,8	24 591	65,6
28	Ханты-МансийскийАО / Khanty-Mansi Autonomous District	30,6	534,8	918	2 601	559 413	4,4	60 068	70,2
29	Красноярский край / Krasnoyarsk krai	30,2	2 366,8	1501	4 141	137 779	6,2	36 071	69,2
30	Костромская область / Kostroma region	29,8	60,2	325	344	40 169	5,3	21 796	64,1

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Окончание приложение / The end of Appendix

31	Челябинская область / Chelyabinsk region	29,4	88,5	1857	1 776	60 815	7	29 642	67,9
32	Белгородская область / Belgorod region	29,2	27,1	806	663	94 501	4,1	25 456	73,5
33	Саратовская область / Saratov region	28,2	101,2	1257	846	55 750	4,7	22 528	67,8
34	Ростовская область / Rostov region	27,7	101	2132	954	68 655	6,1	25 008	70,8
35	Архангельская область / Arkhangelsk region	26,7	413,1	588	990	44 337	6,8	35 592	64,4
36	Чувашская Республика / Chuvash Republic	26,6	18,3	671	687	44 143	5	21 369	70,4
37	Республика Коми / Komi Republic	26	416,8	477	1 288	203 454	7	41 365	64
38	Калининградская область / Kaliningrad region	25,9	15,1	530	1 284	64 035	5,7	28 262	57,7
39	Амурская область / Amur region	25,3	361,9	412	5 360	128 612	5,8	32 902	61,6
40	Липецкая область / Lipetsk region	24,8	24	595	463	100 759	4,1	24 524	71,8
41	Мурманская область / Murmansk region	24,4	144,9	455	1 870	132 209	7,8	45 989	53,9
42	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	22,4	26,1	446	571	64 781	4,2	22 029	70,4
43	Ставропольский край / Stavropol krai	22,1	66,2	1377	1 408	44 589	5,6	23 245	74
44	Ярославская область / Yaroslavl region	21,2	36,2	688	274	54 299	5,3	26 748	61,6
45	Сахалинская область / Sakhalin region	21,1	87,1	280	6 643	516 674	6,3	61 311	64
46	Краснодарский край / Krasnodar krai	20,9	75,5	2702	1 345	105 754	6	26 767	71
47	Кабардино-Балкарская Республика / Republic of Kabardino-Balkaria	20,8	12,5	427	1 426	36 387	10,1	20 866	60,8
48	Псковская область / Pskov region	20,1	55,4	335	561	40 933	6,9	21 553	59,7
49	Алтайский край / Altay krai	19,9	168	1180	2 697	38 582	8	20 090	68
50	Пензенская область / Penza region	19,9	43,4	702	555	65 600	4,7	23 192	57,9
51	Камчатский край / Kamchatka krai	19,4	464,3	189	1 123	81 940	4,5	57 404	58,7
52	Кемеровская область / Kemerovo region	17,4	95,7	1376	3 611	59 552	7,7	28 253	60,3
53	Тюменская область / Tyumen region	17,3	160,1	701	1 885	166 954	6,2	35 869	67,9
54	Смоленская область / Smolensk region	16,8	49,8	530	397	62 280	6,2	23 470	61,6
55	Ивановская область / Ivanovo region	16,4	21,4	548	344	24 822	5,6	21 161	62,7
56	Томская область / Tomsk region	15,9	314,4	526	2 675	99 027	7,7	34 041	70,2
57	Орловская область / Orel region	15,7	24,7	385	1 321	68 600	6,2	21 772	70,8
58	Кировская область / Kirov region	15,3	120,4	679	957	43 328	5,3	22 118	70,2
59	Омская область / Omsk region	14,7	141,1	1050	2 736	49 085	6,8	27 234	73,4
60	Новгородская область / Novgorod region	14,6	54,5	326	434	118 615	4,6	26 346	62,3
61	Иркутская область / Irkutsk region	14,1	774,8	1259	5 196	87 743	8,2	32 704	71,4
62	Республика Карелия / Republic of Karelia	13,8	180,5	327	1 225	51 288	8,8	30 704	51,2
63	Забайкальский край / Zabaikalskiy krai	12,5	431,9	536	6 644	67 617	10,4	30 931	58,9
64	Еврейская АО / Jewish Autonomous Region	12,1	36,3	85	5 982	77 595	7,9	30 896	58,2
65	Брянская область / Bryansk region	12,1	34,9	624	384	50 224	4,6	21 679	62,9
66	Республика Алтай / Republic of Altay	12	92,9	100	4 226	51 387	9,7	22 903	70,9
67	Курганская область / Kurgan region	11,5	71,5	425	2 052	31 768	7,5	22 064	58
68	Республика Крым / Republic of Crimea	11,1	26,1	964	1 654	16 555	7,2	22 440	48,6
69	Республика Дагестан / Republic of Dagestan	10,8	50,3	1301	1 928	76 944	10,8	19 239	67,8
70	Республика Тыва / Republic of Tyva	10,3	168,6	125	1 138	40 433	18,6	28 322	63,5
71	Курская область / Kursk region	10,1	30	571	525	62 911	4,2	23 921	68,9
72	Республика Марий Эл / Republic of Mari El	9,6	23,4	359	646	56 654	5,3	21 947	75,1
73	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	9	74,7	145	1 478	57 513	10,7	20 109	56,2
74	Приморский край / Primorskiy krai	9	164,7	1057	9 194	60 103	6,9	33 807	66
75	Тверская область / Tver region	8,3	84,2	704	263	56 639	5,6	24 804	59,4
76	Ненецкий АО / Nenets Autonomous District	8	176,8	23	2 317	2 595 335	7,9	71 230	49
77	Республика Хакасия / Khakass Republic	7,8	61,6	262	4 471	54 184	5,8	29 935	61,7
78	Магаданская область / Magadan region	6	462,5	93	1 0306	389 849	4,3	65 996	53,8
79	Севастополь / Sevastopol	5,7	0,9	199	1 478	12 465	8,3	21 848	47,7
80	Республика Ингушетия / Ingush Republic	5	3,6	223	1 772	38 423	30,5	21 481	66
81	Республика Адыгея / Adyghe Republic	4,5	7,8	202	1 346	34 525	8,8	22 087	81,2
82	Чеченская Республика / Chechen Republic	2,1	15,6	618	1 852	44 411	17,1	22 304	59,6
83	Карачаево-Черкесская Республика / Karachai-Cherkess Republic	1,8	14,3	217	1 550	32 671	15,1	20 511	71,1
84	Чукотский автономный округ / Chukchi Autonomous District	1,8	721,5	32	5 803	167 694	4	79 531	56,1
85	Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alaniya	0	8	329	1 747	37 035	9,3	21 267	60

* *Источник:* составлено авторами на основе [34].

* *Source:* compiled by the authors based on [34].

Дата поступления / Received 13.04.2018
Дата принятия в печать / Accepted 22.08.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Андреева Е. С., Дырдонова А. Н., Фомин Н. Ю., 2018
© Andreeva E. S., Dyrdonova A. N., Fomin N. Yu., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 330.1:519.8:621.39:004(470+571)
JEL C02, C53, D43, D5, L96

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.468-480

И. А. БИРЮКОВА[1]
М. И. ГЕРАСЬКИН[1]

[1] *Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет), г. Самара, Россия*

АНАЛИЗ РЕФЛЕКСИВНОЙ ИГРЫ АГЕНТОВ НА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОМ РЫНКЕ ДЛЯ СЛУЧАЯ ДВУХ РЕФЛЕКСИРУЮЩИХ АГЕНТОВ

Бирюкова Инна Андреевна, студент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет)
Адрес: 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34, тел.: +7 (846) 267-44-96
E-mail: Tatisamara-75@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1505-7344
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-4423-2017

Контактное лицо:
Гераськин Михаил Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов в экономике Института экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет)
Адрес: 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34, тел.: +7 (846) 267-44-96
E-mail: innovation@ssau.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-0381-5830
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/F-9518-2016

Цель: рефлексивный анализ возможных структур распределения рынка олигополии.
Методы: теория игр, экономико-математическое моделирование.
Результаты: в игре трех олигополистов проанализированы возможные варианты равновесий на произвольных рангах стратегической рефлексии двух рефлексирующих агентов; моделирование информационных равновесий телекоммуникационного рынка РФ показало возможные стратегии улучшения рыночных позиций агентов.
Научная новизна: рассмотрено равновесие на рынке олигополии с тремя агентами, два из которых рефлексируют, а третий действует в соответствии с их представлениями. Получено решение всех имеющихся вариантов равновесий на произвольных рангах рефлексии при линейных функциях спроса и издержек. Проведено моделирование информационных равновесий телекоммуникационного рынка Российской Федерации.
Практическая значимость: полученные информационные равновесия могут использоваться при сопоставлении со структурой рынка телекоммуникаций России для определения типа рефлексивного поведения компаний.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; рефлексивная игра; олигополия; равновесие Курно – Штакельберга; телекоммуникационный рынок

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Бирюкова И. А., Гераськин М. И. Анализ рефлексивной игры агентов на телекоммуникационном рынке для случая двух рефлексирующих агентов // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 468–480. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.468-480

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

I. A. BIRYUKOVA[1]
M. I. GERAS'KIN[1]
[1]*Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University), Samara, Russia*

ANALYSIS OF REFLECTIVE GAME OF AGENTS IN TELECOMMUNICATIONS MARKET FOR A CASE OF TWO REFLECTIVE AGENTS

Inna A. Biryukova, student, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University)
Address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, tel.: +7 (846) 267-44-96
E-mail: Tatisamara-75@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1505-7344
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-4423-2017

Contact:
Mikhail I. Geras'kin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Mathematical Methods in Economics of the Institute of Economics and Management, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev (Samara University)
Address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, tel.: +7 (846) 267-44-96
E-mail: innovation@ssau.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-0381-5830
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/F-9518-2016

Objective: comparative analysis of reflexive and non-reflexive strategies of market agents' behavior in accordance with Stackelberg equilibrium.
Methods: game theory, economic and mathematical modeling.
Results: modeling of information equilibria of the Russian telecommunications market is carried out. In the game of three oligopolists on arbitrary ranks of strategic reflection of two of them, the possible variants of equilibria are analyzed; the solution of all available variants of equilibria on arbitrary ranks of reflection at linear functions of demand and expenses is received. Modeling of information equilibria of the Russian telecommunications market showed possible strategies to improve the agents' market positions.
Scientific novelty: the equilibrium in the market of oligopoly with three agents is considered, two of which reflect, and the third acts in accordance with their ideas. The reflexive behavior of the oligopoly market agents leads to a significant shift in the market equilibrium in comparison with non-reflexive behavior, while the strategy of the non-reflexive agent is ineffective in all cases, since its market share decreases with an increase in the reflection rank.
Practical significance: the obtained informational equilibria can be used for comparison with the structure of the Russian telecommunications market to determine the type of the companies' reflexive behavior.

Keywords: Economics and national economy management; Reflexive game; Oligopoly; Cournot-Stackelberg equilibrium; Telecommunications market

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Biryukova I. A., Geras'kin M. I. Analysis of reflective game of agents in telecommunications market for a case of two reflective agents, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 468–480 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.468-480

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Введение

В современной экономике олигополия является достаточно широко распространенной рыночной структурой, поскольку по мере укрупнения компаний они занимают все большие рыночные ниши [1, с. 683]. Рынки олигополистического типа обладают характерной чертой, которая состоит в предложении унифицированного товара настолько малым числом продавцов, что изменение объемов предложений каждого из агентов существенно влияет на показатели рынка в целом [2, с. 17].

Телекоммуникационная отрасль России в основном включает в себя три компании мобильной связи и Интернета – ПАО «Мегафон»[1], ПАО «МТС»[2] и ПАО «ВымпелКом»[3], обслуживающих совместно 84 % абонентов, обеспечивающих 69 % трафика и 73 % передачи интернет-данных. Все перечисленные компании (далее – агенты) предлагают идентичную услугу для потребителя во всех регионах страны, что позволяет отнести отрасль к рынку олигополии [3, с. 600].

Оптимизация стратегий олигополистов базируется на методах теории игр, в частности, оптимальным состоянием рынка является равновесие Нэша [4, с. 287], при котором все агенты максимизируют свои функции полезности. Рынок телекоммуникаций является наиболее релевантным приложением игровых моделей, поскольку, будучи относительно недавно сформировавшейся олигополией, характеризуется динамичным поведением агентов [5, с. 710].

Особые возможности исследования поведения агентов рынка олигополии [6, с. 590] открывает анализ рефлексии [7, с. 333]. Систематическое описание рефлексии началось в 60-е гг. XX в. (школа В. А. Лефевра) [8, с. 136]. Рефлексивные игры – это разновидность игровых моделей поведения, в которых игроки (агенты) принимают решения на основе выдвижения гипотез о поведении окружения (других агентов) [9, с. 5]. В пределах данного исследования вектор внимания будет направлен на стратегическую рефлексию [10, с. 298] на примере нескольких контрагентов, которая подразумевает под собой результат мыслительного процесса агентов о том, какое действие выбирает окружение [11, с. 107]. Ранг рефлексии агента определяется как глубина прогнозируемых им действий окружения [12, с. 197]. Информационное равновесие [13, с. 251] определяется как решение системы уравнений оптимальных действий всех агентов при условии выдвинутых ими рефлексивных предположений [14, с. 19].

Глубоко исследованы равновесия Курно [15, с. 134] в случае симметричного положения агентов [16, с. 683]. Модели олигополии с лидерством по Штакельбергу [17, с. 150] исследованы в аспекте несимметричного поведения агентов рынка [18, с. 250].

Моделирование рефлексии агентов осуществляется путем введения вектора предположительных вариаций, компоненты которого равны предполагаемым приращениям действий окружения вследствие единичного прироста действия агента [19, с. 973]. В случае нерефлексивного (симметричного) поведения агентов их предположительные вариации равны нулю, поэтому информационное равновесие в игре есть равновесие Курно – Нэша. В случае рефлексивного (асимметричного) поведения возникает равновесие Штакельберга, при котором появляются агенты-лидеры (L) и агенты-ведомые (F) (leader (англ.) – лидер, follower (англ.) – ведомый, последователь) [20, с. 398]. На практике лидер – это агент, адекватно прогнозирующий действия окружения [21, с. 558], ведомый – это нерефлексирующий агент, не выдвигающий прогнозов действия окружения [22, с. 284].

Ранее [23, с. 6] было подробно рассмотрено равновесие на олигополистическом рынке с тремя агентами, где один агент рефлексирует (достоверно предсказывает), а два других действуют в соответствии с его представлениями [24, с. 263]. Однако в данном исследовании рассматривается более сложная ситуация с учетом особенностей рефлексии нескольких агентов, где два агента будут выступать в качестве рефлексирующих и достоверно предсказывающих действия окружения. В результате данного анализа необходимо получить информационное равновесие [25, с. 20] для произвольного ранга рефлексии при линейных [26, с. 128] функциях спроса и издержек.

Равновесия на рынках телекоммуникаций исследовались для трехагентных рыночных структур Индоне-

[1] Официальный сайт ПАО «Мегафон». URL: http://megafon.ru (дата обращения: 29.06.2018).

[2] Официальный сайт ПАО «МТС». URL: https://mts.ru (дата обращения: 29.06.2018).

[3] Официальный сайт ПАО «ВымпелКом». URL: https://beeline.ru (дата обращения: 29.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

зии [27], Испании [28], Польши [29], США [30], Чехии [31], Южной Кореи [32], Японии [33], Чили [34], Великобритании [35]. На нерегулируемых рынках США, Индонезии, Японии и регулируемом рынке Великобритании тенденция к повышению концентрации сопровождалась понижением цены и, следовательно, прибыльности агентов, что позволяет предположить увеличение глубины их рефлексии. Статистическое моделирование рынков Польши и Чехии показало, что при определенных типах поведения покупателей один или два из трех агентов доминируют. На рынках Испании, Чили, Южной Кореи отмечено наличие асимметричной олигополии с лидером, что также приводит к понижению прибыли всех агентов.

Методология

Рассматривается модель рынка олигополии в случае линейной обратной функции спроса и линейных функций издержек агентов. Модель выбора действий агентов выражается в максимизации их функций полезности (прибыли) и имеет следующий вид:

$$Q^* = \underset{Q_i \geq 0}{ar\max} \Pi_i(Q, Q_i) = \underset{Q_i \geq 0}{ar\max} \left\{ (a + bQ_i)Q_i - \right.$$

$$\left. - d - cQ_i \right\}, i \in N, N = \left\{1, ..., n\right\}, \quad (1)$$

где Π_i, Q_i – прибыль и объем предложения i-го агента соответственно; a, b – постоянные обратной функции спроса на рынке; c, d – постоянные функций издержек агентов; N – множество агентов, n – число агентов на рынке.

Информационное равновесие агентов определяется из системы оптимальных реакций в модели выбора (1) при данных предположительных вариациях:

$$\frac{\partial \Pi_i}{\partial Q_i} = a + bQ + bQ_i\left(1 + \sum_{j=1, j \neq i}^{N} \frac{\partial Q_j}{\partial Q_i}\right) - c = 0, i \in N, \quad (2)$$

где Q'_{iQ_j} – предполагаемая вариация объема предложения j-го агента в случае единичного приращения предложения i-го агента, являющаяся функцией рефлексивного предположения i-го агента.

Рынок телекоммуникаций в России и за рубежом [27–35] образован взаимодействием трех компаний, поэтому проведем анализ рефлексивных представлений при $n = 3$. При различных представлениях возникают соответствующие игры, случай которых обозначим символом t.

Поскольку модели выбора действий агентами (1) инвариантны относительно функций издержек агентов, агенты различаются только типами их представлений о стратегиях окружения, поэтому рефлексивный анализ проводится для произвольного порядка агентов.

Зафиксируем некоторого i-го агента (пусть $i = 1$) как метаагента, относительно которого в дальнейшем будем исследовать представления другого j-го рефлексирующего агента (пусть $j = 2$) и третьего, нерефлексирующего.

Пусть *рефлексирующие агенты не информированы о том, что третий агент не рефлексирует*.

Представления каждого агента могут быть следующие:

– представление об F-стратегии означает, что η-й ($\eta = 1, 2, 3$) агент считает окружение ведомыми агентами на первом ранге рефлексии ($r = 1$) и что окружение воспринимает его как ведомого при $r = 2$, и т. д. на последующих рангах рефлексии;

– представление об L-стратегии означает, что η-й агент считает окружение лидерами по Штакельбергу при $r = 1$, окружение воспринимает его как лидера при $r = 2$, и т. д. на последующих рангах рефлексии.

Рассмотрим все возможные случаи сочетаний представлений двух рефлексирующих агентов о стратегиях окружения (рис. 1).

Во-первых, случай совпадения представлений i-го и j-го агентов (обозначенный $t = 1$) характеризует рефлексивную ситуацию, когда оба рефлексирующих агента имеют одинаковые представления о стратегиях окружения. Возможны два варианта этого случая (обозначенные двойным индексом t_τ): вариант $t_\tau = t_2$, оба рефлексирующих агента имеют представления об F-стратегии окружения; вариант $t_\tau = 1_2$, при котором оба рефлексирующих агента имеют представления об L-стратегии окружения.

Во-вторых, случай противоположных представлений i-го и j-го агентов (обозначенный $t = 2$) характеризует рефлексивную ситуацию, когда оба рефлексирующих агента имеют одинаковые, но противоположные друг другу представления о стратегиях окружения. Варианты этого случая не рассматриваются, так как порядок агентов не влияет на равновесие.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

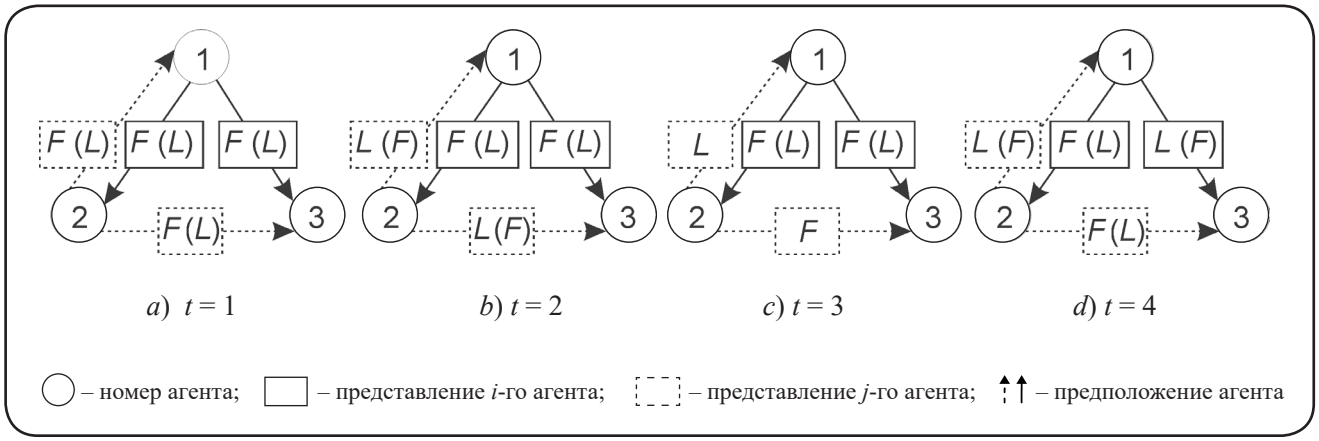


Рис. 1. Схема вариантов представлений агентов

* *Источник:* составлено авторами.

Fig. 1. Scheme of agent' representations

* *Source:* compiled by the authors.

В-третьих, рассматривается случай комбинации неодинаковых представлений одного (например, *j*-го) из рефлексирующих агентов (обозначенный $t = 3$). Возможны два варианта этого случая: вариант $t_\tau = 3_1$, при котором первый рефлексирующий агент имеет представление об *F*-стратегии окружения, в то время как второй агент имеет представление об *L*-стратегии первого агента и об *F*-стратегии третьего агента; вариант $t_\tau = 3_2$, при котором первый рефлексирующий агент имеет представление об *L*-стратегии окружения, в то время как второй агент имеет представление об *L*-стратегии первого агента и об *F*-стратегии третьего агента.

В-четвертых, случай сочетания противоположных представлений *i*-го и *j*-го агентов о стратегиях окружения, который так же, как $t = 2$, не имеет вариантов.

Поставим задачу анализа всех возможных рефлексивных представлений двух агентов из трех, на основе которых найдем векторы предположительных вариаций в каждом случае, что позволит получить решения набора игр с полной информированностью.

Результаты исследования

Поскольку в исследовании рассматриваются рефлексивные представления двух (из трех) агентов (*i*-го и *j*-го), то *предположительные вариации в уравнении реакции (2), соответствующем* η*-му* ($\eta \neq i, j$) *агенту, во всех случаях равны нулю.*

Предположительные вариации в уравнениях реакций (2), соответствующих *i*-му и *j*-му агентам, находятся отдельно для каждого из них путем анализа системы двух уравнений реакций агентов окружения следующего вида, записанного, например, для *i*-го агента на *r*-м ранге рефлексии:

$$f_k = a + bQ + bQ_k\left(1 + \gamma^{ki}_{t(r-1)} + \gamma^{k\eta}_{t(r-1)}\right) - c = 0,$$
$$k \in N \setminus i, \eta \neq i, j, \qquad (3)$$

где $\gamma^{ki}_{t(r-1)} = \left.\frac{\partial Q_i}{\partial Q_k}\right|_{t(r-1)}, \gamma^{k\eta}_{t(r-1)} = \left.\frac{\partial Q_\eta}{\partial Q_k}\right|_{t(r-1)}$ –

предположительные вариации агентов окружения *i*-го агента на (*r* - 1)-м ранге рефлексии. Здесь для предположительной вариации выпуска *i*-го агента, представляемой *k*-м агентом, введено обозначение γ^{ki}_{tr}, в подстрочном индексе первым символом *t* обозначен рассматриваемый случай рефлексии, $t = 1, 2, 3, 4$, вторым символом *r* обозначен ранг рефлексии. В дальнейшем после анализа конкретных представлений рефлексирующих *i*-го и *j*-го агентов в надстрочном индексе вместо индексов агентов будет указываться тип представления агента об окружении (*F, L*), т. е. обозначение будет $\gamma^{F(L)}_{tr}$.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Например, для нахождения предположительных вариаций в реакции первого агента ($i = 1$) при варианте $t_\tau = 1_1$ на втором ранге рефлексии ($r = 2$) система (3) имеет вид:

$$\begin{aligned} f_2 &= a + bQ + bQ_2(1 + \gamma_{1_1 1}^{21} + \gamma_{1_1 1}^{23}) - c = 0, \\ f_3 &= a + bQ + bQ_3(1 + \gamma_{1_1 1}^{31} + \gamma_{1_1 1}^{32}) - c = 0. \end{aligned} \quad (4a)$$

Поскольку в этом варианте оба рефлексирующих агента представляют *F*-стратегии окружения, то с учетом обозначения $\gamma_{tr}^{F(L)}$ эту систему можно записать в виде:

$$\begin{aligned} f_2 &= a + bQ + bQ_2(1 + 2\gamma_{1\,1}^{F}) - c = 0, \\ f_3 &= a + bQ + bQ_3(1 + 2\gamma_{11}^{F}) - c = 0. \end{aligned} \quad (4b)$$

На основе системы (3) предположительные вариации для уравнения (2) *i*-го агента вычисляются по методике Крамера для определения производных неявно заданных функций, зависящих от нескольких независимых переменных из решения следующей системы:

$$\sum_{l=1}^{n-1} \frac{\partial f_k}{\partial Q_l} \frac{\partial Q_l}{\partial Q_i} + \frac{\partial f_k}{\partial Q_i} = 0, k \in N \setminus i. \quad (5)$$

Например, для системы (4*b*) система (5) имеет вид:

$$\begin{aligned} (1 + 2\gamma_{1_1 1}^{F})\gamma_{1_1 2}^{12} + \gamma_{1_1 2}^{13} + 1 = 0, \\ \gamma_{1_1 2}^{12} + (1 + 2\gamma_{1_1 1}^{F})\gamma_{1_1 2}^{13} + 1 = 0 \end{aligned} \quad (5a)$$

и позволяет найти предположительные вариации первого агента $\gamma_{1_1 2}^{12} = \gamma_{1_1 2}^{13} = \gamma_{12}^{F} = -\dfrac{1}{3 + 2\gamma_{11}^{F}}$.

Найдем предположительные вариации реакции *i*-го агента ($i = 2$), при варианте $t = 3$, на примере второго ранга рефлексии ($r = 2$).

В таком случае система (4) примет вид:

$$\begin{aligned} f_1 &= a + bQ + bQ_1(1 + 2\gamma_{2_1 2}^{F}) - c = 0, \\ f_3 &= a + bQ + bQ_3(1 + 2\gamma_{2_1 1}^{F}) - c = 0. \end{aligned} \quad (6)$$

Проведя рассуждения, аналогичные варианту $t_\tau = 1_1$, получим систему двух линейных уравнений:

$$\begin{aligned} (1 + 2\gamma_{2_1 1}^{F})\gamma_{3_1 2}^{21} + \gamma_{3_1 2}^{23} + 1 = 0, \\ \gamma_{3_1 2}^{21} + (1 + 2\gamma_{2_1 1}^{F})\gamma_{3_1 2}^{23} + 1 = 0, \end{aligned} \quad (7)$$

позволяющую найти неизвестные предположительные вариации второго агента:

$$\gamma_{3_1 2}^{21} = \gamma_{32}^{L} = -\frac{1 + 2\gamma_{22}^{F}}{3 + 4\gamma_{22}^{F} + 4\gamma_{21}^{F} + 4\gamma_{22}^{F}}, \gamma_{3_1 2}^{23} = \gamma_{32}^{F} =$$

$$= -\frac{1 + 2\gamma_{21}^{F}}{3 + 4\gamma_{22}^{F} + 4\gamma_{21}^{F} + 4\gamma_{22}^{F}},$$

$$\gamma_{32}^{FL} = \gamma_{3_1 2}^{21} + \gamma_{3_1 2}^{23} = -\frac{2(1 + \gamma_{21}^{F} + \gamma_{22}^{F})}{3 + 4\gamma_{22}^{F} + 4\gamma_{21}^{F} + 4\gamma_{22}^{F}}.$$

Аналогично рассуждая, найдем предположительные вариации для уравнений реакций каждого из рефлексирующих агентов (*i*-го и *j*-го) для всех вариантов рефлексии $t = 1, 2, 3, 4$ на первых трех рангах рефлексии (табл. 1).

Обобщив полученные выражения для произвольного ранга, по индукции составим формулы предположительных вариаций в общем виде:

$$\begin{aligned} \gamma_{tr}^{F}\Big|_{r \geq 1} &= -\frac{1}{3 + 2\gamma_{t(r-1)}^{F}}, \gamma_{t0}^{F} = 0, \\ \gamma_{tr}^{L}\Big|_{r \geq 1} &= -\frac{1}{3 + 2\gamma_{tr}^{F}}, t = 1, 2, 3, \end{aligned} \quad (8)$$

$$\gamma_{3r}^{FL} = -\frac{2(1 + \gamma_{2(r-1)}^{F} + \gamma_{2r}^{F})}{3 + 4\gamma_{2r}^{F} + 4\gamma_{2(r-1)}^{F} + (1 + \gamma_{2r}^{F})}, r > 1, t = 3, \quad (9)$$

Подставим полученные формулы предположительных вариаций для каждой игры $G_t(r)$ в условия равновесия (3), в результате чего получим систему уравнений для случаев $t = 1, 2, 3, 4$ в следующем общем виде:

$$a + bQ + bQ_i(1 + \gamma_{\Sigma ti}) - cQ_i = 0, i \in N, \quad (10)$$

где $\gamma_{\Sigma ti}$ определяется согласно данным табл. 2 для каждого *i*-го уравнения этой системы в *t*-м случае.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 1

Методика расчета предположительных вариаций*

Table 1. Methodology of calculating the hypothetical variations*

Случай (*i*)	Стратегия (*F, L*)	Ранг (*r*)						
		1		2		3		
		Вид системы (4)	$\gamma_{ir}^{F(L)}$	Вид системы (4)	$\gamma_{ir}^{F(L)}$	Вид системы (4)	$\gamma_{ir}^{F(L)}$
1	*FF*	$a+bQ+bQ_k(1+0)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{11}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{11}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{12}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{12}^F}$
	LL	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{11}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{11}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{12}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{12}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{13}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{13}^F}$
2	*FF*	$a+bQ+bQ_k(1+0)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{21}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{21}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{22}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{22}^F}$
	LL	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{21}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{21}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{22}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{22}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{23}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{23}^F}$
3	*FF*	$a+bQ+bQ_k(1+0)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{31}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{31}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{32}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{32}^F}$
	LL	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{31}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{31}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{32}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{32}^F}$	$a+bQ+bQ_k(1+2\gamma_{33}^F)-c=0, k\in N\setminus i$	$-\frac{1}{3+2\gamma_{33}^F}$
	FL *F*	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{21}^F)-c=0$ $a+bQ+bQ3(1+0)-c=0$	$\frac{1}{-3-4\gamma_{21}^F}$	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{22}^F)-c=0$ $a+bQ+bQ3(1+2\gamma_{21}^F)-c=0$	$\frac{-1-2\gamma_{21}^F}{3+4\gamma_{22}^F+4\gamma_{21}^F(1+\gamma_{22}^F)}$	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{23}^F)-c=0$ $a+bQ+bQ3(1+2\gamma_{22}^F)-c=0$	$\frac{-1-2\gamma_{22}^F}{3+4\gamma_{23}^F+4\gamma_{22}^F(1+\gamma_{23}^F)}$
	L		$\frac{1+2\gamma_{21}^F}{3+4\gamma_{21}^F}$		$\frac{-1-2\gamma_{22}^F}{3+4\gamma_{22}^F+4\gamma_{21}^F(1+\gamma_{22}^F)}$		$\frac{-1-2\gamma_{23}^F}{3+4\gamma_{23}^F+4\gamma_{22}^F(1+\gamma_{23}^F)}$
4	*FL* *F*	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{21}^F)-c=$ $a+bQ+bQ3(1+0)-c=0$	$\frac{1}{-3-4\gamma_{21}^F}$	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{22}^F)-c=0$ $a+bQ+bQ3(1+2\gamma_{21}^F)-c=0$	$\frac{-1-2\gamma_{21}^F}{3+4\gamma_{22}^F+4\gamma_{21}^F(1+\gamma_{22}^F)}$	$a+bQ+bQ1(1+2\gamma_{23}^F)-c=0$ $a+bQ+bQ3(1+2\gamma_{22}^F)-c=0$	$\frac{-1-2\gamma_{22}^F}{3+4\gamma_{23}^F+4\gamma_{22}^F(1+\gamma_{23}^F)}$
	L		$\frac{1+2\gamma_{21}^F}{3+4\gamma_{21}^F}$		$\frac{-1-2\gamma_{22}^F}{3+4\gamma_{22}^F+4\gamma_{21}^F(1+\gamma_{22}^F)}$		$\frac{-1-2\gamma_{23}^F}{3+4\gamma_{23}^F+4\gamma_{22}^F(1+\gamma_{23}^F)}$

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 2

Значения параметра $\gamma_{\sum ti}$ *

Table 2. Value of parameter $\gamma_{\sum ti}$ *

i	t_r					
	1_1	1_2	2	3_1	3_2	4
1	$2\gamma_r^F$	$2\gamma_r^L$	$2\gamma_r^F$	$2\gamma_r^F$	$2\gamma_r^L$	$2\gamma_r^E$
2	$2\gamma_r^F$	$2\gamma_r^L$	$2\gamma_r^L$	$2\gamma_r^E$	$2\gamma_r^E$	$2\gamma_r^E$
3	0	0	0	0	0	0

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Общее решение системы (10), полученное методом Крамера, имеет вид:

$$Q_1 = -\frac{(a-c)(1+\gamma_{\Sigma t2})(1+\gamma_{\sum t3})}{\Delta},$$

$$Q_2 = -\frac{(a-c)(1+\gamma_{\sum t1})(1+\gamma_{\Sigma t3})}{\Delta},$$

$$Q_3 = -\frac{(a-c)(1+\gamma_{\sum t1})(1+\gamma_{\sum t2})}{\Delta},$$

где главный определитель системы (10) вычисляется по формуле:

$$\Delta = b\left(4 + 3\gamma_{\Sigma t3} + \gamma_{\Sigma t2}\left(3 + 2\gamma_{\Sigma t3}\right) + \right.$$
$$\left. + \gamma_{\Sigma t1}\left(3 + 2\gamma_{\Sigma t3} + \gamma_{\Sigma t2}\left(2 + \gamma_{\Sigma t3}\right)\right)\right). \quad (11)$$

Моделирование информационных равновесий проведем для телекоммуникационного рынка России. На основе объемов голосового трафика операторов ПАО «МегаФон», ПАО «МТС» и ПАО «ВымпелКом»[4] и средневзвешенных цен за период 2007–2017 гг. с помощью встроенной функции градиентного метода минимизации процессора Excel получены следующие значения коэффициентов функции спроса:

$$a = 1{,}85\ ,\ b = -0{,}001. \quad (12)$$

Коэффициент детерминации при (12) равен 0,94, критерий Фишера составил 12,5 при критическом значении 2,4 для уровня значимости 0,05. Аналогичным методом получены значения параметров функций издержек агентов (табл. 3), имеющие достаточно высокие статистические оценки. Отклонения коэффициентов c_i, d_i от их средних значений $\overline{c}$, $\overline{d}$, приведенные в табл. 3, не превышают 20 %, поэтому при дальнейшем моделировании будем использовать средние значения:

$$c = 0{,}43\ ,\ d = 69{,}8. \quad (13)$$

Таблица 3

Статистические оценки параметров функций издержек агентов*

Table 3. Statistical estimations of parameters of the functions of agents' costs*

Агенты / Agents	c_i	d_i	c	d	R^2	$\frac{\lvert c_i \rvert - \overline{c}}{\overline{c}}$	$\frac{\lvert d_i \rvert - \overline{d}}{\overline{d}}$	F-критерий / F-criterion
МТС / MTS	0,4061	63,4420	0,4076	71,1153	0,9453	-0,0037	-0,1079	
«Мегафон» / "Megafon"	0,3922	58,5930			0,9307	-0,0378	-0,1761	
«ВымпелКом» / "VympelKom"	0,4245	91,3110			0,8251	0,0415	0,2840	

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

На рис. 2 отображены значения трафиков агентов для случаев $t = 1, 2, 3, 4$ в зависимости от ранга рефлексии, рассчитанные как решение системы (12) с коэффициентами, приведенными в табл. 2.

На рис. 3 показан суммарный трафик агентов телекоммуникационного рынка для случаев $t = 1, 2, 3$ и зависимость равновесной цены рынка в зависимости от ранга рефлексии.

Обсуждение результатов

При $t = 1_1$ и $t = 1_2$ агент 1 и агент 2 выдвигают идентичные представления о стратегии окружения и независимо от ранга рефлексии в равновесии имеют равные доли рынка, однако на одном и том же ранге при $t = 1_2$ объемы предложения рефлексирующих агентов больше, чем при $t = 1_1$, (соответствуют объемам предложения на предыдущем ранге при $t = 1_1$) за счет сокращения доли рынка нерефлексирующего агента. Поэтому для рефлексирующих агентов случай $t = 1_2$ является более эффективным.

В случае $t = 2$ рассматривается несимметричное представление агентов об окружении, при котором первый рефлексирующий агент имеет представление о F-стратегии окружения, а второй агент имеет представление о L-стратегии окружения. Стратегия второго агента является более эффективной, доставляя ему больший объем рынка, не только по сравнению со стратегией первого агента при $t = 2$, но по сравнению с действиями обоих рефлексирую-

[4] URL: http://megafon.ru/; https://mts.ru; https:// beeline.ru/

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

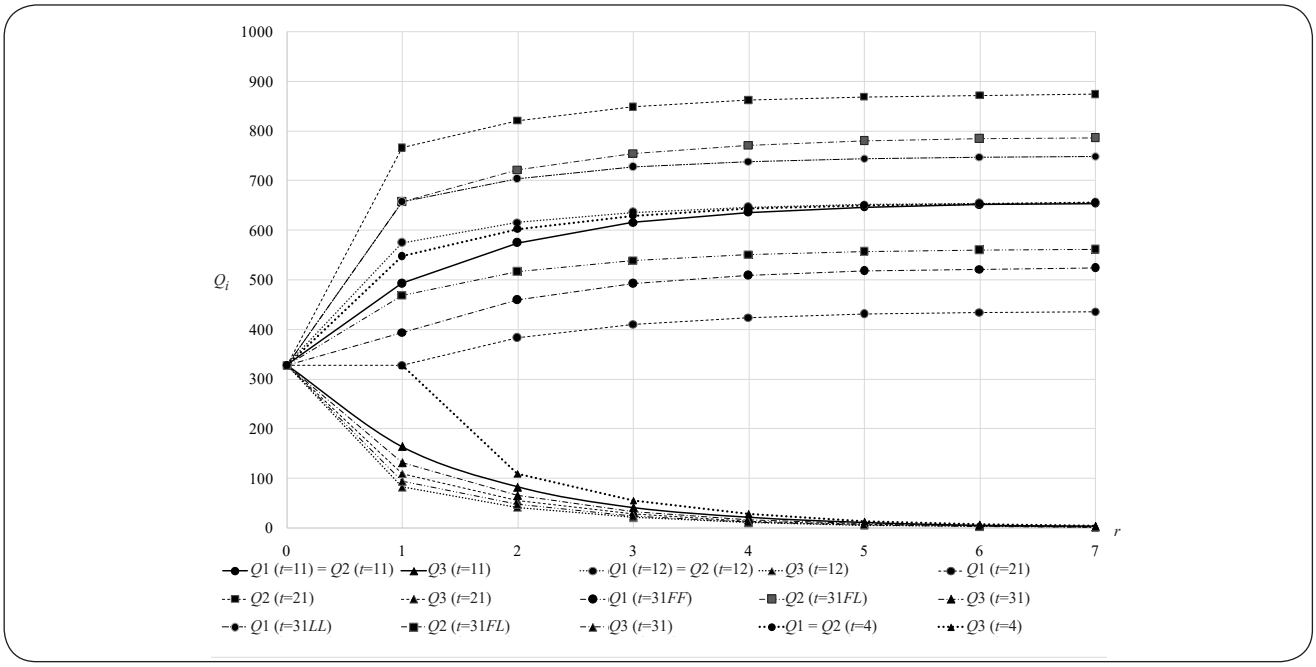


Рис. 2. Зависимость трафиков агентов рынка от ранга рефлексии при различных значениях *t
Fig. 2. Dependence of the traffics of market agents on the ranking of reflection at various values of t*

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

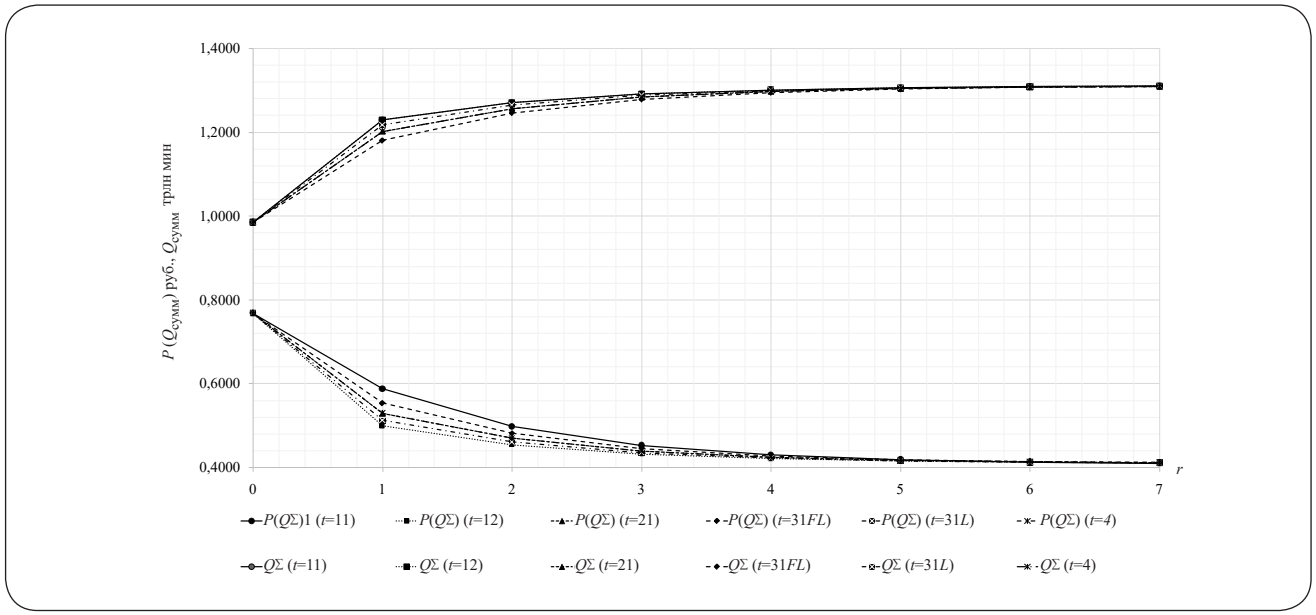


Рис. 3. Суммарное значение трафиков агентов рынка и зависимость равновесной цены рынка от ранга рефлексии при различных значениях *t**
Fig. 3. Total value of the traffics of market agents and dependence of the market equilibrium price on the reflection ranking at various values of t*

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

щих агентов при $t = 1_2$. Следовательно, если один из агентов (назовем его μ-й) информирован о том, что какой-то другой имеет представление об *F*-стратегии окружения, то лучшим вариантом для μ-го агента будет представление об *L*-стратегии окружения; если же окажется, что на самом деле другой имеет представление об *L*-стратегии окружения, то это ухудшит выигрыш μ-го агента, что анализируется в случае $t = 3$.

При $t = 3$ рассматривается несимметричное представление агентов об окружении: первый агент имеет представление о *FF*-стратегии (подслучай $t = 3_1$) или *LL*-стратегии (подслучай $t = 3_2$) окружения, а второй рефлексирующий агент предполагает, что его окружение придерживается *FL*-стратегии. При $t = 3_1$ агент, придерживающийся стратегии *FL*, имеет наибольший объем рынка по сравнению с $t = 1$, $t = 2$. Поэтому если некоторый μ-й агент информирован о том, что его контрагент имеет представление о *FF*-стратегии окружения, то наилучшим вариантом для μ-го агента будет представление о *FL*-стратегии окружения. Если при этом контрагент также выдвинет представление о *FL*-стратегии, то это уменьшит долю μ-го агента, что анализируется в случае $t = 4$. При $t = 3_2$ агент, имеющий представление о *LL*-стратегии окружения, получает наибольший объем рынка, однако меньше, чем *FL*-агент при $t = 3_1$. Значит, если некоторый μ-й агент информирован о том, что его контрагент имеет представление о *FL*-стратегии окружения, то наилучшим вариантом для μ-го агента будет представлять *LL*-стратегию окружения; в случае если контрагент также представляет *LL*-стратегию окружения, это приведет к случаю $t = 1_2$, когда доли обоих рефлексирующих агентов одинаковы.

При $t = 4$ рефлексирующие агенты симметричны, но выдвигают несимметричные представления о стратегиях окружения типа *FL*, что приводит к их меньшим рыночным долям по сравнению с симметричным представлением *LL* в случае $t = 32$ и несимметричным представлением FL в случае $t = 31$. Следовательно, вариант *LL*-представления μ-го агента является эффективной контригрой к *FL*-представлению его окружения, а вариант *FL*-представления – неэффективной.

Стратегия нерефлексирующего агента во всех случаях неэффективна, поскольку с увеличением ранга рефлексии его доля на рынке сокращается.

Анализ зависимости выпусков агентов (рис. 2) и совокупного объема рынка (рис. 3) от ранга рефлексии показывает, что с увеличением ранга рефлексии объемы выпуска агентов во всех исследуемых случаях стабилизируются, асимптотически приближаясь к некоторым аттракторам, что говорит о неэффективности углубления рефлексии. Другими словами, повышение ранга рефлексии агентов или глубины прогнозирования поведения контрагентов (т. е. мнение о стратегии контрагента, мнение о мнении контрагента и т. д.) не приводит к существенному увеличению их объемов продаж.

Наиболее резкое увеличение суммарного объема рынка наблюдается в случае $t = 1_2$ в отличие от случая $t = 1_1$, где объемы выпуска увеличиваются менее динамично, что отрицательно сказывается на эффективности углубления рефлексии из-за медленного приближения трафиков агентов к суммарному значению на рынке.

Анализ изменения равновесной цены в зависимости от ранга рефлексии при различных значениях *t* (рис. 3 показывает тенденцию к снижению цены с увеличением ранга рефлексии. Наиболее резкое снижение цены наблюдается в случае $t = 1_2$, наиболее медленно цена снижается в случае $t = 1_1$, следовательно, *FF*-представления агентов максимально целесообразны с точки зрения их общих интересов поддержания более высокой цены. На практике это означает, что нерефлексивное поведение *всех* компаний на рынке обеспечивает наиболее высокую среднеотраслевую (среднюю по операторам связи) цену услуги мобильной связи, что, очевидно, приводит к максимальной прибыли каждого оператора. Но если один из операторов рефлексирует (случай $t = 2$), то его объем продаж, а следовательно, и прибыль резко возрастают за счет проигрыша других агентов.

Выводы

Исследование показало, что рефлексивное поведение агентов рынка олигополии приводит к существенному смещению рыночного равновесия по сравнению с нерефлексивным поведением.

Расчеты показали, что реальный телекоммуникационный рынок РФ в 2017 г. качественно, т. е. по соотношению рыночных долей (табл. 4), близок к равновесию для двух расчетных случаев: судя по доле рынка агента «МТС», это случай $t = 3_1$, т. е. «МТС» считает окружение ведомыми, а судя по доле рынка агента «Мегафон» – случай $t = 2$, т. е. «Мегафон» считает окружение лидерами.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 4

Сравнительный анализ распределения рынка при *r* = 1, млрд мин.*

Table 1. Comparative analysis of market distribution at r = 1, bln minutes*

Агент / Agent	Фактическое распределение в 2016 г. / Actual distribution in 2016	*t* = 1		*t* = 2		*t* = 3		*t* = 4
		$t = 1_1$	$t = 1_2$			$t = 3_1$	$t = 3_2$	
		FF	*LL*	*FF*	*LL*	*FF, FL*	*LL, FL*	*FL*
МТС / MTS	390	493	575	328	766	**394**	657	547
«Мегафон» / “Megafon”	328	493	575	766	**328**	657	469	547
«ВымпелКом» / “VympelKom”	243	164	82	109	109	131	94	109

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Если бы агент «МТС» был информирован о представлениях агента «Мегафон», то его представление об окружении изменилось бы на *LL*, поэтому в соответствии со случаем $t = 1_2$ его рыночная доля, как и доля агента «Мегафон», возросла до 575 млрд мин. Если бы агент «Мегафон» был информирован о представлениях агента «МТС», то его представление об окружении изменилось бы на *FL*, что в соответствии со случаем $t = 3_1$ дало бы ему рыночную долю 657 млрд мин., а доля агента «Мегафон» осталась бы на прежнем уровне 394 млрд мин. Поэтому *LL*-стратегия «борьба за лидерство» по Штакельбергу [17] с позиций двух рефлексирующих агентов является доминирующей при кооперативном поведении, однако это равновесие неустойчиво, так как при *FL*-стратегии агент «Мегафон» может резко нарастить свой выигрыш.

Список литературы

1. Улезлова Л. В. Характеристика и особенности олигополии в телекоммуникационной отрасли // Ученые заметки ТОГУ: Электронное научное издание. 2015. Т. 6, № 4. С. 682–685.

2. Гераськин М. И. Проблемы определения рефлексивных равновесий на рынке олигополии // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 1 (147). С. 17–25.

3. Mas-Collel A., Whinston M., Green J. Microeconomic Theory. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1995. 618 p.

4. Nash J. Non-cooperative Games // Annals of Mathematics. 1951. Vol. 54. Pp. 286–295.

5. Naimzada A. K., Sbragia L. Oligopoly games with nonlinear demand and cost functions: Two boundedly rational adjustment processes // Chaos, Solitons and Fractals. 2006. Vol. 29 (3). Pp. 707–722. DOI: 10.1016/j.chaos.2005.08.103

6. Gilpatric S. M., Li Y. Information value under demand uncertainty and endogenous market leadership // Economic Inquiry. 2015. Vol. 53 (1). Pp. 589–603. DOI: 10.1111/ecin.12119

7. Geraskin M. I., Chkhartishvili A. G. Structural modeling of oligopoly market under the nonlinear functions of demand and agents’ costs // Automation and Remote Control. 2017. Vol. 78, Is. 2. Pp. 332–348. DOI: 10.1134/s0005117917020114

8. Лефевр В. А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.

9. Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Рефлексия и управление: математические модели. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2013. 412 с.

10. Новиков Д. А. Стратегическая рефлексия в биматричных играх // Региональная экономика в информационном измерении: модели, оценки, прогнозы: сборник науч. трудов / под ред. Е. Ю. Иванова, Р. М. Нижегородцева. М.: Бизнес-Юнитек, 2003. С. 296–307.

11. Гераськин М. И., Чхартишвили А. Г. Теоретико-игровые модели рынка олигополии с нелинейными функциями издержек агентов // Автоматика и телемеханика. 2017. № 9. С. 106–130.

12. Currarini S., Marini M. A. Sequential play and cartel stability in Cournot oligopoly // Applied Mathematical Sciences. 2013. Vol. 7 (1–4). Pp. 197–200. DOI: 10.12988/ams.2013.13017

13. Cavalli F., Naimzada A., Tramontana F. Nonlinear dynamics and global analysis of a heterogeneous Cournot duopoly with a local monopolistic approach versus a gradient rule with endogenous reactivity // Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation. 2015. Vol. 23 (1–3). Pp. 245–262. DOI: 10.1016/j.cnsns.2014.11.013

14. Askar S., Alnowibet K. Nonlinear oligopolistic game with isoelastic demand function: Rationality and local monopolistic approximation // Chaos, Solitons and Fractals. 2016. Vol. 84. Pp. 15–22. DOI: 10.1016/j.chaos.2015.12.019

15. Cournot A. A. Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth. London: Hafner, 1960 (Original 1838).

16. Karmarkar U. S., Rajaram K. Aggregate production planning for process industries under oligopolistic competition // European Journal of Operational Research. 2012. Vol. 223 (3). Pp. 680–689. DOI: 10.1016/j.ejor.2012.07.007

17. Stackelberg H. Market Structure and Equilibrium. 1st edition. Translation into English, Bazin, Urch & Hill, Springer, 2011 (Original 1934).

18. Ino H., Matsumura T. Welfare-Improving Effect of a Small Number of Followers in a Stackelberg Model // B. E. Journal of Theoretical Economics. 2016. Vol. 16 (1). Pp. 243–265. DOI: 10.1515/bejte-2015-0045

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

19. Colacicco R. Ten years of general oligopolistic equilibrium: A survey // Journal of Economic Surveys. 2015. Vol. 29 (5). Pp. 965–992. DOI: 10.1111/joes.12084

20. Sherali H. D. Multiple leader Stackelberg model and analysis // Operations Research. 1984. Vol. 32 (2). Pp. 390–404.

21. Naimzada A., Tramontana F. Two different routes to complex dynamics in an heterogeneous triopoly game // Journal of Difference Equations and Applications. 2015. Vol. 21 (7). Pp. 553–563. DOI: 10.1080/10236198.2015.1040403

22. Ledvina A., Sircar R. Oligopoly games under asymmetric costs and an application to energy production // Mathematics and Financial Economics. 2012. Vol. 6 (4). Pp. 261–293. DOI: 10.1007/s11579-012-0076-3

23. Бирюкова И. А., Гераськин М. И. Структурный анализ рынка олигополии на основе модели рефлексивной игры на примере телекоммуникационного рынка России // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 4. С. 66–81. DOI: 10.21202/1993-047x.11.2017.4.66-81

24. Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Mathematical Models of Informational and Strategic Reflexion: a Survey // Advances in Systems Science and Applications. 2014. Vol. 3. Pp. 254–277.

25. Chkhartishvili A. G., Korepanov V. O. Adding Informational Beliefs to the Players Strategic Thinking Model // IFAC-PapersOnLine. 2016. Vol. 49 (32). Pp. 19–23. DOI: 10.1016/j.ifacol.2016.12.183

26. Vasin A. Game-theoretic study of electricity market mechanisms // Procedia Computer Science. 2014. Vol. 31. Pp. 124–132. DOI: 10.1016/j.procs.2014.05.252

27. Wulansari N. E., Rismayani R., Pramudiana Y. Study on structure and performance of telecommunication services industry in Indonesia // CTTE (Conference of Telecommunication, Media and Internet Techno-Economics), Proceedings. 2015. DOI: 10.1109/ctte.2015.7347229

28. Hurkens S., López Á. L. The welfare effects of mobile termination rate regulation in asymmetric oligopolies: The case of Spain // Telecommunications Policy. 2012. № 36 (5). Pp. 369–381. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.008

29. Sznajd-Weron K., Weron R., Włoszczowska M. Outflow dynamics in modeling oligopoly markets: The case of the mobile telecommunications market in Poland // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. 2008. № 11. P. 11018.

30. Hausman J. A., Taylor W. E. Telecommunication in the US: From Regulation to Competition (Almost) // Review of Industrial Organization. 2013. № 42 (2). Pp. 203–230. DOI: 10.1007/s11151-012-9366-4

31. Grünwald O. Model of customer buying behavior in the CZ mobile telecommunication market // Acta Polytechnica. 2012. № 52 (5). Pp. 42–50.

32. Chu-Hwan P. Analysis of competitive situations among Korean mobile carriers using elasticity estimation // Far East Journal of Electronics and Communications. 2016. № 16 (3). Pp. 703–728. DOI: 10.17654/ec016030703

33. Ida T. Beyond mobile number portability: Measuring consumer preferences for service portability in Japan's mobile phone market // Applied Economics. 2012. № 44 (26). Pp. 3357–3369. DOI: 10.1080/00036846.2011.577011

34. Agostini C. A., Willington M., Lazcano R., Saavedra E. Predation and network based price discrimination in Chile // Telecommunications Policy. 2017. № 41 (9). Pp. 781–791. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.04.006

35. Wagner D., Alexander I. Competitiveness in the UK energy and telecommunication markets // Competition and Regulation in Network Industries. 2014. № 15 (3). Pp. 284–300. DOI: 10.1177/178359171401500304

References

1. Ulezlova L. V. Characteristics and features of oligopoly in telecommunication industry, *Uchenye zametki TOGU: Elektronnoe nauchnoe izdanie*, 2015, Vol. 6, No. 4, pp. 682–685 (in Russ.).

2. Geras'kin M. I. Problems of distribution of reflective equilibriums in oligopoly market, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, No. 1 (147), pp. 17–25 (in Russ.).

3. Mas-Collel A., Whinston M., Green J. *Microeconomic Theory*, N. Y., Oxford Univ. Press, 1995, 618 p.

4. Nash J. Non-cooperative Games, *Annals of Mathematics*, 1951, Vol. 54, pp. 286–295.

5. Naimzada A. K., Sbragia L. Oligopoly games with nonlinear demand and cost functions: Two boundedly rational adjustment processes, *Chaos, Solitons and Fractals*, 2006, Vol. 29 (3), pp. 707–722. DOI: 10.1016/j.chaos.2005.08.103

6. Gilpatric S. M., Li Y. Information value under demand uncertainty and endogenous market leadership, *Economic Inquiry*, 2015, Vol. 53 (1), pp. 589–603. DOI: 10.1111/ecin.12119

7. Geraskin M. I., Chkhartishvili A. G. Structural modeling of oligopoly market under the nonlinear functions of demand and agents' costs, *Automation and Remote Control*, 2017, Vol. 78, Is. 2, pp. 332–348. DOI: 10.1134/s0005117917020114

8. Lefevr V. A. *Reflection*, Moscow, Kogito-Tsentr, 2003, 496 p. (in Russ.).

9. Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. *Reflection and management: mathematical models*, Moscow, Izd-vo fiziko-matematicheskoi literatury, 2013, 412 p. (in Russ.).

10. Novikov D. A. Strategicheskaya refleksiya v bimatrichnykh igrakh, Regional economy in informational dimension: models, estimates, forecasts. Collection of scientific works, ed. E. Yu. Ivanov, R. M. Nizhegorodtsev, Moscow, Biznes-Yunitek, 2003, pp. 296–307 (in Russ.).

11. Geras'kin M. I., Chkhartishvili A. G. Theoretical-game models of oligopoly markets with nonlinear functions of agents' costs, *Avtomatika i telemekhanika*, 2017, No. 9, pp. 106–130 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

12. Currarini S., Marini M. A. Sequential play and cartel stability in Cournot oligopoly, *Applied Mathematical Sciences*, 2013, Vol. 7 (1–4), pp. 197–200. DOI: 10.12988/ams.2013.13017

13. Cavalli F., Naimzada A., Tramontana F. Nonlinear dynamics and global analysis of a heterogeneous Cournot duopoly with a local monopolistic approach versus a gradient rule with endogenous reactivity, *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*, 2015, Vol. 23 (1–3), pp. 245–262. DOI: 10.1016/j.cnsns.2014.11.013

14. Askar S., Alnowibet K. Nonlinear oligopolistic game with isoelastic demand function: Rationality and local monopolistic approximation, *Chaos, Solitons and Fractals*, 2016, Vol. 84, pp. 15–22. DOI: 10.1016/j.chaos.2015.12.019

15. Cournot A. A. *Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth*. London: Hafner, 1960 (Original 1838).

16. Karmarkar U. S., Rajaram K. Aggregate production planning for process industries under oligopolistic competition, *European Journal of Operational Research*, 2012, Vol. 223 (3), pp. 680–689. DOI: 10.1016/j.ejor.2012.07.007

17. Stackelberg H. *Market Structure and Equilibrium*, 1st ed, translation into English, Bazin, Urch & Hill, Springer, 2011 (Original 1934).

18. Ino H., Matsumura T. Welfare-Improving Effect of a Small Number of Followers in a Stackelberg Model, *B. E. Journal of Theoretical Economics*, 2016, Vol. 16 (1), pp. 243–265. DOI: 10.1515/bejte-2015-0045

19. Colacicco R. Ten years of general oligopolistic equilibrium: A survey, *Journal of Economic Surveys*, 2015, Vol. 29 (5), pp. 965–992. DOI: 10.1111/joes.12084

20. Sherali H. D. Multiple leader Stackelberg model and analysis, *Operations Research*, 1984, Vol. 32 (2), pp. 390–404.

21. Naimzada A., Tramontana F. Two different routes to complex dynamics in an heterogeneous triopoly game, *Journal of Difference Equations and Applications*, 2015, Vol. 21 (7), pp. 553–563. DOI: 10.1080/10236198.2015.1040403

22. Ledvina A., Sigar R. Oligopoly games under asymmetric costs and an application to energy production, *Mathematics and Financial Economics*, 2012, Vol. 6 (4), pp. 261–293. DOI: 10.1007/s11579-012-0076-3

23. Biryukova I. A., Geras'kin M. I. Structural analysis of oligopoly market based on the reflective game model by the example of telecommunication market in Russia, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2017. T. 11, № 4. S. 66–81. DOI: 10.21202/1993-047x.11.2017.4.66-81 (in Russ.).

24. Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Mathematical Models of Informational and Strategic Reflexion: a Survey, *Advances in Systems Science and Applications*, 2014, Vol. 3, pp. 254–277.

25. Chkhartishvili A. G., Korepanov V. O. Adding Informational Beliefs to the Players Strategic Thinking Model, *IFAC-PapersOnLine*, 2016, Vol. 49 (32), pp. 19–23. DOI: 10.1016/j.ifacol.2016.12.183

26. Vasin A. Game-theoretic study of electricity market mechanisms, *Procedia Computer Science*, 2014, Vol. 31, pp. 124–132. DOI: 10.1016/j.procs.2014.05.252

27. Wulansari N. E., Rismayani R., Pramudiana Y. Study on structure and performance of telecommunication services industry in Indonesia, *CTTE (Conference of Telecommunication, Media and Internet Techno-Economics), Proceedings*, 2015. DOI: 10.1109/ctte.2015.7347229

28. Hurkens S., López Á. L. The welfare effects of mobile termination rate regulation in asymmetric oligopolies: The case of Spain, *Telecommunications Policy*, 2012, No. 36 (5), pp. 369–381. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.008

29. Sznajd-Weron K., Weron R., Włoszczowska M. Outflow dynamics in modeling oligopoly markets: The case of the mobile telecommunications market in Poland, *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*, 2008, No. 11, p. 11018.

30. Hausman J. A., Taylor W. E. Telecommunication in the US: From Regulation to Competition (Almost), *Review of Industrial Organization*, 2013, No. 42 (2), pp. 203–230. DOI: 10.1007/s11151-012-9366-4

31. Grünwald O. Model of customer buying behavior in the CZ mobile telecommunication market, *Acta Polytechnica*, 2012, No. 52 (5), pp. 42–50.

32. Chu-Hwan P. Analysis of competitive situations among Korean mobile carriers using elasticity estimation, *Far East Journal of Electronics and Communications*, 2016, No. 16 (3), Pp. 703–728. DOI: 10.17654/ec016030703

33. Ida T. Beyond mobile number portability: Measuring consumer preferences for service portability in Japan's mobile phone market, *Applied Economics*, 2012, No. 44 (26), pp. 3357–3369. DOI: 10.1080/00036846.2011.577011

34. Agostini C. A., Willington M., Lazcano R., Saavedra E. Predation and network based price discrimination in Chile, *Telecommunications Policy*, 2017, No. 41 (9), pp. 781–791. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.04.006

35. Wagner D., Alexander I. Competitiveness in the UK energy and telecommunication markets, *Competition and Regulation in Network Industries*, 2014, No. 15 (3), pp. 284–300. DOI: 10.1177/178359171401500304

Дата поступления / Received 06.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 09.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Бирюкова И. А., Гераськин М. И., 2018
© Biryukova I. A., Geras'kin M. I., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 378(44):332.1(470)
JEL I20, I25, R11

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.481-501

Е. В. БОЛГОВА[1],
М. В. КУРНИКОВА[1]

[1]Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

ОПЫТ ФРАНЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Контактное лицо:
Болгова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет
Адрес: 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, тел.: +7 (846) 933-88-88
E-mail: elena_bolgova@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-0572-5014
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-9857-2018

Курникова Марина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет (г. Самара)
Адрес: 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, тел.: +7 (846) 933-88-88
E-mail: mvkurnikova@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9568-2774
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-4359-2018

Цель: обоснование направлений развития пространственной организации системы высшего образования в России на основе зарубежного опыта страны со схожими территориальными условиями, тенденциями и проблемами развития вузовской сети.
Методы: общенаучные методы познания – абстрактно-логический и теоретико-эмпирический, методы системного, сравнительного, структурного анализа.
Результаты: в условиях ориентации российской экономической политики на инновационно-прорывное развитие, высшее образование становится одним из ключевых факторов роста экономики регионов. В статье подчеркивается необходимость изменения подходов вузов к разработке образовательных программ, учитывающих тенденции и стратегии развития конкретного региона, то есть необходимость формирования так называемых региональных вузов. В результате анализа научных исследований, посвященных проблемам организации системы высшего образования, определено, что ключевым фактором территориального развития является его ассимиляция с экономической системой и бизнес-средой.
Установлено, что одним из механизмов решения проблемы российских вузов является применение зарубежного опыта пространственной организации высшего образования. Выявлены территориальные условия, предопределяющие схожие черты пространственной организации, тенденций и проблем развития системы высшего образования Франции и России. Определено, что ориентация высшего образования во Франции на интересы регионов определила ее высокий рейтинг в системе показателей качества высшего образования в мире. Обоснована высокая эффективность указанной модели для России. Обоснована рекомендация реализации принципа равномерности в пространственном размещении вузовской сети в экономике российских регионов.
Научная новизна: заключается в разработке теоретических и методологических положений пространственной организации системы высшего образования, базирующейся на опыте страны со схожими территориальными условиями, тенденциями и проблемами развития высшего образования, с вузовской сетью, способной обеспечивать стратегические приоритеты регионального роста.
Практическая значимость: рекомендации могут быть использованы в практике разработки целевых программ развития субъектов РФ, входящих в состав Приволжского федерального округа; в обосновании проектов кластерных

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

инициатив; в процессе разработки образовательной политики региона в сфере профессионального образования; при программировании развития профессионального образования с учетом особенностей субъектов РФ.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; экономическое пространство; регион; высшее образование; территориальное развитие

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Болгова Е. В., Курникова М. В. Опыт Франции в пространственной организации системы высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 481–501. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.481-501

E. V. BOLGOVA[1],
M. V. KURNIKOVA[1]
[1]Samara State University for Economics, Samara, Russia

EXPERIENCE OF FRANCE IN THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEM

Contact:
Elena V. Bolgova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Regional Economy and Management, Samara State University for Economics
Address: 141 Sovetskoy Armii Str., 443090 Samara, Russian Federation, tel.: +7 (846) 933-88-88
E-mail: elena_bolgova@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-0572-5014
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-9857-2018

Marina V. Kurnikova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Regional Economy and Management, Samara State University for Economics
Address: 141 Sovetskoy Armii Str., 443090 Samara, Russian Federation, tel.: +7 (846) 933-88-88
E-mail: mvkurnikova@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9568-2774
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-4359-2018

Objective: to substantiate the directions of development of the spatial organization of higher education in Russia on the basis of foreign experience of a country with similar territorial conditions, trends and problems of development of a university network.
Methods: general scientific methods of cognition – abstract-logical and theoretical-empirical methods, methods of systemic, comparative, and structural analysis.
Results: under the conditions of Russian economic policy orientation to innovative and breakthrough development, higher education becomes one of the key factors of regional economic growth. The article emphasizes the need to change the approaches of universities to the development of educational programs that take into account the trends and development strategies of a particular region, that is, the need for the formation of the so-called regional universities. As a result of the analysis of scientific researches devoted to the problems of organization of higher education system, it is determined that the key factor of territorial development is its assimilation with the economic system and business environment.
It is established that one of the mechanisms for solving the problems of the Russian universities is using the foreign experience of spatial organization of higher education. Territorial conditions determining similar features of the spatial organization, tendencies and problems of development of system of the higher education of France and Russia are revealed. It is determined that the orientation of higher education in France on the interests of the regions determined its high rating in the system of indicators of higher education quality in the world. The high efficiency of this model for Russia is justified. The recommendation to implement the principle of uniformity in the spatial distribution of a university network in the economy of the Russian regions is substantiated.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Scientific novelty: the developed theoretical and methodological provisions of the spatial organization of higher education, based on the experience of the country with similar territorial conditions, trends and problems of higher education, with a university network capable of providing strategic priorities for regional growth.
Practical significance: the recommendations can be used in designing the targeted development programs of the Russian Federation subjects within the Volga Federal district; in substantiating the projects of cluster initiatives; in developing the educational policy of the region in the field of vocational education; in programming the development of vocational education, taking into account the features of the Russian Federation subjects.

Key words: Economics and national economy management; economic space; region; higher education; territorial development

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Bolgova E. V., Kurnikova M. V. Experience of France in the territorial organization of higher education system, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 481–501 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.481-501

Введение

Прорывное научно-технологическое развитие, определенное как национальная цель в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года»[1], предполагает эффективную пространственную организацию ключевых сфер, отраслей и секторов экономики. В составе условий инновационно-прорывного развития высшее образование рассматривается базовым фактором и системой, пространственно интегрированной в экономику российских регионов и только в таком виде выступающей центром роста – «полюсом» – экономики российских регионов.

Ориентированность на вклад в территориальную экономику, на формирование у населения компетенций, позволяющих на уровне отдельного региона реализовать прорывной сценарий, диктует высшему образованию необходимость не просто подстраиваться под изменчивые условия рынка труда, но развиваться как локализованная система, пространственно организованная в соответствии с территориальными условиями и приоритетами региональных стратегий. Препятствием такого развития является практика управления, в рамках которой функционирование вузов, расположенных в регионе, рассматривается вне их вклада в экономику этого региона, в отрыве от выбранной стратегии социально-экономического развития, пространственных характеристик и особенностей размещенного в регионе производственного комплекса.

На национальном уровне этот разрыв создает проблему недостаточного вклада высшего образования в развитие экономики российских регионов по прорывному научно-технологическому сценарию. В управлении общественным сектором сферы услуг – приводит к сохранению неудовлетворительных содержательно-организационных характеристик вузовской сети.

В решении указанных проблем значимым является зарубежный опыт, сформированный в странах со схожими территориальными условиями, тенденциями и проблемами развития вузовской сети, систематизация которого позволяет предложить направления модернизации пространственной организации системы высшего образования в России.

Задачи, решаемые для достижения цели исследования, сводятся к необходимости:

– выявить территориальные условия, которые определили пространственную организацию системы высшего образования во Франции – стране со схожей

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://docs.cntd.ru/document/557309575 (дата обращения: 12.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

организационной моделью, тенденциями развития, проблемами эффективности вузовской сети;

– систематизировать опыт, оценить эффективность пространственной организации системы высшего образования Франции;

– обосновать рекомендации по использованию этого опыта в управлении развитием системы высшего образования в России.

Российская экономическая наука в связи с масштабными изменениями постсоветского периода достаточно глубоко исследовала проблему воздействия образования на социально-экономическое развитие и в рамках теории экономики знаний (knowledge-based economy) сформулировала ряд фундаментальных положений.

Крупнейший исследователь эффективности факторов производства, академик Российской академии наук (далее – РАН) Д. С. Львов в работах, посвященных экономике переходного периода, указывал на фундаментальность фактора образования. В составе механизма стабильного экономического роста он отмечал ведущую роль науки и образования в современном информатизированном мире, приоритетную роль наукоемких производств, а в качестве примера приводил США – страну, в которой затраты на развитие науки и образования уже в конце XX в. намного превышали инвестиции в производственный капитал [1, с. 53]. Академик РАН В. Л. Макаров, изучавший вопросы оптимальных траекторий экономического развития, полагал, что вне зависимости от дискуссионности мнения, является ли экономика знаний эрой, сменившей аграрную и индустриальную эпоху, или она представляет собой этап индустриального развития, знания переворачивают экономическую картину мира. В. Л. Макаров выделил три принципиальные особенности экономики знаний, которые предопределяют новые способы оценки вклада наукоемких отраслей в валовый внутренний продукт (далее – ВВП): дискретность знания (или полнота знания как продукта, невозможность его половинчатости), его доступность всем без исключения и информационный характер знания [2, с. 450–454]. В рамках системной парадигмы Г. Б. Клейнер определил роль знаний в факторах экономического развития и в структуре внутренних подсистем предприятия, переводя таким образом теоретические положения фундаментальной науки в практическую плоскость управления на микроуровне [3, с. 82–93]. Уточнил и дополнил практико-ориентированный фокус исследования Б. З. Мильнер, который определил организационно-управленческие условия повышения эффективности использования интеллектуальных ресурсов в экономике знаний, в процессе внедрения инноваций на уровне предприятий, организационные и проектные структуры управления знаниями [3, гл. 14, с. 262–279; гл. 23, с. 448–464]. Институциональную основу экономики знаний анализировал в своих работах академик РАН Е. В. Попов, который выделил и классифицировал институты экономики знаний в системе менеджмента предприятия в составе миссии, стратегии, целей производства новых знаний и управленческих функций планирования, организации, стимулирования, контроля их производства [4, с. 159].

Следует отметить, что бесспорная ценность работ российской академической школы заключается не только в полученных собственных результатах, но и в систематизации и обобщении исследований зарубежных авторов, классиков теории экономики знаний.

По существу, именно труды указанных ученых, а также работы Р. М. Нуреева [5, с. 6; 6, с. 24–25][2]

[2] Р. М. Нуреев в периодизации теории инноваций ссылками на работы Й. А. Шумпетера [7, 8] расширяет границы понимания природы инноваций. Он отмечает тот факт, что Й. Шумпетер не отождествлял предпринимателя с капиталистом, считал капиталиста персонификацией вложения капитала, а предпринимателя – человеком инициативы, внедряющим в производство новые комбинации уже имеющихся ресурсов, способным преодолевать многочисленные объективные и субъективные, технические и социальные препятствия. Отсылкой к работе С. Кузнеца [9] Р. М. Нуреев аргументирует приоритетность человеческого капитала в осуществлении инноваций, утверждает, что С. Кузнец расширил шумпетерианское понимание инноваций, показав, что они носят не только технологический, но и социальный характер. В качестве одного из препятствий инновационного развития Р. М. Нуреев называет отсутствие в России корреляции между уровнем образования и размером оплаты труда. Он пишет, что «…на Западе повышение образования способствует росту уровня оплаты труда. Характерно, что каждый уровень образования в США способствует повышению годового дохода домохозяйств, причем разрыв этот очень значителен. Американцы, не сумевшие окончить 9 классов 12-летней средней школы, получают в шесть раз меньше, чем те, кто защитил докторскую диссертацию в университете. Однако важен не только этот финальный разрыв, важны градации: тот, кто окончил среднюю школу, получает в два раза больше, чем не окончивший ее; получивший степень бакалавра – в два раза больше, чем тот, кто имеет аттестат о среднем образовании. Обращает на себя внимание то, что важно не только учиться в школе, но и сдать выпускные экзамены на аттестат зрелости, не только посещать университет, но и получить аттестат бакалавра, не только учиться в магистратуре, но и защитить магистерскую диссертацию». Здесь

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

и О. С. Сухарева [12, с. 302, 286][3] объяснили факторные механизмы влияния науки, знаний, образования на осуществление инновационного типа экономического развития, открыли научному сообществу, практикам, широкому кругу читателей труды зарубежных авторов, сформировавшие теорию knowledge-based economy.

Основываясь на положениях этой теории, А. Л. Гапоненко выполнил анализ сущности и структуры интеллектуального капитала – знаний, которые могут быть конвертированы в стоимость, обосновал методы оценки и предложил основные стратегии управления знаниями в организации. Важным в его работе представляется акцент на управление знаниями – процесс создания новых знаний, передачи, тиражирования, трансформации, использования. Не сами знания, а управление знаниями, по мнению этого автора, является решающим фактором социально-экономического развития в условиях новой экономики, когда компонент знаний присутствует в каждом продукте или услуге [13, с. 64].

Идея управления знаниями на макроуровне получила свое развитие в трудах В. А. Мау, полагавшего, что одного признания интеллектуального капитала важнейшим фактором экономического роста, приоритетом социально-экономической политики государства недостаточно для качественного скачка в развитии образования, и указавшего на необходимость глубоких преобразований этого сектора на принципах, соответствующих постиндустриальным вызовам. В числе принципов он выделил индивидуализацию и непрерывность образования, интернационализацию и конкуренцию вузов, новые технологии оказания образовательных услуг [14, с. 114].

На основе указанных принципов А. Е. Волков, Д. В. Ливанов, А. А. Фурсенко предложили магистральные направления развития высшего образования. В программной книге «Высшее образование: повестка 2008–2016» этими авторами была определена базовая стратегия, сформированная после нескольких лет дискуссий и сближения позиций экспертного сообщества по ключевым вопросам как «…одновременная структурная, институциональная и содержательная модернизация высшего образования… определяющая системный эффект развития» [15, с. 11]. Построенные этими специалистами организационно-экономические модели определили реализуемые в настоящее время пути модернизации российской высшей школы, нашли свое отражение в образовательной политике государства, в законодательных[4] и программных[5] документах.

Важному аспекту – проблемам взаимодействия университетов и бизнеса, партнерства государства, общества и вузов – посвятили свои работы С. И. Ашмарина и Н. Д. Гуськова. По мнению С. И. Ашмариной, «мировая статистика свидетельствует о том, что большинство новых продуктов сегодня рождается не в стенах крупных компаний, а в университетских стартапах и лабораториях… Подобный тренд развития экономики определяет новые требования к функционированию и развитию современного университета как производителя нового знания… На рынок должны выходить… кафедры, лаборатории и другие подразделения университетов, способные самостоятельно формулировать предложения…» [16, с. 30–31].

С этой позицией солидарны Н. Д. Гуськова и ее соавторы, которые утверждают необходимость парт-

отдельного упоминания заслуживают результаты мониторинга динамики индивидуальных доходов в связи с изменением образовательного статуса, полученные Р. И. Капелюшниковым, которые свидетельствуют, что обладатели вузовских дипломов в России получают относительный выигрыш в заработной плате (около 70 % для мужчин и свыше 90 % для женщин) по сравнению с обладателями общего образования. В межстрановых сравнениях этот показатель составляет 62–67 %; для мужчин «прибавка» за высшее образование варьируется от 33 % в Норвегии до 158 % в Венгрии, для женщин – от 27 % в Дании до 101 % в Ирландии и Южной Корее [10, с. 52–66; 11].

[3] О. С. Сухарев развивает инновационно-технологическое направление в эволюционной экономике. Анализируя понятийный аппарат инноваций и инновацию как процесс, он приходит к выводам, что: а) «…ключом к осуществлению институциональных прорывов, которые вряд ли возможны… без технологических прорывов… служит… накопленный тезаурус (знания + опыт)»; б) именно «повышение инновационной активности предприятий способствует росту значимости самого дорогого воспроизводимого ресурса – квалифицированных кадров».

[4] Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (в ред. от 21.07.2014 № 262-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.05.2018)

[5] Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ № 295 от 15.04.2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162182/ (дата обращения: 12.05.2018); Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 годы: Постановление Правительства РФ № 1642 от 26.01.2017 (в ред. от 26.04.2018). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=297062 (дата обращения: 12.05.2018)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

нерских отношений государства, вузов, независимых агентств, оценивающих качество образования. Считая образование фактором устойчивого развития [17, с. 146–147], эти исследователи систематизируют опыт Франции по эффективному распределению управленческих полномочий между структурами, причастными к управлению образованием. Они положительно оценивают роль независимых институтов контроля качества научно-исследовательской и педагогической работы университетов и приходят к выводу, что независимые агентства являются «универсальным инструментом, позволяющим интегрировать результаты оценки научно-исследовательских подразделений и программ подготовки специалистов для создания целостного представления о деятельности и стратегии вуза» [18, с. 146–147].

Проблемы взаимодействия вузов не ограничиваются отраслевыми связями, что актуализируют в своих работах исследователи вклада высшего образования в территориальное развитие. С. А. Беляков и Т. Л. Клячко в аннотации своей книги «Оценка вклада высшего и среднего профессионального образования в экономику российских регионов» указывают на ложность представления относительно «перепроизводства» в России высшего образования, которое не подтверждается анализом имеющихся статистических данных. Более того, экономическое развитие многих субъектов Российской Федерации требует, по мнению этих ученых, увеличения числа работников с высшим образованием» [19, с. 2]. С помощью модели «по Струмилину» эти авторы оценили потенциальный вклад высшего образования в экономическое развитие субъектов РФ и пришли к выводу, что размер этого вклада не оставался постоянным. Начиная с 2011 г. вклад высшего образования в региональное развитие снижался «в связи с сокращением численности выпускников вузов и темпов роста средней заработной платы работников с высшим образованием, а точнее – уменьшения дифференциации оплаты труда в зависимости от образовательного уровня» [19, с. 29].

И. А. Рождественская и В. Л. Тамбовцев утверждают, что методами эконометрического анализа доказана не только статистическая значимость, но и сравнимость с другими факторами размерности вклада образования в душевой уровень валовый внутренний продукт (далее – ВВП) и производительность труда, включая региональный уровень этих показателей. Анализируя взаимодействие власти, бизнеса и образовательных организаций в региональной экономике, они приходят к выводу, что система профессионального образования может работать полноценно, если усилиями региональной власти обеспечен высокий уровень экономической свободы, а запрос к системе образования формируется с участием бизнеса [20, с. 133, 135].

Следует отметить, что на причинно-следственную связь функционирования системы высшего образования и территориального развития указывали не только исследователи проблем образования, но и авторы, сформировавшие научные взгляды на пространство как на экономическое явление. В классическом понимании А. Г. Гранберга экономическое пространство – это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними, в составе населенных пунктов, промышленных предприятий, хозяйственно освоенных и рекреационных площадей, транспортных и инженерных сетей [21, с. 25]. А. П. Катовский, исходя из того, что любое общественное явление развивается во времени и в пространстве, предлагает дополнить экономический, социальный и педагогический подходы к высшему образованию пространственным подходом [22, с. 8]. В результате его реализации этот автор обосновывает следующие положения развития пространственной организации высшей школы в России: а) территориальную организацию высшего образования предопределяет территориальная организация хозяйства (экономики) и населения; б) высшая школа является субъектом территориального взаимодействия на уровне региона, городов и городских агломераций, территориальных центров и периферии; в) территориальная структура высшей школы в России – результат длительной эволюции вузовской сети и региональной политики высшего образования, реализуемой начиная с XVIII в.; г) современная пространственная организация высшей школы в России обусловлена тенденциями дифференциации регионального социально-экономического развития, развитием негосударственного образования, структурными реформами экономики регионов, образовательной и региональной политикой государства [23].

Современные исследования прогрессивных пространственных форм, концепция кластеризации эко-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

номики, подходы к взаимодействию вузовской сети и производственных кластеров региона позволяют осмыслить содержательные и структурные аспекты воздействия высшего образования на регионы как пространственно организованные социально-экономические системы. Теория и методы разработки кластерной политики и кластерных инициатив в регионах России подробно представлены в трудах Г. Р. Хасаева. Указанный ученый обосновывает регионализацию высшего образования (как современную глобальную тенденцию) реализацией инновационного сценария регионального развития, осуществление которого включает формирование профессиональных компетенций, востребованных группами отраслевых кластеров региональной экономики [24, с. 67].

Авторы настоящей статьи в процессе изучения отраслевых кластеров приходят к выводу, что кластер – гибридная форма институционального соглашения. В силу своей природы он обладает свойствами автономности сторон, невысокой асимметричности информационных обменов, высокой специфичности активов [25, с. 250–251] и создает потребность в системе высшего образования, функционирующей как территориальный институт [26, с. 265].

Высоко оценивая вклад отечественных ученых в проблематику пространственной организации системы высшего образования, отметим, что в проведенных исследованиях недостаточно учтен опыт зарубежных стран, их успехи в управлении развитием высшего образования как пространственно локализованной экономической системы. Ряд этих стран в схожих с Россией территориальных и социально-экономических условиях, а также в родственных процессах эволюции университетского сектора, одинаково сопряженных с масштабными сложностями, смогли разработать успешную концепцию пространственной организации системы высшего образования, на практике сформировать эффективную вузовскую сеть в регионах.

К числу таких стран, безусловно, принадлежит Франция, высшее образование в которой – базовый приоритет государственной политики и политики регионов, а многоуровневость территориального устройства и многоукладность экономики успешно сочетаются с поступательным движением к инновационной экономике.

Системы высшего образования Франции и России похожи по своей содержательной и организационной природе, поскольку представлены на мировом образовательном рынке так называемой континентальной моделью, выступающей альтернативой англосаксонской модели. Термины (словосочетания) «англосаксонская» («атлантическая») и «континентальная» модель системы высшего образования сформировались уже в XIX в. и использовались в отношении модели западного образования стран соответствующей языковой группы. Они даны в работах зарубежных авторов I. D. Allen (1922), S. J. F. Leibell (1922), J. L. Brandt (1915), C. A. Herrick (1904), H. T. Mark (1899) при обсуждении вопросов, напрямую не связанных с системой высшего образования, например, в книге T. Canot (1854) Captain Canot, or, Twenty years of an African slaver: being an account of his career and adventures on the coast, in the interior, on shipboard, and in the West Indies при сравнении двух систем образования: anglo sax и german [6].

Детальный сравнительный анализ англосаксонской и континентальной моделей представил в своих работах В. С. Вахштайн, который показал, что в российский научный и публичный дискурс указанные термины вошли в ходе реформ системы образования. Реформы, проводимые в постсоветской России в рамках Болонского процесса, направлены на то, чтобы построить в стране систему образования, аналогичную системе образования в странах Запада, а основная цель присоединения России к Болонскому процессу состоит во включении системы образования страны в глобальное образовательное пространство, в формировании максимально сходных с развитыми странами уровней высшего образования и легко сопоставимых дипломов. В. С. Вахштейн доказывает, что континентальная модель строится на принципе доступности образования, предполагает предоставление студентам бесплатных программ в государственных университетах, давая такую возможность и иностранным студентам посредством развитой сети агентств по распространению образования за рубежом (например, Кампюс Франс, Альянс Франсез). Альтернативой континентальной модели является англосаксонская модель, основанная на мощной коммерческой со-

[6] Находятся в открытом доступе онлайн с 2012 г. на ресурсах: https://Scholar.google.com. URL: https://scholar.google.ru/scholar?q=%22anglo-saxon+ education%22&hl=en&as_sdt=0,5&as_yhi=1922 (дата обращения: 19.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ставляющей, которая реализуется инструментами маркетинговой стратегии вузов, обязательным участием в мировых образовательных рейтингах, формированием стоимости обучения в соответствии с престижем вуза и его местом в международных рейтингах [27, 28].

Территориальные условия развития системы высшего образования Франции

Схожие с Россией условия функционирования системы высшего образования заключаются *в многоуровневости как особенности территориального деления* Франции. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции (L'Institut national de la statistique et des études économiques – INSEE) проводит регулярный мониторинг административно-территориальных единиц и характеризует административное устройство страны в составе нескольких уровней самоуправляющихся единиц (коммун, департаментов, регионов), а также территориальных образований, в которых местное самоуправление отсутствует (кантоны, округа). Коммун (commune), статус которых имеют сельские поселения и города, насчитывается порядка 36 тысяч, они являются первичной основой административно-территориального деления, возглавляются советом – органом самоуправления с полномочиями в организации жилищно-коммунального хозяйства и торговли, взимания местных налогов, содержания объектов культуры (библиотек, музеев) и дорог. Кантоны (canton) представляют собой исторически сложившиеся территориальные единицы без собственных органов управления и самоуправления, которые реализуют функции избирательных прав в выборах членов советов департаментов и судебных округов. Основная единица административно-территориального деления – департамент (departement), число которых составляет 101 единицу, а органом самоуправления с исполнительными функциями является генеральный совет, работу которого возглавляет председатель, избираемый советом. Наряду с генеральным советом в департаменте создаются органы государственного управления в составе префектуры и префекта, назначаемого правительством Франции для осуществления административного надзора за деятельностью органов самоуправления департамента и контроля работы местных служб министерств. Несколько департаментов объединены в округа (arrondissement), которые не имеют собственных органов самоуправления, а управляются супрефектом, назначенным правительством, с полномочиями и ответственностью в решении социальных вопросов, вопросов благоустройства и санитарии. Регионом (region), которых во Франции насчитывается 22 единицы, являются 3–5 департаментов (иногда и отдельный департамент), объединенных по признаку территориальной близости. Органами самоуправления региона являются избираемый прямыми выборами региональный совет, его председатель и бюро, избираемые советом, а также профильные комитеты. Органы государственного управления в регионе представлены назначенным региональным префектом, полномочия которого реализует префект самого крупного департамента в регионе [7].

Следующая черта, обусловливающая сходство территориальных условий развития системы высшего образования с Россией, состоит *в масштабах и структуре экономики* Франции, которая является одной из самых мощных и высокоразвитых и занимает 3-е место в Евросоюзе (после Германии и Великобритании) по показателю ВВП на душу населения [29, с. 77].

По своей структуре экономика Франции многоукладна и представлена секторами: первичным (сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство); вторичным (промышленность, энергетика, строительство); развитым третичным (сфера услуг, торговля, транспорт). Отличие от России состоит, однако, в том, что, несмотря на высокую отраслевую диверсификацию, ключевым сектором в экономике остается сфера услуг, формирующая 78,8 % ВВП страны, при сохранении значимости отраслей машиностроения, химической промышленности, металлургии, энергетики [29, с. 70].

Пространственная организация экономики Франции, так же как и России, характеризуется высокой централизацией и ролью столичного региона. Столичный регион – Иль-де-Франс и центральные районы, расположенные вокруг второго по значению города Франции – Лиона, – концентрирует почти 25 % производства. Динамичное развитие этих территорий осуществляется, прежде всего, за счет авангардных

[7] INSEE. Toutes les régions ou tous les départements/ Taux de chômage localisés au 1er trimestre 2018. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2012804 (дата обращения: 19.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

отраслей промышленности, интенсивного сельского хозяйства. Современная инфраструктура туризма присуща средиземноморскому побережью и западным регионам, а экономика севера, северо-востока и востока, несмотря на кризис традиционных отраслей (угольной промышленности, черной металлургии), претерпевает глубокую модернизацию на основе транзитного потенциала, развития торговли, транспорта и логистики[8].

Государственное регулирование социально-экономического и территориального развития, так же как и в России, имеет во Франции традиционно высокое значение, а уровень государственных расходов остается одним из самых высоких в мире. Массовая национализация, проведенная в несколько этапов [30, с. 17–18], привела к тому, что в собственности государства, включая муниципальный уровень, находится порядка 30 % национального богатства, а на предприятиях и в учреждениях государственного сектора занято 25 % численности работающих [29, с. 53].

Сравнительные исследования Института мировой экономики и международных отношений РАН, показали, что региональная политика Франции строится на основе теории «полюсов роста», также характерной для региональной политики России и разрабатываемой в рамках французской школы пространственной экономики[9]. Содержание региональной политики Франции включает направления по умеренной децентрализации и развитию периферийных территорий, переориентации старопромышленных депрессивных регионов, индустриализации аграрных департаментов и развитию их инфраструктуры, стимулированию развития небольших городов. Инструментами реализации региональной политики являются индикативное планирование, проектное управление, а также целевые программы развития территорий, в разработке которых страна накопила большой положительный опыт [35, с. 72, 76].

Активная политика кластеризации экономики является еще одной схожей с Россией чертой, формирующей территориальные условия развития системы высшего образования во Франции. Управление процессами кластеризации осуществляется с помощью программных инструментов, а к числу наиболее значимых целевых программ относится французская национальная программа «Конкурентоспособные кластеры» (Competitiveness clusters policy)[10], реализуемая в целях роста конкурентоспособности экономики страны (начиная с 2009–2011 гг. в версии 2.0). Разработанная в рамках программы карта конкурентоспособности кластеров (в том числе начиная с 2017 г. в обновляемом интерактивном формате) отмечает созданные и перспективные территории роста (в России – территории опережающего развития (ТОР)), основываясь на базовом принципе равномерности их размещения по регионам страны, каталоге проектов и мерах адресной государственной поддержки. В программе четко определены ключевые средства достижения высокой конкурентоспособности кластеров: а) инновации – создание инновационных технологий, процессов, продукции и услуг; б) индустриализация – инвестиции в развитие индустриальных проектов крупного, среднего и малого бизнеса; в) профессиональное образование – «сопровождение» инновационно-индустриального развития ростом профессиональных компетенций населения в рамках системы высшего образования.

---

[8] INSEE. Tableau de bord Conjoncture : Île-de-France. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2109644 (дата обращения: 04.05.2018); INSEE. Tableau de bord Conjoncture: Auvergne-Rhône-Alpes. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2121840 (дата обращения: 19.05.2018).

[9] В. Н. Украинский в детальном анализе истоков, течений, школ современной французской пространственной экономики ссылками на работы Ф. Перру [31, 32] демонстрирует интеллектуальные источники и содержание понятий «полюса роста» («полюса развития», «полюса интеграции»), под которыми основоположники французской школы пространственной экономики понимали компактно локализованные и динамично развивающиеся отрасли, отдельные предприятия, города, территории или другие объекты, в которых сконцентрированы нововведения, отрасли-лидеры, определяющие территориальную структуру экономики и ее динамику [33, с. 96; 34, с. 92–94].

[10] Содержание программы Competitiveness clusters policy включает разделы: 1. Кластерная политика и шаги по ее реализации. 2. Проекты в области НИОКР: исследования и разработки в области конкурентоспособности кластеров; переход от НИОКР к рынку. 3. Финансовые инструменты НИОКР. 4. Мониторинг состояния конкурентоспособности кластеров. 5. Поддержка малого и среднего бизнеса. 6. Мобильная версия сайта программы Competitiveness clusters policy. Информационные бюллетени о ходе реализации программы находятся в открытом доступе онлайн на сайте http://competitivite.gouv.fr. URL: Competitiveness clusters policy http://competitivite.gouv.fr/ (дата обращения: 19.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Система высшего образования Франции: становление и современные тенденции

Значимость высшего образования как ресурса инновационно-индустриального развития регионов Франции основана на глобально признанных достижениях университетов (*Universities*) и высших школ (*Grandes Écoles*), но в большей степени на том, что пространственная организация системы высшего образования, хотя и является результатом эволюции, в настоящее время сознательно направляется на увеличение вклада вузов в региональное развитие.

Краткий обзор эволюции высшего образования во Франции позволяет выделить основные модели, последовательная реализация которых на разных временных отрезках привела к современному виду континентальной модели этой системы.

Первой из таких моделей является *гумбольдтовская модель* университетов, характерная для европейских стран XIII–XIV вв. В рассматриваемой модели образование и научные исследования имеют элитарный характер и не соответствуют новым потребностям зарождающейся промышленности. В рамках гумбольдтовской модели был основан и первый во Франции университет, который открылся в Париже в XIII в., а в XIII–XIV вв. университеты стали открываться в других крупных городах – Тулузе, Монпелье, Реймсе, Авиньоне, Орлеане [36, с. 124].

Модель высшей профессиональной школы, характерная для XIX в., является особенностью французской системы высшего образования и результатом утери традиции академического университета. Указанная модель была реализована Наполеоном, который, придя к власти в 1808 г., основал Императорский университет, состоящий из пяти факультетов. Факультеты естественно-научный, гуманитарный, медицины, теологии и права представляли собой практически независимые учебные заведения и не составляли единого университета. Высшие профессиональные школы – государственные или частные – в этот период создавались по всей стране вне университетских стен по инициативе крупной промышленности, центральной администрации, местных органов власти [37].

Модель территориального университета фактически сформировалась в 1896 г., когда университеты были учреждены вновь, после отмены Декрета 1793 г. об их закрытии, однако уже в виде федерации разрозненных факультетов, объединенных по территориальному признаку. Такая модель университетов, готовила в основном представителей свободных профессий, преподавателей и исследователей, и, поскольку она не способствовала формированию кадров для начавшейся индустриализации экономики страны, с конца XIX в. на базе естественно-научных факультетов, расположенных в промышленно развитых районах страны, были созданы институты прикладных наук, готовящие технических специалистов [37].

В течение XX в. в стране был предпринят ряд реформ высшей школы, направленных на интенсивное расширение масштабов и диверсификацию высшего образования. В рамках этих реформ была создана сеть институтов прикладных наук, институтов по подготовке управленческих кадров, а также введены новые программы инженерно-технического профиля. Реформой 1966 г. была заложена основа двухуровневой системы высшего образования – введены дипломы второго цикла высшего образования «мэтриз», имеющие прикладную и исследовательскую ориентацию [38, с. 125].

Принципиальной составляющей преобразований в этот период было реформирование пространственной организации системы высшего образования, направленное на децентрализацию университетов и ставящее своей целью распределение контингента студентов по всей стране. Начиная с 1968 г. в городах, не имеющих университеты, созданы естественно-научные и гуманитарные университетские колледжи и юридические институты [38, с. 126–127].

Пространственный аспект развития системы высшего образования Франции

К началу третьего тысячелетия пространственный аспект реформирования системы высшего образования приобрел приоритетную значимость в европейских странах, что предопределил ряд взаимосвязанных вызовов. К их числу С. Г. Синельников-Мурылев и Т. Л. Клячко относят демографические изменения и рост числа студентов, внутренние и внешние миграционные процессы, академическую мобильность, расширение мирового рынка высшего образования, рост гетерогенности обучающихся по социально-культурным характеристикам, изменения на рынке труда в сторону увеличения доли занятых, имеющих высшее образование [39, с. 29–31].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ранее З. Бауман уточнил, что современный международный контекст развития высшего образования, становление информационной экономики диктуют университетам необходимость переосмыслить свою, в том числе и территориальную, роль, поскольку мир «больше не нуждается в их традиционных услугах, устанавливает новые правила игры в престижность и влиятельность, а также со все возрастающей подозрительностью смотрит на ценности, которые отстаивают университеты» [40, с. 170].

Г. Гольдштейн и Дж. Друкер отмечают смещение традиционных – образовательной и научно-исследовательской – функций высшего образования. По мнению этих авторов, развитие технологий приводит к тому, что университет начинает выполнять «предпринимательскую функцию, функцию коммерциализации инноваций, предполагающую наличие сетевых взаимодействий между организациями высшего образования, бизнесом и государством в рамках отдельных территорий, тем самым усиливается роль высшего образования в территориальном развитии» [41, p. 23].

Территориальное взаимодействие описывается моделью тройной спирали (*triple helix model*), предложенной Г. Ицковицем и А. Лейерсдорфом и предполагающей равноправие университетов, предприятий и органов власти в инновационной системе [42]. Основное содержание модели заключается в том, что, помимо задачи развития инноваций, университетами путем генерации нового знания параллельно решаются производственные задачи предприятий, локализованных в границах определенной территории, а также социально-экономические задачи развития этой территории.

Ответом на вызовы конкурентной борьбы на международном рынке образовательных услуг становится инновационная форма высшего образования – новая модель университета, эволюционирующая на основе широкого спектра подходов: от «экономики знаний» [43] до кластерного подхода к университету как образовательному и научному центру и фактору регионального развития. В современных исследованиях Etzkowitz представляет взаимодействие университетов, промышленности и правительства моделью «тройной спирали» – трехэлементной структуры, управленческого инструмента, способного обеспечить инновационное развитие регионов средствами инновационной инициативы, которая может исходить от любого элемента этой структуры [44]. Опыт Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology (MIT), представленный в контексте развития науки как предпринимательства, показывает современную трансформацию университетов в экономическом развитии, убеждает в новых возможностях и форматах отношений с промышленностью [45]. Chatterton и Goddard на основе изучения британского опыта к классической образовательной и исследовательской функции университетов добавляют функцию взаимодействия с местным сообществом – бизнесом, органами местного самоуправления [46]. Jan Kohoutek, Rómulo Pinheiro указывают на важность вклада университетов в экономику регионов, обосновывают новые подходы к разработке их стратегий и миссии с учетом потребностей местных промышленных кластеров [47]. John Harrison и Ivan Turok ставят развитие университетов в центр анализа социально-экономического развития регионов, разрабатывают эконометрические инструменты оценки вклада университетской науки в региональное развитие [48]. Возможности вклада университетов в экономическое развитие отстающих и депрессивных регионов показывает R. Pugh [49], Johnston и Huggins – особенности взаимодействия университетов с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями в процессе предоставления бизнес-услуг [50], а Frenkel и Leck на примере Израиля – пространственные аспекты получения высшего образования, прогнозные модели получения желаемой работы в высокотехнологичных отраслях выпускников, получивших образование в периферийных университетах [51].

Основываясь на представленных положениях, а также на многочисленных теоретических и эмпирических исследованиях, проведенных и опубликованных зарубежными учеными в последние двадцать лет, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР – OECD) предложила возможные сценарии стратегического развития системы высшего образования. Определенные вариантами взаимодействия университетов с предприятиями и прогнозами развития университетского образования сценарии позволяют сформировать четыре новых модели развития университетов: университет – открытая международная сеть; университет – новая ответственность государства; университет «Высшее образование Inc

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

(корпоративный университет)», а также «университет на службе у регионов и муниципалитетов»[11].

Направления развития высшего образования как пространственно локализованной системы содержит последняя названная модель, предполагающая концентрацию университетов на национальных, региональных и местных целях, задачах, приоритетах развития. В рамках модели «университет на службе у регионов и муниципалитетов» деятельность университетов по образованию и научным исследованиям «увязывают» с нуждами региона и муниципалитетов и реализуют в рамках ряда базовых функций[12]:

– удовлетворение потребности предприятий, локализованных в регионе, в ключевых компетенциях, связанных с местной специализацией;

– развитие отношений с субъектами бизнеса по трудоустройству студентов;

– диверсификация форм «чередующегося» образования – обучения студентов с минимальным отрывом от производства и онлайн-образования.

Значимая роль высшего образования в региональном развитии осознается органами власти Франции, которые в начале XXI в. поставили задачу превращения высших учебных заведений в структуры, обеспечивающие развитие высокотехнологичных производств и разработку новых технологий на основе кооперации университетов, научно-исследовательских центров, предприятий и других территориальных сообществ.

В сентябре 2004 г. французское правительство приняло решение о создании полюсов конкурентоспособности (*pôles de compétitivité*) – объединений предприятий, научно-исследовательских организаций и образовательных центров, расположенных на одной территории. Идея такого преобразования заключается в развитии «зон инноваций», налаживании партнерских отношений между высшим образованием, научно-исследовательскими институтами и предприятиями[13].

В апреле 2006 г. был запущен проект по созданию полюсов научных исследований и высшего образования (*pôles de recherche ed d'enseignement supérieur* (PRES)) – новых структур в области образования и науки, призванных способствовать развитию кооперации между университетами, «большими школами» и исследовательскими структурами, расположенными на одной территории[14].

Такая политика проводимых преобразований оптимизировала пространственную организацию системы высшего образования во Франции, хотя и вызвала критику в части создания элитного типа образования путем концентрации лучших университетов и исследовательских центров в нескольких регионах, нарушения принципа равного доступа к высшему образованию [52].

В 2013 г. был предпринят следующий шаг в реформе высшего образования и науки, направленный на формирование образовательных кластеров в рамках программы «Инициатива превосходства» (Initiatives d'Excellence-Idex). Суть реформы заключается в трех приоритетах: формирование образовательных кластеров, сокращение и укрупнение числа университетов, построение новой модели университета. В ходе реформы к 2015 г. в стране были отобраны 25 территорий для формирования университетов нового типа[15]. Основными характеристиками новой модели университета становится работа на уровне территории, привлечение частных структур и регионального управления к трансферу технологий, решение вопросов научно-технического и регионального развития, создание инфраструктуры для новых технополисов. Университеты становятся мультидисциплинарными центрами исследований, несут ответственность за внедрение их результатов в практику развития территории. Таким образом, программа ставит своей целью превращение университета в инновационный

[11] Four future scenarios for higher education. URL: http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/42241931.pdf (дата обращения: 19.05.2018).

[12] Составлено авторами по: URL: http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/ceri-universityfuturesfourscenariosforhighereducation.htm (дата обращения: 19.05.2018)

[13] La politique des pôles depuis 2005: Les labellisations des pôles de compétitivité; Principes de fonctionnement; L'évaluation de la 1ère phase (2006–2008) de la politique des pôles de compétitivité. URL: http://competitivite.gouv.fr/politique-des-poles/la-politique-des-poles-depuis-2005-472.html (дата обращения: 19.05.2018).

[14] PRES: pôles de recherche et d'enseignement supérieur. URL: http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid20724/les-poles-de-recherche-et-d-enseignement-superieur-pres.html/ (дата обращения: 19.05.2018).

[15] Сайт Министерства высшего образования, исследований и инноваций Франции. URL: http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid59263/un-investissement-massif-au-service-de-l-excellence.html (дата обращения: 19.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

центр научного, образовательного и регионального развития[16].

В 2015 г. в рамках программы «Инвестиции в будущее» была разработана подпрограмма для системы высшего образования и исследований «Инициативы превосходства» / Инициативы Наука – Инновации – Территории – Экономика» (IDEX / I-SITE, Initiatives d'excellences / Initiatives Science – Innovation – Territoires – Economie). Такая инициатива обусловлена во многом глобализацией рынка образовательных услуг и распространением международных рейтингов вузов как инструмента продвижения вузов. Подпрограмма нацелена на повышение узнаваемости ведущих университетов страны, стимулирование их слияния и объединения[17].

Результатом такой политики и последовательно реализуемых реформ является признанность высоких образовательных и научных результатов системы высшего образования Франции, которая подтверждается высоким удельным весом страны в численности студентов всех уровней высшего образования, обучающихся в ЕС (табл. 1).

Таблица 1

Распределение численности студентов по странам ЕС в 2016 г.*

Table 1. Distribution of the number of students in the EU countries in 2016*

Страна / Country	Численность студентов – уровень бакалавра, чел. / Number of students – Bachelors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Численность студентов – уровень магистра, чел. / Number of students – Masters, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Численность студентов – уровень доктора, чел. / Number of students – Doctors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %
Бельгия / Belgium	368 808	3,1	97 979	1,8	16 685	2,2
Болгария / Bulgaria	178 365	1,5	81 592	1,5	6750	0,9
Чехия / Czech Republic	236 887**	2,0	133 066**	2,5	24 582**	3,2
Дания / Denmark	195 700	1,6	74 607	1,4	9845	1,3
Германия / Germany	1 832 459	15,3	1 013 268	18,7	213 201	28,0

Окончание табл. 1

Страна / Country	Численность студентов – уровень бакалавра, чел. / Number of students – Bachelors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Численность студентов – уровень магистра, чел. / Number of students – Masters, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Численность студентов – уровень доктора, чел. / Number of students – Doctors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %
Эстония / Estonia	36 299**	0,3	16 012**	0,3	2903**	0,4
Ирландия / Ireland	164 268	1,4	29 246	0,5	8404	1,1
Греция / Greece	598 990**	5,0	54 558**	1,0	23 881**	3,1
Испания / Spain	1 207 281	10,1	337 192	6,2	55 628	7,3
Франция / France	1 025 434	8,6	890 359	16,4	67 679	8,9
Хорватия / Croatia	98 573	0,8	60 222	1,1	3152	0,4
Италия / Italy	1 075 456	9,0	699 231	12,9	32 947	4,3
Кипр / Cyprus	20 300	0,2	15 115	0,3	1272	0,2
Латвия / Latvia	50 634**	0,4	16 942**	0,3	2200**	0,3
Литва / Lithuania	102 425	0,9	28 597	0,5	2737	0,4
Люксембург / Luxemburg	3231**	0,0	2509**	0,0	–	0,0
Венгрия / Hungary	199 956	1,7	76 060	1,4	7323	1,0
Мальта / Malta	7026**	0,1	3540**	0,1	113**	0,0
Нидерланды / Netherlands	635 944	5,3	165 567	3,1	15 057	2,0
Австрия / Austria	192 467	1,6	137 752	2,5	23 512	3,1
Польша / Poland	1 058 947	8,9	497 741	9,2	43 177	5,7
Португалия / Portugal	202 162	1,7	115 465	2,1	19 060	2,5
Румыния / Romania	352 721	2,9	165 245	3,0	17 252	2,3
Словения / Slovenia	45 292	0,4	22 013	0,4	2331	0,3
Словакия / Slovakia	92 623	0,8	63 673	1,2	8220	1,1
Финляндия / Finland	215 196	1,8	62 440	1,2	19 527	2,6
Швеция / Sweden	242 983	2,0	137 990	2,5	20 723	2,7
Соединенное Королевство / The United Kingdom	1 523 902	12,7	421 145**	7,8	112 800**	14,8
ЕС – всего / EU – total	11 964 329,0	100,0	5 419 126,0	100,0	760 961,0	100,0

* *Источник:* составлено авторами по: Database Eurostat. Students enrolled in tertiary education by education level, programme orientation, sex and NUTS2 regions (educ_uoe_enrt06). URL: http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (дата обращения 19.05.2018)

** Данные представлены за 2015 г.

* *Source:* compiled by the authors by: Database Eurostat. Students enrolled in tertiary education by education level, programme orientation, sex and NUTS2 regions (educ_uoe_enrt06), available at: http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (access date: 19.05.2018)

** Data for 2015.

[16] Аналитический промежуточный отчет о реализации Программы инвестиций в будущее. Март 2016 г. С. 30. URL: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/29-03-2016-rapport_comite_pia.pdf (дата обращения: 19.05.2018).

[17] Сайт Национального исследовательского агентства Франции. URL: http://www.agence-nationale-recherche.fr/fileadmin/aap/2014/ia-idex-isite-2014.pdf (дата обращения: 19.05.2018)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

По численности студентов уровня бакалавриата Франция устойчиво входит в топ-5 европейских стран, однако основные успехи она демонстрирует в подготовке выпускников в рамках магистерских программ и программ докторантуры. По числу студентов уровня магистратуры она устойчиво занимает 1–2-е места среди 28 стран – членов ЕС (в 2016 г. – 2-е место после Германии), по числу докторантов – 1–3-е (в 2016 г. – 3-е место, после Германии и Великобритании). Приоритетность страны в подготовке магистров и докторов свидетельствует о том, что высшее образование во Франции базируется на развитых научных школах и носит глубокий исследовательский характер, успешно совмещая фундаментальность подготовки с прикладными и практическими навыками, что подтверждает положительная динамика численности поступающих, стабильно возрастающая на протяжении последних десятилетий. Так, в сентябре 2017/18 учебного года в организации Франции, предоставляющие возможность получения высшего образования, было зачислено на 58,9 тысячи студентов больше, чем в сентябре 2016/17, и за предшествующие пять лет прирост численности студентов составил 225,0 тыс. человек против прироста в 97,0 тыс. человек в предыдущие пять лет. Численность иностранных студентов также возрастала и составила порядка 7 % от общего числа студентов, или 298,9 тыс. человек. В сентябре 2017/18 учебного года в вузы Франции было зачислено 310,0 тыс. чел. иностранных студентов, или 7,2 % от числа иностранных студентов в мире. Этот показатель позволил стране занять 3-е место в рейтинге стран, привлекающих студентов из-за рубежа, после США (765,0 тыс. чел.) и Великобритании (около 500,0 тыс. чел.). Тот факт, что 62,2 % студентов обучаются в университетах, а рост их числа за последние пять лет составил 9,6 %, свидетельствует о признанности фундаментального образования с высоким уровнем теоретической подготовки. Наибольший рост числа студентов строительно-инженерных факультетов, которое за последние 20 лет возросло в 2,5 раза, говорит о привлекательности инженерных профессий, а уверенный прирост численности студентов в бизнес-школах (на 11,6 % выше, чем годом ранее) – о не снижающемся интересе к экономическим и управленческим профилям подготовки[18].

[18] Сайт Французского государственного агентства по продвижению французского образования за рубежом. URL: http://www.russie.campusfrance.org (дата обращения: 12.05.2018)

Пространственная характеристика вузовской сети Франции в академических рейтингах

Составители рейтингов лучших вузов мира, так же как и сами студенты, высоко оценивают систему высшего образования Франции. В QS World University Rankings, который оценивает университеты по шести группам показателей: исследовательской деятельности, уровню преподавания, мнению работодателей, карьерному потенциалу выпускников, числу иностранных студентов и преподавателей, репутации вузов в академической среде, лидерами в течение многих лет наблюдения остаются вузы США и Великобритании.

Особенностью Франции является, однако, тот факт, что вузы этой страны, занимая устойчиво высокие позиции в указанном рейтинге (начиная с 43-го места) и серьезно представленные в топ-500, равномерно распределены по территории этой страны. Сводный индикатор рейтинга QS показывает, что в топ-500 представлены чуть менее 60 % парижских университетов, а более 40 % списка составляют вузы, работающие не в столичном регионе[19].

Такая особенность рейтинговых позиций – результат осознанной политики пространственной организации системы высшего образования, которая включает задачу равномерного размещения вузов по территории Франции с целью предоставить всему населению равный доступ к качественному высшему образованию, а предприятиям крупного, малого и среднего бизнеса – равный доступ к результатам научных исследований, проводимых университетами и высшими школами.

Равномерность размещения вузов по территории страны подтверждает и Academic Ranking of World Universities (ARWU), составленный азиатским агентством Shanghai Ranking Consultancy и потому больше известный как Шанхайский рейтинг [53]. В отличие от рейтинга QS рейтинг ARWU фокусируется на научной и исследовательской деятельности вузов, элиминируя в своих индикаторах национальные особенности системы высшего образования и ориентируясь на

[19] Оценка дана авторами по ARWU Top universities – Results 2018; Retrieved April 30, 2018. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018 (дата обращения: 11.05.2018); QS Top universities – Results 2018; Retrieved April 30, 2018. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018 (дата обращения: 11.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

целевую аудиторию из числа тех, кто планирует научную карьеру [54].

«Столичные» вузы и вузы других регионов Франции значимо представлены в обоих рейтингах, несмотря на различия в методологии. Оценка вузов по методологии Шанхайского рейтинга строится на индикаторе, который включает шесть показателей. Индекс наград выпускников (Alumni) характеризует качество обучения и рассчитывается по числу выпускников – лауреатов Нобелевской и Филдсовской премий, а индекс наград преподавателей (Award) – уровень профессорско-преподавательского состава, оцениваемый количеством полученных Нобелевской и Филдсовской премий. В оценку включены число наиболее часто цитируемых исследователей в широкой предметной области (HiCi), число статей, опубликованных в журналах Nature и Science за последние 10 лет (N&S), число статей, проиндексированных в Science Citation Index – Expanded и Social Sciences Citation Index (PUB), а также «производительность» – все перечисленные выше показатели, пересчитанные на одного преподавателя (PCP). При составлении рейтинга вузу, получившему максимальную оценку по отдельному показателю, присваивается 100 баллов, а значения остальных участников рейтинга соотносятся с ним как процент от максимального балла и распределяют вузы по убыванию баллов [55].

Различия в подходах к оценке формируют различия позиций вузов Франции в рейтинге QS [56] и Шанхайском рейтинге. Так, в 2018 г. Université Pierre et Marie Curie – Paris 6, занимающий в Шанхайском рейтинге 40-е место (и 1-е из вузов Франции), в рейтинге QS находится на 131-м месте, «пропуская вперед» Ecole normale supérieure (43-е место в рейтинге QS) и Ecole Polytechnique (59-е место в рейтинге QS). В Шанхайский рейтинг оказался невключенным практически «бренд» французского высшего образования, старейший университет и ключевой вуз в подготовке студентов по общественно-политическим и гуманитарным направлениям, самый привлекательный для иностранных студентов Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, а Ecole Polytechnique – ведущий технический университет – занял место лишь в 5-й сотне [53, 54].

Несмотря на особенности построения рейтинга, он показывает, что удельный вес вузов Франции, работающих за пределами Парижа, составляет 57 % и подтверждает равномерное распределение вузов-лидеров по территории страны[20].

Рейтинг QS и Шанхайский рейтинг в равной степени свидетельствуют о высокой эффективности пространственной организации системы высшего образования Франции как в части научно-исследовательской, так и академической активности, которые не являются прерогативой исключительно столичного или центральных регионов, а становятся основой инновационного развития всех территорий страны.

Доказывают высокую эффективность пространственной организации системы высшего образования Франции как фактора социально-экономического развития регионов и результаты национальных рейтингов. Французский национальный рейтинг Eduniversal является сегодня единственным оценивающим результаты получения высшего образования в соответствии с рыночными критериями, а не организации, которые дают возможность его получения. С помощью собственного подхода и методологии, основанной на критериях известности вуза и его престижа в глазах работодателей, размера средней заработной платы выпускников, удовлетворенности студентов результатами образования, ранжируются программы высшего образования по сектору бакалавриата, магистратуры, докторантуры. Рейтинг использует балльную оценку программ, проводимую на основе собственных опросов и экспертного мнения, по результатам которых ранжируются большинство программ, реализуемых во Франции. Популярность рейтинга Eduniversal во Франции обеспечена прозрачностью методики, высокой достоверностью и актуальностью оценок (ранги обновляются в начале каждого учебного года или цикла для программ, реализуемых в течение 18 месяцев обучения, или два раза в год), очевидной практической пользой [57].

Классификация трех лучших магистерских программ, выполненная в разрезе территории размещения университета или высшей школы, в которой она реализуется, доказывает, что принцип равномерности остается приоритетным в пространственной организации программ высшего образования Франции[21].

[20] Оценка дана авторами по URL: https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/arwu/ (дата обращения: 12.05.2018).

[21] Оценка дана авторами по: Classement Eduniversal des meilleurs Masters, MS et MBA. URL: https://www.meilleurs-masters.com/classement.html (дата обращения: 01.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Из 189 магистерских программ уровня Masters, MSc и MBA, входящих в топ-3, в Париже реализуются 88 (или 47 %). В группе трех лучших программ по каждому направлению подготовки 101 программа (или 53 %) реализуется университетами и высшими школами за пределами столицы. Очевидно, что представленная классификация – результат высокого качества высшего образования не только в крупных городах и признанных университетских центрах, таких как Гренобль, Бордо, Лион, но и в городах, значимость которых как территорий с развитой системой высшего образования в глобальном аспекте пока не является общепризнанной.

Равномерность размещения по территории страны демонстрируют показатели распределения численности студентов по крупным территориальным единицам – макрорегионам Франции, представленные в табл. 2.

В департаментах, расположенных за пределами Парижа и столичного округа Иль-де-Франс, получают высшее образование по программам бакалавриата 62 % студентов, магистратуры – 60 %, докторантуры – 55 %. Численность студентов распределена равномерно и находится в интервале от 7 до 11 % в каждом из макрорегионов с высокой равномерностью распределения по регионам.

Выводы

Очевидно, что Франции удалось избежать излишней концентрации системы высшего образования в столичных или центральных регионах, обеспечить высокую равномерность распределения и территориальную сбалансированность.

Используемая модель пространственной организации системы высшего образования является значимым

Таблица 2

Распределение численности студентов по регионам Франции в 2016 г.*
Table 2. Distribution of the number of students in the regions of France in 2016*

Регионы Франции / Regions of France	Уровень бакалавра, чел. / Bachelors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Уровень магистра, чел. / Masters, people	Уд. вес, % / Unit weight, %	Уровень доктора, чел. / Doctors, people	Уд. вес, % / Unit weight, %
Франция, всего / France, total	1 025 434	100,0	890 359	100,0	67 679	100,0
1. Иль-де-Франс / Il-de-France	269 788	26,3	254 581	28,6	25 162	37,2
2. Регионы вокруг Парижа (Шампань – Арденны, Пикардия, Верхняя Нормандия, Центр – Долина Луары, Нижняя Нормандия, Бургундия) / Regions around Paris (Champagne – Ardennes, Picardie, Upper Normandy, Center – Val de Loire, Lower Normandy, Burgundy	120 112	11,7	97 136	10,9	5209	7,7
3. Север (Нор-Па-де-Кале) / North (Nor-Pas-de-Calais)	65 839	6,4	58 869	6,7	2351	3,5
4. Восток (Лотарингия, Эльзас, Франш-Конте) / East (Lorraine, Alsace, Franche-Comte)	75 741	7,4	66 575	7,5	4986	7,4
5. Запад (Пен-де-ла-Луар, Бретань, Пуату-Шаранта) / West (Pays-de-la-Loire, Brittany, Poitou-Charentes)	120 072	11,7	99 309	11,1	5935	8,7
6. Юго-Запад (Аквитания, Миди-Пиренеи, Лимузен) / South-west (Aquitaine, Midi-Pyrenees, Limousin)	109 623	10,7	97 602	11,0	7218	10,7
7. Центр – Восток (Рона – Альпы, Овернь) / Center – east (Rhone – the Alps, Auvergne)	125 774	12,3	114 002	12,8	8707	12,9
8. Средиземноморье (Лангедок – Руссильон, Прованс – Альпы – Лазурный берег, Корсика) / Mediterranian region (Languedoc – Roussillon, Provence – the Alps – Cote d'Azur, Corsica)	116 389	11,3	93 372	10,4	7536	11,1
9. Заморские территории (Гваделупа, Мартиника, Гайана, Реюньон, Майотта) / Overseas territories (Guadeloupe, Martinique, Guyana, Reunion, Mayotte)	22 096	2,2	8913	1,0	575	0,8

* *Источник:* составлено авторами по Database Eurostat. Students enrolled in tertiary education by education level, programme orientation, sex and NUTS2 regions (educ_uoe_enrt06). URL: http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (дата обращения: 19.05.2018).

* *Source:* compiled by the authors by Database Eurostat. Students enrolled in tertiary education by education level, programme orientation, sex and NUTS2 regions (educ_uoe_enrt06), available at: http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (access date: 19.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

фактором высоких позиций этой страны в международных и национальных рейтингах университетов. Она устойчиво обеспечивает привлекательность вузовских программ для студентов, в том числе иностранных, а также социально-экономическое развитие макрорегионов в соответствии с инновационными приоритетами, определенными в государственных программах, политике, кластерных инициативах и других стратегических документах территориального развития.

Вывод, который сводится к утверждению прогрессивности пространственной организации системы высшего образования, приводит к заключению, что опыт Франции является привлекательным для России и тех стран, которые стремятся реализовать в региональном развитии инновационный сценарий, а систему высшего образования рассматривают в качестве ключевого фактора развития.

Список литературы

1. Львов Д. С., Пугачев В. Ф. Механизм стабильного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 52–58.

2. Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 5. С. 450–456.

3. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б. З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. 624 с. (Научная мысль).

4. Попов Е. В., Власов М. В. Институты миниэкономики знаний / под ред. акад. В. Л. Макарова. М.: Academia, 2009. 288 с. (Монографические исследования: экономика).

5. Нуреев Р. М. На пути к пониманию институциональной природы инноваций // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Т. 4, № 2. С. 4–10.

6. Нуреев Р. М. Российская экономика: проблемы формирования инновационного уклада // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2012. № 1. С. 18–31.

7. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры) / пер. с нем. В. С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

8. Schumpeter J. A. Business cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company, 1939.

9. Kuznets S. Growth, Population, and Income Distribution: Selected Essays, first ed. Norton. New York, 1979.

10. Капелюшников Р. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Ч. 1 // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 52–66.

11. Капелюшников Р. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Ч. 2 // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 120–147.

12. Сухарев О. С. Основы институциональной и эволюционной экономики: курс лекций. М.: Высшая школа, 2008. 391 с.

13. Гапоненко А. Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал / А. Л. Гапоненко, Т. М. Орлова. М.: Эксмо, 2008. 400 с. (Полный курс MBA).

14. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132.

15. Волков А. Е., Ливанов Д. В., Фурсенко А. А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Российское образование: тенденции и вызовы: сб. ст. и аналит. докл. М.: Дело, 2009. 400 с.

16. Ашмарина С. И. О предпринимательской функции университета // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 106. С. 30–32.

17. Гуськова Н. Д. Устойчивое развитие и образование // Стандарты и качество. 2014. № 6 (924). С. 71–72.

18. Гуськова Н. Д., Неретина Е. А., Еналеева Ю. Р. Партнерство государства, общества и вузов: опыт Франции // Высшее образование в России. 2013. № 2. С. 146–154.

19. Беляков С. А., Клячко Т. Л. Оценка вклада высшего и среднего профессионального образования в экономику российских регионов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 82 с.

20. Рождественская И. А., Тамбовцев В. Л. Взаимодействие власти, бизнеса и образовательных организаций в развитии региональной экономики // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 7. С. 133–136.

21. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 496 с.

22. Катровский А. П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. М.: Международные отношения, 2003. 208 с.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

23. Катровский А. П. Развитие территориальной структуры высшей школы России: дис. … д-ра геогр. наук. М., 2003. 395 с.

24. Хасаев Г. Р., Болгова Е. В. Регионализация высшего образования и инновационное развитие экономики российских регионов // Известия УрГЭУ. 2015. № 1 (57). С. 61–70.

25. Болгова Е. В. Экономические кластеры: инновационная природа и условие эффективности инновационного каркаса региона // Экономические науки. 2009. № 12 (61). С. 249–252.

26. Болгова Е. В. Система образования – территориальный институт в кластерной организации экономического пространства // Экономические науки. 2010. № 6 (67). С. 265–269.

27. Вахштейн В. С. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая. URL: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/321-352_vahshtain.pdf (дата обращения: 19.05.2018)

28. Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР / отв. ред. М. В. Ларионова. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 152 с.

29. Россия и страны – члены Европейского союза. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 264 с.

30. Анохин М. Г. Политические аспекты проблемы: «приватизация – национализация» // Среднерусский вестник общественных наук. Межрегиональное научно-образовательное издание. Орел, 2006. № 1. С. 13–22.

31. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration // Revue Tiers-Monde. 1968. Vol. 9, № 34. Pp. 239–265.

32. Perroux F. Note sur la ville considéré e comme pôle de dé veloppement et comme foyer du progrès // Revue Tiers-Monde. 1967. Vol. 8. № 32. Pp. 1147–1158.

33. Украинский В. Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика. 2011. № 2 (26). С. 92–126.

34. Украинский В. Н. Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. 2011. № 3 (27). С. 71–99.

35. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН / отв. ред. А. В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.

36. Партнерство Франции и России: интернационализация образования и науки, роль и возможности русского языка. Вып. 2: сборник статей / под общ. ред. Е. В. Пономаренко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 190 с.

37. Козлов С. Л. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4 (55). URL: http://www.strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke. (дата обращения: 19.05.2018)

38. Франция. Эволюция высшей школы и ее социально-экономическая роль. Сайт ВШЭ НИУ: https://www.hse.ru/. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/946/669/1219/sistemy_vo_ch2_9-Frantsiya.pdf. (дата обращения: 19.05.2018)

39. Синельников-Мурылев С. Г., Клячко Т. Л. Новые тенденции развития высшего образования. Вызовы для Франции и России // Партнерство Франции и России: интернационализация образования и науки, роль и возможности русского языка. Вып. 2: сборник статей / под общ. ред. Е. В. Пономаренко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 190 с.

40. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 170.

41. Goldstein H., Drucker J. The Economic Development Impacts of Universities on Regions: Do Size and Distance Matter? // Economic Development Quarterly. Vol. 20, № 1, February 2006. Pp. 22–43.

42. Etzkowitz H., Leydesdorff L. 'Introduction: Universities in the Global Knowledge Economy', in H Etzkowitz & L Leydesdorff (eds), Universities and the Global Knowledge Economy: a Triple Helix of University-Industry-Government Relations, Pinter, London and Washington, 1997. Pp. 1–8.

43. Goddard J., Chatterton P. Regional Development Agencies and the knowledge economy: harnessing the potential of universities // Environment and Planning C Government and Policy. 1999. Vol. 17. Pp. 685–699. DOI: 10.1068/c170685

44. Etzkowitz H. Incubation of incubators: innovation as a triple helix of university-industry-government networks // Science and Public Policy. 2002. Volume 29, Issue 2, 1 April 2002, Pp. 115–128. URL: https://doi.org/10.3152/147154302781781056 (дата обращения: 18.05.2018).

45. Etzkowitz H. MIT and the Rise of Entrepreneurial Science, Routledge, London, 2002.

46. Chatterton P., Goddard J. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs // European Journal of Education. 2000. Vol. 35, № 4. Pp. 475–496.

47. Kohoutek J., Pinheiro R. The Role of Higher Education in the Socio-Economic Development of Peripheral Regions Higher Education Policy, 2017.

48. Harrison J., Turok I. Universities, knowledge and regional development // Regional Studies. 2017. Vol. 51, № 7. Pp. 977–981.

49. Pugh R. Universities and economic development in lagging regions: 'Triple helix' policy in Wales. Regional Studies, 2016

50. Johnston A., Huggins R. Drivers of university-industry links: The case of knowledge-intensive business service firms in rural locations. Regional Studies. 2016. Vol. 50, № 8. Pp. 1330–1345. DOI: 10.1080/00343404.2015.100902

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

51. Frenkel A., Leck E. Spatial aspects of education – job matching and job selection in Israel. Regional Studies. Samuel Neaman Institute for Advanced Studies in Science and Technology. 2014. URL: http://pick-me.carloalberto.org/images/PICKWP54.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

52. Пресса о реформе высшего образования во Франции. URL: http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170911-pressa-o-reforme-vysshego-obrazovaniya-vo-frantsii (дата обращения: 19.05.2018).

53. ARWU Topuniversities – Results 2018; Retrieved April 30, 2018, from URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018. (дата обращения: 19.05.2018)

54. QS Topuniversities – Results 2018; Retrieved April 30, 2018, from URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018. (дата обращения: 19.05.2018).

55. ARWU Topuniversities – Methodology (2018, April 30), Retrieved April 30, 2018, from URL: https://www.educationindex.ru/articles/universityrankings/arwu/ methodology. (дата обращения: 19.05.2018)

56. QS Topuniversities – Methodology (2018, April 30), Retrieved April 30, 2018, from URL: https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/ methodology. (дата обращения: 19.05.2018).

57. Classement Eduniversal 2018 des Meilleurs Masters, MS&MBA (2018, April 17), Retrieved April 17, 2018, from URL: http://www.meilleurs-masters.com. (дата обращения: 19.05.2018).

References

1. L'vov D. S., Pugachev V. F. Mechanism of sustainable economic growth, *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2001, No. 4, pp. 52–58 (in Russ.).

2. Makarov V. L. Knowledge economy: lessons for Russia, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2003, Vol. 73, No. 5, pp. 450–456 (in Russ.).

3. *Innovative development: economy, intellectual resources, knowledge management*, ed. B. Z. Mil'ner, Moscow, INFRA-M, 2009, 624 p. (Nauchnaya mysl') (in Russ.).

4. Popov E. V., Vlasov M. V. *Institutions of knowledge mini-economy***,** ed. akad. V. L. Makarov, Moscow, Academia, 2009, 288 p. (Monograficheskie issledovaniya: ekonomika) (in Russ.).

5. Nureev R. M. On the way to comprehending the institutional nature of innovations, *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovanii)*, 2012, Vol. 4, No. 2, pp. 4–10 (in Russ.).

6. Nureev R. M. Russian economy: problems of forming the institutional setup, *Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie*, 2012, No. 1, pp. 18–31 (in Russ.).

7. Shumpeter I. *Theory of economic development (Research of entrepreneurial profit, capital, interest and conjuncture cycle)***,** per. s nem. V. S. Avtonomova i dr., Moscow, Progress, 1982, 455 p. (in Russ.).

8. Schumpeter J. A. *Business cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process*, New York, Toronto, London, McGraw-Hill Book Company, 1939.

9. Kuznets S. *Growth, Population, and Income Distribution: Selected Essays*, 1st ed., Norton, New York, 1979.

10. Kapelyushnikov R. Supply and demand of highly-qualified working force in Russia: who ran faster? Part 1, *Voprosy ekonomiki*, 2012, No. 2, pp. 52–66 (in Russ.).

11. Kapelyushnikov R. Supply and demand of highly-qualified working force in Russia: who ran faster? Part 2, *Voprosy ekonomiki*, 2012, No. 3, pp. 120–147 (in Russ.).

12. Sukharev O. S. *Bases of institutional and evolution economics:a lecture course*, Moscow, Vysshaya shkola, 2008, 391 p. (in Russ.).

13. Gaponenko A. L., Orlova T. M. *Knowledge management. How to turn knowledge into capital*, Moscow, Eksmo, 2008, 400 p. (Polnyi kurs MVA) (in Russ.).

14. Mau V. Human capital: challenges for Russia, *Voprosy ekonomiki*, 2012, No. 7, pp. 114–132 (in Russ.).

15. Volkov A. E., Livanov D. V., Fursenko A. A. Higher education: agenda of 2008–2016, *Rossiiskoe obrazovanie: tendentsii i vyzovy: sb. st. i analit. dokl.*, Moscow, Delo, 2009, 400 p. (in Russ.).

16. Ashmarina S. I. On entrepreneurial function of a university, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2013, No. 106, pp. 30–32 (in Russ.).

17. Gus'kova N. D. Sustainable development and education, *Standarty i kachestvo*, 2014, No. 6 (924), pp. 71–72 (in Russ.).

18. Gus'kova N. D., Neretina E. A., Enaleeva Yu. R. Partnership of the state, society and universities: experience of France, *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2013, No. 2, pp. 146–154 (in Russ.).

19. Belyakov S. A., Klyachko T. L. *Estimation of the contribution of the higher and secondary education into the economy of the Russian regions*, Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2016, 82 p. (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

20. Rozhdestvenskaya I. A., Tambovtsev V. L. Interaction between authorities, business andeducational establishments in developing regional economy, *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya),* 2014, No. 7, pp. 133–136 (in Russ.).

21. Granberg A. G. *Bases of regional economy: university textbook*, 3-e izd. Moscow, GU VShE, 2005, 496 p. (in Russ.).

22. Katrovskii A. P. *Forming and developing the territorial structure of higher education in Russia,* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003, 208 p. (in Russ.).

23. Katrovskii A. P. *Developing the territorial structure of higher education in Russia,* doctoral (Geography) thesis, Moscow, 2003, 395 p. (in Russ.).

24. Khasaev G. R., Bolgova E. V. Regionalization of higher education and innovative development of economy of the Russian regions, *Izvestiya UrGEU*, 2015, No. 1 (57), pp. 61–70 (in Russ.).

25. Bolgova E. V. Economic clusters: Innovative nature and condition of efficiency of eth innovative framework of a region, *Ekonomicheskie nauki*, 2009, No. 12 (61), pp. 249–252 (in Russ.).

26. Bolgova E. V. Educational system – a territorial institution in cluster organization of economic space, *Ekonomicheskie nauki*, 2010, No. 6 (67), pp. 265–269 (in Russ.).

27. Vakhshtein V. S. *Two models of educational systems: continental and Atlantic*, available at: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/321-352_vahshtain.pdf (access date: 19.05.2018) (in Russ.).

28. *Topical issues of education development in OECD countries*, ed. M. V. Larionova, Moscow, Izdatel'skii dom GU VShE, 2005, 152 p. (in Russ.).

29. *Russia and countries of the European Union. 2017*: collection of statistics, Rosstat, Moscow, 2017, 264 p. (in Russ.).

30. Anokhin M. G. Political aspects of the problem "privatization – nationalization", *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. Mezhregional'noe nauchno-obrazovatel'noe izdanie*, Orel, 2006, No. 1, pp. 13–22 (in Russ.).

31. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration, *Revue Tiers-Monde*, 1968, Vol. 9, No. 34, pp. 239–265.

32. Perroux F. Note sur la ville considéré e comme pôle de dé veloppement et comme foyer du progress, *Revue Tiers-Monde*, 1967, Vol. 8, No. 32, pp. 1147–1158.

33. Ukrainskii V. N. Contemporary French spatial economics: theory of closeness and typologization of localized economic systems, *Prostranstvennaya ekonomika*, 2011, No. 2 (26), pp. 92–126 (in Russ.).

34. Ukrainskii V. N. French spatial economics: from industrial regions to poles of competitiveness, *Prostranstvennaya ekonomika*, 2011, No. 3 (27), pp. 71–99 (in Russ.).

35. *Regional policy of EU countries,* Tsentr evropeiskikh issledovanii IMEMO RAN, ed. A. V. Kuznetsov, Moscow, IMEMO RAN, 2009, 230 p. (in Russ.).

36. *Partnership of France and Russia: internationalization of education and science, role and possibilities of the Russian language,* Iss. 2, collection of articles, ed. E. V. Ponomarenko, Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017, 190 p. (in Russ.).

37. Kozlov S. L. Evolution of the French educational model in the 19th century, *Otechestvennye zapiski*, 2013, No. 4 (55), available at: http://www.strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke (access date: 19.05.2018) (in Russ.).

38. *France. Evolution of higher education and its social-economic role*, VShE NIU, available at: http://ecsocman.hse.ru/data/946/669/1219/sistemy_vo_ch2_9-Frantsiya.pdf (access date: 19.05.2018) (in Russ.).

39. Sinel'nikov-Murylev S. G., Klyachko T. L. New trends of higher education development. Challenges for France and Russia, *Partnerstvo Frantsii i Rossii: internatsionalizatsiya obrazovaniya i nauki, rol' i vozmozhnosti russkogo yazyka*, Is. 2: sbornik statei, ed. E. V. Ponomarenko, Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017, 190 p. (in Russ.).

40. Bauman Z. *Individualized society*, Moscow, Logos, 2002, p. 170 (in Russ.).

41. Goldstein H., Drucker J. The Economic Development Impacts of Universities on Regions: Do Size and Distance Matter?, *Economic Development Quarterly*, Vol. 20, No. 1, February 2006, pp. 22–43.

42. Etzkowitz H., Leydesdorff L. 'Introduction: Universities in the Global Knowledge Economy', in Etzkowitz H., Leydesdorff L. (eds) *Universities and the Global Knowledge Economy: a Triple Helix of University-Industry-Government Relations*, Pinter, London and Washington, 1997, pp. 1–8.

43. Goddard J., Chatterton P. Regional Development Agencies and the knowledge economy: harnessing the potential of universities, *Environment and Planning C Government and Policy*, 1999, Vol. 17, pp. 685–699. DOI: 10.1068/c17068

44. Etzkowitz H. Incubation of incubators: innovation as a triple helix of university-industry-government networks, *Science and Public Policy*, 2002, Vol. 29, Is. 2, 1 April 2002, pp. 115–128, available at: https://doi.org/10.3152/147154302781781056 (access date: 18.05.2018).

45. tzkowitz H. *MIT and the Rise of Entrepreneurial Science*, Routledge, London, 2002.

46. Chatterton P., Goddard J. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs, *European Journal of Education*,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

2000, Vol. 35, No. 4, pp. 475–496.

47. Kohoutek J., Pinheiro R. *The Role of Higher Education in the Socio-Economic Development of Peripheral Regions Higher Education Policy*, 2017.

48. Harrison J., Turok I. Universities, knowledge and regional development, *Regional Studies*, 2017, Vol. 51, No. 7, pp. 977–981.

49. Pugh R. *Universities and economic development in lagging regions: 'Triple helix' policy in Wales*, Regional Studies, 2016.

50. Johnston A., Huggins R. Drivers of university-industry links: The case of knowledge-intensive business service firms in rural locations, *Regional Studies*, 2016, Vol. 50, No. 8, pp. 1330–1345. DOI: 10.1080/00343404.2015.1009028

51. Frenkel A., Leck E. Spatial aspects of education – job matching and job selection in Israel, *Regional Studies. Samuel Neaman Institute for Advanced Studies in Science and Technology,* 2014, available at: http://pick-me.carloalberto.org/images/PICKWP54.pdf (access date: 18.05.2018).

52. *Press on the reform of higher education in France*, available at: http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170911-pressa-o-reforme-vysshego-obrazovaniya-vo-frantsii (access date: 19.05.2018).

53. ARWU Top universities – Results 2018, Retrieved April 30, 2018, available at: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018 (access date: 19.05.2018).

54. QS Top universities – Results 2018, Retrieved April 30, 2018, available at: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018 (access date: 19.05.2018).

55. ARWU Top universities – Methodology (2018, April 30), Retrieved April 30, 2018, available at: https://www.educationindex.ru/articles/universityrankings/arwu/ methodology (access date: 19.05.2018).

56. QS Top universities – Methodology (2018, April 30), Retrieved April 30, 2018, available at: https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/ methodology (access date: 19.05.2018).

57. Classement Eduniversal 2018 des Meilleurs Masters, MS&MBA (2018, April 17), Retrieved April 17, 2018, available at: http://www.meilleurs-masters.com (access date: 19.05.2018).

Дата поступления / Received 20.06.2018
Дата принятия в печать / Accepted 28.07.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Болгова Е. В., Курникова М. В., 2018
© Bolgova E. V., Kurnikova M. V., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 338.2:339.5
JEL F13, F17, L52, O24

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.502-522

С. Ю. МАЛКОВ[1],
С. Э. БИЛЮГА[2],
О. И. ДАВЫДОВА[3]

[1]Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия
[2]Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
[3]ООО «АйДесайд Консалтинг», г. Королев, Россия

ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ МИРОВОГО ИМПОРТА ПО ТОВАРНЫМ ГРУППАМ

Контактное лицо:
Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
E-mail: s@malkov.org
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9654-1439
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-5734-2015

Билюга Станислав Эдуардович, преподаватель кафедры глобалистики факультета глобальных процессов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 13
E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7015-860X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-8770-2017

Давыдова Ольга Игоревна, аналитик, ООО «АйДесайд Консалтинг»
Адрес: 141070, Московская область, г. Королев, ул. Калинина, 6б, оф. 32
E-mail: davydova.olga.msk@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5308-3143
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2740-2018

Цель: прогноз структуры и объемов мирового импорта по товарным группам.
Методы: статистическая обработка данных по мировой торговле методами Big Data, регрессионный и корреляционный анализ.
Результаты: российская экономика нуждается в структурной перестройке экспорта. Для решения этой задачи важное значение имеют оценка и прогнозирование мирового спроса на те или иные товары. В статье представлены результаты анализа основных тенденций и прогнозов развития отдельных отраслей, а также их место в мировой торговле. Показано, что в соответствии с прогнозами аналитиков в ближайшие годы значительные перспективы имеются в сфере фармацевтики, автомобилестроения, продукции авиастроения, телекоммуникаций и др.
Для построения прогнозного спроса на товарные группы были использованы данные UNCTAD с выборкой групп товаров для каждой страны. В результате построения трендов в статье определены основные товарные категории, которые будут иметь наибольший рост в мировой торговле. Установлено, что построенные прогнозы соответствуют данным экономических исследований и прогнозам аналитических компаний. В статье также определена зависимость между импортом товаров по странам и различными показателями. Выявлены показатели, которые характеризуются наиболее высоким уровнем корреляции с изучаемыми товарными категориями. На основе полученных результатов сформулированы выводы о наиболее перспективных отраслях для российского экспорта в целях перехода к несырьевой экономике.
Научная новизна: разработана методика, позволяющая сделать долгосрочный прогноз торговой динамики больших объемов данных.
Практическая значимость: результаты прогноза целесообразно использовать для определения приоритетов промышленной политики России, направленной на форсированный переход к несырьевой экономике.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; структура мирового импорта; методика прогноза; направления промышленной политики

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Малков С. Ю., Билюга С. Э., Давыдова О. И. Прогноз динамики мирового импорта по товарным группам // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 502–522. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.502-522

S. YU. MALKOV[1],
S. E. BILYUGA[2],
O. I. DAVYDOVA[3]

[1]Institute for Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[2]Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia
[3] Limited Liability company "iDecide Consulting", Korolev, Russia

FORECAST OF THE DYNAMICS OF WORLD IMPORT BY COMMODITY GROUPS

Contact:
Sergey Yu. Malkov, Doctor of Engineering, Professor,
Leading Researcher, Institute for Economics of the Russian Academy of Sciences,
Address: 32 Nakhimovskiy prospect, 117218 Moscow
E-mail: s@malkov.org
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9654-1439
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/L-5734-2015

Stanislav E. Bilyuga, Lecturer of the Department of Globalistics
of the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Address: l Leninskiye gory, building 13, GSP-1, 119991 Moscow
E-mail: bilyuga@fgp.msu.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7015-860X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-8770-2017

Olga I. Davydova, analyst, Limited Liability company "iDecide Consulting"
Address: of. 32, 6B, Kalinina str., 141070 Korolev, Moscow region
E-mail: davydova.olga.msk@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5308-3143
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2740-2018

Objective: to forecast the structure and volume of world imports by commodity groups.
Methods: statistical processing of global trade data with Big Data methods, regression and correlation analysis.
Results: the Russian economy needs to restructure exports. To solve this problem, it is important to assess and forecast the global demand for certain goods. The article presents the results of the analysis of the main trends and forecasts of the development of individual industries, as well as their place in the global trade. It is shown that in accordance with the forecasts of analysts, there are significant prospects in the coming years in the fields of pharmaceutics, automotive industry, aircraft production, telecommunications, etc.
UNCTAD data with a sample of product groups for each country were used to model the forecast demand for product groups. As a result of the trends modeling, the article identifies the main product categories that will have the greatest growth in the global trade. It is established that the constructed forecasts correspond to the data of economic research and forecasts of analytical companies. The article also determines the relationship between imports of goods by country and various indicators. The indicators that are characterized by the highest level of correlation with the studied product categories are revealed.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

On the basis of the obtained results, the conclusions are formulated about the most promising sectors for Russian exports in order to transit to a non-resource economy.
Scientific novelty: the technique is developed, which enables to make long-term forecasts of trade dynamics of large volumes of data.
Practical significance: the results of the forecast should be used to determine the priorities of Russia's industrial policy aimed at accelerated transition to a non-resource economy.

Keywords: Economy and management of national economy; Structure of world import; Forecasting technique; Directions of industrial policy

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Malkov S. Yu., Bilyuga S. E., Davydova O. I. Forecast of the dynamics of world import by commodity groups, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 502–522 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3. 502-522

Введение

Одной из основных задач, стоящих перед Россией, является переход к несырьевой модели экономики. Для этого следует повысить качество продукции, что позволит экспортировать ее на внешние рынки.

В ряде отраслей российской промышленности имеется большой нереализованный экспортный потенциал. Это автомобильная и авиационная промышленность, сельскохозяйственное и железнодорожное машиностроение, агропромышленный и оборонно-промышленный сектора, обработка драгоценных металлов и камней и т. д. С другой стороны, чтобы правильно выстроить экспортно ориентированную промышленную политику, необходимо знать, на какие виды продуктов будет расти мировой спрос в долгосрочном периоде. Эту информацию можно получить путем анализа динамики мирового импорта по товарным группам. Однако массивы статистической информации как по объемам внешнеэкономической деятельности, так и по социально-экономическим показателям отдельных стран и мира в целом велики.

Большие данные[1] ввиду своего громоздкости и комплексности могут представлять некоторые сложности в анализе обычными статистическими методами и в отдельных случаях превосходить возможности статистических пакетов, а также представляют значительные сложности в процессе компактного представления результатов. Несмотря на то, что для значительного разнообразия больших данных требуются новые статистическое мышление и методы, основное внимание уделяется подбору поисковых механизмов и стандартных статистических моделей для работы с большими данными. В этой связи для анализа больших данных существуют два очевидных вычислительных барьера, классическим из которых является предел объема данных для хранения на компьютере, а другой связан с вычислительными сложностями поиска направления исследований и подбора оптимальной спецификации моделей. И если первый вариант для анализа обобщенной социально-экономической и внешнеторговой статистики не так критичен, то второй барьер может проявиться в процессе более глубокого исследования достаточно быстро. Так, вычислительные задачи для целей эконометрического моделирования, такие как выбор направления для анализа, когда число переменных исчисляется тысячами; перебор комбинации спецификации уравнений через подбор лаговых переменных авторегрессии и экзогенных факторов; проверка стабильности моделей на большом числе подвыборок, могут занять слишком много времени, и результат можно ждать длительное время[2], в отдельных случаях речь идет о месяцах непрерывной работы вычислительных систем.

[1] «Большие данные» как термин в современном представлении был показан в исследовании [1] с отсылкой на высказывание J. Mashey [2].

[2] Ранее исследователями предлагалось множество процедур обработки больших данных для снижения затрат вычислитель-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В этой связи встает необходимость первичного скрининга прогнозов динамики для целей обобщенной оценки, а также зависимостей отдельных показателей между собой для снижения растраты вычислительной мощности систем анализа больших данных с целью их концентрации на данных, где закономерности действительно могут быть выявлены и измерены более комплексными моделями.

В этой связи основной целью данной статьи является предложение варианта реализации прогноза по товарным категориям импорта, обобщенного на основе прогнозов для множества прогнозных динамик стран мира, а также скрининг корреляции большого числа товарных категорий импорта к большому числу социально-экономических показателей.

Результаты исследования

Обобщение основных тенденций несырьевых отраслей

Рассмотрим некоторые несырьевые отрасли. Например, фармацевтика и биотехнологии являются самыми высокотехнологичными отраслями в мире по объему абсолютных и относительных затрат на НИОКР. Это наиболее крупные сегменты рынка здравоохранения, на которые приходится 70 % его объема и свыше 1 трлн долл.

Отчет «Обзор тенденций на глобальном и российском фармацевтическом рынке» [13] от компании Frost & Sullivan показывает, что мировой фармацевтический рынок с учетом биотехнологий будет расти в среднем на 4,6 % и составит 1,7 трлн долл. США в 2025 г.

Будущее автомобильного рынка показано в работе «Крупнейшие автомобильные рынки мира в 2030 году: страны с формирующимся рынком преображают мировую автомобильную промышленность» [14]. Исследователи пришли к следующим выводам: к 2030 г. в мире сформируется новая «большая тройка» производителей – из Китая, США и Индии. Согласно прогнозам, указанные страны будут иметь 60 % мировых продаж транспортных средств. Более того, общее число автомобилей, находящихся в эксплуатации, увеличится до 1 млрд в период с 2010 до 2030 гг. Причем 75 % роста числа транспортных средств придется на страны с развивающимися рынками. Стоит отметить, что объем российского рынка достигнет 4 млн автомобилей в год к 2030 г., что сделает Россию шестым по величине рынком автотранспортных средств в мире.

Что касается крупных производителей авиационных продуктов, то, помимо США, Франции и Великобритании, рассматриваются Россия и Китай [15]. Согласно стратегии развития авиационной промышленности Российской Федерации[3], выручка организаций отрасли к 2030 г. составит 2,6 трлн руб., или 8–9 % роста до 2025 г., рост замедлится в период с 2026 по 2030 гг. и составит в среднем 5–6 % в год. Доля экспорта авиационной промышленности должна существенно вырасти и составить 40 % (14,4 млрд руб.), что, по оценкам экспертов, будет сопровождаться четырехкратным увеличением производительности труда.

В работе «Мировой рынок телекоммуникационного оборудования: драйверы конъюнктурных изменений» [16] И. В. Рудник утверждает, что на сегодняшний день рынок телекоммуникационных услуг переживает стадию трансформации. Конкурентная борьба заставляет операторов предоставлять более качественные услуги с предложением оптимальных тарифных планов. По оценкам экспертов, число абонентов в 2020 г. достигнет 1 млрд человек, что будет сопровождаться существенным увеличением доли покрытия с 50 до 60 %. Капитальные инвестиции операторов связи составят 250 млрд долл., что существенно превосходит ранее достигнутые показатели. Структура трафика также будет меняться в пользу более современных технологий связи 4G/5G, что неминуемо приведет к росту числа соединений.

При этом, по оценкам J'son & Partners Consulting [17], в России насчитывается около 1 000 предприятий, занятых разработкой и производством телекоммуникационного оборудования общего назначения.

ной возможности исследовательских систем. Сюда необходимо отнести процедуры масштабирования для работы с массивными наборами данных [3], использование множества подвыборок для объема информации в обработке [4–7], подходы оценки стабильности показателей и компактного представления результатов решения на основе большого числа уравнений [8–10], подходы агрегированной оценки результатов моделирования по разделенным выборкам [11–12].

[3] Стратегия развития авиационной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. Приложение 1. URL: https://www.aex.ru/imgupl/files/Strategiya_v_05102017.docx (дата обращения: 06.06.2018)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Предварительный анализ крупнейших топ-100 предприятий показал, что более 65 % из них относятся к крупным и средним предприятиям. Доля компаний с иностранным участием составляет чуть более 10 %. Следует отметить, что предприятия отрасли активно наращивали выпуск продукции. Согласно оценкам, сделанным по данным СПАРК, за последние пять лет выручка топ-100 компаний увеличилась в два раза[4] [17].

Согласно исследованию OECD-FAO Agricultural Outlook 2016–2025 [18], существенное снижение цен в прошлые годы было обусловлено значительным наращиванием предложений сельскохозяйственных культур, снижением спроса в связи с замедлением роста мировой экономики и существенным падением цен на нефть. По оценкам экспертов, период до 2025 г. будет характеризоваться существенным снижением спроса на продовольственные товары.

Далее проанализируем ситуацию в сырьевом секторе. В докладе Exxon Mobil [19], крупнейшей нефтяной компании в мире, делаются следующие выводы:

– нефть останется основным источником первичной энергии в мире до 2040 г., на долю которой будет приходиться около трети всего спроса на энергию;

– спрос на природный газ будет расти самыми большими темпами, относительно других видов энергии, достигая четверти всего спроса;

– уголь останется важным источником энергии в некоторых частях света, но потеряет значительную долю рынка, поскольку мир постепенно перейдет к источникам энергии с меньшими выбросами в атмосферу;

– ядерные и возобновляемые источники энергии будут характеризоваться сильным ростом, примерно в 40 %.

Компания British Petroleum подготовила «Прогноз развития мировой энергетики до 2035 года» [20], в котором выделила следующие тенденции:

– мировой спрос на энергоресурсы к 2035 г. вырастет примерно на 30 % благодаря росту благосостояния в развивающихся странах;

– спрос на газ будет расти быстрее, чем на нефть и уголь;

– спрос на нефть продолжит расти, но более низкими темпами;

– в связи с переходом на топливо с низким содержанием углерода и совершенствованием технологий изменится структура спроса на первичные энергоресурсы, но нефть и газ, наряду с углем, останутся основными источниками энергии в период до 2035 г.

Руководство Royal Dutch Shell Plc, второй в мире нефтедобывающей компании по рыночной стоимости, не согласно с мнением большинства конкурентов. По словам главного финансового директора Shell Саймона Анри, спрос на нефть начнет устойчиво сокращаться раньше предложения. Скорее всего, это случится в ближайшие 5–15 лет на фоне оптимизации использования и перехода на альтернативные источники энергии.

Перейдем к задаче прогнозирования мирового спроса на различные группы товаров. Для решения данной задачи использованы данные United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21], отражающие долгосрочную динамику мирового импорта. В частности, для всех стран мира имеются ряды данных по импорту с 2000 по 2015 гг. для 255 товарных категорий. В ходе исследования для каждой страны выбирались 10 категорий товаров, объем импорта которых был наибольшим за последние пять лет. Для каждой из этих 10 категорий строился прогноз на 2024 г. Затем посредством суммирования по всем странам оценивался общий прогноз импорта для каждой категории товаров.

Рассмотрим процесс моделирования и прогнозирования импорта более подробно. Для прогнозирования мирового спроса на различные группы товаров были использованы кроссплатформенная среда разработки Anaconda и язык программирования Python, предназначенный для решения задач в области Data Science и машинного обучения.

На первом этапе был проведен анализ статистических рядов импорта за 2000–2015 гг. С помощью библиотеки Matplotlib языка программирования Python визуализированы статистические ряды импорта для каждой страны и каждой (из десяти выбранных) товарной категории. Уже на данном шаге можно сделать вывод о том, что импортируемые товары условно делятся на две группы:

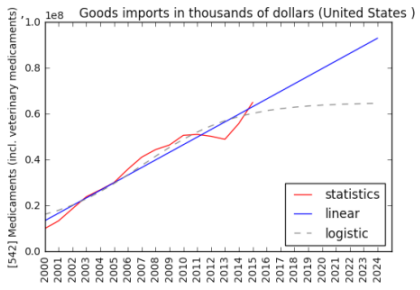
– товары, спрос на которые стабильно растет;

– товары, спрос на которые замедляется либо начинает убывать.

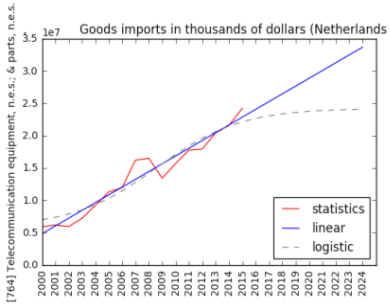
На рис. 1 и 2 приведены примеры таких товарных групп.

[4] Информационный ресурс СПАРК. URL: http://www.spark-interfax.ru/ (дата обращения: 06.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)



Медикаменты (США) / Pharmaceuticals (USA)



Телекоммуникационное оборудование (Нидерланды) / Telecommunication equipment (Netherlands)

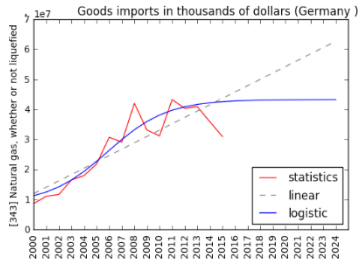
Моторные транспортные средства для перевозки людей (Турция) / Motor vehicles for the transport of persons (Turkey)

Рис. 1. Пример моделирования растущего импорта с помощью линейной зависимости*

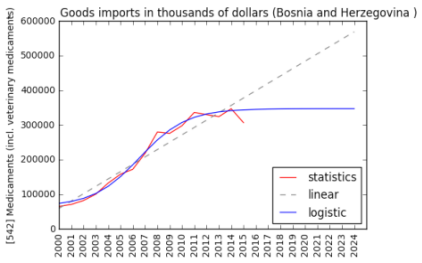
* *Источник:* статистические ряды – United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21].

Fig. 1. Example of modeling the growing import with linear dependence*

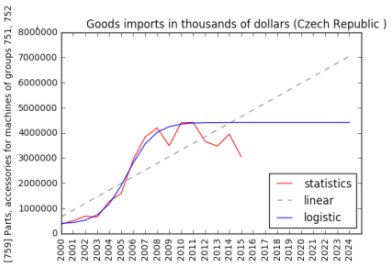
* *Source:* statistical series – United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21].



Природный газ (Германия) / Natural gas (Germany)



Медикаменты (Босния и Герцеговина) / Pharmaceuticals (Bosnia and Herzegovina)



Детали для машин (Чехия) / Automobile spare parts (Czech Republic)

Рис. 2. Пример моделирования импорта с помощью логистической зависимости*

* *Источник:* статистические ряды – United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21].

Fig. 2. Example of modeling import with logistic dependence*

* *Source:* statistical series – United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Группу товаров, спрос на которые стабильно растет, решено моделировать на основе линейной регрессии:

$$Y_t = a + b \times trend + e_t, \quad (1)$$

где Y_t – товарная категория импорта; a – константа; b – коэффициент при тренде, трендовая переменная; e_t – ошибки наблюдения.

Коэффициенты регрессии определяются с помощью библиотеки Sklearn языка программирования Python.

Группа товаров, спрос на которые замедляется либо убывает, анализируется с помощью логистической зависимости:

$$Y_t = \frac{c}{1 + e^{-at-b}} + e_t. \quad (2)$$

Коэффициенты логистической зависимости (сигмоиды) идентифицируются на основе метода наименьших квадратов с использованием функции Differential_evolution библиотеки Scipy, предназначенной для поиска глобального минимума функции суммы квадратов отклонений статистических значений импорта от расчетных.

Для автоматического определения того, какой зависимостью (линейной или логистической) будет моделироваться конкретный ряд импорта, рассматривается величина среднеквадратической ошибки модели. Если среднеквадратическая ошибка меньше при использовании линейной зависимости, то ряды импорта моделируются линейной зависимостью (экстраполяцией уравнения линейной регрессии (1) до 2024 г.), в противном случае – логистической зависимостью (экстраполяцией уравнения сигмоиды (2) до 2024 г.).

На втором этапе, после того как выбран вид модели и идентифицированы коэффициенты модели, осуществляется прогноз рядов импорта 10 товарных категорий для каждой страны, что позволяет получить итоговую структуру спроса на конкретный год. С целью получения структуры спроса для каждой товарной категории считается итоговый импорт посредством суммирования по странам.

По результатам проведенных расчетов импорт следующих 20 товарных категорий будет наибольшим в 2024 г.:

– нефть, масла из битумных материалов, сырые;
– катодные клапаны и трубки;
– нефть или битумные минералы (>70 % масла);
– телекоммуникационное оборудование и комплектующие;
– моторные транспортные средства для перевозки людей;
– медикаменты (в том числе ветеринарные лекарственные средства);
– комплектующие транспортных средств;
– природный газ, сжиженный и несжиженный;
– машины для автоматической обработки данных;
– золото неденежное (за исключением золотых руд и концентратов);
– железная руда и концентраты;
– самолеты и связанное с ними оборудование, космические аппараты;
– приборы для электрических цепей; доски, панели;
– жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни;
– лекарственные и фармацевтические продукты;
– уголь, пылевидный и непылевидный (не агломерат);
– детали, принадлежности для машин;
– электрические машины и аппараты;
– мебель и детали;
– моторные транспортные средства для перевозки грузов, специального назначения.

На рис. 3.1–3.20 представлены авторские прогнозные диаграммы до 2024 г. для каждой из вышеперечисленных категорий товаров.

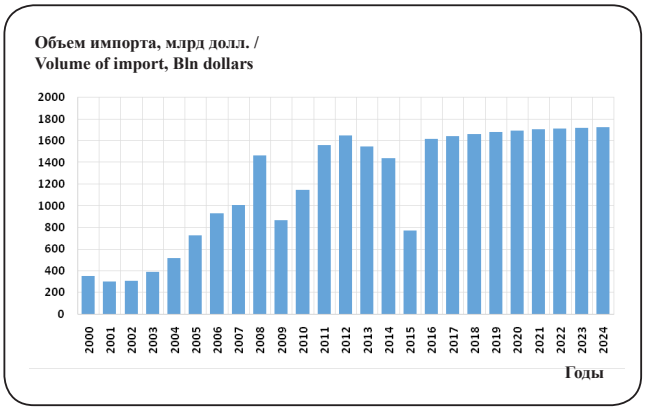


Рис. 3.1. [333] Нефть, масла из битумных материалов, сырые

Fig. 3.1. Petroleum oils, oils from bitumin. materials, crude

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

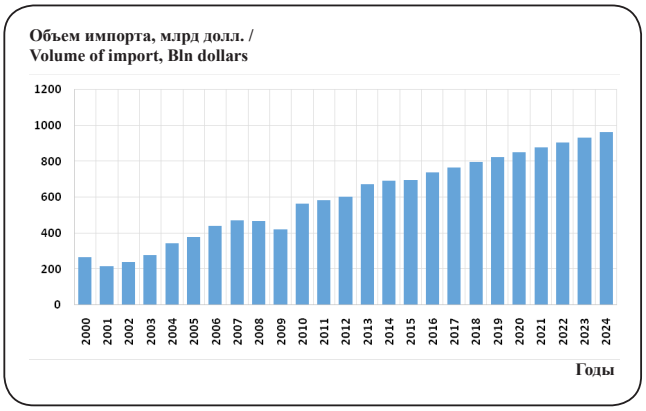


Рис. 3.2. [776] Катодные клапаны и трубки
Fig. 3.2. Cathode valves & tubes

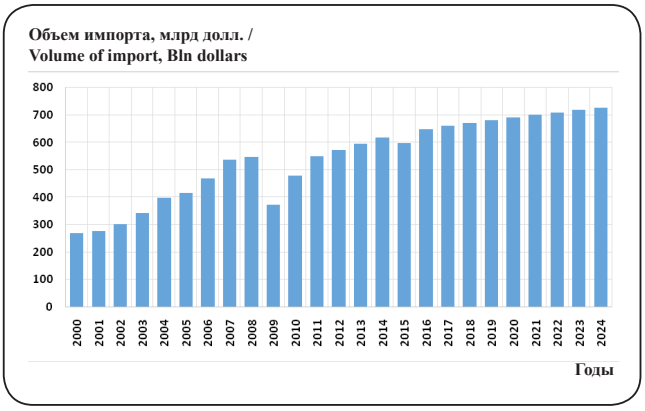


Рис. 3.5. [781] Моторные транспортные средства для перевозки людей
Fig. 3.5. Motor vehicles for the transport of persons

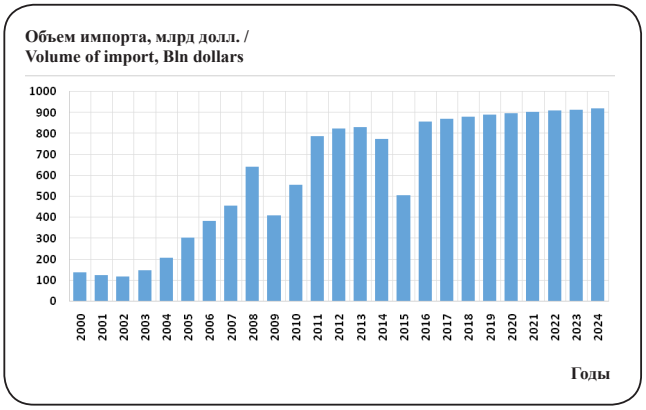


Рис 3.3. [334] Нефть или битумные минералы (>70 % масла)
Fig. 3.3. Petroleum oils or bituminous minerals >70 % oil

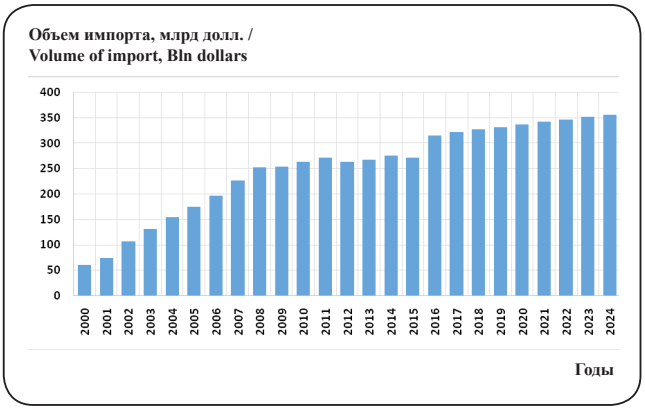


Рис. 3.6. [542] Медикаменты (в том числе ветеринарные лекарственные средства)
Fig. 3.6. Medicaments (incl. veterinary medicaments)

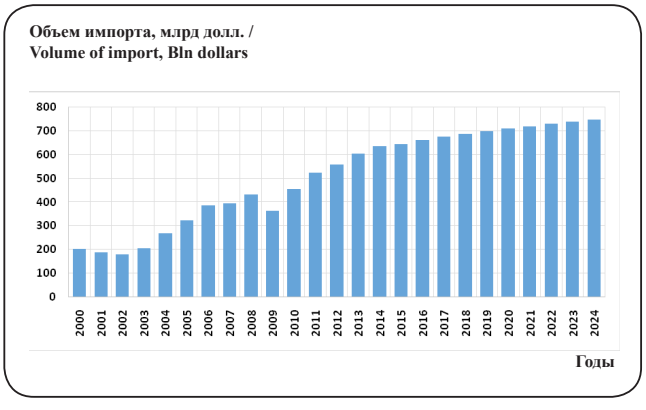


Рис. 3.4. [764] Телекоммуникационное оборудование и комплектующие
Fig. 3.4. Telecommunication equipment, n.e.s.; & parts, n.e.s.

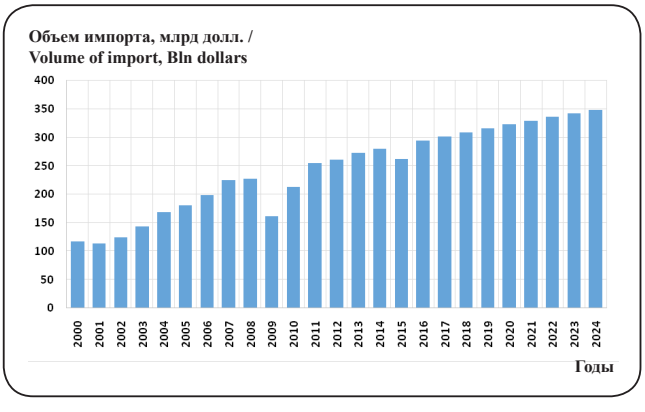


Рис. 3.7. [784] Комплектующие транспортных средств
Fig. 3.7. Parts & accessories of vehicles of 722, 781, 782, 783

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

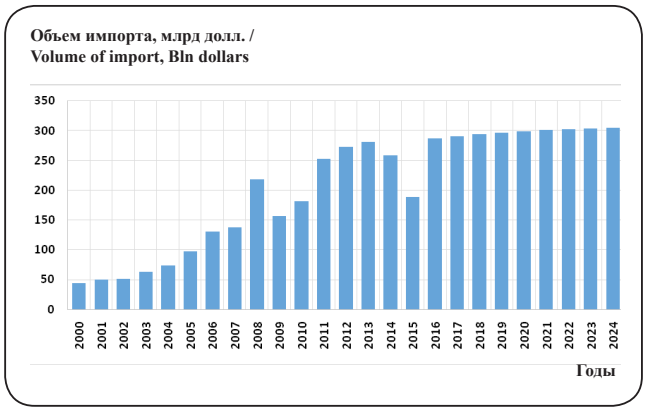


Рис. 3.8. [343] Природный газ, сжиженный и несжиженный
Fig. 3.8. Natural gas, whether or not liquefied

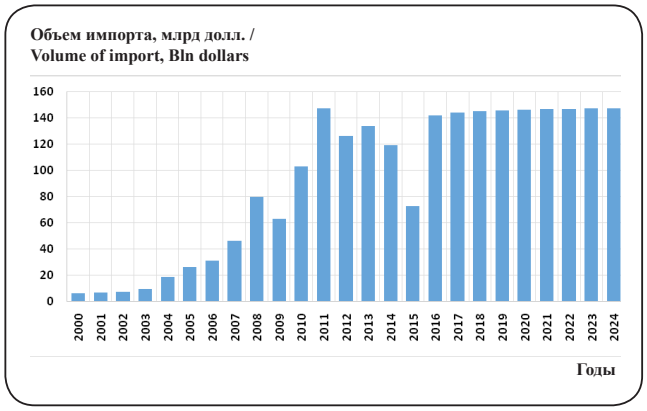


Рис. 3.11. [281] Железная руда и концентраты)
Fig. 3.11. Iron ore and concentrates

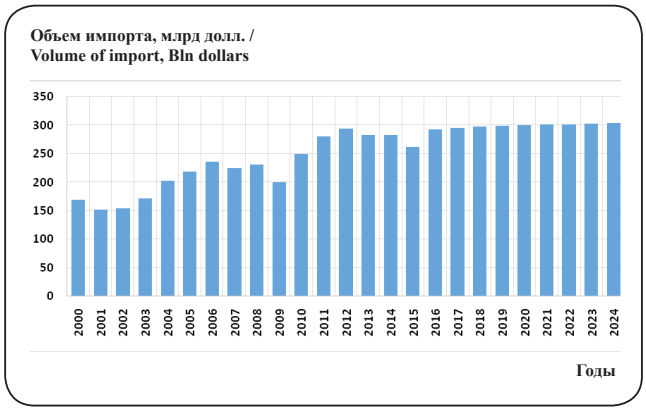


Рис. 3.9. [752] Машины для автоматической обработки данных
Fig. 3.9. Automatic data processing machines, n.e.s.

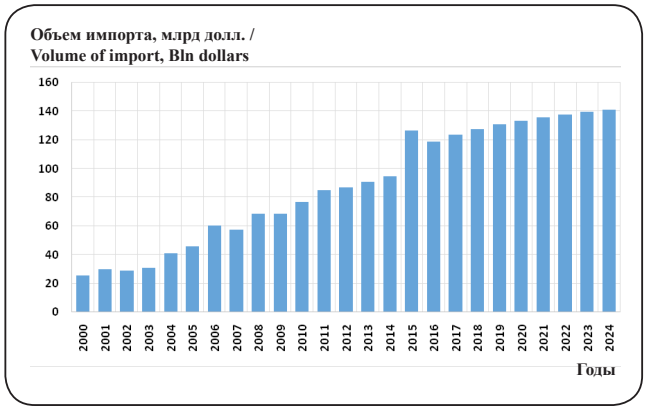


Рис. 3.12. [792] Самолеты и связанное с ними оборудование, космические аппараты
Fig. 3.12. Aircraft & associated equipment; spacecraft, etc.

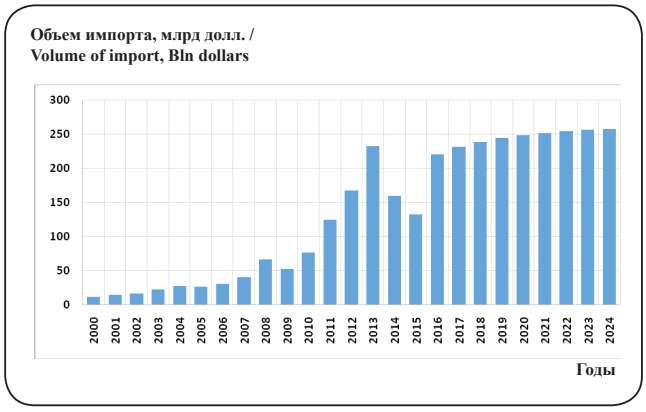


Рис. 3.10. [971] Золото неденежное (за исключением золотых руд и концентратов)
Fig. 3.10. Gold, non-monetary (excluding gold ores and concentrates)

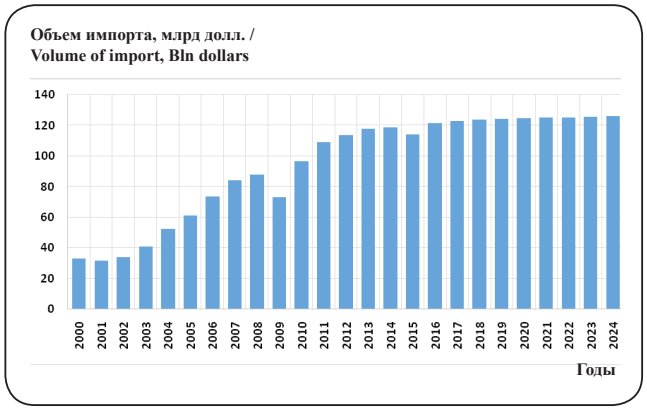


Рис. 3.13. [772] Приборы для электрических цепей; доски, панели
Fig. 3.13. Apparatus for electrical circuits; board, panels

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

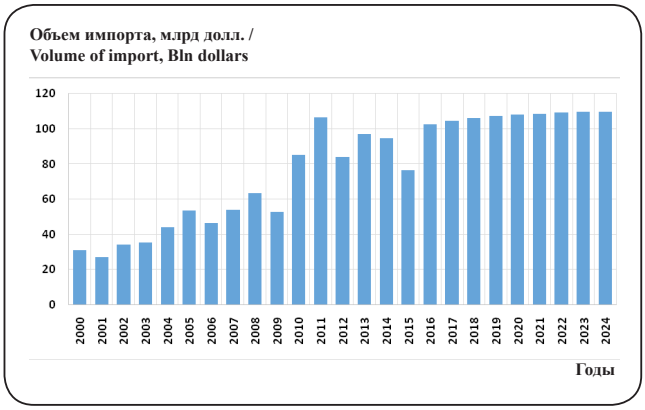


Рис 3.14. [667] Жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни
Fig. 3.14. Pearls, precious & semi-precious stones

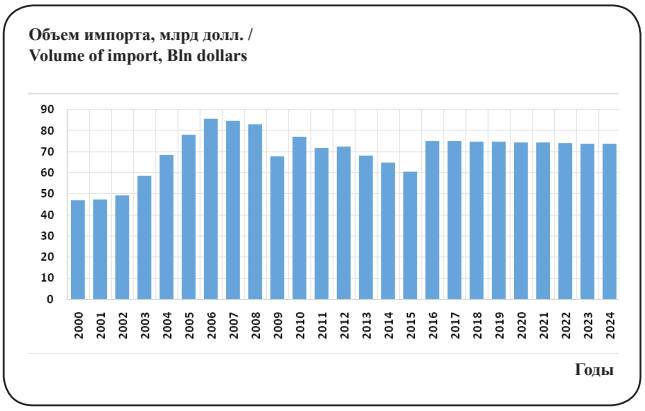


Рис. 3.17. [759] Детали, принадлежности для машин
Fig. 3.17. Parts, accessories for machines of groups 751, 752

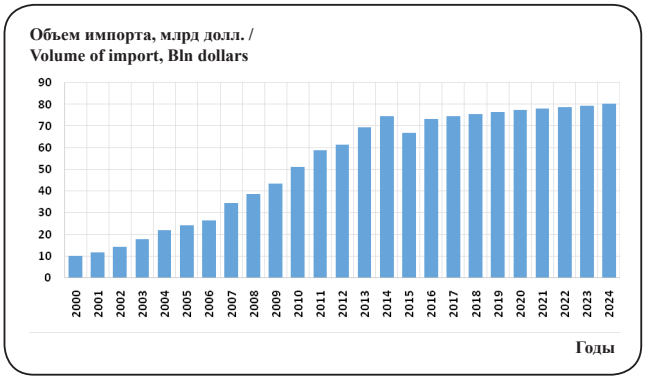


Рис. 3.15. [541] Лекарственные и фармацевтические продукты
Fig. 3.15. Medicinal and pharmaceutical products, excluding 542

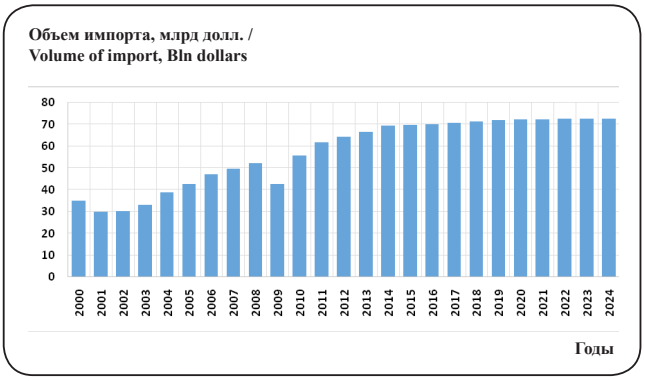


Рис. 3.18. [778] Электрические машины и аппараты
Fig. 3.18. Electrical machinery & apparatus, n.e.s.

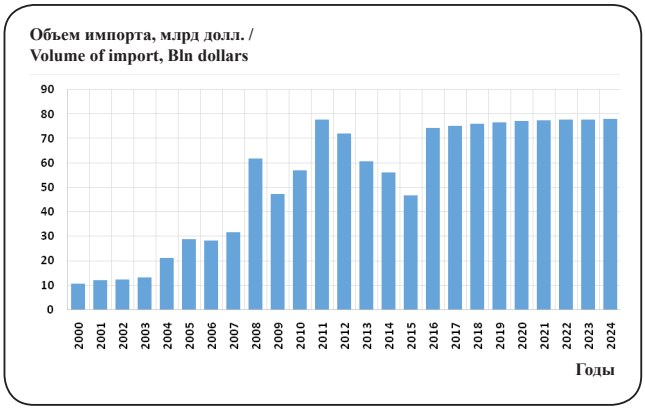


Рис. 3.16. [321] Уголь, пылевидный и непылевидный (не агломерат)
Fig. 3.16. Coal, whether or not pulverized, not agglomerated

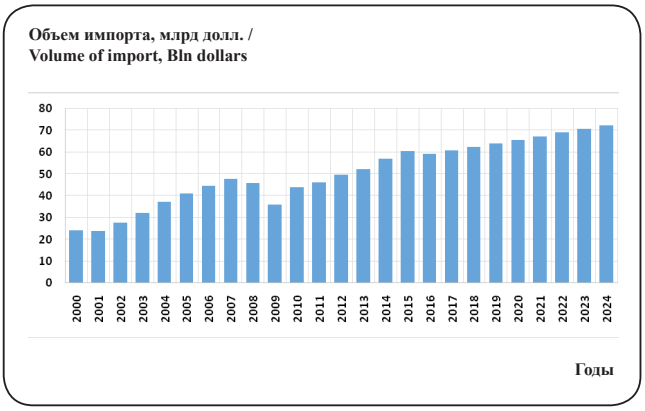


Рис. 3.19. [821] Мебель и детали
Fig. 3.19. Furniture & parts

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

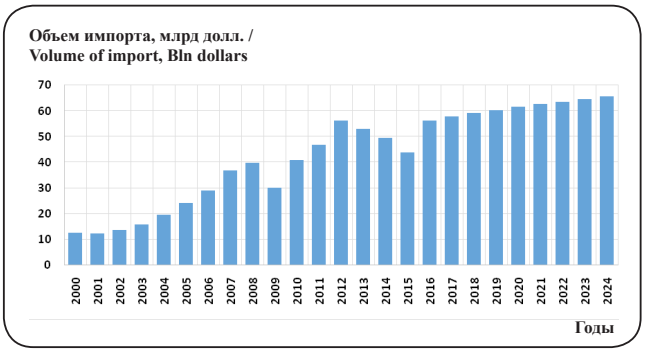


Рис. 3.20. [782] Моторные транспортные средства для перевозки грузов, специального назначения
Fig. 3.20. Motor vehic. for transport of goods, special purpo

На рис. 4 представлены прогнозные объемы мирового импорта в 2024 г.

По результатам моделирования нефть будет характеризоваться наибольшим спросом среди всех товарных категорий. В долгосрочном прогнозе до 2040 г., составленном в 2017 г. Организацией стран – экспортеров нефти (ОПЕК), утверждается, что нефть останется основным источником энергии. В ближайшие 15 лет спрос на нефть вырастет на 14,3 mboe/d (boe – эквивалент барреля нефти), с 86,5 mboe/d, наблюдаемых в 2015 г., до 100,7 mboe/d, предсказанных для 2040 г. [22]. К таким же выводам в ходе прогнозирования пришла компания Exxon Mobil [19].

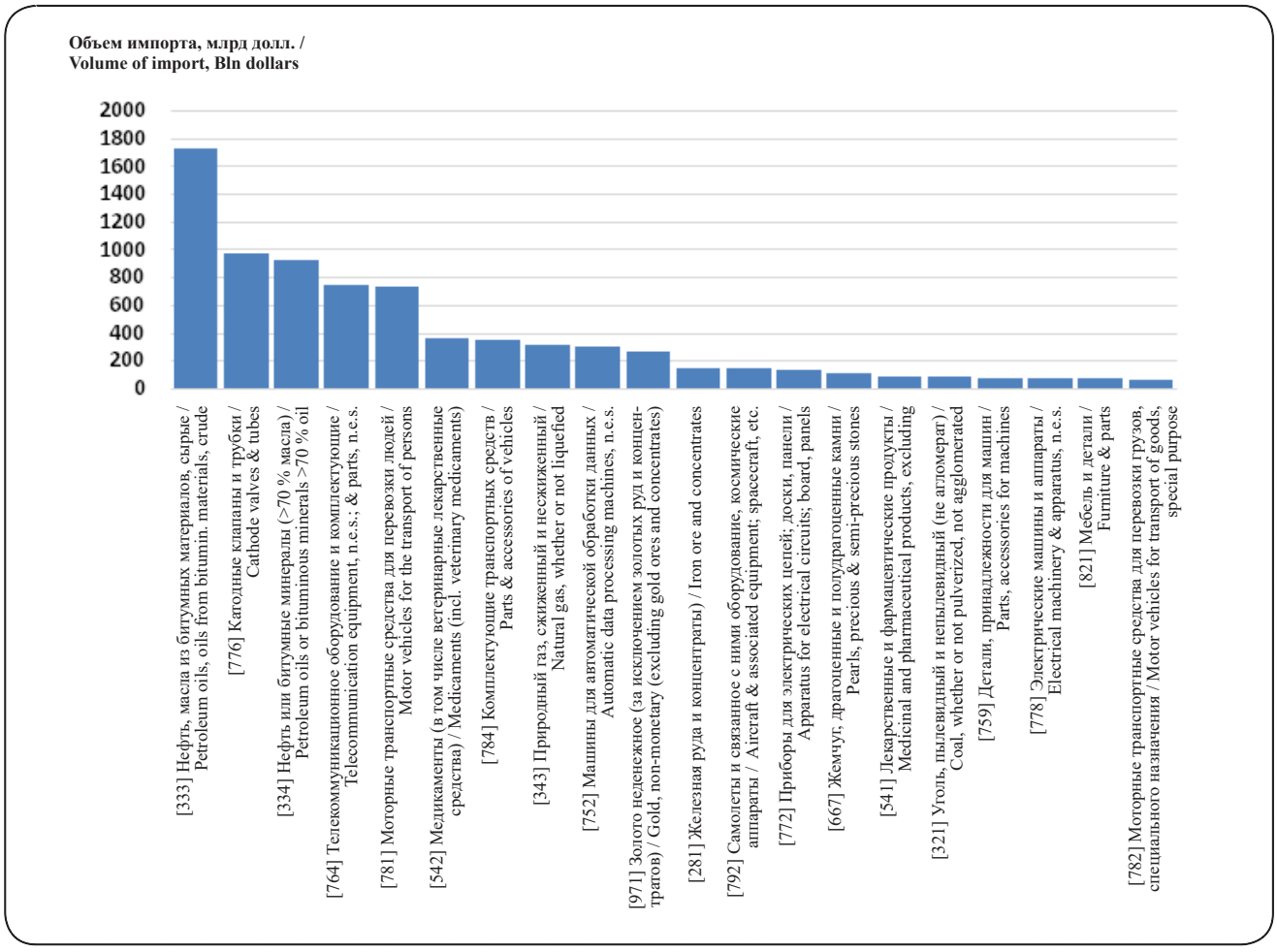


Рис. 4. Объемы мирового импорта товарных категорий в 2024 г.*
Fig. 4.Total imports* [year 2024]

* *Источник:* составлено авторами.
* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Немаловажную роль будет играть телекоммуникационное оборудование. Рынок телекоммуникационного оборудования был проанализирован и спрогнозирован в исследовании компании Market Research Future. Согласно данным их отчета, объем рынка телекоммуникационного оборудования, основными покупателями которого являются предприятия в области электроники, торговли, обороны в банковской сфере, СМИ, правительственные организации и мобильные операторы, в 2023 г. составит около 600 млрд долл. США [23].

Существенный спрос на автомобильные транспортные средства будет возникать в первую очередь благодаря развивающимся рынкам, таким как Китай и Индия. По данным исследовательского дома Bernstein и сайта Business Insider, количество автомобилей в 2015 г. составило 1,1 млрд. Прогнозируется рост до 1,5 млрд в 2025 г. и до 2 млрд в 2040 г. [24].

Согласно исследованию EvaluatePharma «World Preview 2017, Outlook to 2022», фармацевтическая отрасль вырастет в период 2017–2022 на 6,5 %. Объем продаж безрецептурных препаратов превысит 1 трлн долл. уже в 2022 г. Одной из причин роста объемов фармацевтического рынка является расширение существующих методов лечения [25].

McKinsey утверждает, что доля природного газа в глобальной структуре энергетики возрастет с 22 % в 2016 г. до 23 % в 2030 г., что обусловлено экономическим ростом Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии [26]. Природный газ постепенно будет вытеснять уголь и нефть. «Лукойл» в работе «Global trends in oil & gas markets to 2025» оценивает годовой рост потребления природного газа в 2,2 % [27]. По данным организации BP (British Petroleum) потребление газа возрастет с 3 135 mtoe (млн тонн нефтяного эквивалента) в 2015 г. до 4 319 mtoe в 2035 г. и составит четверть всей первичной энергии [28].

В отличие от природного газа спрос на уголь будет существенно меньше. BP предполагает, что доля угля во всей первичной энергии будет снижена с 29 % в 2015 г. до 24 % в 2035 г., а годовой рост рынка угля в 2015–2035 гг. составит всего 0,2 %, в то время как рост рынка природного газа достигнет 1,6 %, а нефти – 0,7 % [28]. Результаты моделирования, проведенного в настоящей работе, также наглядно демонстрируют, что уголь будет востребован намного меньше, чем нефть.

Среди металлов особым спросом будет пользоваться железная руда. В 2017 г. мировой объем торговли железной рудой составил 1 553 млн тонн. Департамент промышленности, инноваций и науки правительства Австралии прогнозирует рост торговли железной рудой до 1 667 млн тонн в 2023 г. [29].

Что касается драгоценных металлов, в частности, золота, несмотря на то, что спрос на него начнет падать после 2019 г., этот продукт по-прежнему будет достаточно востребованным. Алекс Делюс в статье «Самые крупные производители золота в 2017 г.: компании и нации» прогнозирует пик мировых поставок золота в 2019 г. в объеме более 3 000 тонн с постепенным снижением до 2 000 тонн в 2025 г. [30]. Компания Thomson Reuters GFMS в начале 2018 г. опубликовала прогноз рынка золота до 2020 г., в котором также наблюдается тенденция к снижению предложения золота в ближайшие годы [31].

По данным Airbus, годовой пассажиропоток на воздушном транспорте в 2015–2035 гг. увеличится с 7 до 17 трлн RPK (Revenue Passenger Kilometres), в связи с чем возникнет дополнительный спрос на летательные аппараты. До 2036 г. потребуется 34 900 новых летательных аппаратов, причем 40 % из них будет использовано для замены старых самолетов, а 60 % обеспечат возникший рост перевозок [32].

Согласно статистическому порталу Statista, на рынке компьютерного оборудования будет наблюдаться постепенный спад. Количество продаваемых планшетов с 2017 по 2022 гг. упадет с 163,7 млн до 137,9 млн устройств, настольных компьютеров – с 95,4 до 86,6 млн соответственно. Небольшой рост будет наблюдаться на рынке ноутбуков – с 161,6 млн до 161,7 млн устройств [33].

В целом прогнозы рядов импорта, выполненные в данной работе, во многом совпадают с прогнозами других аналитических компаний, но в отличие от них охватывают глобальный рынок как с географической точки зрения, так и с точки зрения различных видов товаров.

Следующая часть анализа посвящена выявлению зависимостей между импортом товаров и различными показателями. Проблемы с большими данными могут быть математически смоделированы и решены с использованием математических методов анализа, таких как факторный и корреляционный анализ. При рассмотрении отношений между показателями

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

корреляционный анализ может быть использован для извлечения сильных и слабых зависимостей, для последующего их отбора с целью моделирования более комплексными моделями. Таким образом, в данном исследовании для каждой из 255 товарных категорий рассчитывается коэффициент корреляции между объемом импорта и различными показателями в 2014 г. Для расчета коэффициента корреляции используется функция pearsonr библиотеки scipy языка программирования Python.

Из всех стран выбраны 70, население которых превосходит 10 000 000 человек и имеются данные по большинству показателей. Показатели берутся из базы данных World Bank Data [34]. Всего показателей 789.

Составляется матрица корреляций вида:

	Импорт (общий) / Import (total)	**Импорт товара 1 / Import of commodity 1**	**Импорт товара 2 / Import of commodity 2**	**…**
Показатель 1 / Indicator 1	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	…
Показатель 2 / Indicator 2	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	…
Показатель 3 / Indicator 3	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	…
…	…	…	…	…

С помощью библиотеки Matplotlib языка программирования Python для каждой категории импортируемых товаров строятся графики, на которых по оси *X* отложен конкретный показатель, а по оси *Y* – объем импорта конкретной товарной категории, каждая точка представляет страну.

Естественно, для каждой из 255 имеющихся товарных категорий показатели, от которых зависит импорт, различные. Но среди этих показателей есть такие, с которыми коррелирует импорт более половины товарных категорий (на уровне коэффициента корреляции больше 0,8). К таким показателям относятся:

– экспорт товаров и услуг;

– международный туризм (затраты на статью «пассажирский транспорт»);

– внешний остаток долга;

– экспорт услуг;

– экспорт коммерческих услуг;

– экспорт товаров, услуг и основной доход;

– производство, добавленная стоимость;

– дополнительный доход, другие сектора, платежи, доход;

– международный туризм, денежные поступления по статье «пассажирский транспорт»);

– основные правительственные затраты на конечное потребление.

В табл. 1 собраны показатели и категории импортных товаров, имеющие наибольшие коэффициенты корреляции. Из корреляционной таблицы, кроме очевидных зависимостей с обобщенными показателями импорта/экспорта, можно выделить следующие закономерности, которые могут быть интересны с точки зрения дальнейшей научной разработки. Так, товарные позиции импорта имеют зависимости: во-первых, с динамиками туристической индустрии; во-вторых, от добавленной стоимости промышленности, что может указывать, что данные товарные категории имеют значительный вес в импорте и, таким образом, доля добавленной стоимости в агрегированном объеме продаж также коррелирована; в-третьих, с государственными расходами общего; в-четвертых, с внешним долгом.

Такого же типа анализ был проведен и для показателей в расчете на душу населения. Показатели, с которыми коррелирует импорт более половины товарных категорий (на уровне коэффициента корреляции больше 0,8), следующие:

– экспорт товаров и услуг;

– импорт услуг;

– импорт коммерческих услуг;

– экспорт товаров, услуг и основной доход;

– экспорт коммерческих услуг;

– экспорт информационных технологий.

В табл. 2 собраны показатели на душу населения и категории импортных товаров, имеющие наибольшие коэффициенты корреляции.

На основе полученного прогноза мирового импорта (т. е. мирового спроса на различные виды товаров в ближайшее десятилетие) и с учетом того, что важной задачей России является задача перехода к несырьевой модели экономики, можно сделать вывод, что в настоящее время в Российской Федерации следует особое внимание уделить развитию следующих отраслей:

– авиационная промышленность;

– фармацевтическая сфера;

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

– производство телекоммуникационного оборудования;

– машиностроение;

– информационные технологии;

– международный туризм.

Дополнительным источником больших бюджетных поступлений будет экспорт природного газа, но нельзя допустить, чтобы он препятствовал развитию несырьевых отраслей.

Выводы

В данной работе была представлена методика построения обобщенного прогноза по массиву данных товарных категорий импорта 170 стран мира. Показана возможность построения обобщенного прогноза на стандартных инструментах прогнозирования в библиотеках Python.

В этой связи использование подобных инструментов на больших объемах данных позволяет оценивать тенденции по ключевым товарным позициям импорта и социально-экономических динамик глобальной экономики. Они, прежде всего, важны для мониторинга и первичного скрининга данных на наличие взаимосвязей на этапе поиска и предварительного анализа в тех случаях, когда объемы данных велики.

В целом эконометрические инструменты позволили сделать прогноз мирового импорта до 2024 г. по ключевым товарным позициям, а в случае с корреляционным анализом выявить динамики, которые могут быть не столь очевидными для исследователя товарных позиций импорта и которые в обычных условиях могут быть просто не выявлены.

Список литературы

1. Diebold F. X. A Personal Perspective on the Origin(s) and Development of “Big Data”: The Phenomenon, the Term, and the Discipline, Second Version, PIER Working Paper Archive report, Penn Institute for Economic Research. Department of Economics, University of Pennsylvania, 2012.

2. Mashey J. Big Data and the Next Wave of InfraStress. 1998. Usenix.org

3. Jordan M. I. On Statistics, Computation and Scalability // Bernoulli. 2013. Vol. 19. Iss. 4. Pp. 1378–1390. DOI: 10.3150/12-bejsp17

4. Kleiner A., Talwalkar A., Sarkar P., Jordan M. I. A Scalable Bootstrap for Massive Data // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology). 2014. Vol. 76. Iss. 4. Pp. 795–816. DOI: 10.1111/rssb.12050

5. Ma P., Sun X. Leveraging for Big Data Regression // WIREs Computational Statistics. 2014. Vol. 7. Iss. 1. Pp. 70–76. DOI: 10.1002/wics.1324

6. A Resampling-Based Stochastic Approximation Method for Analysis of Large Geostatistical Data / F. Liang, Y. Cheng, Q. Song, J. Park, P. Yang // Journal of the American Statistical Association. 2013. Vol. 108. Iss. 501. Pp. 325–339. DOI: 10.1080/01621459.2012.746061

7. Maclaurin D., Adams R. P. Firefly Monte Carlo: Exact MCMC with Subsets of Data. arXiv preprint arXiv:1403.5693. 2014.

8. Swanson N. Money and Output Viewed Through a Rolling Window // Journal of Monetary Economics. 1998. Vol. 41. Iss. 3. Pp. 455–474. DOI: 10.1016/s0304-3932(98)00005-1

9. Grigoryev R. A. The interdependence between stock markets of BRIC and developed countries and the impact of oil prices on this interdependence: PhD thesis. University of Portsmouth, 2010. URL: http://eprints.port.ac.uk/4143/ (дата обращения: 12.06.2018).

10. Григорьев Р. А. Оценка стабильности отклонения гипотезы при использовании метода двигающегося окна с заданными размерами // Управление финансовыми рисками. 2018. № 3 (55). С. 202–216.

11. Chen X., Xie M. G. A Split-and-Conquer Approach for Analysis of Extraordinarily Large Data // Statistica Sinica. 2014. Vol. 24. Pp. 1655–1684. DOI: 10.5705/ss.2013.088

12. Song Q., Liang F. A Split-and-merge Bayesian Variable Selection Approach for Ultrahigh Dimensional Regression // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology). 2014. Vol. 77 (5). Pp. 947–972. DOI: 10.1111/rssb.12095

13. Обзор тенденций на глобальном и российском фармацевтическом рынке / Frost & Sullivan, Рынок инноваций и инвестиций Московской биржи, Фонд развития промышленности. 2017. С. 5. URL: https://yadi.sk/i/lTIEuNOq3ELt43 (дата обращения: 12.06.2018).

14. Крупнейшие автомобильные рынки мира в 2030 году: страны с формирующимся рынком преображают мировую автомобильную промышленность: Тематический доклад SIEMS, Институт исследования быстрорастущих рынков СКОЛКОВО. 2017. С. 2. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2010-05-10_ru.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 1

Показатели и категории импортных товаров, имеющие наибольшие коэффициенты корреляции*

Table 1. Indicators and categories of imported goods with the largest correlation coefficients*

Категории импортных товаров / Categories of imported goods	**[629] Резиновые изделия, КУИМ** / [629] Articles of rubber, n.e.s.**	**[748] Трансмиссионные валы / [748] Transmis. shafts**	**[663] Изделия из минерального сырья, КУИМ** / [663] Mineral manufactures, n.e.s.**	**[665] Изделия из стекла / [665] Glassware**
Экспорт товаров и услуг (константа 2010 US$) / Exports of goods and services (constant 2010 US$)	0,94	0,95	0,98	0,92
Импорт товаров и услуг (константа 2010 US$) / Imports of goods and services (constant 2010 US$)	0,94	0,96	0,98	0,95
Импорт товаров, услуг и первичный доход (платежный баланс, приведенный к US$) / Imports of goods, services and primary income (BoP, current US$)	0,94	0,96	0,95	0,94
Импорт товаров и услуг (приведенный к US$) / Imports of goods and services (current US$)	0,94	0,97	0,95	0,93
Международный туризм, расходы на пассажирские перевозки (приведенный к US$) / International tourism, expenditures for passenger transport items (current US$)	0,88	0,91	0,94	0,95
Импорт товаров и услуг (платежный баланс, приведенный к US$) / Imports of goods and services (BoP, current US$)	0,94	0,97	0,95	0,93
Импорт товаров (приведенный к US$) / Merchandise imports (current US$)	0,94	0,97	0,94	0,92
Импорт товаров (платежный баланс, приведенный к US$) / Goods imports (BoP, current US$)	0,94	0,97	0,94	0,92
Внешний долг, всего (DOD, приведенный к US$) / External debt stocks, total (DOD, current US$)	0,94	0,95	0,95	0,95
Импорт товаров по финансовой отчетности (приведенный к US$) / Merchandise imports by the reporting economy (current US$)	0,94	0,97	0,94	0,91
Экспорт услуг (платежный баланс, приведенный к US$) / Service exports (BoP, current US$)	0,88	0,89	0,95	0,97
Экспорт коммерческих услуг (приведенный к US$) / Commercial service exports (current US$)	0,88	0,89	0,95	0,97
Экспорт товаров, услуг и первичный доход (платежный баланс, приведенный к US$) / Exports of goods, services and primary income (BoP, current US$)	0,94	0,96	0,95	0,91
Производство, добавленная стоимость (приведенный к US$) / Manufacturing, value added (current US$)	0,89	0,93	0,92	0,89
Вторичный доход, другие отрасли, выплаты (платежный баланс, приведенный к US$) / Secondary income, other sectors, payments (BoP, current US$)	0,89	0,92	0,93	0,94
Международный туризм, доходы от пассажирских перевозок (приведенный к US$) / International tourism, receipts for passenger transport items (current US$)	0,84	0,87	0,91	0,93
Общие итоговые финансовые расходы государства (приведенный к US$) / General government final consumption expenditure (current US$)	0,89	0,93	0,92	0,93
Производство, добавленная стоимость (константа 2010 US$) / Manufacturing, value added (constant 2010 US$)	0,86	0,90	0,89	0,86
Общий объем добавленной стоимости по факторным издержкам (приведенный к US$) / Gross value added at factor cost (current US$)	0,85	0,90	0,89	0,91
Общий объем добавленной стоимости по факторным издержкам (константа 2010 US$) / Gross value added at factor cost (constant 2010 US$)	0,84	0,89	0,88	0,90

**КУИМ – кроме указанных в ином месте.

* *Источник:* коэффициенты корреляции, представленные в таблице, рассчитаны авторами на основе данных United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21] и World Bank Data [34].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

[781] Моторные транспортные средства для перевозки людей / [781] Motor vehicles for the transport of persons	[778] электрическое оборудование и аппаратура, КУИМ**/ [778] Electrical machinery & apparatus, n.e.s.	[671] Передельный чугун и шпигель, губчатое железо, в порошке и гранулах / [671] Pig iron & spiegeleisen, sponge iron, powder & granu	[774] Электродиагностическое медицинское и др. оборудование / [774] Electro-diagnostic appa. for medical sciences, etc.	[773] Оборудование для распределения электрической энергии, КУИМ** / [773] Equipment for distributing electricity, n.e.s.	[771] Оборудование и запчасти для электростанций/ [771] Electric power machinery, and parts thereof	[764] Телекоммуникационное оборудование и запчасти к нему, КУИМ** / [764] Telecommunication equipment, n.e.s.; & parts, n.e.s.	[689] Различные железосодержащие металлы для металлургической промышленности/ [689] Miscellaneous no-ferrous base metals for metallur.	[759] Запчасти, аксессуары для машин групп 751, 752 / [759] Parts, accessories for machines of groups 751, 752	[752] Автоматическое оборудование для обработки данных, КУИМ** / [752] Automatic data processing machines, n.e.s.	[751] Офисное оборудование / [751] Office machines	[693] Проволочные изделия (кроме электрических проводов) и ограждения / [693] Wire products (excluding electrical) and fencing grills	[747] Оборудование для трубопроводов, котлов, танкеров, цистерн и пр. / [747] Appliances for pipes, boiler shells, tanks, vats, etc.	[657] Специальная пряжа, ткани, нетканые материалы и пр. / [657] Special yarn, special textile fabrics & related	[694] Металлические крепежные материалы / [694] Nails, screws, nuts, bolts, rivets & the like, of metal	[745] Другое неэлектрическое оборудование, инструменты и механизмы / [745] Other non-electr. machinery, tools & mechan. appar.
0,87	0,96	0,92	0,92	0,94	0,94	0,89	0,96	0,90	0,89	0,94	0,95	0,93	0,92	0,94	0,94
0,92	0,98	0,93	0,96	0,96	0,97	0,94	0,97	0,93	0,94	0,96	0,96	0,97	0,93	0,94	0,96
0,93	0,98	0,93	0,98	0,93	0,96	0,96	0,95	0,95	0,93	0,93	0,91	0,97	0,93	0,94	0,97
0,92	0,98	0,94	0,97	0,93	0,97	0,95	0,95	0,95	0,92	0,91	0,91	0,97	0,94	0,95	0,97
0,96	0,93	0,83	0,95	0,92	0,93	0,93	0,92	0,92	0,94	0,96	0,90	0,95	0,87	0,89	0,95
0,92	0,98	0,94	0,97	0,92	0,97	0,95	0,95	0,95	0,92	0,91	0,91	0,97	0,94	0,94	0,97
0,91	0,98	0,94	0,97	0,92	0,97	0,95	0,94	0,96	0,92	0,91	0,90	0,96	0,94	0,94	0,96
0,92	0,99	0,94	0,97	0,93	0,97	0,96	0,95	0,95	0,92	0,91	0,91	0,97	0,94	0,95	0,97
0,95	0,94	0,96	0,96	0,83	0,94	0,95	0,96	0,92	0,95	0,97	0,80	0,97	0,88	0,89	0,97
0,91	0,99	0,94	0,97	0,92	0,98	0,95	0,94	0,96	0,91	0,91	0,90	0,96	0,94	0,94	0,96
0,95	0,89	0,86	0,92	0,91	0,84	0,91	0,92	0,84	0,93	0,92	0,92	0,94	0,86	0,89	0,93
0,95	0,89	0,86	0,91	0,91	0,84	0,91	0,92	0,84	0,92	0,92	0,92	0,94	0,86	0,89	0,93
0,90	0,98	0,93	0,96	0,91	0,96	0,93	0,94	0,95	0,90	0,92	0,90	0,95	0,93	0,94	0,96
0,91	0,95	0,93	0,97	0,95	0,97	0,96	0,96	0,90	0,94	0,91	0,87	0,95	0,88	0,89	0,91
0,98	0,95	0,87	0,97	0,93	0,96	0,95	0,92	0,92	0,96	0,93	0,89	0,97	0,84	0,89	0,93
0,97	0,91	0,82	0,93	0,88	0,91	0,91	0,86	0,91	0,94	0,92	0,86	0,95	0,84	0,86	0,93
0,94	0,93	0,91	0,98	0,92	0,93	0,96	0,94	0,90	0,94	0,91	0,87	0,96	0,88	0,90	0,95
0,86	0,92	0,93	0,95	0,93	0,94	0,94	0,96	0,87	0,90	0,90	0,84	0,91	0,86	0,86	0,88
0,95	0,92	0,88	0,97	0,92	0,96	0,97	0,92	0,91	0,96	0,90	0,85	0,96	0,84	0,87	0,92
0,93	0,91	0,89	0,97	0,92	0,95	0,97	0,92	0,90	0,95	0,90	0,84	0,94	0,84	0,86	0,91

* *Source:* The correlation coefficients presented in the Table are calculated by the authors based on United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21] и World Bank Data [34].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 2

Показатели на душу населения и категории импортных товаров, имеющие наибольшие коэффициенты корреляции*

Table 2. Indicators per capita and categories of imported goods with the largest correlation coefficients*

Категории импортных товаров / Categories of imported goods	[675] Прокатные изделия из легированной стали [на душу населения] / [675] Flat-rolled products of alloy steel [per capita]	[642] Бумага и картон, обрезанные по размеру, штук [на душу населения] / [642] Paper & paperboard, cut to shape or size, articles [per capita]	[058] Консервированные фрукты и продукты из них (кроме соков) [на душу населения] / [058] Fruit, preserved, and fruit preparations (no juice) [per capita]	[057] Свежие и сухие фрукты и орехи (кроме масличного ореха) [на душу населения] / [057] Fruits and nuts (excluding oil nuts), fresh or dried [per capita]
Импорт товаров и услуг (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Imports of goods and services (BoP, current US$) [per capita]	0,93	0,96	0,98	0,95
Импорт товаров и услуг (константа 2010 US$) [на душу населения] / Imports of goods and services (constant 2010 US$) [per capita]	0,93	0,96	0,98	0,95
Импорт товаров (приведенный к US$) [на душу населения] / Merchandise imports (current US$) [per capita]	0,94	0,97	0,98	0,96
Импорт товаров и услуг (приведенный к US$) [на душу населения] / Imports of goods and services (current US$) [per capita]	0,93	0,96	0,98	0,95
Экспорт товаров по финансовой отчетности (приведенный к US$) [на душу населения] / Merchandise exports by the reporting economy (current US$) [per capita]	0,95	0,96	0,97	0,96
Импорт товаров по финансовой отчетности (приведенный к US$) [на душу населения] / Merchandise imports by the reporting economy (current US$) [per capita]	0,94	0,97	0,98	0,96
Экспорт товаров (приведенный к US$) [на душу населения] / Merchandise exports (current US$) [per capita]	0,95	0,96	0,97	0,96
Экспорт товаров и услуг (приведенный к US$) [на душу населения] / Exports of goods and services (current US$) [per capita]	0,94	0,95	0,98	0,96
Экспорт товаров и услуг (константа 2010 US$) [на душу населения] / Exports of goods and services (constant 2010 US$) [per capita]	0,95	0,95	0,98	0,96
Экспорт товаров и услуг (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Exports of goods and services (BoP, current US$) [per capita]	0,94	0,95	0,98	0,96
Экспорт товаров (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Goods exports (BoP, current US$) [per capita]	0,95	0,93	0,97	0,94
Импорт коммерческих услуг (приведенный к US$) [на душу населения] / Commercial service imports (current US$) [per capita]	0,89	0,95	0,99	0,97
Импорт услуг (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Service imports (BoP, current US$) [per capita]	0,89	0,95	0,99	0,97
Импорт товаров, услуг и первичный доход (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Imports of goods, services and primary income (BoP, current US$) [per capita]	0,91	0,94	0,98	0,97
Экспорт товаров, услуг и первичный доход (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Exports of goods, services and primary income (BoP, current US$) [per capita]	0,92	0,93	0,98	0,97
Экспорт коммерческих услуг (приведенный к US$) [на душу населения] / Commercial service exports (current US$) [per capita]	0,86	0,95	0,96	0,96
Экспорт услуг (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / Service exports (BoP, current US$) [per capita]	0,86	0,95	0,96	0,96
Экспорт услуг ИКТ (платежный баланс, приведенный к US$) [на душу населения] / ICT service exports (BoP, current US$) [per capita]	0,85	0,94	0,94	0,95
Международный туризм, расходы на перевозки (приведенный к US$) [на душу населения] / International tourism, expenditures for travel items (current US$) [per capita]	0,81	0,90	0,91	0,87
Экспорт высокотехнологичных услуг (приведенный к US$) [на душу населения] / High-technology exports (current US$) [per capita]	0,94	0,85	0,88	0,86

**КУИМ – кроме указанных в ином месте.

* *Источник:* коэффициенты корреляции, представленные в таблице, рассчитаны авторами на основе данных United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21] и World Bank Data [34].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

[056] Консервированные овощи, корнеплоды, клубневые, КУИМ** [на душу населения] / [056] Vegetables, roots, tubers, prepared, preserved, n.e.s. [per capita]	[054] Овощи [на душу населения] / [054] Vegetables [per capita]	[658] Готовые изделия из текстиля, КУИМ** [на душу населения] / [658] Made-up articles, of textile materials, n.e.s. [per capita]	[663] Изделия из минерального сырья, КУИМ** [на душу населения] / [663] Mineral manufactures, n.e.s. [per capita]	[664] Стекло [на душу населения] / [664] Glass [per capita]	[665] Изделия из стекла [на душу населения] / [665] Glassware [per capita]	[666] Керамические изделия [на душу населения] / [666] Pottery [per capita]	[048] Крупяные полуфабрикаты, мука из фруктов и овощей[на душу населения] / [048] Cereal preparations, flour of fruits or vegetables [per capita]	[682] Медь [на душу населения] / [682] Copper [per capita]	[684] Алюминий [на душу населения] / [684] Aluminium [per capita]	[686] Цинк [на душу населения] / [686] Zinc [per capita]	[692] Металлические контейнеры для хранения и перевозки [на душу населения] / [692] Metal containers for storage or transport [per capita]	[693] Проволочные изделия (кроме электрических проводов) и ограждения [на душу населения] / [693] Wire products (excluding electrical) and fencing grills [per capita]	[695] Инструменты для ручного и машинного использования [на душу населения] / [695] Tools for use in the hand or in machine [per capita]	[696] Резательное оборудование [на душу населения] / [696] Cutlery [per capita]	[697] Бытовые приборы из металла, КУИМ** [на душу населения] / [697] Household equipment of base metal, n.e.s. [per capita]
0,97	0,96	0,96	0,98	0,91	0,94	0,97	0,95	0,92	0,94	0,86	0,94	0,94	0,97	0,93	0,97
0,97	0,96	0,96	0,99	0,92	0,94	0,97	0,95	0,93	0,95	0,86	0,94	0,95	0,97	0,93	0,97
0,97	0,97	0,95	0,98	0,92	0,95	0,95	0,96	0,94	0,94	0,90	0,97	0,95	0,98	0,95	0,96
0,98	0,96	0,96	0,99	0,91	0,94	0,97	0,95	0,92	0,95	0,86	0,94	0,94	0,97	0,93	0,97
0,95	0,95	0,93	0,98	0,91	0,92	0,95	0,94	0,93	0,96	0,90	0,96	0,95	0,98	0,94	0,95
0,96	0,96	0,95	0,98	0,92	0,94	0,95	0,96	0,94	0,94	0,90	0,96	0,95	0,97	0,95	0,96
0,95	0,96	0,93	0,98	0,91	0,92	0,95	0,94	0,93	0,95	0,90	0,96	0,95	0,98	0,94	0,95
0,97	0,95	0,95	0,98	0,90	0,92	0,97	0,94	0,92	0,96	0,85	0,93	0,93	0,97	0,92	0,96
0,97	0,95	0,94	0,98	0,90	0,92	0,97	0,93	0,92	0,97	0,85	0,94	0,93	0,97	0,92	0,95
0,97	0,95	0,95	0,98	0,90	0,92	0,97	0,93	0,92	0,96	0,84	0,93	0,93	0,97	0,92	0,96
0,94	0,93	0,93	0,98	0,89	0,89	0,96	0,91	0,91	0,97	0,82	0,91	0,91	0,97	0,90	0,94
0,98	0,97	0,95	0,96	0,87	0,93	0,95	0,96	0,89	0,91	0,87	0,96	0,92	0,95	0,92	0,96
0,98	0,97	0,95	0,96	0,87	0,93	0,95	0,96	0,89	0,91	0,87	0,96	0,92	0,95	0,92	0,96
0,97	0,95	0,95	0,97	0,84	0,90	0,98	0,93	0,88	0,95	0,81	0,93	0,90	0,97	0,90	0,96
0,96	0,94	0,94	0,96	0,83	0,88	0,98	0,92	0,87	0,96	0,80	0,92	0,89	0,97	0,89	0,95
0,98	0,97	0,94	0,94	0,87	0,94	0,94	0,97	0,87	0,88	0,85	0,95	0,91	0,92	0,91	0,95
0,98	0,97	0,94	0,94	0,87	0,94	0,94	0,97	0,87	0,88	0,85	0,95	0,91	0,92	0,91	0,95
0,96	0,97	0,91	0,92	0,88	0,94	0,88	0,97	0,86	0,83	0,90	0,96	0,92	0,90	0,93	0,91
0,93	0,91	0,93	0,93	0,88	0,91	0,88	0,91	0,86	0,80	0,82	0,88	0,90	0,87	0,89	0,94
0,86	0,88	0,81	0,90	0,89	0,83	0,85	0,82	0,92	0,93	0,82	0,84	0,85	0,89	0,81	0,82

* *Source:* The correlation coefficients presented in the Table are calculated by the authors based on United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) [21] и World Bank Data [34].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

15. Deloitte. Global aerospace and defense industry outlook: Growth prospects and trends remain upbeat. 2017. P. 5. URL: https://www2.deloitte.com/vi/en/pages/manufacturing/articles/global-a-and-d-outlook.html#2017 (дата обращения: 12.06.2018).

16. Рудник И. В. Мировой рынок телекоммуникационного оборудования: драйверы конъюнктурных изменений // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 114. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/mirovoy-rynok-telekommunikatsionnogo-oborudovaniya-drayvery-konyunkturnyh-izmeneniy (дата обращения: 12.06.2018).

17. Атлас производителей телекоммуникационного оборудования России / J'son & Partners Consulting. 2017. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/atlas-proizvoditeley-telekommunikatsionnogo-oborudovaniya-rossii-2017-g-20170207025322 (дата обращения: 12.06.2018).

18. Agricultural Outlook 2016–2025 / OECD-FAO. 2016. P. 1. URL: http://www.fao.org/3/a-i5851e.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

19. The Outlook for Energy: A View to 2040 / Exxon Mobil. 2017. P. 8. URL: https://cdn.exxonmobil.com/~/media/global/files/outlook-for-energy/2017/2017_outlook_for_energy_highlights.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

20. Outlook 2017 edition / British Petroleum Energy. P. 6. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/energie-analysen/bp-energy-outlook-2017.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

21. Merchandise trade matrix – detailed products, imports in thousands of dollars, annual, 1995–2015 / United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=24740 (дата обращения: 12.06.2018).

22. World Oil Outlook 2040 / Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2017. P. 10. URL: https://www.opec.org/opec_web/flipbook/WOO2017/WOO2017/assets/common/downloads/WOO%202017.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

23. Telecom Equipment Market Research Report – Global Forecast up to 2023 / Market Research Future. 2018. URL: https://www.marketresearchfuture.com/reports/telecom-equipment-market-4441 (дата обращения: 12.06.2018).

24. Yager D. Electric cars won't bring down oil prices anytime soon. 2017. URL: https://www.businessinsider.com/electric-cars-oil-price-2017-7 (дата обращения: 12.06.2018).

25. World Preview 2017, Outlook to 2022 / EvaluatePharma. 2017. P. 5. URL: http://info.evaluategroup.com/rs/607-YGS-364/images/WP17.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

26. Global Gas & LNG Outlook to 2030 / McKinsey Energy Insights. URL: https://www.mckinseyenergyinsights.com/services/market-intelligence/reports/global-gas-and-lng-outlook/ (дата обращения: 12.06.2018).

27. Global trends in oil & gas markets to 2025 / LUKOIL. P. 32. URL: https://www.lukoil.be/pdf/Trends_Global_Oil_ENG.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

28. British Petroleum Energy Outlook 2017 edition. P. 96. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/energie-analysen/bp-energy-outlook-2017.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

29. The Department of Industry, Innovation and Science, Resources and Energy Quarterly / Australian Government. 2018. P. 36. URL: https://publications.industry.gov.au/publications/resourcesandenergyquarterlymarch2018/documents/Resources-and-Energy-Quarterly-March-2018.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

30. Deluce A. The Top Gold Producers in 2017: Companies and Nations. 2018. URL: http://www.goldtelegraph.com/top-gold-producers-in-2017 (дата обращения: 12.06.2018).

31. GFMS gold survey 2017 Q4 Update & Outlook / Thomson Reuters. 2018. P. 5. URL: http://images.financial-risk-solutions.thomsonreuters.info/Web/ThomsonReutersFinancialRisk/%7B206945da-ec32-4877-8faa-ce995df9c074%7D_GFMS_Gold_Survey_2017_Q4_Update.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

32. Global Market Forecast 2017–2036 / Airbus // Growing horizons. 2017. P. 9. URL: https://airbus-dev63.adobecqms.net/content/dam/corporate-topics/publications/backgrounders/Airbus_Global_Market_Forecast_2017-2036_Growing_Horizons_full_book.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

33. Shipment forecast of laptops, desktop PCs and tablets worldwide from 2010 to 2022 // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/272595/global-shipments-forecast-for-tablets-laptops-and-desktop-pcs/ (дата обращения: 12.06.2018).

34. World Development Indicators // World Bank Data. URL: http://www.worldbank.org/ (дата обращения: 12.06.2018).

References

1. Diebold F. X. A Personal Perspective on the Origin(s) and Development of "Big Data": The Phenomenon, the Term, and the Discipline, Second Version, *PIER Working Paper Archive report*, Penn Institute for Economic Research, Department of Economics, University of Pennsylvania, 2012.

2. Mashey J. *Big Data and the Next Wave of InfraStress*, 1998, Usenix.org

3. Jordan M. I. On Statistics, Computation and Scalability, *Bernoulli*, 2013, Vol. 19, Iss. 4, pp. 1378–1390. DOI: 10.3150/12-bejsp17

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

4. Kleiner A., Talwalkar A., Sarkar P., Jordan M. I. A Scalable Bootstrap for Massive Data, *Journal of the Royal Statistical Society*, Ser. B (Statistical Methodology), 2014, Vol. 76, Iss. 4, pp. 795–816. DOI: 10.1111/rssb.12050

5. Ma P., Sun X. Leveraging for Big Data Regression, *WIREs Computational Statistics*, 2014, Vol. 7, Iss. 1, pp. 70–76. DOI: 10.1002/wics.1324

6. Liang F., Cheng Y., Song Q., Park J., Yang P. A Resampling-Based Stochastic Approximation Method for Analysis of Large Geostatistical Data, *Journal of the American Statistical Association*, 2013, Vol. 108, Iss. 501, pp. 325–339. DOI: 10.1080/01621459.2012.746061

7. Maclaurin D., Adams R. P. *Firefly Monte Carlo: Exact MCMC with Subsets of Data*, arXiv preprint arXiv:1403.5693, 2014.

8. Swanson N. Money and Output Viewed Through a Rolling Window, *Journal of Monetary Economics*, 1998, Vol. 41, Iss. 3, pp. 455–474. DOI: 10.1016/s0304-3932(98)00005-1

9. Grigoryev R. A. *The interdependence between stock markets of BRIC and developed countries and the impact of oil prices on this interdependence*, PhD thesis, University of Portsmouth, 2010, available at: http://eprints.port.ac.uk/4143/ (access date: 12.06.2018).

10. Grigor'ev R. A. Estimation of the stability of hypothesis deviation using the method of rolling window with preset dimensions, *Upravlenie finansovymi riskami*, 2018, No. 3 (55), pp. 202–216 (in Russ.).

11. Chen X., Xie M. G. A Split-and-Conquer Approach for Analysis of Extraordinarily Large Data // Statistica Sinica. 2014. Vol. 24. Pp. 1655–1684. DOI: 10.5705/ss.2013.088

12. Song Q., Liang F. A Split-and-merge Bayesian Variable Selection Approach for Ultrahigh Dimensional Regression // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology). 2014. Vol. 77 (5). Pp. 947–972. DOI: 10.1111/rssb.12095

13. *Review of trends in the global and Russian pharmaceutical markets,* Frost & Sullivan, Rynok innovatsii i investitsii Moskovskoi birzhi, Fond razvitiya promyshlennosti, 2017, p. 5, available at: https://yadi.sk/i/lTIEuNOq3ELt43 (access date: 12.06.2018).

14. *World largest automobile markets in 2030: countries with forming market change the global automobile industry, thematic report by SIEM*, тематический доклад SIEMS, Institut issledovaniya bystrorastushchikh rynkov SKOLKOVO, 2017, p. 2, available at: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2010-05-10_ru.pdf (access date: 12.06.2018).

15. *Deloitte. Global aerospace and defense industry outlook: Growth prospects and trends remain upbeat*, 2017, p. 5, available at: https://www2.deloitte.com/vi/en/pages/manufacturing/articles/global-a-and-d-outlook.html#2017 (access date: 12.06.2018).

16. Rudnik I. V. Global market of telecommunication equipment: driers of conjuncture changes, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2016, No. 2, p. 114, available at: https://cyberleninka.ru/article/v/mirovoy-rynok-telekommunikatsionnogo-oborudovaniya-drayvery-konyunkturnyh-izmeneniy (access date: 12.06.2018).

17. *Atlas of the Russian producers of telecommunication equipment*, J'son & Partners Consulting. 2017, available at: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/atlas-proizvoditeley-telekommunikatsionnogo-oborudovaniya-rossii-2017-g-20170207025322 (access date: 12.06.2018).

18. *Agricultural Outlook 2016–2025*, OECD-FAO, 2016, p. 1, available at: http://www.fao.org/3/a-i5851e.pdf (access date: 12.06.2018).

19. *The Outlook for Energy: A View to 2040*, Exxon Mobil, 2017, p. 8, available at: https://cdn.exxonmobil.com/~/media/global/files/outlook-for-energy/2017/2017_outlook_for_energy_highlights.pdf (access date: 12.06.2018).

20. *Outlook 2017 edition*, British Petroleum Energy, p. 6, available at: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/energie-analysen/bp-energy-outlook-2017.pdf (access date: 12.06.2018).

21. *Merchandise trade matrix – detailed products, imports in thousands of dollars, annual, 1995–2015, United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD)*, available at: http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=24740 (access date: 12.06.2018).

22. *World Oil Outlook 2040,* Organization of the Petroleum Exporting Countries, 2017, p. 10, available at: https://www.opec.org/opec_web/flipbook/WOO2017/WOO2017/assets/common/downloads/WOO%202017.pdf (access date: 12.06.2018).

23. *Telecom Equipment Market Research Report – Global Forecast up to 2023*, Market Research Future, 2018, available at: https://www.marketresearchfuture.com/reports/telecom-equipment-market-4441 (access date: 12.06.2018).

24. Yager D. *Electric cars won't bring down oil prices anytime soon*, 2017, available at: https://www.businessinsider.com/electric-cars-oil-price-2017-7 (access date: 12.06.2018).

25. *World Preview 2017, Outlook to 2022*, EvaluatePharma, 2017, p. 5, available at: http://info.evaluategroup.com/rs/607-YGS-364/images/WP17.pdf (access date: 12.06.2018).

26. *Global Gas & LNG Outlook to 2030*, McKinsey Energy Insig*hts*, available at: https://www.mckinseyenergyinsights.com/services/market-intelligence/reports/global-gas-and-lng-outlook/ (access date: 12.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

27. *Global trends in oil & gas markets to 2025*, LUKOIL, p. 32, available at: https://www.lukoil.be/pdf/Trends_Global_Oil_ENG.pdf (access date: 12.06.2018).

28. *British Petroleum Energy Outlook 2017 edition*, p. 96, available at: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_de/PDFs/energie-analysen/bp-energy-outlook-2017.pdf (access date: 12.06.2018).

29. *The Department of Industry, Innovation and Science, Resources and Energy Quarterly,* Australian Government, 2018, p. 36, available at: https://publications.industry.gov.au/publications/resourcesandenergyquarterlymarch2018/documents/Resources-and-Energy-Quarterly-March-2018.pdf (access date: 12.06.2018).

30. Deluce A. *The Top Gold Producers in 2017: Companies and Nations*, 2018, available at: http://www.goldtelegraph.com/top-gold-producers-in-2017 (access date: 12.06.2018).

31. GFMS gold survey 2017 Q4 Update & Outlook, *Thomson Reuters*, 2018, p. 5, available at: http://images.financial-risk-solutions.thomsonreuters.info/Web/ThomsonReutersFinancialRisk/%7B206945da-ec32-4877-8faa-ce995df9c074%7D_GFMS_Gold_Survey_2017_Q4_Update.pdf (access date: 12.06.2018).

32. Global Market Forecast 2017–2036, Airbus, *Growing horizons*, 2017, p. 9, available at: https://airbus-dev63.adobecqms.net/content/dam/corporate-topics/publications/backgrounders/Airbus_Global_Market_Forecast_2017-2036_Growing_Horizons_full_book.pdf (access date: 12.06.2018).

33. Shipment forecast of laptops, desktop PCs and tablets worldwide from 2010 to 2022, *Statista*, available at: https://www.statista.com/statistics/272595/global-shipments-forecast-for-tablets-laptops-and-desktop-pcs/ (access date: 12.06.2018).

34. World Development Indicators, *World Bank Data*, available at: http://www.worldbank.org/ (access date: 12.06.2018).

Дата поступления / Received 06.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 12.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Малков С. Ю., Билюга С. Э., Давыдова О. И., 2018
© Malkov S. Yu., Bilyuga S. E., Davydova O. I., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 502/504:551.583:338.43:63
JEL O13, Q1, Q23, Q54

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.523-537

А. В. ЧУГУНКОВА[1],
А. И. ПЫЖЕВ[1],
Ю. И. ПЫЖЕВА[1]

[1] Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ЭКОНОМИКУ ЛЕСНОГО И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Контактное лицо:
Чугункова Анна Вадимовна, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики природных ресурсов и окружающей среды, ассистент кафедры социально-экономического планирования, Сибирский федеральный университет
Адрес: 660041, г. Красноярск, Свободный просп., 79, тел.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: ch-ann@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0398-604X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2606-2018

Пыжев Антон Игоревич, кандидат экономических наук, заведующий научно-учебной лабораторией экономики природных ресурсов и окружающей среды, доцент кафедры социально-экономического планирования, Сибирский федеральный университет
Адрес: 660041, г. Красноярск, Свободный просп., 79, тел.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: pyanist@ya.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7909-3227
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-3029-2017

Пыжева Юлия Ивановна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории экономики природных ресурсов и окружающей среды, доцент кафедры социально-экономического планирования, Сибирский федеральный университет
Адрес: 660041, г. Красноярск, Свободный просп., 79, тел.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: yliastar@ya.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0973-5073
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-8203-2015

Цель: обобщение работ ведущих отечественных и зарубежных исследователей в контексте характеристики различных климатических воздействий на развитие отраслей сельского и лесного хозяйства.
Методы: сравнительный анализ прогнозируемых рисков и возможностей глобального изменения климата для лесной промышленности и сельского хозяйства.
Результаты: в работе дана общая характеристика социально-экономических эффектов изменения климата, при этом важный акцент сделан на рассмотрении последствий в таких наиболее восприимчивых к глобальному потеплению отраслях экономики, как лесное и сельское хозяйство. Указано, что изменение климатических параметров сопровождается как благоприятными, так и неблагоприятными эффектами для экономики указанных отраслей. С одной стороны, увеличение среднегодовых температур и рост концентрации углерода в атмосфере благоприятствуют продуктивности деревьев и урожайности культур. Однако вместе с тем возрастает вероятность наступления продолжительной засухи, являющейся наиболее распространенной причиной пожаров, вспышек болезней и роста популяций вредителей. Дополнительным риском служит учащение случаев стихийных бедствий, наносящих существенный экономический ущерб лесному и сельскому хозяйству. Выявлено, что на территориях низких географических широт, представленных в основном развивающимися странами, для которых сельское хозяйство является основным источником экономического роста, отрасль будет нести значительные убытки, что вызовет еще большую социальную напряженность и обострение проблем голода и бедности среди населения. Дальнейшее потепление климата в перспективе может еще больше усилить разрыв между богатыми и бедными странами, если не будут предприняты все

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

необходимые меры по адаптации экономики к изменяющимся климатическим условиям.
Научная новизна: в статье приведена подробная характеристика основных последствий глобального изменения климата для экономики отраслей сельского и лесного хозяйства, в том числе в разрезе отдельных стран и регионов.
Практическая значимость: приведенные в работе результаты могут послужить базой для дальнейших исследований в области оценки рисков и величины наносимого социально-экономического ущерба вследствие глобального потепления. Полученные выводы могут быть использованы при разработке механизмов адаптации к изменению климата.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; последствия изменения климата; глобальное потепление; экономика лесного хозяйства; экономика сельского хозяйства

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-12-24001 и Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-3482.2018.6.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Чугункова А. В., Пыжев А. И., Пыжева Ю. И. Влияние глобального изменения климата на экономику лесного и сельского хозяйства: риски и возможности // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 523–537. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.523-537

A. V. CHUGUNKOVA[1],
A. I. PYZHEV[1],
YU. I. PYZHEVA[1]
[1]Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

INFLUENCE OF GLOBAL CLIMATE CHANGE ON ECONOMY OF FORESTRY AND AGRICULTURE: RISKS AND OPPORTUNITIES

Contact:
Anna V. Chugunkova, Junior Researcher of the Scientific-Academic Laboratory of the Economy of Natural Resources and Environment, Assistant Lecturer of the Department of Social-economic Planning, Siberian Federal University
Address: 79 Svobodniy prospect, 660041 Krasnoyarsk, tel.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: ch-ann@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0398-604X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-2606-2018

Anton I. Pyzhev, PhD (Economics), Head of the Scientific-Academic Laboratory of the Economy of Natural Resources and Environment, Associate Professor of the Department of Social-economic Planning, Siberian Federal University
Address: 79 Svobodniy prospect, 660041 Krasnoyarsk, tel.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: pyanist@ya.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7909-3227
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-3029-2017

Yuliya I. Pyzheva, PhD (Economics), Senior Researcher of the Scientific-Academic Laboratory of the Economy of Natural Resources and Environment, Associate Professor of the Department of Social-economic Planning, Siberian Federal University
Address: 79 Svobodniy prospect, 660041 Krasnoyarsk, tel.: +7 (391) 206-21-65
E-mail: yliastar@ya.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0973-5073

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-8203-2015
Acknowledgement: the research is carried out with the financial support of the Russian Fund for Fundamental Research, the government of Krasnoyarsk krai, the Krasnoyarsk krai Fund for Support of Scientific and Scientific-technical activity within the scientific project No. 17-12-24001 and the Grant of the Russian President for state support of young Russian scientists No. MK-3482.2018.6.

Objective: to summarize the works of the leading Russian and foreign researchers related to characteristics of various climate impacts on agriculture and forestry development.
Methods: comparative analysis of predicted risks and opportunities of global climate change for forestry and agriculture.
Results: the paper gives a general description of the socio-economic effects of climate change, with an important emphasis on considering the effects in the sectors of the economy most susceptible to global warming, such as forestry and agriculture. It is shown that climate change is accompanied by both favorable and adverse effects on the economy of these industries. On the one hand, the increase of the average temperatures and carbon concentration in the atmosphere promotes productivity of trees and crop yields. However, the likelihood of a prolonged drought – the most common cause of fires, disease outbreaks and growing pest populations – is increasing. An additional risk is the increase of natural disasters, which cause significant economic damage to forests and agriculture. It is revealed that in the territories of low geographical latitudes, represented mainly by developing countries, for which agriculture is the main source of economic growth, the industry will incur significant losses, which will cause even greater social tension and exacerbate the problems of hunger and poverty among the population. Further warming in the future could widen the gap between rich and poor countries unless all necessary measures are taken to adapt the economy to changing climatic conditions.
Scientific novelty: the article provides a detailed description of the main consequences of global climate change for the economy of agriculture and forestry, including in the context of individual countries and regions.
Practical significance: the results presented in this paper can serve as a basis for further research in assessment of risk and magnitude of the socio-economic damage caused by global warming. The findings can be used to develop mechanisms for adaptation to climate change.

Keywords: Economics and national economy management; Consequences of climate change; Global warming; Economy of forestry; Economy of agriculture

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Chugunkova A. V., Pyzhev A. I., Pyzheva Yu. I. Influence of global climate change on economy of forestry and agriculture: risks and opportunities, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 523–537 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.523-537

Введение

Постановка проблемы. Согласно подсчетам Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК)[1], последние три десятилетия оказались самыми теплыми в истории метеонаблюдений, продемонстрировав небывалые темпы роста глобальной температуры поверхности Земли. По оценкам специалистов, за период с 1880 по 2012 гг. глобальная приземная температура увеличилась на 0,85 ±0,2 °C, и при реализации сценария с очень высокими выбросами парниковых газов (РТК 8,5) ее изменение к концу XXI в. может составить 2,6–4,8 °C.

Результатом проведенной в Париже в 2015 г. конференции по климату[2] стало подписание соглашения, целью которого явилась разработка мер по ограничению повышения глобальной температуры воздуха двумя градусами по сравнению с показателями до-

[1] IPCC, 2014. Climate change 2014: Synthesis Report. Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: http://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/SYR_AR5_FINAL_full_ru.pdf (дата обращения: 23.04.17).

[2] COP21, 2015. United Nations Climate Change Conference in Paris, France. URL: http://www.cop21paris.org (дата обращения: 20.05.17).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

индустриальной эпохи. Соглашение было подписано 195 государствами и обязывало их к разработке долгосрочных стратегий по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. Таким образом, страны признали необходимость в уменьшении существующих объемов выбросов к 2030 г. и в полном их прекращении к 2050 г. С 2000 г. России удалось снизить энергоемкость экономики на 33 %, вместе с тем были перевыполнены обязательства по Киотскому протоколу. В своем выступлении на конференции Президент России подтвердил намерение сократить выбросы в масштабах всей национальной экономики к 2030 г. на 25–30 % по сравнению с 1990 г. Парижское соглашение обязывает страны принимать все необходимые меры для сохранения лесов и позволяет реализовывать все международные проекты в данной области. Документ признает роль поглотителей и накопителей парниковых газов в смягчении процессов глобального потепления. Следовательно, все страны должны содействовать сохранению и увеличению различных поглотителей и накопителей углерода, включая леса.

Несмотря на тот факт, что большое количество исследований уже признало существенный вклад антропогенного фактора в механизмы глобального потепления, последствия данного явления в настоящее время еще не изучены в полной мере. Глобальное изменение климата является достаточно сложным динамическим процессом. Его эффекты многообразны и не могут быть подвергнуты однозначной оценке с позиции общественного благосостояния. В связи с этим особый интерес представляет комплексное рассмотрение возможных последствий изменения климата для экономической конъюнктуры с учетом географии размещения производственных мощностей. В первой части работы в общем виде представлена характеристика социально-экономических эффектов глобального потепления с точки зрения его содействия либо препятствия социально-экономическому развитию территорий. Вторая и третья части содержат обзор последствий изменения климатических показателей для таких наиболее восприимчивых к изменению климата отраслей экономики, как лесное и сельское хозяйство.

Методы исследования. В настоящей работе рассматриваются отечественные и зарубежные достижения в области понимания явлений и процессов, имеющих как прямое, так и опосредованное отношение к глобальному изменению климата. Проводится обзор литературы на основе анализа наиболее референтных источников из баз данных Web of Science, Scopus, Научной электронной библиотеки eLIBRARY по тематике исследования.

Результаты исследования

Влияние глобального изменения климата на социально-экономическое развитие

Взаимосвязь глобального изменения климата с экономическими процессами привела к разработке и созданию ряда моделей интегрированной оценки, которые предполагают междисциплинарное изучение причинно-следственных связей, протекающих в окружающей среде. Модели комплексной оценки применяются во многих областях. Их используют для построения достоверных прогнозов, оценки затрат и выгод при осуществлении различных направлений государственной политики, оценки неопределенностей, связанных с альтернативными переменными и политическими стратегиями. Также эти модели могут быть применены для расчета последствий снижения уровня неопределенности относительно ключевых параметров или переменных и для расчета стоимости исследований и разработки новых технологий. Одной из наиболее известных моделей комплексной оценки является DICE («Комплексная динамическая модель экономики и климата»), разработанная У. Нордхаусом. Детализированной версией модели DICE является RICE («Комплексная региональная модель экономики и климата»), характеризующая взаимосвязь климата и экономики в разрезе 12 регионов мира и использующая их конкретные показатели выпуска, численности населения, уровня выбросов, ущерба.

Модель DICE рассматривает экономику климатических изменений с точки зрения неоклассической экономической теории роста. С позиции данного подхода экономика должна инвестировать средства в капитал, образование и технологии, с тем чтобы сократить потребление сейчас и увеличить его в будущем. Другими словами, в модели DICE концентрация парниковых газов рассматривается как отрицательный природный капитал, а сокращение выбросов – как вклад, который позволит увеличить природный капитал. Инвестируя средства в ресурсо- и энергоэффективные технологии вместо наращивания объемов производства товаров и услуг, экономика сокращает потребление в насто-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ящий момент, предоставляя возможность будущим поколениям потреблять больше благ [1].

Современная зарубежная научная литература охватывает значительное число работ, посвященных изучению экономических последствий изменения климата. Одним из подобных примеров может служить приведенная Ф. Бозелло с соавторами оценка влияния глобального потепления на экономику с позиции изменения численности рабочей силы и спроса на медицинские услуги. Повышение температуры может спровоцировать рост сердечно-сосудистых, респираторных, инфекционных и паразитарных заболеваний, а также смертности среди населения, что повлечет снижение производительности труда и сокращение численности трудоспособных граждан. В то же время рост заболеваемости приводит к повышению спроса на медицинские услуги. Авторы оценили величину экономического ущерба и пришли к выводу, что последствия, вызванные влиянием изменения климата на здоровье населения, могут привести к потере 0,07 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) южными странами [2].

В работе М. Дэлл с соавторами представлен анализ влияния глобального изменения климата на уровень экономической активности. Использовав данные о динамике температуры, уровня осадков, экономического роста за последние 50 лет, авторы пришли к трем важным выводам. Во-первых, эффект сокращения экономического роста на фоне роста температуры является более явным для бедных стран, чем для богатых. Так, для бедных стран увеличение температуры воздуха на 1 °С сокращает экономический рост в среднем примерно на 1,1 %, для богатых же стран эффект потепления является незначительным. Во-вторых, потепление в бедных странах остро сказывается именно на сокращении темпов экономического роста, а не только лишь на уровне выпуска продукции. В-третьих, рост температуры имеет масштабные последствия для бедных стран, сокращая производство в сельском хозяйстве и промышленности и вызывая нестабильность в политической сфере общества. Результаты анализа показали, что дальнейшее изменение климата лишь увеличит разрыв между богатыми и бедными странами, делая последние еще беднее [3].

Климат является статистически значимой детерминантой потребления, а следовательно, и расходов домашних хозяйств. В странах, расположенных на уровне низких широт, увеличение температуры приведет к росту потребления в среднем на душу населения и росту издержек проживания, поскольку возрастет спрос на системы кондиционирования. Напротив, в странах высоких и умеренных широт более теплый климат выразится в сокращении отопительного сезона и снижении издержек на выработку теплоэнергии [4]. Таким образом, в то время как страны, расположенные в высоких широтах, будут получать выгоду от глобального изменения климата, страны низких широт будут нести существенные убытки [5, 6].

Изменение климата представляет серьезный риск и для экономического развития и общественной безопасности. В этой связи все неблагоприятные проявления глобального изменения климата могут быть классифицированы на две группы. Первая группа включает стихийные бедствия, сопровождающиеся многочисленными жертвами и значительным экономическим ущербом, наносимым инфраструктурным объектам и производственным активам. Примером указанных экстремальных событий служат ураганы, наводнения, аномальные холод и жара, природные пожары. Подобные экстремальные явления всегда получают широкое обсуждение в средствах массовой информации и политических кругах, однако климатические изменения сопровождаются также медленно наступающими, вялотекущими, но от этого не менее губительными последствиями, находящимися зачастую в тени общественного внимания. К этой группе относят различные негативно влияющие на здоровье человека воздействия, потерю экосистемами устойчивости к внешним воздействиям, а также наносимый с течением времени ущерб зданиям и промышленным объектам. В России особого внимания заслуживает рассмотрение двух наиболее серьезных надвигающихся угроз изменения климата: возникновения засухи и таяния вечной мерзлоты. Например, таяние вечной мерзлоты, покрывающей примерно четверть территории Северного полушария, представляет большой риск для зданий, сооружений и важнейших инфраструктур (дороги, трубопроводы и т. д.). В свою очередь, наступление засушливых периодов приносит ущерб благополучию южных регионов и воздействует на общественное благосостояние как прямым (нехватка питьевой воды), так и косвенным образом (ухудшение условий для производства продовольствия, низкий уровень занятости населения в сельскохозяйственной отрасли). Более того, засуха часто

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

сопровождается аномально высокими температурами, представляя угрозу жизни и здоровью человека [7].

Некоторые последствия глобального потепления могут быть оценены как в количественном, так и стоимостном выражении. Однако существуют так называемые неучтенные эффекты, которые в силу своей незначительной важности или комплексности расчета не подлежат оценке. К этим последствиям могут быть отнесены увеличение солености земель береговой зоны из-за повышения уровня мирового океана, причинение ущерба рыбному промыслу вследствие увеличения кислотности океанов, выделение метана в результате таяния вечной мерзлоты, способного ускорить процесс глобального потепления и др. Среди положительных эффектов можно выделить сокращение затрат в области ветроэнергетики, экономию на покупке еды и одежды. Таяние льдов в Арктике обеспечит сокращение издержек разработки месторождений нефти и создаст возможность для прокладки новых торгово-транспортных маршрутов [8].

Происходящее в настоящее время изменение климата является не только препятствием, помехой и проблемой, но также создает возможности перехода к новой политике устойчивого развития. На микроэкономическом уровне может быть осуществлен переход к ресурсосберегающим и энергоэффективным технологиям с целью уменьшить объемы выбросов парниковых газов, также должно быть проведено комплексное управление финансовыми и природными рисками. На макроэкономическом уровне может осуществляться государственная поддержка бизнеса и домашних хозяйств, чтобы содействовать им в сокращении выбросов углерода. Поэтому на данном этапе развития представляется целесообразной разработка механизмов смягчения воздействий на изменения климата, а также механизмов адаптации экономики к глобальному потеплению. При этом приоритет должен быть отдан политике адаптации, поскольку даже полное прекращение выбросов в настоящем и будущем времени не гарантирует решение проблемы потепления, поскольку диоксид углерода является запасовым загрязнителем, т. е. имеет свойство накапливаться со временем в атмосфере. Немаловажным обстоятельством при этом служит учет вклада природных компонентов в изменение климата, к которым в настоящее время относятся скептически из-за преобладающей антропогенной теории глобального потепления [9].

Изменение климата и лесная промышленность

Россия располагает примерно четвертью общемировых запасов лесных ресурсов, роль которых в регулировании климата и поддержании других экосистемных услуг трудно переоценить. Уже с начала 1990-х гг. лесная отрасль страны испытала неблагоприятные институциональные трансформации, связанные с переходом к рыночным отношениям, а последующие после 2007 г. реформы оказались малоэффективны и не привели к должным результатам [10]. Для крупнейших лесопромышленных комплексов Сибири и Дальнего Востока последствия реформ выразились в следующих наиболее острых проблемах лесной отрасли: производстве и экспорте товаров в основном низкой степени обработки, недостаточном лесопатологическом и лесопожарном мониторинге [11, 12], существовании теневого сектора нелегальной заготовки древесины, а также наличии слабо развитой транспортной инфраструктуры, что в конечном итоге приводит к полному исчерпанию расположенных вдоль уже существующих дорог лесных ресурсов [13]. Особое место в решении указанных проблем занимает отсутствие каких-либо стимулов и инструментов для устойчивого ведения лесного хозяйства и неисчерпаемого лесопользования [12]. В связи с этим, учитывая общемировую важность лесов России в процессах смягчения воздействий на глобальное изменение климата [14], одна из приоритетных задач лесной политики должна сводиться к организации эффективного и устойчивого лесоуправления с целью повышения ассимиляционного потенциала лесов по поглощению углекислого газа [15]. Особое внимание при этом следует уделить мероприятиям по изменению структуры породного состава лесов [16].

Благосостояние общества во многом зависит от совокупности тех социально-экономических, а также экологических функций, которые осуществляет лес [17, 18]. Возможность леса выполнять данные функции обусловлена рядом причин. Помимо ежегодно наблюдаемого антропогенного воздействия, ощутимое влияние на объем предоставляемых лесом социально-экономических и экологических услуг оказывает изменение климата. Влияние изменения климата на лес является многосторонним и может быть проанализировано как в качественном, так и в количественном аспекте[3].

[3] Global Forest Resources Assessment 2010. Main report. FAO. URL: http://www.fao.org/3/a-i1757e.pdf (дата обращения: 26.06.18)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Поскольку лес является одним из немногих возобновляемых ресурсов, а также значимым накопителем углерода [19], большинство исследований сфокусировано на изучении динамики факторов, оказывающих влияние на продуктивную функцию леса: среднегодовой температуры [20], количества осадков, продолжительности солнечного сияния [21], степени видового разнообразия [22]. Динамика продуктивности лесов является одним из важнейших механизмов влияния изменения климата на лесную промышленность, поскольку определяет объем доступной для заготовки древесины. Например, в Финляндии рост уровня температуры, осадков и концентрации диоксида углерода при условии проведения процедуры прореживания леса может повысить продуктивность стволовой древесины в бореальных лесах в среднем на 22–26 %, что приведет к увеличению объемов лесозаготовок в среднем на 12–13 % в зависимости от сценария изменения климата, возраста насаждений, породного состава, а также плодородия почвы [23].

Постепенное повышение среднегодовой температуры воздуха способствует увеличению продолжительности сезона роста деревьев вследствие изменения (увеличения) концентрации парниковых газов в атмосфере, в связи с чем могут быть созданы условия для увеличения объемов производства и предложения древесины на глобальных рынках [24, 25]. Однако более поздние исследования прогнозируют вероятное снижение предложения древесины бореальных лесов из-за возрастающей гибели деревьев южной границы тайги [26]. В свою очередь, глобальный ежегодный спрос на деловую древесину и биотопливо будет характеризоваться положительной динамикой. Согласно нескольким оценочным прогнозам, развитие технологий обработки позволит снизить цены на биотопливо и сделать его более конкурентоспособным по сравнению с неэкологичным органическим топливом. В результате спрос на биотопливо будет иметь восходящую тенденцию в ближайшие 50 лет [24].

Однако изменение климата не ограничивается лишь положительным влиянием, имеет место существование негативных факторов, ведущих к деградации лесов и, как следствие, к уменьшению объема доступной для вырубки древесины. Изменение скорости ветра и сокращение периода сезонного промерзания почвы становятся причинами возникновения буреломов [27], а заметное повышение температуры в сочетании с низкой влажностью способствует наступлению засушливых периодов, вследствие чего деревья (в особенности темнохвойных пород) становятся более восприимчивы к различным патогенным организмам и насекомым [28]. Среди насекомых-вредителей наибольший ущерб лесам наносит гусеница еловой листовертки-почкоеда и гусеница коконопряда кольчатого лесного, ареал обитания которых включает леса Северной Америки [29], а также гусеница сибирского шелкопряда, поражающая в основном хвойные деревья южной и средней тайги Сибири и Дальнего Востока [30]. Кроме того, во время засухи повышается риск возникновения лесных пожаров, в ходе которых в атмосферу выделяется значительное количество углерода [31].

Непосредственное воздействие на показатели деятельности лесозаготовительной промышленности заключается в возрастающей частоте наступления экстремальных погодных условий, во время которых проведение лесозаготовительных работ становится небезопасным [32]. Также дополнительным риском для лесозаготовки при транспортировке продуктов заготовки древесины по рекам является учащение случаев стихийных бедствий в виде штормов и весенних паводков, вызванных постепенным оттаиванием вечной мерзлоты на фоне глобального изменения климата. В результате данных природных явлений происходит разрушение сплавляемых по рекам древесных плотов и вынос бревен в открытую воду, из-за чего лесная промышленность терпит значительные убытки [33].

Возможность проведения лесозаготовительных мероприятий определяется таким важным критерием, как техническая доступность лесов, под которой понимается совокупность доступных для заготовки лесной техникой древесных ресурсов. Как правило, большинство лесов в России произрастает на заболоченных землях и почвах, характеризующихся слабой грузоподъемностью, что делает практически невозможным использование тяжелой лесозаготовительной техники в летнее время года. По этой причине, а также во избежание нанесения вреда почвенному покрову и подлеску, большинство российских лесных участков доступно для вырубки древесины только в зимний период времени. По прогнозным оценкам, рассчитанным для Тихвинского района Ленинградской области, ежегодный рост среднегодовой температуры воздуха

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

будет сокращать продолжительность лесозаготовительного сезона в среднем на 3–4 дня каждые 10 лет, что в дальнейшем приведет к снижению объема лесозаготовок. В данных условиях лесозаготовительным компаниям понадобится обновление парка техники, которая бы повысила интенсивность вырубки, а также инвестирование средств в строительство круглогодичных лесных дорог [34].

Влияние глобального потепления сопровождается проявлением особого механизма адаптации леса к изменяющимся условиям окружающей среды – миграции уязвимых перед высокими температурами и засухой лесов в ареалы с более подходящими условиями произрастания. В восточной части США, к примеру, за последние 30 лет наблюдалась значительная миграция деревьев в северном и западном направлениях вследствие изменения режима влажности экосистем на фоне глобального изменения климата. Однако темп миграции деревьев в западном направлении оказался выше, чем скорость перемещения деревьев по направлению к северу [35]. Для лесов Центральной Сибири к 2020 г. изменение климата вызовет смещение северных границ лесного покрова в области равнин и плоскогорья, тем не менее границы южных лесных зон будут перемещаться вверх по склонам Южно-Сибирских гор в более благоприятные для произрастания климатические условия [36]. В долгосрочном периоде повышение температуры воздуха на территории Сибири вызовет перемещение наиболее восприимчивых к засухе хвойных пород в зону тундры с более мягким климатом. В то же время на юге хвойные будут уступать место расширяющейся степи. К 2080 г. прогнозируемое сокращение площади темнохвойных и светлохвойных пород в Центральной Сибири составит 8–10 % [37]. Ожидается, что в результате указанных изменений лесозаготовительная деятельность будет также перемещаться преимущественно в северном направлении, следуя траектории миграции лесов [24]. Специфика распределения основных лесообразующих пород на конкретной территории зависит как от топографических, так и от изменяющихся климатических параметров. Для лесов Европы к 2100 г. прогнозируемое изменение климата приведет к существенным изменениям в структуре площадей лесообразующих пород. При реализации сценария с высокими показателями выбросов парниковых газов ареал произрастания холодолюбивой норвежской ели может сократиться на 60 %, при этом будет наблюдаться заметное смещение границ произрастания породы по направлению к северу вглубь Скандинавского полуострова. Ареал обитания дуба, произрастающего в южных частях Европы, напротив, к концу века может увеличиться в четыре раза и распространиться на территорию Центральной и Северо-Восточной Европы. Экономический эффект от подобных изменений в перспективе до 2100 г. выразится в снижении средней стоимости лесных земель более чем на 30 % от показателя 2010 г. вследствие сокращения площадей произрастания высокопродуктивных пород, уступающих место менее продуктивным [38]. Лесные породы по-разному реагируют на смену климатических условий, поэтому при возникновении разрушающих лес факторов более устойчивые широколиственные породы деревьев приходят на смену менее устойчивым к засухе, но коммерчески ценным хвойным видам [39, 40].

Изменение климата и экономика сельского хозяйства

Отрасль сельского хозяйства, как и лесная отрасль, также довольно тесно связана с природопользованием, поэтому в значительной степени восприимчива к изменяющимся климатическим условиям.

Существует немало работ, посвященных изучению тех эффектов, которые оказывает глобальное потепление на экономические показатели сельского хозяйства. Например, в работе С. Пассела и его соавторов было оценено сезонное и годовое воздействие температуры и осадков на стоимость сельскохозяйственных участков в Европе и Америке. Авторы пришли к выводу, что увеличение температуры и количества осадков в целом положительным образом влияет на экономические показатели фермерских хозяйств Европы в отличие от менее восприимчивых к глобальному потеплению ферм Америки. При этом имеет место территориальная гетерогенность, поскольку эффект роста среднегодовых температур может оказаться негативным для стран, расположенных в южной части Европы [41].

Климат играет важнейшую роль в определении благосостояния сельских жителей, поскольку значительная часть доходов сельского населения формируется за счет осуществления сельскохозяйственной деятельности, а показатели продуктивности в самой

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

отрасли напрямую зависят от сложившихся климатических условий. Так, в округах США и муниципалитетах Бразилии повышение температуры сокращает среднедушевые доходы, что обостряет проблему бедности среди сельского населения, которая будет наиболее ярко выражена в южных странах, характеризующихся менее благоприятными климатическими условиями [42].

В Африке фермы, расположенные в наиболее жарких и засушливых районов материка, подвергаются значительному риску, поскольку уже находятся в неустойчивом для сельского хозяйства состоянии. В связи с этим в странах континента, находящихся южнее Сахары, растениеводство будет нести существенные убытки [43]. Вместе с тем использование системы искусственного орошения в засушливых районах может послужить эффективной мерой адаптации сельского хозяйства к глобальному потеплению, поскольку позволит избежать гибели культур вследствие засухи и потери фермерами значительной доли выручки [44]. Однако существует иная точка зрения об эффективности мер адаптации к изменению климата для засушливых регионов южной Африки. По мнению некоторых исследователей, увеличение орошаемых сельскохозяйственных угодий не является эффективной стратегией адаптации к изменению климата, поскольку не сможет компенсировать сокращение ВВП, вызванное глобальным потеплением. Поэтому наиболее эффективным решением будет считаться реализация механизма по привлечению инвестиций в научно-исследовательские разработки с целью повышения урожайности сельскохозяйственных культур [45]. Важно отметить, что не для всех территорий Африки между количеством осадков и величиной дохода от сельскохозяйственной деятельности наблюдается положительная взаимосвязь. К примеру, в Гвинейской Республике, расположенной вблизи экватора, во время летнего сезона дождей происходит снижение величины чистого дохода фермерских хозяйств, что объясняется пагубным воздействием излишнего количества осадков на урожайность культур и возрастающим риском наводнений. Противоположный эффект в виде увеличения показателя выручки наблюдался при росте температуры в холодный зимний период времени при умеренном количестве осадков [46].

Для регионов, экономическое развитие которых во многом определяется производительностью сельского хозяйства, ожидаемое потепление грозит рядом социально-экономических рисков. В северо-восточной части Индии (штат Ассам) около 70 % всего населения региона занято в отрасли сельского хозяйства, которое обеспечивает порядка 35 % национального ВВП. Наблюдаемые воздействия в виде частых наводнений, сменяющихся продолжительными засушливыми периодами, града, оползней и селевых потоков наносят значительный ущерб культурам. Ситуация усугубляется возникновением на фоне указанных аномальных явлений эрозии почв, приводящей к снижению их плодородности. Дополнительным риском служат вспышки болезней и рост популяции вредителей злаковых. Для подавляющей части населения, единственным источником доходов которой является выращивание сельскохозяйственных культур, указанные изменения приведут к еще большему обострению проблемы бедности [47].

Экономика сельского хозяйства Азии, благодаря происходящему потеплению климата, обеспечивает примерно две трети общемирового выпуска сельскохозяйственной продукции. В этом отношении является особенно важным дать точную экономическую оценку климатического эффекта для данного региона. Р. Мендельсоном рассмотрено два сценария изменения температуры и представлены результаты динамики показателей доходности отрасли сначала под влиянием одного лишь потепления, а после – с учетом так называемого эффекта фертилизации (повышения урожайности культур в результате связывания углерода). В первом случае повышение температуры на 1,5 °С вызовет потери чистой прибыли в отрасли в размере 13 %, или 93 млрд долл. США в год, двукратное же повышение температуры приведет к потере 28 %, или 195 млрд долл. США чистой прибыли в год. Учет в модели эффекта фертилизации, по мнению автора, напротив, окажет положительное воздействие на доход в отрасли. В случае потепления на 1,5 °С чистая прибыль вырастет на 3 %, или 18 млрд долл. США в год, однако при потеплении на 3 °С фермеры будут нести убытки в размере 12 %, или 84 млрд долл. США в год [48]. Глобальная же оценка воздействия изменения климата на продуктивность в сельском хозяйстве показывает, что при реализации сценария с сокращением выбросов парниковых газов в

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

атмосферу относительно сценария с высокими выбросами урожайность в отрасли будет на 12 % ниже (с большей на 15 % разницей в цене) при условии наличия эффекта фертилизации. Напротив, производство зерна по сценарию с низкими значениями выбросов углерода в атмосферу станет на 22 % выше (и с меньшей на 22 % разницей в цене), чем при сценарии с высокими выбросами, если эффект фертилизации отсутствует [49].

В северной части Китая, несмотря на увеличение урожайности зерновых культур за последние 50 лет ввиду снижения частоты и интенсивности заморозков и увеличения продолжительности периода вегетации, к 2050 г. в целом прогнозируется сокращение производства пшеницы, кукурузы и риса. Ограничивающим фактором роста для указанной территории является возрастание вследствие роста средних температур индекса испаряемости, что ведет к недостаточному потреблению растениями воды даже в условиях нормального количества осадков. Дополнительные риски в виде роста популяций вредителей, а также частые наводнения и град в южных провинциях Китая могут превысить смоделированные оценки ущерба, наносимого отрасли. Компенсирующим потери фактором может явиться эффект фертилизации, хотя для указанного региона еще не была проведена точная оценка его вклада [50]. Тем не менее некоторые исследования показывают, что в условиях дефицита воды эффект фертилизации, скорее всего, не принесет ожидаемого результата роста продуктивности культур [51].

На фоне существующей глобальной тенденции снижения урожайности сельскохозяйственных культур в России в настоящий момент наблюдается рост производства зерна. Благодаря потеплению климата за последние 30 лет практически во всех федеральных округах, где ведется сельскохозяйственная деятельность, повысился сбор зерновых культур, чему во многом способствовало повышение температуры более холодного периода года, а также уменьшение степени континентальности климата. При реализации наиболее благоприятного сценария с влажным климатом можно ожидать повышения продуктивности в отрасли, однако засушливый сценарий, вероятнее всего, вызовет заметное сокращение производства зерна. С другой стороны, из-за изменения климата сельское хозяйство будет в большей степени подвержено различным ограничивающим развитие рискам. Рост популяций теплолюбивых вредителей культур (тли, саранчи, колорадского жука) представляет значительную угрозу для отрасли [52, с. 67–69].

Выводы

Изменение климата как глобальный динамический процесс сопровождается рядом последствий, природу которых бывает достаточно трудно точно оценить и спрогнозировать. В работе приведена характеристика социально-экономических эффектов изменения климата, а также проанализированы возможные последствия для наиболее восприимчивых к его изменению отраслей экономики – сельского хозяйства и лесной промышленности. Показано, что географическое размещение производственных мощностей является важным фактором, определяющим величину соотношения получаемых выгод и понесенных издержек в результате потепления климата. Тем не менее упомянутый перечень последствий не является исчерпывающим, поскольку существуют неявные эффекты, которые еще предстоит обнаружить и оценить.

Влияние изменения климата на лесной сектор экономики имеет многосторонний эффект. С одной стороны, рост среднегодовой температуры положительно влияет на чистую первичную продуктивность древесины, что обеспечивает увеличение объема доступных для заготовки лесных ресурсов. С другой стороны, потепление сопровождается рядом негативных для отрасли эффектов, среди которых выделяют засуху, являющуюся одной из наиболее распространенных причин возникновения пожаров, вспышек болезней и роста числа насекомых-вредителей. Лесной сектор экономики, как использующий древесное сырье, более всего подвержен подобного рода последствиям изменения климата. Наносимый природными явлениями ущерб лесосеке и лесной продукции, сокращение продолжительности лесозаготовительного сезона вследствие роста среднегодовых температур могут стать причиной снижения объема лесозаготовок, а миграция лесных биомов по направлению к высоким широтам с большой вероятностью приведет к изменению социально-экономической активности заготавливающих и перерабатывающих древесину отраслей экономики.

Как и лесная промышленность, сельское хозяйство является отраслью, в значительной мере восприим-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

чивой к изменению климатических характеристик. Наметившаяся в последнее время тенденция к смещению благоприятных для выращивания культур климатических условий ставит под угрозу развитие отрасли на территориях низких географических широт, представленных главным образом развивающимися странами, для которых сельское хозяйство является одним из основных источников экономического роста. Для этих стран глобальное изменение климата станет дополнительным препятствием на пути к благоприятному социально-экономическому развитию, вызвав социальную напряженность, а также обострение проблемы бедности и голода среди населения, подавляющая доля которого занята в сфере сельского хозяйства.

Вопросы адаптации экономики, в том числе лесной и сельскохозяйственной отраслей, к глобальному изменению климата имеют в настоящее время приоритетное значение. С этой точки зрения на политическом уровне необходима разработка таких механизмов адаптации к изменяющимся климатическим условиям, которые могли бы в достаточной мере снизить социально-экономических риски, вызванные глобальным потеплением.

Список литературы

1. Nordhaus W., Sztorc P. DICE 2013R: Introduction and User's Manual. 2013.

2. Bosello F., Tol R. S. J., Roson R. Economy-wide estimates of the implications of climate change: Human health // Ecological Economics. 2006. № 58 (3). Pp. 579–591. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2005.07.032

3. Dell M., Jones B. F., Olken B. A. Climate Change and Economic Growth: Evi-dence from the Last Half Century // National Bureau of Economic Research. 2008. URL: http://www.nber.org/papers/w14132.pdf (дата обращения: 05.12.17)

4. Worldwide impacts of climate change on energy for heating and cooling / M. Labriet, S. R. Joshi, M. Vielle, P. B. Holden, N. R. Edwards, A. Kanudia, R. Loulou, F. Babonneau // Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change. 2015. № 20 (7). Pp. 1111–1136. DOI: 10.1007/s11027-013-9522-7

5. Maddison D. The amenity value of the climate: the household production function approach // Resource and Energy Economics. 2003. № 25 (2). Pp. 155–175. DOI: 10.1016/S0928-7655(02)00024-6

6. Rehdanz K., Maddison D. Climate and happiness // Ecological Economics. 2005. № 52 (1). Pp. 111–125. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2004.06.015

7. Porfiriev B. Climate change as a major slow-onset hazard to development: an integrated approach to bridge the policy gap // Environmental Hazards (special issue). 2015. № 14 (2). Pp. 187–191. DOI: 10.1080/17477891.2015.1019823

8. Tol R. S. J. The Economic Effects of Climate Change // Journal of Economic Perspectives. 2009. № 23 (2), Pp. 29–51. DOI: 10.1257/jep.23.2.29

9. Porfiriev B. Climate change: A hazard or an opportunity? // Environmental Hazards (special issue). 2009. № 8 (3), Pp. 167–170. DOI: 10.3763/ehaz.2009.0026

10. Блам Ю. Ш., Бабенко Т. И., Машкина Л. В. Лесной комплекс в изменяющихся институциональных и экономических условиях // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. № 5. С. 197–204.

11. Антонова Н. Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106

12. Гордеев Р. В., Пыжев А. И., Зандер Е. В. Лесопромышленный комплекс Красноярского края: тенденции и перспективы развития // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 1. С. 4–18. DOI: 10.24891/re.15.1.4

13. Колесникова А. В. Лесопользование на территории Сибири и Дальнего Востока: состояние и динамика // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 6 (121). С. 127–142.

14. Швиденко А. З., Щепащенко Д. Г. Углеродный бюджет лесов России // Сибирский лесной журнал. 2014. № 1. С. 69–92.

15. Carbon budget of managed forests in the Russian Federation in 1990–2050: Post-evaluation and forecasting / D. G. Zamolodchikov, V. I. Grabovskii, G. N. Korovin et al // Russian Meteorology Hydrology. 2013. № 38 (10). Pp. 701–714. DOI: 10.3103/S1068373913100087

16. Tollefson J. Forests not equal when it comes to climate // Nature. 2016. DOI: 10.1038/nature.2016.19294 (дата обращения: 02.11.17)

17. Führer E. Forest functions, ecosystem stability and management // Forest Ecology and Management. 2000. № 132 (1). Pp. 29–38. DOI: 10.1016/S0378-1127(00)00377-7

18. The current state of knowledge of ecosystems and ecosystem services in Russia: a status report / E. N. Bukvareva, K. Grunewald, S. N. Bobylev et al // A Journal of the Human Environment. 2015. № 44 (6). Pp. 491–507. DOI: 10.1007/s13280-015-0674-4

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

19. Shvidenko A., Nilsson S. Dynamics of Russian Forests and the Carbon Budget in 1961–1998: An Assessment Based on Long-Term Forest Inventory Data // Climate Change. 2002. № 55 (1). Pp. 5–37. DOI: 10.1023/A:1020243304744

20. The Ecosystem Impacts of Severe Warming / R. Mendelsohn, I. C. Prentice, O. Schmitz et al // American Economic Review. 2016. № 106 (5). Pp. 612–614. DOI: 10.1257/aer.p20161104

21. Boisvenue C., Running S. Impacts of climate change on natural forest productivity – evidence since the middle of the 20th century // Global Change Biology. 2006. № 12 (5). Pp. 862–882. DOI: 10.1111/j.1365-2486.2006.01134.x

22. Liang J. et al. Positive biodiversity-productivity relationship predominant in global forests // Science. 2016. № 354 (6309). Pp. 196–209. DOI: 10.1126/science.aaf8957

23. Effects of climate change and management on timber yield in boreal forests, with economic implications: A case study / J. Garcia-Gonzalo, H. Peltola, E. Briceño-Elizondo et al // Ecological Modelling. 2007. № 209 (2–4). Pp. 220–234. DOI: 10.1016/j.ecolmodel.2007.06.021

24. Kirilenko A. P., Sedjo R. A. Climate change impacts on forestry // PNAS. 2007. № 104 (50). Pp. 19697–19702. DOI: 10.1073/pnas.0701424104

25. Global climate change im-pacts on forests and markets / X. Tian, B. Sohngen, J. B. Kim et al // Environmental Research Letters. 2016. № 11 (3). Pp. 1–10. DOI: 10.1088/1748-9326/11/3/035011

26. Brecka A. F. J., Shahi C., Chen H. Y. H. Climate change impacts on boreal forest timber supply // Forest Policy and Economics. 2018. № 92. Pp. 11–21. DOI: 10.1016/j.forpol.2018.03.010

27. Potential impact of climate change on the risk of windthrow in eastern Canada's forests / Ch. Saad, Y. Boulanger, M. Beaudet et al // Climatic Change. 2017. № 143 (3–4). Pp. 487–501. DOI: 10.1007/s10584-017-1995-z

28. Climate-induced mortality of Siberian pine and fir in the Lake Baikal Watershed, Siberia / V. I. Kharuk, S. T. Im, I. A. Petrov, A. S. Golyukov, K. J. Ranson, M. N. Yagunov // Forest Ecology and Management. 2017. № 384. Pp. 191–199. DOI: 10.1016/j.foreco.2016.10.050

29. Volney W. J. A., Fleming R. A. Climate change and impacts of boreal forest insects // Agriculture, Ecosystems & Environment. 2000. № 82 (1–3). Pp. 283–294. DOI: 10.1016/S0167-8809(00)00232-2

30. Чикидов И. И. Роль климатических факторов в развитии очагов массового размножения сибирского шелкопряда в Центральной Якутии в 1998–2001 гг. // Вестник Якутского государственного университета. 2009. Т. 6, № 3. С. 8–12.

31. Flannigan M. D., Stocks B. J., Wotton B. M. Climate change and forest fires // The Science of the Total Environment. 2000. № 262 (3). Pp. 221–229. DOI: 10.1016/S0048-9697(00)00524-6

32. Rittenhouse Ch. D., Rissman A. R. Changes in winter conditions impact forest management in north temperate forests // Journal of Environmental Management. 2015. № 149. Pp. 157–167. DOI: 10.1016/j.jenvman.2014.10.010

33. Timber Logging in Central Siberia is the Main Source for Recent Arctic Driftwood / L. Hellmann, W. Tegel, A. V. Kirdyanov et al // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. 2015. № 47 (3). Pp. 449–460. DOI: 10.1657/AAAR0014-063

34. Goltsev V., Lopatin E. The impact of climate change on the technical accessibility of forests in the Tikhvin District of the Leningrad Region of Russia // International Journal of Forest Engineering. 2013. № 24 (2). Pp. 148–160. DOI: 10.1080/19132220.2013.792150

35. Diver-gence of species responses to climate change / S. Fei, J. M. Desprez, K. M. Potter et al // Science Advances. 2017. № 3 (5). Pp. 1–9. DOI: 10.1126/sciadv.1603055

36. Tchebakova N. M., Parfenova E. I., Soja A. J. Climate change and climate-induced hot spots in forest shifts in central Siberia from observed data // Regional Environmental Change. 2011. № 11 (4). Pp. 817–827. DOI: 10.1007/s10113-011-0210-4

37. Potential change in forest types and stand heights in central Siberia in a warming climate / N. M. Tchebakova, E. I. Parfenova, M. A. Korets et al // Environmental Research Letters. 2016. № 11 (3). Pp. 1–16. DOI: 10.1088/1748-9326/11/3/035016

38. Climate change may cause severe loss in the economic value of European forest land / M. Hanewinkel, D. A. Cullmann, M.-J. Schelhaas et al // Nature Climate Change. 2013. № 3. Pp. 203–207. DOI: 10.1038/nclimate1687

39. Species specific growth responses of black spruce and trembling aspen may enhance resilience of boreal forest to climate change / I. Drobyshev, S. Gewehr, F. Berninger et al // Journal of Ecology. 2013. № 101 (1). Pp. 231–242. DOI: 10.1111/1365-2745.12007

40. Changes in fire regime break the legacy lock on successional trajectories in Alaskan boreal forest / J. F. Johnstone, T. N. Hollingsworth, F. S. Chapin, M. C. Mack // Global Change Biology. 2010. № 16 (4). Pp. 1281–1295. DOI: 10.1111/j.1365-2486.2009.02051.x

41. Van Passel S., Massetti E., Mendelsohn R. A Ricardian Analysis of the Impact of Climate Change on European Agriculture // Environmental and Resource Economics. 2017. № 67 (4). Pp. 725–760. DOI: 10.1007/s10640-016-0001-y

42. Climate and Rural Income / R. Mendelsohn, A. Basist, P. Kurukulasuriya et al // Climatic Change. 2007. № 81 (1). Pp. 101–118. DOI: 10.1007/s10584-005-9010-5

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

43. Kurukulasuriya P. et al. Will African Agriculture Survive Climate Change? // The World Bank Economic Review. 2006. № 20 (3). Pp. 367–388. DOI: 10.1093/wber/lhl004

44. Kurukulasuriya P., Kala N., Mendelsohn R. Adaptation and Climate Change Impacts: A Structural Ricardian Model of Irrigation and Farm Income in Africa // Climate Change Economics. 2011. № 2 (2). Pp. 149–174. DOI: 10.1142/S2010007811000255

45. Climate change and agriculture: Impacts and adaptation options in South Africa / A. Calzadilla, T. Zhu, K. Rehdanz et al // Water Resoures and Economics. 2014. No 5. Pp. 24–48. DOI: 10.1016/j.wre.2014.03.001

46. Wood S. A., Mendelsohn R. O. The impact of climate change on agricultural net revenue: a case study in the Fouta Djallon, West Africa // Environment and Development Economics. 2015. № 20 (1). Pp. 20–36. DOI: 10.1017/S1355770X14000084

47. Johnson F. A., Hutton C. W. Dependence on agriculture and ecosystem services for livelihood in Northeast India and Bhutan: vulnerability to climate change in the Tropical River Basins of the Upper Brahmaputra // Climatic Change. 2014. № 127 (1). Pp. 107–121. DOI: 10.1007/s10584-012-0573-7

48. Mendelsohn R. The Impact of Climate Change on Agriculture in Asia // Journal of Integrative Agriculture. 2014. № 13 (4). Pp. 660–665. DOI: 10.1016/S2095-3119(13)60701-7

49. Avoided economic impacts of climate change on agriculture: integrating a land surface model (CLM) with a global economic model (iPETS) / X. Ren, M. Weitzel, B. C. O'Neill et al Climatic Change, 2018, №. 146 (3–4). Pp. 517–531. DOI: 10.1007/s10584-016-1791-1

50. The impacts of climate change on agricultural production systems in China / H. Ju, M. van der Velde, E. Lin et al // Climatic Change. 2013. № 120 (1–2). Pp. 313–324. DOI: 10.1007/s10584-013-0803-7

51. Climate change impact on rain-fed wheat in south-eastern Australia / M. R. Anwar, G. O'Leary, D. McNeil et al // Field Crops Research. 2007. № 104 (1–3). Pp. 139–147. DOI: 10.1016/j.fcr.2007.03.020

52. Порфирьев Б. Н., Катцов В. М., Рогинко С. А. Изменения климата и международная безопасность. М.: Д'АРТ, 2011. 292 с.

References

1. Nordhaus W., Sztorc P. *DICE 2013R: Introduction and User's Manual*, 2013.

2. Bosello F., Tol R. S. J., Roson R. Economy-wide estimates of the implications of climate change: Human health, *Ecological Economics*, 2006, No. 58 (3), pp. 579–591. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2005.07.032

3. Dell M., Jones B. F., Olken B. A. Climate Change and Economic Growth: Evi-dence from the Last Half Century, *National Bureau of Economic Research*, 2008, available at: http://www.nber.org/papers/w14132.pdf (access date: 05.12.17)

4. Labriet M., Joshi S. R., Vielle M., Holden P. B., Edwards N. R., Kanudia A., Loulou R., Babonneau F. Worldwide impacts of climate change on energy for heating and cooling, *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, 2015, No. 20 (7), pp. 1111–1136. DOI: 10.1007/s11027-013-9522-7

5. Maddison D. The amenity value of the climate: the household production function approach, *Resource and Energy Economics*, 2003, No. 25 (2), pp. 155–175. DOI: 10.1016/S0928-7655(02)00024-6

6. Rehdanz K., Maddison D. Climate and happiness, *Ecological Economics*, 2005, No. 52 (1), pp. 111–125. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2004.06.015

7. Porfiriev B. Climate change as a major slow-onset hazard to development: an integrated approach to bridge the policy gap, *Environmental Hazards* (special issue), 2015, No. 14 (2), pp. 187–191. DOI: 10.1080/17477891.2015.1019823

8. Tol R. S. J. The Economic Effects of Climate Change, *Journal of Economic Perspectives*, 2009, No. 23 (2), pp. 29–51. DOI: 10.1257/jep.23.2.29

9. Porfiriev B. Climate change: A hazard or an opportunity?, *Environmental Hazards* (special issue), 2009, No. 8 (3), pp. 167–170. DOI: 10.3763/ehaz.2009.0026

10. Blam Yu. Sh., Babenko T. I., Mashkina L. V. Forest complex under changing institutional and economic conditions, *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2015, No. 5, pp. 197–204 (in Russ.).

11. Antonova N. E. Transformation of a forest complex during the years of Russian reforms: Far East profile, *Prostranstvennaya ekonomika*, 2017, No. 3, pp. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106 (in Russ.).

12. Gordeev R. V., Pyzhev A. I., Zander E. V. Forest-industrial complex of Krasnoyarsk krai: trends and prospects of development, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2017, Vol. 15, No. 1, pp. 4–18. DOI: 10.24891/re.15.1.4 (in Russ.).

13. Kolesnikova A. V. Forest management in Siberia and Far East: state and dynamics, *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 6 (121), pp. 127–142 (in Russ.).

14. Shvidenko A. Z., Shchepashchenko D. G. Carbonic budget of the Russian forests, *Sibirskii lesnoi zhurnal*, 2014, No. 1, pp. 69–92 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

15. Zamolodchikov D. G., Grabovskii V. I., Korovin G. N., Gitarskii M. L., Blinov V. G., Dmitriev V. V., Kurz W. A. Carbon budget of managed forests in the Russian Federation in 1990–2050: Post-evaluation and forecasting, *Russian Meteorology Hydrology*, 2013, No. 38 (10), pp. 701–714. DOI: 10.3103/S1068373913100087

16. Tollefson J. Forests not equal when it comes to climate, *Nature*, 2016. DOI: 10.1038/nature.2016.19294 (access date: 02.11.2017)

17. Führer E. Forest functions, ecosystem stability and management, *Forest Ecology and Management*, 2000, No. 132 (1), pp. 29–38. DOI: 10.1016/S0378-1127(00)00377-7

18. Bukvareva E. N., Grunewald K., Bobylev S. N., Zamolodchikov D. G., Zimenko A. V., Bastian O. The current state of knowledge of ecosystems and ecosystem services in Russia: a status report, *A Journal of the Human Environment*, 2015, No. 44 (6), pp. 491–507. DOI: 10.1007/s13280-015-0674-4

19. Shvidenko A., Nilsson S. Dynamics of Russian Forests and the Carbon Budget in 1961–1998: An Assessment Based on Long-Term Forest Inventory Data, *Climate Change*, 2002, No. 55 (1), pp. 5–37. DOI: 10.1023/A:1020243304744

20. Mendelsohn R., Prentice I. C., Schmitz O., Stocker B., Buchkowski R., Dawson B. The Ecosystem Impacts of Severe Warming, *American Economic Review*, 2016, No. 106 (5), pp. 612–614. DOI: 10.1257/aer.p20161104

21. Boisvenue C., Running S. Impacts of climate change on natural forest productivity – evidence since the middle of the 20th century, *Global Change Biology*, 2006, No. 12 (5), pp. 862–882. DOI: 10.1111/j.1365-2486.2006.01134.x

22. Liang J. et al. Positive biodiversity-productivity relationship predominant in global forests, *Science*, 2016, No. 354 (6309), pp. 196–209. DOI: 10.1126/science.aaf8957

23. Garcia-Gonzalo J., Peltola H., Briceño-Elizondo E., Kellomäki S. Effects of climate change and management on timber yield in boreal forests, with economic implications: A case study, *Ecological Modelling*, 2007, No. 209 (2–4), pp. 220–234. DOI: 10.1016/j.ecolmodel.2007.06.021

24. Kirilenko A. P., Sedjo R. A. Climate change impacts on forestry, *PNAS*, 2007, No. 104 (50), pp. 19697–19702. DOI: 10.1073/pnas.0701424104

25. Tian X., Sohngen B., Kim J. B., Ohrel S., Cole J. Global climate change impacts on forests and markets, *Environmental Research Letters*, 2016, No. 11 (3), pp. 1–10. DOI: 10.1088/1748-9326/11/3/035011

26. Brecka A. F. J., Shahi C., Chen H. Y. H. Climate change impacts on boreal forest timber supply, *Forest Policy and Economics*, 2018, No. 92, pp. 11–21. DOI: 10.1016/j.forpol.2018.03.010

27. Saad Ch., Boulanger Y., Beaudet M., Gachon Ph., Ruel J.-C., Gauthier S. Potential impact of climate change on the risk of windthrow in eastern Canada's forests, *Climatic Change*, 2017, No. 143 (3–4), pp. 487–501. DOI: 10.1007/s10584-017-1995-z

28. Kharuk V. I., Im S. T., Petrov I. A., Golyukov A. S., Ranson K. J., Yagunov M. N. Climate-induced mortality of Siberian pine and fir in the Lake Baikal Watershed, Siberia, *Forest Ecology and Management*, 2017, No. 384, pp. 191–199. DOI: 10.1016/j.foreco.2016.10.050

29. Volney W. J. A., Fleming R. A. Climate change and impacts of boreal forest insects, *Agriculture, Ecosystems & Environment*, 2000, No. 82 (1–3), pp. 283–294. DOI: 10.1016/S0167-8809(00)00232-2

30. Chikidov I. I. Role of climatic factors in developing the foci of mass reproduction of Siberian silkworm in Central Yakutia in 1998–2001, *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, Vol. 6, No. 3, pp. 8–12 (in Russ.).

31. Flannigan M. D., Stocks B. J., Wotton B. M. Climate change and forest fires, *The Science of the Total Environment*, 2000, No. 262 (3), pp. 221–229. DOI: 10.1016/S0048-9697(00)00524-6

32. Rittenhouse Ch. D., Rissman A. R. Changes in winter conditions impact forest management in north temperate forests, *Journal of Environmental Management*, 2015, No. 149, pp. 157–167. DOI: 10.1016/j.jenvman.2014.10.010

33. Hellmann L., Tegel W., Kirdyanov A. V., Eggertsson Ó., Esper J., Agafonov L., Nikolaev A. N., Knorre A. A., Myglan V. S., Churakova (Sidorova) O., Schweingruber F. H., Nievergelt D., Verstege A., Büntgen U. Timber Logging in Central Siberia is the Main Source for Recent Arctic Driftwood, *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*, 2015, No. 47 (3), pp. 449–460. DOI: 10.1657/AAAR0014-063

34. Goltsev V., Lopatin E. The impact of climate change on the technical accessibility of forests in the Tikhvin District of the Leningrad Region of Russia, *International Journal of Forest Engineering*, 2013, No. 24 (2), pp. 148–160. DOI: 10.1080/19132220.2013.792150

35. Fei S., Desprez J. M., Potter K. M., Jo I., Knott J. A., Oswalt Ch. M. Divergence of species responses to climate change, *Science Advances*, 2017, No. 3 (5), pp. 1–9. DOI: 10.1126/sciadv.1603055

36. Tchebakova N. M., Parfenova E. I., Soja A. J. Climate change and climate-induced hot spots in forest shifts in central Siberia from observed data, *Regional Environmental Change*, 2011, No. 11 (4), pp. 817–827. DOI: 10.1007/s10113-011-0210-4

37. Tchebakova N. M., Parfenova E. I., Korets M. A., Conard S. G. Potential change in forest types and stand heights in central Siberia in a warming climate, *Environmental Research Letters*, 2016, No. 11 (3), pp. 1–16. DOI: 10.1088/1748-9326/11/3/035016

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

38. Hanewinkel M., Cullmann D. A., Schelhaas M.-J., Nabuurs G.-J., Zimmermann N. E. Climate change may cause severe loss in the economic value of European forest land, *Nature Climate Change*, 2013, No. 3, pp. 203–207. DOI: 10.1038/nclimate1687

39. Drobyshev I., Gewehr S., Berninger F., Bergeron Y. Species specific growth responses of black spruce and trembling aspen may enhance resilience of boreal forest to climate change, *Journal of Ecology*, 2013, No. 101 (1), pp. 231–242. DOI: 10.1111/1365-2745.12007

40. Johnstone J. F., Hollingsworth T. N., Chapin F. S., Mack M. C. Changes in fire regime break the legacy lock on successional trajectories in Alaskan boreal forest, *Global Change Biology*, 2010, No. 16 (4), pp. 1281–1295. DOI: 10.1111/j.1365-2486.2009.02051.x

41. Van Passel S., Massetti E., Mendelsohn R. A Ricardian Analysis of the Impact of Climate Change on European Agriculture, *Environmental and Resource Economics*, 2017, No. 67 (4), pp. 725–760. DOI: 10.1007/s10640-016-0001-y

42. Mendelsohn R., Basist A., Kurukulasuriya P., Dinar, A. Climate and Rural Income, *Climatic Change*, 2007, No. 81 (1), pp. 101–118. DOI: 10.1007/s10584-005-9010-5

43. Kurukulasuriya P. et al. Will African Agriculture Survive Climate Change?, *The World Bank Economic Review*, 2006, No. 20 (3), pp. 367–388. DOI: 10.1093/wber/lhl004

44. Kurukulasuriya P., Kala N., Mendelsohn R. Adaptation and Climate Change Impacts: A Structural Ricardian Model of Irrigation and Farm Income in Africa, *Climate Change Economics*, 2011, No. 2 (2), pp. 149–174. DOI: 10.1142/S2010007811000255

45. Calzadilla A., Zhu T., Rehdanz K., Tol R. S. J., Ringler C. Climate change and agriculture: Impacts and adaptation options in South Africa, *Water Resoures and Economics*, 2014, No. 5, pp. 24–48. DOI: 10.1016/j.wre.2014.03.001

46. Wood S. A., Mendelsohn R. O. The impact of climate change on agricultural net revenue: a case study in the Fouta Djallon, West Africa, *Environment and Development Economics*, 2015, No. 20 (1), pp. 20–36. DOI: 10.1017/S1355770X14000084

47. Johnson F. A., Hutton C. W. Dependence on agriculture and ecosystem services for livelihood in Northeast India and Bhutan: vulnerability to climate change in the Tropical River Basins of the Upper Brahmaputra, *Climatic Change*, 2014, No. 127 (1), pp. 107–121. DOI: 10.1007/s10584-012-0573-7

48. Mendelsohn R. The Impact of Climate Change on Agriculture in Asia, *Journal of Integrative Agriculture*, 2014, No. 13 (4), pp. 660–665. DOI: 10.1016/S2095-3119(13)60701-7

49. Ren X., Weitzel M., O'Neill B. C., Lawrence P., Meiyappan P., Levis S., Balistreri E. J., Dalton M. Avoided economic impacts of climate change on agriculture: integrating a land surface model (CLM) with a global economic model (iPETS), *Climatic Change*, 2018, No. 146 (3–4), pp. 517–531. DOI: 10.1007/s10584-016-1791-1

50. Ju H., van der Velde M., Lin E., Xiong W., Li Y. The impacts of climate change on agricultural production systems in China, *Climatic Change*, 2013, No. 120 (1–2), pp. 313–324. DOI: 10.1007/s10584-013-0803-7

51. Anwar M. R., O'Leary G., McNeil D., Hossain H., Nelson R. Climate change impact on rain-fed wheat in south-eastern Australia, *Field Crops Research*, 2007, No. 104 (1–3), pp. 139–147. DOI: 10.1016/j.fcr.2007.03.020

52. Porfir'ev B. N., Kattsov V. M., Roginko S. A. *Climate change and international security*, Moscow: D'ART, 2011, 292 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 03.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 12.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Чугункова А. В., Пыжев А. И., Пыжева Ю. И., 2018
© Chugunkova A. V., Pyzhev A. I., Pyzheva Yu. I., 2018

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФЕНОМЕН / SOCIAL CAPITAL AS A PHENOMENON

УДК 330.1:330.3:332.1
JEL J24, O40, P25, R11
DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.538-552

Т. В. КРАМИН[1],
А. С. СТРЕЛЬНИКОВА[1]
[1]Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП), г. Казань, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР КЛАСТЕРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Контактное лицо:
Крамин Тимур Владимирович,
доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kramint@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6020-6161
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013

Стрельникова Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: strelnikova.1986@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5869-8646
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-3526-2018

Цель: обоснование возрастающей роли социального капитала в развитии современных кластеров.
Метод: абстрактно-логический. На основе сравнительного анализа проведено исследование роли социального капитала в функционировании кластеров в различных странах, в том числе на примере кожевенной отрасли.
Результаты: в статье определено, что успех кластерных программ в различных регионах, странах зависит от роли социального капитала. Проанализированы научные исследования, на основе которых выявлено, что преимущества кластера – в его сетевой структуре, уровне доверия, взаимодействия, которые являются основными составляющими социального капитала.
Дается обзор теоретических исследований социальных характеристик кластеров, изучается специфика региональных и отраслевых кластеров в разных странах. Иллюстрируются каналы создания социального капитала кластера в рамках модели тройной спирали. Роль социального капитала кластера предлагается рассматривать на основе стоимостного подхода.
В целом проведенное исследование и его результаты позволили сделать общий вывод: комплексное управление социальным капиталом является перспективным инновационным направлением кластерного развития в современных условиях.
Научная новизна: показано, что для развития кластера необходимы инновации в виде новых механизмов управления социальным капиталом.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы региональными властями для реализации и достижения эффективности своих кластерных программ, в образовательных учреждениях в экономических дисциплинах.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; социальный капитал; кластер; кластерная программа; отраслевой подход; модель тройной спирали; региональная экономика

Благодарность: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Татарстан в рамках исследовательского проекта № 18-410-160010 р_а.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Крамин Т. В., Стрельникова А. С. Социальный капитал как фактор кластерного развития региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 538–552. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.538-552

T. V. KRAMIN[1]
A. S. STRELNIKOVA[1]
[1]*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia*

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF CLUSTER DEVELOPMENT OF A REGION

Contact:
Timur V. Kramin, Doctor of Science in Economics, Professor, Vice-rector for corporate governance,
Head of the Chair of Financial Management,
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moskovskaya str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kramint@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6020-6161
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013

Anastasia S. Strelnikova, post-graduate student of Chair of Financial Management,
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moskovskaya str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: strelnikova.1986@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5869-8646
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-3526-2018

Objective: to substantiate the increasing role of social capital in the development of modern clusters.
Method: abstract-logical. Based on comparative analysis, the role of social capital in the functioning of clusters in different countries is studied, including by the example of leather industry.
Results: the article determines that the success of cluster programs in different regions and countries depends on the role of social capital. Scientific researches are analyzed, on the basis of which it is revealed that advantages of a cluster lie in its network structure, level of trust, and interaction, which are the main components of the social capital.
The theoretical studies of social characteristics of clusters are reviewed; the specificity of regional and sectoral clusters in different countries is studied. The channels of creating social capital of a cluster are illustrated within the triple helix model. The role of social capital of a cluster is proposed to be considered on the basis of cost approach.
In general, the study and its results allowed drawing the following conclusion: integrated management of social capital is a promising innovative direction of cluster development under modern conditions.
Scientific novelty: it is shown that cluster development requires innovations in the form of new mechanisms of social capital management.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used by regional authorities for implementing and achieving the effectiveness of their cluster programs, as well as in educational institutions in economic disciplines.
Keywords: Economy and management of national economy; Social capital; Cluster; Cluster program; Sectoral approach; Triple helix model; Regional economy

Acknowledgements: the work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Republic of Tatarstan, within the framework of the research project № 18-410-160010 p_a.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Kramin T. V., Strelnikova A. S. Social capital as factor of cluster development of the region, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 538–552 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3. 538-552

Введение

Определение основных факторов развития региона – это приоритетная задача региональной экономики, изучающей и регионы, и муниципальные районы, и города, экономические отношения региона с другими регионами страны и другими странами. Эпоха глобализации, кластеризация и развивающаяся цифровая экономика заставляют регионы постоянно изменять свою региональную политику, активно реагировать на многочисленные перемены.

Многие экономисты предлагают различные ответы на вопрос, почему одни регионы успешны, а другие нет. Например, успешность региона может зависеть от ограниченности его ресурсов. В последнее время усилилось влияние новых факторов: «Инвесторов сейчас все больше привлекают регионы с развитой инфраструктурой, нежели регионы, богатые природными ресурсами» [1, с. 349]. В XX в. произошли многие открытия, события, глобализационные процессы в мире, очень сильно изменившие жизнь людей. Не обошлось и без кризисов в экономике и нестабильности во внешней экономике стран. В поиске причин объяснения межстрановых различий экономисты обратили внимание на нетрадиционные факторы производства, имеющиеся у каждой страны. Часть экономистов нашла ответы в изучении экономического роста. В экономике появилась так называемая новая теория роста, или теория эндогенного роста [2, p. 336], в основном развивающаяся за счет региональной науки. Исследования экономистов показали, что эндогенные модели обладают явным преимуществом перед экзогенными и в большей степени соответствуют эмпирическим данным.

Таким образом, успех связан не с традиционными факторами производства (труд, капитал – национальные ресурсы), а с нематериальными, с наиболее ценными ресурсами. По мнению М. Портера, «ценные ресурсы – это те, которые превосходят других в использовании, им трудно подражать, трудно подменить» [3, p. 108]. Исследователи продолжают изучать экономику стран, регионов, городов для выявления ценных ресурсов. Тот же М. Портер, изучая отраслевую конкуренцию, в своей статье «Towards a dynamic theory of strategy» (1991) доказал, что окружающая среда фирмы является источником преимущества [3]. А. Н. Асаул, Е. Г. Скуматов, Г. Е. Локтеева отмечают, что ценными «становятся отношения и поведение людей на разных уровнях их участия в предпринимательской деятельности», преимущество дает объединение участников бизнес-среды, базирующееся «на положениях сетевого подхода, получившего широкое распространение в международной хозяйственной практике» [4, с. 92]. Одной из разновидностей сетевых объединений являются «предпринимательские сети», а «кластеры можно рассматривать как одну из разновидностей крупных сетей предпринимательского типа» [4, с. 93]. Изучение кластеров привело к появлению понятия «кластерные сети». Кластеры сегодня существуют в каждой стране и даже между странами, но почему одни успешнее других? Как и почему кластеризация становится выгодной? Ответы на эти вопросы окончательно не найдены.

Настоящая статья посвящена изучению роли социального капитала в развитии кластера. Основой кластера, который не является юридическим лицом, является взаимодействие фирм, регионов, стран.

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Структура кластера в результате выглядит как определенная сеть. Сетевая структура, взаимодействие и доверие в кластере являются одними из ключевых элементов социального капитала.

Обзор общих теоретических положений

Термин «кластер» в переводе с английского языка означает скопление или группу и первоначально использовался в естественных науках [5, с. 14]. Он привлек особое внимание экономистов с конца 1980-х гг., однако существует со времен «индустриальных районов» Альфреда Маршалла [5].

Методологическая основа кластерной концепции сформулирована М. Портером (1990). Промышленные кластеры представляют собой высокие концентрации связанных как по вертикали, так и по горизонтали фирм в географически ограниченных районах. При этом Гордон и МакКанн, моделируя кластеры, предложили «модель социальной сети» [6]. Согласно этой модели, кластеры представляют собой «прочные локальные сети, взаимодействие в которых осуществляется на основе межличностных, доверительных отношений, в рамках сложившейся институциональной среды» [6, с. 74]. Сети, доверие и нормы являются основой социального капитала кластера. М. Портер указывает на то, что «социальная вовлеченность – существование обслуживающих социальных сетей и социального капитала – совершенно необходима для успешной работы и развития кластеров» [6, с. 74].

Приведем несколько точек зрения о преимуществах кластера, в том числе и на примере некоторых стран. Так, Б. Флейшер и другие обнаружили, что «кластеризация снижает входной барьер, так как стимулирует начало работы» [7, p. 2].

Д. Рават, Р. К. Миттал и В. С. Аггарваль выделили следующие преимущества кластеров [8, p. 388]:

1) фирмы, присутствующие в кластере, более способны испытывать высокие инновационные или рыночные показатели, улучшение качества продукции, огромные преимущества в производстве и продажах, которые не будут доступны для отдельной фирмы, находящейся вне кластера;

2) фирмы, присутствующие в кластере, образуют сильные бизнес-сети с заинтересованными сторонами, к которым отдельная фирма не будет доступна для создания вне кластера;

3) сформированные бизнес-сети с заинтересованными сторонами повысят конкурентоспособность компаний, их рост и производительность.

Они пришли к выводу, что фирмы с высоким уровнем бизнес-сети работают лучше своих конкурентов.

Ф. Белусси, исследуя генезис итальянских кластеров и роль промышленных районов Италии, определяет районы и кластеры (ID/C) как hyper-networks, или гиперсети, использующие множественные синергии [9, p. 94]. Автор предлагает отличать районы и кластеры от сетей. «Районы являются не только альтернативной моделью для крупных иерархических организаций, но и разных систем, поскольку они основаны на более высокой доходности и на сложных взаимосвязанных сетях организаций, которые пользуются динамичной экономией масштаба. В этих локализованных системах экономия за счет масштаба достигает большого скалярного измерения, связанного со многими сложными сетями деятельности, перекрывающимися друг с другом связями, конкурирующими фирмами, кооперативными субподрядчиками, специализированными агентами и локализованными коллективными участниками и институтами. Во многих случаях эти системы также включают в себя блоки большого размера или крупные фирмы» [9, p. 95].

В отличие от экономики США, основанной на «высокотехнологичных секторах, сформированных в местных ведущих университетах, с иностранными предпринимателями и квалифицированной рабочей силой иммигрантов», в экономике Италии нет предопределенного или стандартного жизненного цикла модели района/кластера (ID/C), наблюдается «множество эволюционных путей» [9, pp. 97–98].

Ф. Белусси указывает, что в Китае некоторые районы представляют «смешанную» модель, которая находится посередине между «индустриальным районом» и «спутниковой платформой» [9, pp. 95–96]:

1) китайские фирмы, как правило, косвенно связаны с мировыми рынками через гонконгские и тайваньские торговые компании и агентов по покупке – эта «встроенная сеть позволяет фирмам более высокую степень автономии, чем непосредственная зависимость от одной или нескольких многонациональных фирм»;

2) региональные сети китайских заводов и этнических китайских гонконгских и тайваньских инвесторов, поставщиков и клиентов проявляют

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

тенденции к сотрудничеству, доверие и долгосрочные отношения.

Она отмечает, что, несмотря на то, что модель района/кластера (ID/C) Италии часто описывается как локально автономная, различные эмпирические исследования и ее анализ указывают на растущее участие модели района/кластера (ID/C) в процессе интернационализации [9, p. 108].

Пространственные взаимозависимости являются значимым фактором для анализа как на уровне региона, так и страны. Следует отметить, что для Италии характерны широкие различия между севером и югом страны. Первым исследователем таких зависимостей на примере Италии стал Р. Патнэм. Его проект стал одним из поворотных моментов для концепции социального капитала [10, с. 30]. Р. Патнэм описывает социальный капитал как «черты социальной организации, такие как доверие, нормы и сети, которые могут повысить эффективность взаимодействия внутри общества в процессе содействия скоординированным действиям» [10, с. 30].

Более полный обзор работ по социальному капиталу представлен в статьях Р. А. Григорьева, А. Р. Климановой, М. В. Крамина, Т. В. Крамина [10] и А. А. Шакировой, Т. В. Крамина [11]. Следует отметить, что А. А. Шакировой и Т. В. Краминым произведена оценка влияния социального капитала на экономический рост на муниципальном уровне. Для этого авторы использовали расширенную регрессионную модель экономического роста Р. Солоу, основанную на производственной функции Кобба – Дугласа, с включением в нее социального капитала как дополнительного фактора создания регионального внутреннего продукта [11, с. 63].

Тот факт, что кластер образует сильные бизнес-сети (на примере Италии – гиперсети), связывает его с социальным капиталом. Сетевой подход расширил географию кластеров, выводя их из ограниченного района до международного кластера. В современной экономике сформировались новые понятия, характеризующие «системы международного кластерного взаимодействия более высокого порядка»: «кластерная сеть», «кластерно-сетевая структура», «транснациональный кластер» [12, с. 16]. В результате глобализации уровень интеграции кластера превысил две и даже три страны. Эти новые тенденции мало изучены в экономической литературе.

А. С. Михайлов, изучавший определения международного кластера и его классификацию, предлагает следующее определение транснационального кластера. «Транснациональный кластер представляет собой разновидность международного кластера, участники которого сосредоточены преимущественно в не граничащих друг с другом регионах двух и более стран, причем членами такого кластера могут выступать как широкий круг самостоятельных стейкхолдеров, так и отдельные региональные кластеры» [13, с. 54]. Он указывает, что большинство транснациональных кластеров расположено в Скандинавских странах и участвует в инициативе Европейского союза по формированию центров регионального роста. Это связано с тем, что согласно «концепции развития кластера» в Европе «важность кластеризации называется глобальной, европейской и национальной»: необходимо, чтобы «государства – члены Европейского союза содействовали появлению инновационных кластеров, международных отношений и партнерских отношений» [14, p. 155].

В 2012 г. авторы Амира Вейзагич-Рамхорст, Панайотис Х. Кетикидис, Роберт Хаггинс на примере стран Юго-Восточной Европы установили, что отсутствие социального капитала среди фирм, что «проявляется в низком уровне доверия, потенциально является ключевым барьером, подрывающим развитие промышленных кластеров» [15, p. 60]. Низкий уровень социального капитала, или меньшее доверие, подчеркивается как ключевой аспект развития сетей и кластеров в странах с переходной экономикой. Доверительные отношения в странах с переходной экономикой развиты относительно плохо, особенно на его ранних этапах, когда институты слабы, а формальные и неформальные правила, удерживающие экономику, разрываются.

Таким образом, для развития любого вида кластера важны не только материальные и нематериальные ресурсы, но и социальный капитал как на уровне страны, так и на региональном уровне. Именно он различает кластерную политику страны и ее регионов. Из-за различий в уровне социального капитала кластерная политика в одном регионе будет эффективней, чем в другом. О том, что невозможна идеальная кластерная стратегия, которая эффективно будет осуществлена в любой стране и в любом регионе, свидетельствуют данные статьи К. Кетелса. Он отмечает одну из ключе-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

вых проблем – «необходимость более четко определить различные типы программ кластеров и используемые инструменты кластерной политики» [16, p. 282]. Его исследование показало, что существует огромное разнообразие результатов, которые будут продуктом большого разнообразия мер, включенных в кластерную политику. Однако есть несколько интересных попыток разработать таксономию кластерных политик (например, OECD, 2007) [16, p. 282].

Региональные и отраслевые аспекты создания социального капитала кластера

Программы развития для вновь возникающих кластеров должны отличаться от программ для уже установленных кластеров, так как региональная политика по созданию новых кластеров и их дальнейшему развитию более рискованна, чем региональная политика в отношении существующих кластеров.

Кластерная политика должна учитывать роль социального капитала на всех этапах жизненного цикла кластера: зарождение, развитие, зрелость, упадок, трансформация. Снижение уровня социального капитала является одной из основных причин перехода кластера в стадию упадка. Эффективность кластерной политики может быть оценена через социальный капитал. В частности, Н. Н. Рябчикова в своем диссертационном исследовании среди показателей эффективности кластерной политики развития молочнопродуктового кластера выделяет группу показателей, формирующих социальный капитал кластера и взаимодействие [17, с. 105]:

1) «количество специальных организаций, содействующих развитию кластеров;

2) наличие специальных региональных актов о поддержке кластеров;

3) количество кластерных проектов (инициатив), обеспечивающих развитие кластера;

4) наличие коммуникационных площадок (конференции, журналы, союзы, клуб директоров».

Однако социальный капитал «трудно создать с помощью искусственных методов, как в случае технологического капитала, который может быть приобретен и является важным преимуществом в облегчении коммуникации и сотрудничества, специфичных для кластерных моделей» [18, с. 4].

Приведем примеры факторов, приводящих к возникновению и развитию кластеров в различных странах.

В 2017 г. Д. Рават, Р. К. Миттал и В. С. Аггарваль выделяют следующие факторы, приводящие к возникновению кластеров в Индии [19, p. 19]:

1) исторический фон;

2) легкая доступность сырья;

3) существование одного или нескольких крупных предприятий;

4) объединенный рынок труда квалифицированных рабочих;

5) политика регионального правительства;

6) наличие предпринимательского духа.

Х. Цху и другие доказали, что в Китае «меры предпринимательства внесли значительный вклад в формирование кластеров, размер кластеров и численность кластеров» [7, p. 1], так как частный сектор являлся главной движущей силой промышленной реформы Китая. Исторически сложилось так, что «частные предприниматели нашли свои корни в государственном секторе (государственные предприятия и коллективы). Большинство (66,2 %) ранних предпринимателей пришли из отрасли, 30,7 % от управленческих должностей в государственных предприятиях или коллективных предприятиях» [7, p. 9]. Необходимо отметить, что еще М. Портер считал, что «изобретательство и предпринимательство являются основными факторами, определяющими национальные преимущества» [20, с. 134]. На их развитие в той или иной отрасли влияет совокупность детерминантов, которые различны в разных странах.

Результаты исследования Х. Цху и других ученых показывают, что «промышленные кластеры, скорее всего, появятся, если промышленная провинция богата предпринимательством» [7, p. 12], и синергетический эффект сильнее, когда местные условия благоприятны для кластеров. Авторы определили, что «китайские отрасли промышленности менее сконцентрированы, чем на Западе» [7, p. 7], а «многие высококонцентрированные отрасли промышленности являются технологически интенсивными» [7, p. 8]. Уровень концентрации выше в легкой промышленности, что приводит к увеличению и усилению кластеров [7, p. 16].

Э. Аяква, Л. Сепульведа, Ф. Лион на примере агроперерабатывающих кластеров в Гане показывают, что бизнес-кластеры с более формальными бизнес-структурами имеют тенденцию к минимальной горизонтальной конкуренции, но более высокому вертикальному сотрудничеству [21]. При этом кластеры

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

с более социально внедренной средой, как правило, имеют более высокий уровень сотрудничества и минимальную конкуренцию как в вертикальном, так и в горизонтальном отношениях.

Можно сделать вывод, что социальный капитал является одним из важнейших факторов, различающих *X*- и *Y*-матрицы С. Г. Кирдиной, так как эти институциональные матрицы «различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов, т. е. формами социальной интеграции в основных общественных сферах» [22, с. 71].

Различие кластерных программ заключается также в неоднородности самих кластеров. Е. С. Куценко в своем диссертационном исследовании предложил разделить кластерные группы на промышленные, креативные и высокотехнологичные [23, с. 12]. В промышленные кластерные группы вошли виды деятельности, ориентированные на массовое производство и сформированные или радикально преобразованные (например, как сельское хозяйство) в индустриальную эпоху (с начала промышленной революции до второй половины XX в.). В данную группу входят отрасли до 5-го технологического уклада (не включая его). «В высокотехнологичные кластерные группы входят, как правило, отрасли последних технологических укладов (5 и 6), а также отрасли (наука и образование, медицинская техника), которые являются относительно наукоемкими. Наконец, в промежуточную "креативную" кластерную группу входят виды деятельности, которые нельзя назвать массовыми, однако новыми они также не являются» [23, с. 13]. В целях доказательства роли социального капитала в развитии кластера обратим внимание на кожевенную отрасль, которая является промежуточной «креативной» кластерной группой. Приведем примеры кластеров кожевенной отрасли в различных странах.

В зарубежной литературе уже проводились исследования значения кластеров в кожевенной отрасли как на региональном, так и межстрановом уровне. В 2014 г. Ф. Ранделли и М. Ломбарди в статье «The role of leading firms in the evolution of SMEs clusters: evidence from the leather products cluster in Florence» провели эмпирическое исследование на кожаных кластерах итальянских малых и средних предприятий (далее – МСП) [24]. Они пришли к выводу, что среди всех кластеров только кластер Флоренции имел асимметричный путь в период 1995–2011 гг. по сравнению с общей тенденцией снижения числа фирм [24]. Модный кожаный кластер из Флоренции, возглавляемый маркой Gucci, имеет положительный темп новых фирм, даже столкнувшихся с глобальным кризисом.

Ф. Ранделли и М. Ломбарди отмечают следующие стратегии Gucci [24]:

1) сеть Gucci имеет определенную структуру, и ключевой особенностью является роль нескольких специализированных техников, обычно завербованных в местных небольших фирмах, переходящих от одной фирмы к другой, «опыляющих» сеть с помощью интеллектуальных решений для ежедневных технологических сбоев;

2) роль ведущей фирмы в эволюции кластера (другие глобальные фирмы, даже более крупные по форме, могут быть менее встроены, поэтому не приводят к эволюции кластера);

3) группа Gucci производит в рамках кластера около 80 % своих общих предметов, хотя другие сети ведущих фирм более географически распределены.

В результате проведенной работы Ф. Ранделли и М. Ломбарди сделали заключение, что будущая задача МСП-кластеров, похоже, связана с преимуществом сетей. Основная проблема в МСП-кластерах заключается в том, что массовый распад самостоятельных фирм не позволяет им достичь критической массы с точки зрения маркетинга, финансов и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) [24].

Х. М. Тристау, П. К. Опраме, Д. Югенд, С. Луис да Силва в статье «Innovation in Industrial Clusters: a Survey of Footwear Companies in Brazil» исследовали обувной кластер в Франке (штат Сан-Паулу, Бразилия) [25]. Они обнаружили, что существует сотрудничество между компаниями в изученном производственном обучении и что производители обуви – это те, кто преимущественно стимулирует инновации внутри кластера. Культурные факторы, связанные с существующей системой идей и парадигм, а также внутренняя способность компаний разрабатывать и внедрять конкурентные стратегии, основанные на инновациях, являются определяющими факторами для местных инноваций. В кластере Франка компании исторически сохраняли свою конкурентоспособность за счет инноваций в производственных процессах.

Х. М. Тристау с коллегами делают вывод, что в Бразилии государственная политика, направленная на повышение ценности и конкурентоспособности

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

на региональном уровне, должна быть сосредоточена на компетенции обувных компаний в продвижении инновационных продуктов во всей производственной цепочке. Однако поиск оригинальных маркетинговых стратегий с новыми продуктами для недавно появившихся и более требовательных сегментов рынка «станет катализатором инновационной динамики кластера» [25, p. 53].

К. Дас в работе «Developing Regional Value Chains in South Asian Leather Clusters: Issues, Options and an Indian Case» изучал возможность развития региональных производственных сетей (далее – РПС) кластера кожаных изделий между странами Южной Азии [26]. Он рассматривал отрасль в целом, а не отдельные фирмы в кластерах. Автор отмечал, что в контексте Южной Азии вопрос заключается в том, «где и как предприятия размещаются в РПС, и то, что управление, а не участие как таковое имеет ключевое значение» [26, p. 31]. По его мнению, промышленные кластеры могут быть задействованы в качестве центральных каналов, позволяя РПС синергизировать отдельные сильные национальные стороны в сырье, навыках, негласных знаниях, рынках и организации для повышения региональной конкурентоспособности в этом секторе. К. Дас считает, что определенная переориентация подхода, направленного на то, чтобы сосредоточить внимание на малых и средних предприятиях, в отличие от сохранения централизованного интереса к лидерству, приведет к прочному прогрессу и сотрудничеству между экономиками Южной Азии. Роль и ответственность национальных государств в обеспечении динамичного и прогрессивного сектора так же важны, как изучение путей повышения региональной конкурентоспособности посредством сотрудничества [26, p. 31].

К. Дас утверждает, что концепция региональных производственных сетей необходима многим странам с формирующимся рынком (БРИКС) – торговое сотрудничество, дающее доступ к более крупному рыночному пространству как в регионе, так и в глобальной сфере. В целях экономического развития необходимо ставить задачи национального прогресса и регионального сотрудничества, создать сильные и оперативные торговые и деловые сети в качестве регионального коллектива. Региональные производственные сети должны отражать здоровые торговые отношения между развивающимися экономиками. Именно здесь возникает актуальность промышленных кластеров, действующих в качестве каналов многосторонних торговых соглашений, в соответствии с которыми по сырьевым товарам (обработанным или сырьевым материалам), в которых страны Азии имеют историческое и географическое преимущество с точки зрения чистой доступности, страны могли бы вести переговоры в сферах совместной переработки, производства, сертификации и торговли [26, p. 3].

А. Мартинес, Ж. А. Бельсо-Мартинес, Ф. Мас-Верду в работе «Emerald Article: Industrial clusters in Mexico and Spain: Comparing inter-organizational structures within context of change» решили провести анализ зрелых промышленных кластеров Испании и Мексики [27]. Они использовали качественный подход для проведения cross-case-анализа кластера Леон-Гуанахуато (Leon-Guanajuato) (Мексика) и кластера Виналопо (Vinalopo) (Испания). Ученые сосредоточились «на системной перспективе, а не на уровне фирмы» [27, p. 669], поэтому их исследование специально основывается не на кластерах крупнейших стран-производителей: Италии, Китае, Бразилии и Индии. Авторы анализировали взаимодействие участников в кластере, когнитивные позиции, структуру сетей знаний. Результаты их исследования имеют важное значение для изучения роли социального капитала в кластере (табл.).

А. Мартинес и его соавторы подтвердили гипотезу, что близость в кластере на самом деле не имеет особого значения для инноваций, а необходимо встраивание фирм в локализованные сети, расширение коллективного обучения и распространение знаний в кластере. Они предлагают следующие направления работы для практиков [27, p. 675]:

1) руководители должны создавать внутренние активы, для того чтобы участвовать в плодотворном сотрудничестве, и им необходимо уделять больше внимания знаниям, которыми обладают организации (политика в области людских ресурсов выступает в качестве мощного инструмента для развития этого неосязаемого ресурса);

2) необходимо расширить сотрудничество с местными учреждениями;

3) менеджеры должны рассматривать учреждения не только как источники знаний, но также как посредников в общей практике обучения и обмене знаниями между компаниями из-за норм и доверчивой атмосферы, которые они создают.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Сравнительная характеристика кластеров Леон-Гуанахуато и Виналопо*
Comparative characteristics of Leon-Guanajuato and Vinalopo clusters*

Критерий / Criterion	Леон-Гуанахуато (Мексика) / Leon-Guanajuato (Mexico)	Виналопо (Испания) / Vinalopo (Spain)
Участники, их взаимодействие / Participants, their interaction	По данным Обувной палаты (CICEG), в штате около 2 848 фирм [27, p. 662]. 2 % производителей обуви являются крупными компаниями, а 98 % – это МСП, а также микропредприятия. Доминируют поставщики. С другой стороны, решающее значение для производительности имеет человеческий фактор. Основными способами профессионального образования являются обучение «путем обучения» и «путем взаимодействия». Обычно в микрофирмах члены семьи учат друг друга, большая часть знаний остается негласной / According to Shoemakers Chamber (CICEG), there are 2848 companies in the state [27, p. 662]. 2 % of shoemakers are large companies, and 98% are small, middle and microenterprises. Supplier enterprises dominate. On the other hand, human factor is decisive for productivity. The main ways of professional training are “learning by learning” and “learning by interaction”. Usually in micro-firms the family members teach each other; a large part of knowledge is implicit	По данным Испанского статистического института (INE), в штате 1 130 организаций [27, p. 663]. Первая группа – фирмы, специализирующиеся на нескольких производственных процессах; вторая группа – поставщики кожи и компонентов (600 компаний, в основном МСП); третья – местные учреждения [27, p. 663]. Местные университеты, бизнес-школы и образовательные центры предлагают несколько программ, специально ориентированных на производственные процессы, навыки проектирования или управления [27, p. 664] / According to Spanish Statistical Institute (INE), there are 1130 organizations in the state [27, p. 663]. Group 1 – companies specializing in several production processes; group 2 – suppliers of leather and components (600 companies, mainly small and middle); group 3 – local institutions [27, p. 663]. The local universities, business schools and educational centers offer several programs aimed at production processes, project or management skills [27, p. 664]
Наиболее важные клиенты / Most important clients	За исключением некоторых крупных североамериканских покупателей клиентами являются в основном национальные цепочки / Mainly national chains, with the exception of several large North American customers	Ведущие бренды моды и бутики среднего уровня. Следует также отметить растущий вес сегмента быстрой моды. Ориентация на экспорт / Leading fashion brands and intermediate-level boutiques. Fast fashion segment is rapidly growing. Orientation towards export
Когнитивные позиции / Cognitive positions	Важно непосредственное интерактивное обучение между участниками. Менее сбалансированная структура. Обмен знаниями между поглотителями и источниками нечетко распределен среди производителей обуви и вспомогательной промышленности / Direct interactive learning between the participants is essential. Less balanced structure. Exchange of knowledge between the absorbers and sources is not clearly distributed between the shoemakers and auxiliary industries	Важно непосредственное интерактивное обучение между участниками. Плотность сети несколько выше. Превосходная однородность сетевой структуры кластера [27, p. 668]. Производители обуви являются поглотителями в обмене знаниями, в то время как большинство источников знаний поступают из вспомогательной отрасли / Direct interactive learning between the participants is essential. Network density is somewhat higher. Excellent homogeneity of the cluster network structure [27, p. 668]. Shoemakers are absorbers in the knowledge exchange, while the majority of knowledge sources come from auxiliary industries
Сочетание когнитивных позиций и внешней открытости / Combination of cognitive positions and external openness	«Открытая» система, где только учреждения составляют группу «привратников[1]» в кластере. Ведущие и специализированные игроки проявляются как «внешние звезды», однако местные производители едва ли связаны с внешними источниками знаний / “Open” system, where only institutions for a group of “gatekeepers” in the cluster. The leading and specialized players manifest themselves as “external stars”, but the local producers are hardly linked with external sources of knowledge	«Открытая» система, где доминируют технологические центры и вспомогательная промышленность [27, p. 673]. Ведущие и специализированные игроки проявляются как «внешние звезды» / “Open” system, where technological centers and auxiliary industries dominate [27, p. 673]. The leading and specialized players manifest themselves as “external stars”

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Структура сети знаний / Structure of knowledge network	Более высокая степень гетерогенности. Структура «ядро – периферия»: в ядре сети есть группа тесно связанных между собой субъектов, а в периферии субъекты менее плотно связаны друг с другом и с членом группы [27, p. 670] / Higher degree of heterogeneity. Structure "nucleus – periphery": in the network nucleus there is a group of closely linked subjects, while in the periphery the subjects are linked less tightly with each other and with the group member [27, p. 670]	Вспомогательная отрасль занимает более сильные позиции. Значителен вклад сторонних связей в инновации, и важна роль крупных местных фирм в приобретении и распространении знаний. Это структура «фракций». Местные фирмы и технологический центр обуви представляют собой высокую степень интеграции [27, p. 672] / Auxiliary industries hold stronger positions. The contribution of external links to innovations is significant, the role of large local firms in knowledge acquisition and dissemination is large. This is the structure of "fractions". The local firms and technological shoe center are highly integrated [27, p. 672]
Значение институциональной системы / Significance of institutional system	Является важным игроком в кластере. Многие различные учреждения играют критическую роль в определении среды кластера [27, p. 662]. Мексиканский технологический центр (CIATEC) и местные университеты в основном сосредоточены на специализированных услугах и мероприятиях по созданию потенциала (образование или обучение). Бизнес-ассоциации важны. Мексиканская выставка более ориентирована на внутренний рынок / Is an important player in the cluster. Many different institutions play a critical role in determining the cluster environment [27, p. 662]. Mexican Technology Center (CIATEC) and local universities mainly focus on specialized services and activities to create the potential (education or training). Business associations are essential. Mexican exhibition is more oriented towards internal market	Испанские технологические центры (INESCOP) и местные университеты активно участвуют в научно-исследовательской деятельности и демонстрируют сильные международные отношения. Бизнес-ассоциации важны. Ярмарки демонстрируют гораздо более высокую международную ориентацию / Spanish Technology Centers (INESCOP) and local universities actively participate in scientific-research activity and demonstrate strong international relations. Business associations are essential. Fairs demonstrate higher international orientation
Инновации / Innovations	В кластере используются преимущества инноваций поставщиков оборудования и сырья / The cluster uses advantages of innovations coming from suppliers of equipment and raw materials	Модели, основанные на быстром сервисе и инновациях. МСП ориентированы на экспорт. Настраивание, быстрая разработка продукта, инновационные возможности и управление цепочками поставок являются решающими факторами конкурентоспособности. Инновации посредством материалов моды и корректировки бизнес-стратегий способствовали поддержанию доли на международном рынке / Models based on fast service and innovations. Small and middle enterprises are export-oriented. Tuning, fast developing of products, innovative opportunities and supply chains management are the decisive factors of competitiveness. Innovations in fashion materials and business strategies provided maintaining the share in international market

* *Источник:* [27].
* *Source:* [27].

[1] А. Мартинес с соавторами ввели уточненные понятия [27, p. 661]:
1) технологических привратников (внутрикластерный источник и сильно связанный внешне);
2) внешние звезды (внутрикластерный поглотитель и ограниченные локальные связи);
3) активные обменные пункты (сбалансированная роль источника / поглотителя и сильно связанная снаружи);
4) пассивные взаимные обменники (сбалансированное положение на уровне кластера, но слабо связанное извне);
5) изолированные устройства (плохо подключенные как локально, так и внешне) /

A. Martínez with coauthors introduced more detailed notions of [27, p. 661]:
1) technological gatekeepers (intra-cluster source and strong external links);
2) external stars (intra-cluster absorber and limited local links);
3) active exchange points (balanced role of a source /an absorber and strong external links);
4) passive mutual exchange points (balanced position at the cluster level, but weak external links);
5) изолированные устройства (poorly linked both locally and externally).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

И. Ставерен и П. Кнорингья, занимавшиеся исследованиями в секторе обуви для малых и средних предприятий в Эфиопии и Вьетнаме, выявили значимую роль социального капитала и дали следующее определение: «Социальный капитал можно рассматривать как набор социальных отношений, которые позволяют субъектам приобретать, поддерживать или расширять доступ к экономическим ресурсам, что может привести к усилению производительности этих экономических ресурсов» [28, p. 112].

П. М. Гарсия-Вильяверде, Г. Парра-Рекена, Ф. Хавьер Молина-Моралес в своей статье определили, что структурный социальный капитал косвенно влияет на приобретение знаний через реляционные и когнитивные аспекты членства фирм в кластере [29]. При этом структурный аспект также оказывает непосредственное влияние на знания для внешних фирм за пределами кластера.

Мара Дель Бальдо и Паола Демартини в статье «Regional Social Responsibility and Knowledge Economy: The Italian Case» выдвинули гипотезу о продвижении к модели, основанной на региональной социальной ответственности в Италии [30]. В результате авторы выдвинули два аспекта:

1) устойчивое региональное развитие требует укрепления основных нематериальных активов на местном уровне. Это включает укрепление социального капитала (этика, законность, социальная сплоченность и отношения, ориентированные на социальную ответственность), человеческий капитал (умение, знания и опыт, принадлежащие индивидуально или коллективно) и высококачественные, основанные на знаниях инфраструктуры, которые играют фундаментальную роль в разработке, приобретении, управлении и распространении неявных и явных знаний на региональном уровне (содержится в таких хранилищах, как школы и учебные программы, исследовательские центры, цифровые системы и т. д.). Это предпосылки для создания общей ценности и обеспечения возможности создания кластера [30, p. 27];

2) проекты коллективной социальной ответственности (далее – КСО) и устойчивого развития планируются и реализуются общественными, некоммерческими и частными организациями. Различные участники могут играть разную роль в развитии КСО и устойчивых сетей. Роль стимулов и катализаторов могут принимать общественные организации, некоммерческие организации или частные компании, действующие в синергии [30, p. 28].

Мара Дель Бальдо и Паола Демартини, рассматривая фирмы и территории как системы, отмечают, что эти системы «ищут общую логику сосуществования таким образом, чтобы получить взаимные прямые и косвенные выгоды на микро- и мезоэкономическом уровнях» [30, p. 27]. Данное целостное развитие требует распространения следующих факторов, помогающих эволюции бизнеса: общие правила и ценности, создающие общие нормы и поведение.

Дж. Вейнхардт, Ю. Куклите предлагают разработать «социальный кластер» в стране, в частности в Литве [14]. По мнению авторов, такая кластеризация стала бы движущей силой социального бизнеса, объединяющей фирмы, работающие не только в регионе, но и в нескольких регионах, в разных секторах и даже отраслях.

Формирование социального капитала кластера на основе концепции тройной спирали

И. Г. Филиппова и Ю. Б. Миндлин считают, что обязательным условием эффективной кластеризации является накопление социального капитала, что подразумевает высокий уровень социальной ответственности государства и бизнеса. «Важную роль в развитии кластеров играет потенциал "социальной эластичности" бизнеса в рамках кластеров, включающих небольшие предприятия» [31, с. 14]. Наиболее удачной моделью кластеризации является «тройная спираль» [31, с. 16].

Модель «тройной спирали» Генри Ицковица [32] получила широкое признание. В 2009 г. даже была основана Международная научная ассоциация Triple Helix для дальнейшего изучения этой модели. В частности, в 2014 г. она провела XII конференцию «Тройная спираль и инновации на основе экономического роста: новые рубежи и решения» в России в Томском государственном университете. Данная конференция вносит существенный вклад в развитие концепции социального капитала, потому что актуальные вопросы обсуждаются в рамках таких тем конференции, как «Модель Тройной спирали и современное общество (сети исследователей и разработчиков, сети инноваторов и т. д. – социальная основа для взаимодействия университетов, бизнеса и власти)»; «Социальное

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

предпринимательство и социальный капитал в модели Тройной спирали»[2].

Так, в работе Д. Катукова исследовалась интерактивная сетевая кооперация ведущих институциональных секторов в рамках модели тройной спирали. Он рассмотрел опыт применения модели в кластерной практике создания уникальной инновационной экосистемы в Эресуннском регионе, а также дал предложения по развитию кластерной программы России на основе практических уроков из зарубежной практики [33, с. 121].

Однако модель тройной спирали не учитывает роль малых фирм, значение которых было доказано на примере Китая [7].

Сетевым инновационным экосистемам и роли механизма тройной спирали в обеспечении макроэкономической устойчивости посвящена статья Н. В. Смородинской. По мнению автора, чем «лучше развита сетевая партнерская среда, чем больше в ней образуется локальных тройных спиралей, тем выше инновационный потенциал национальной экономики и тем шире ее возможности для устойчивого саморазвития» [34, с. 30].

Б. В. Ариф, исследуя, что же является решающим фактором, влияющим на динамическое развитие кластера, подчеркивает «важность инноваций Шумпетера и человеческого и социального капитала предпринимателя для долгосрочного выживания, устойчивости и конкурентоспособности кластера» [35, p. 71]. Его исследование показывает, что быстрое развитие промышленности может быть достигнуто в развивающихся странах путем обучения предпринимателей существующим кластерным предприятиям.

Таким образом, социальный капитал играет значительную роль в возникновении и развитии кластера. Подтверждением этого, в частности, является появившееся понятие «кластерные сети». Однако остается вопрос о том, как все это работает.

Стоимостной подход при создании социального капитала кластера

М. Портер утверждает: «Капитал накапливается везде, где только можно, на наиболее выгодных условиях» [20, с. 75]. Сегодня многие инвесторы, политики, экономисты считают, что преимущество – в высокотехнологичных кластерах, в новых видах деятельности, а не в промышленных и креативных кластерных группах, которые были выделены Е. С. Куценко [23, с. 12]. При этом в Италии или Испании «огромная доля торговли добавленной стоимостью по-прежнему зависит от производства промышленных районов», так как «они мутировали, меняя свою форму, не изменяя своей сущности» [36, p. 5]. С помощью социального капитала организации в кластере повышают свою способность к развитию, расширяют возможности горизонтальной и вертикальной интеграции в кластере и, как следствие, увеличивают конкурентоспособность. М. Портер подчеркивает: «Чтобы понять конкурентное преимущество, мы должны разложить его» [3, p. 101]. Он считает, что конкурентное преимущество «вырастает» из определенных действий и возникает вопрос, почему [3, p. 104].

Т. В. Крамин, Ю. С. Церцеил предложили модель системы управления стоимостью (далее – СУС), которая получает органичное развитие при использовании кластерного подхода. «Внутрикластерное взаимодействие имеет место на уровне факторов стоимости, ключевых сфер компетенции, управленческих решений, в некоторых случаях и на наивысшем уровне системы – уровне интегративной стоимости» [6, с. 79]. Взаимодействие компаний в кластере происходит через взаимообусловленные управленческие решения, общие ключевые сферы компетенции, общие факторы стоимости [6, с. 80]. В результате общего сотрудничества в кластере возникает дополнительная стоимость на различных уровнях: на уровне фирмы, муниципальном, региональном, отраслевом, национальном, международном.

Выводы

Таким образом, использование концепции социального капитала в кластерном развитии имеет значительный и в настоящее время недостаточно раскрытый потенциал. Социальный капитал выступает в роли основного инструмента создания дополнительной стоимости в кластере. Комплексное применение механизмов управления социальным капиталом даст дополнительный синергетический эффект в кластерном развитии и, следовательно, в экономической системе в целом. Особое внимание необходимо уделить включению инструментов управления социальным капиталом в программы кластерного развития регионов России.

[2] По инициативе ТУСУРа в Томске пройдет XII Международная конференция. URL: https://tusur.ru/.../-/novost-po-initsiative-tusura-v-tomske-proydyot-xii-mezhdunarodn (дата обращения: 03.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Список литературы

1. Тимирясова А. В., Крамин М. В., Крамин Т. В. К вопросу о международной конкурентоспособности регионов России // Вектор науки ТГУ. 2013. № 2 (24). С. 348–354.

2. Aroca P., Stimson R., Stough R. Using a Structural Equation Model to Analyze Potential Determinants of Spatial Variations in Endogenous Regional Growth Performance // K. Kourtit et al. (eds.). Applied Regional Growth and Innovation Models. Advances in Spatial Science. 2014. Pp. 335–360. DOI: 10.1007/978-3-642-37819-5_14

3. Porter M. E. Towards a dynamic theory of strategy // Strategic Management Journal. 1991. Vol. 12. Iss. S2. Pp. 95–117. DOI: 10.1002/smj.4250121008

4. Асаул А. Н., Скуматов Е. Г., Локтеева Г. Е. Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / под ред. докт. экон. наук, проф. А. Н. Асаула. СПб.: Гуманистика, 2004. 256 с.

5. Иванова Е. В. Системный подход к определению «кластер» при проведении кластерной политики в аграрно-промышленных регионах // Social and economic phenomena and processes. 2016. Т. 11. № 1. С. 13–18. DOI: 10.20310/1819-8813-2016-11-1-13-18

6. Крамин Т. В., Церцеил Ю. С. Совершенствование управления стоимостью на основе кластерного подхода в институциональной экономике // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 73–81. DOI: 10.21202/1993-047X.02.2008.4.73-81

7. Zhu X., Liu Y., He M., Luo D., Wu Y. Entrepreneurship and Industrial Clusters: Evidence from China Industrial Census // Small Business Economics, Research Institute for Economic Integration. 2018. Pp. 1–22. DOI: 10.1007/s11187-017-9974-3

8. Rawat D., Mittal R. K., Aggarwal V. S. Networks with Cluster Stakeholders as a Business Strategy to Enhance Performance: A Conceptual Framework // Proceedings of International Conference on Strategies in Volatile and Uncertain Environment for Emerging Markets, Indian Institute of Technology Delhi. 2017. Pp. 381–391.

9. Belussi F. The international resilience of Italian industrial districts/clusters (ID/C) between knowledge re-shoring and manufacturing off (near)-shoring // Journal of Regional Research. 2015. № 32. Pp. 89–113.

10. Социальный капитал как фактор роста конкурентоспособности экономических систем / Р. А. Григорьев, А. Р. Климанова, М. В. Крамин, Т. В. Крамин // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 29–34.

11. Шакирова А. А., Крамин Т. В. Влияние социального капитала на экономический рост муниципальных образований субъекта Российской Федерации (на примере Республики Татарстан) // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1 (28). С. 63–68.

12. Акопян А. Р. Эволюция научных подходов к кластеризации субъектов мирового хозяйства // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право (Научный журнал). 2016. № 4 (6). С. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6304-2016-4-9-22

13. Михайлов А. С. Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 53–66. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-1-4

14. Vveinhardt J., Kuklytė J. Development improvement programme of social business models in Lithuania // Forum Scientiae Oeconomia. 2016. Vol. 4. № 4. Pp. 149–170.

15. Vejzagic-Ramhorst A., Ketikidis P. H., Huggins R. Social capital, clusters, and interpretive fuzziness: a survey of the key literature (with specific reference to economic development in South East Europe) // Journal Innovation and Regional Development. 2012. Vol. 4. № 1. Pp. 60–78. DOI: 10.1504/IJIRD.2012.045141

16. Ketels C. Recent research on competitiveness and clusters: what are the implications for regional policy? // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Advance Access published. 2013. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 269–284. DOI: 10.1093/cjres/rst008

17. Рябчикова Н. Н. Формирование конкурентоспособного молочнопродуктового кластера в рамках региональной аграрной политики (на примере Саратовской области): дис. … канд. экон. наук. Саратов, 2015. 173 с.

18. Акопова Е. С., Акопов С. Э. Кластерная форма организации внешнеэкономической деятельности топливно-энергетического комплекса субъекта РФ // Sciences of Europe. 2017. Vol. 4. № 20 (20). Pp. 3–17. URL: http://european-science.org/wp-content/uploads/2017/11/VOL-4-No-20-20-2017.pdf (дата обращения: 13.06.2018).

19. Rawat D., Mittal R. K., Aggarwal V. S. Cluster development approach in India: an antidote for micro, small, and medium enterprises // Indian Journal of Commerce and Management Studies. 2017. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 19–29. DOI: 10.18843/ijcms/v8i2/03

20. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016. 740 с.

21. Ayakwah A., Sepulveda L., Lyon F. Competitive or cooperative relationships in clusters: A comparative study of two internationalising agro-processing clusters in Ghana // Critical perspectives on international business. 2018. Vol. 14. Iss. 2/3. Pp. 230–251. DOI: 10.1108/cpoib-12-2016-0063

22. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в *X-Y*-теорию. Изд. 3-е, перераб., расшир. и иллюстр. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

23. Куценко Е. С. Кластерный подход к развитию инновационной экономики в регионе: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2012. 30 с.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

24. Randelli F., Lombardi M. The role of leading firms in the evolution of SMEs clusters: evidence from the leather products cluster in Florence // European Planning Studies. 2014. Vol. 22. Iss. 6. Pp. 1199–1211. DOI: 10.1080/09654313.2013.773963

25. Innovation in Industrial Clusters: a Survey of Footwear Companies in Brazil / H. M. Tristão, P. C. Oprime, D. Jugend, S. Luis da Silva // Journal of Technology Management & Innovation. 2013. Vol. 8. Iss. 3. Pp. 45–56. DOI: 10.4067/S0718-27242013000400005

26. Das K. Developing Regional Value Chains in South Asian Leather Clusters: Issues, Options and an Indian Case // Gujarat Institute of Development Research. 2013. Working Paper series, № 217. 38 p.

27. Martínez A., Belso-Martínez J. A., Más-Verdú F. Emerald Article: Industrial clusters in Mexico and Spain: Comparing inter-organizational structures within context of change // Journal of Organizational Change Management. 2012. Vol. 25. Iss. 5. Pp. 657–681. DOI: 10.1108/09534811211254563

28. Staveren I., Knorringa P. Unpacking Social Capital in Economic Development: How Social Relations Matter // Review of social economy. 2007. Vol. 65. Iss. 1. Pp. 107–135. DOI: 10.1080/00346760601132147

29. García-Villaverde P. M., Parra-Requena G., Molina-Morales F. X. Structural social capital and knowledge acquisition: implications of cluster membership // Entrepreneurship & Regional Development, An International Journal. 2018. Vol. 30. Iss. 5–6. Pp. 530–561. DOI: 10.1080/08985626.2017.1407366

30. Baldo M. D., Demartini P. Regional social responsibility and knowledge economy: the Italian case // Advances in Business and Management. 2016. Vol. 9. Pp. 13–36.

31. Филиппова И. Г., Мидлин Ю. Б. Институциональные аспекты кластерных инициатив // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 11 (59). 18 с.

32. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.

33. Катуков Д. Сетевые взаимодействия в инновационной экономике: модель тройной спирали // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 112–121.

34. Смородинская Н. В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7 (189). С. 27–33.

35. Arif B. W. Industrial clusters, Schumpeterian innovations and entrepreneurs' human and social capital // Pakistan Economic and Social Review. 2012. Vol. 50. № 1. Pp. 71-95.

36. Boix R., Sforzi F., Hernández F. Introduction: Rethinking industrial districts in the XXI Century // Journal of Regional Research. 2015. № 32. Pp. 5–8.

References

1. Timiryasova A. V., Kramin M. V., Kramin T. V. On the issue of international competitiveness of the Russian regions, *Vektor nauki TGU*, 2013, No. 2 (24), pp. 348–354 (in Russ.).

2. Aroca P., Stimson R., Stough R. Using a Structural Equation Model to Analyze Potential Determinants of Spatial Variations in Endogenous Regional Growth Performance, *Applied Regional Growth and Innovation Models. Advances in Spatial Science*, eds. K. Kourtit et al, 2014, pp. 335–360. DOI: 10.1007/978-3-642-37819-5_14

3. Porter M. E. Towards a dynamic theory of strategy, *Strategic Management Journal*, 1991, Vol. 12, Iss. S2, pp. 95–117. DOI: 10.1002/smj.4250121008

4. Asaul A. N., Skumatov E. G., Lokteeva G. E. *Methodological aspects of forming and developing entrepreneurial networks*, ed. A. N. Asaul, Saint Petersburg, Gumanistika, 2004, 256 p. (in Russ.).

5. Ivanova E. V. Systemic approach to the "cluster" notion when implementing cluster policy in agrarian-industrial regions, *Social and economic phenomena and processes*, 2016, Vol. 11, No. 1, pp. 13–18. DOI: 10.20310/1819-8813-2016-11-1-13-18 (in Russ.).

6. Kramin T. V., Tsertseil Yu. S. Improving cost management based on cluster approach in institutional economy, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2008, No. 4, pp. 73–81. DOI: 10.21202/1993-047X.02.2008.4.73-81 (in Russ.).

7. Zhu X., Liu Y., He M., Luo D., Wu Y. Entrepreneurship and Industrial Clusters: Evidence from China Industrial Census, *Small Business Economics, Research Institute for Economic Integration,* 2018, pp. 1–22. DOI: 10.1007/s11187-017-9974-3

8. Rawat D., Mittal R. K., Aggarwal V. S. Networks with Cluster Stakeholders as a Business Strategy to Enhance Performance: A Conceptual Framework, *Proceedings of International Conference on Strategies in Volatile and Uncertain Environment for Emerging Markets, Indian Institute of Technology Delhi*, 2017, pp. 381–391.

9. Belussi F. The international resilience of Italian industrial districts/clusters (ID/C) between knowledge re-shoring and manufacturing off (near)-shoring, *Journal of Regional Research*, 2015, No. 32, pp. 89–113.

10. Grigor'ev R. A., Klimanova A. R., Kramin M. V., Kramin T. V. Social capital as a factor of competitiveness growth of economic systems, *Vektor nauki TGU*, ser. Ekonomika i upravlenie, 2015, No. 4 (23), pp. 29–34 (in Russ.).

11. Shakirova A. A., Kramin T. V. Influence of social capital on economic growth of municipalities in a Russian Federation subject (by the example of the Republic of Tatarstan), *Vektor nauki TGU*, ser. Ekonomika i upravlenie, 2017, No. 1 (28), pp. 63–68 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

12. Akopyan A. R. Evolution of scientific approaches to clusterization of the world economic subjects, *Vestnik RGGU*, ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo (Nauchnyi zhurnal), 2016, No. 4 (6), pp. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6304-2016-4-9-22 (in Russ.).

13. Mikhailov A. S. Forming international clusters in the Baltic region, *Baltiiskii region*, 2013, No. 1 (15), pp. 53–66 (in Russ.).

14. Vveinhardt J., Kuklytė J. Development improvement programme of social business models in Lithuania, *Forum Scientiae Oeconomia*, 2016, Vol. 4, No. 4, pp. 149–170.

15. Vejzagic-Ramhorst A., Ketikidis P. H., Huggins R. Social capital, clusters, and interpretive fuzziness: a survey of the key literature (with specific reference to economic development in South East Europe), *Journal Innovation and Regional Development*, 2012, Vol. 4, No. 1, pp. 60–78. DOI: 10.1504/IJIRD.2012.045141

16. Ketels C. Recent research on competitiveness and clusters: what are the implications for regional policy?, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Advance Access published, 2013, Vol. 6, Iss. 2, pp. 269–284. DOI: 10.1093/cjres/rst008

17. Ryabchikova N. N. *Forming a competitive milk-producing cluster within the frameworks of the regional agrarian policy (by the example of Saratov oblast)*, PhD (Economics) thesis, Saratov, 2015, 173 p. (in Russ.).

18. Akopova E. S., Akopov S. E. Cluster form of organization of foreign economic activity of the fuel-energy complex of a Russian Federation subject, *Sciences of Europe*, 2017, Vol. 4, No. 20 (20), pp. 3–17, available at: http://european-science.org/wp-content/uploads/2017/11/VOL-4-No-20-20-2017.pdf (access date: 13.06.2018) (in Russ.).

19. Rawat D., Mittal R. K., Aggarwal V. S. Cluster development approach in India: an antidote for micro, small, and medium enterprises, *Indian Journal of Commerce and Management Studies*, 2017, Vol. 8, Iss. 2, pp. 19–29. DOI: 10.18843/ijcms/v8i2/03

20. Porter M. *International competition. Competitive advantages of countries*, 2016, Moscow, Al'pina Pablisher, 740 p. (in Russ.).

21. Ayakwah A., Sepulveda L., Lyon F. Competitive or cooperative relationships in clusters: A comparative study of two internationalising agro-processing clusters in Ghana, *Critical perspectives on international business*, 2018, Vol. 14, Iss. 2/3, pp. 230–251. DOI: 10.1108/cpoib-12-2016-0063

22. Kirdina S. G. *Institutional matrices and development of Russia: introduction to X-Y-theory*, Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014, 468 p. (in Russ.).

23. Kutsenko E. S. *Cluster approach to developing innovative economy in a region,* abstract of PhD (Economics) thesis, Moscow, 2012, 30 p. (in Russ.).

24. Randelli F., Lombardi M. The role of leading firms in the evolution of SMEs clusters: evidence from the leather products cluster in Florence, *European Planning Studies*, 2014, Vol. 22, Iss. 6, pp. 1199–1211. DOI: 10.1080/09654313.2013.773963

25. Tristão H. M., Oprime P. C., Jugend D., Luis da Silva S. Innovation in Industrial Clusters: a Survey of Footwear Companies in Brazil, *Journal of Technology Management & Innovation*, 2013, Vol. 8, Iss. 3, pp. 45–56. DOI: 10.4067/S0718-27242013000400005

26. Das K. Developing Regional Value Chains in South Asian Leather Clusters: Issues, Options and an Indian Case, *Gujarat Institute of Development Research*, 2013, Working Paper series, No. 217, 38 p.

27. Martínez A., Belso-Martínez J. A., Más-Verdú F. Emerald Article: Industrial clusters in Mexico and Spain: Comparing inter-organizational structures within context of change, *Journal of Organizational Change Management*, 2012, Vol. 25, Iss. 5, pp. 657–681. DOI: 10.1108/09534811211254563

28. Staveren I., Knorringa P. Unpacking Social Capital in Economic Development: How Social Relations Matter, *Review of social economy*, 2007, Vol. 65, Iss. 1, pp. 107–135. DOI: 10.1080/00346760601132147

29. García-Villaverde P. M., Parra-Requena G., Molina-Morales F. X. Structural social capital and knowledge acquisition: implications of cluster membership, *Entrepreneurship & Regional Development, An International Journal*, 2018, Vol. 30, Iss. 5–6, pp. 530–561. DOI: 10.1080/08985626.2017.1407366

30. Baldo M. D., Demartini P. Regional social responsibility and knowledge economy: the Italian case, *Advances in Business and Management*, 2016, Vol. 9, pp. 13–36.

31. Filippova I. G., Midlin Yu. B. Institutional aspects of cluster initiatives, *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2013, No. 11 (59), 18 p. (in Russ.).

32. Itskovits G. Model of a triple spiral, *Innovatsii*, 2011, No. 4 (150), pp. 5–10 (in Russ.).

33. Katukov D. Network interactions in innovative economy: model of a triple spiral, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, No. 2, pp. 112–121 (in Russ.).

34. Smorodinskaya N. V. Network innovative ecosystems and their role in dynamization of economic growth, *Innovatsii,* 2014, No. 7 (189), pp. 27–33 (in Russ.).

35. Arif B. W. Industrial clusters, Schumpeterian innovations and entrepreneurs' human and social capital, Pakistan Economic and Social Review, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 71-95.

36. Boix R., Sforzi F., Hernández F. Introduction: Rethinking industrial districts in the XXI Century, Journal of Regional Research, 2015, No. 32, Pp. 5–8.

Дата поступления / Received 13.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 19.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Крамин Т. В., Стрельникова А. С., 2018
© Kramin T. V., Strelnikova A. S., 2018

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 316:330.1:330.3
JEL D10, J24, M14, O15, O40

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.553-568

Н. С. СЕЛИВЕРСТОВА[1],
Е. Л. ЯКОВЛЕВА[2],
О. В. ГРИГОРЬЕВА[2],
Л. В. ВОРОНЦОВА[2]

[1]Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
[2]Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, г. Казань, Россия

РАЗМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Контактное лицо:
Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет
Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: +7 (843) 233-71-09
E-mail: nat-grig17@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5146-2502
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: mifoigra@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1799-0883
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017

Григорьева Ольга Витальевна, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития и психофизиологии, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: g-pf@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2412-9314
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-4219-2017

Воронцова Лилия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, проректор по стратегическому развитию, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: vorontsova@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3493-9097
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6490-2018

Цель: описание проявлений социального капитала в разрезе основных факторов, влияющих на его формирование, что позволит систематизировать имеющиеся представления о размерностях социального капитала.
Методы: абстрактно-логический и диалектический, феноменологический методы.
Результаты: социальный капитал является одним из важных понятий в экономической системе, однако сложно идентифицируемым и измеряемым. В статье анализируется феномен социального капитала, а также подходы к его определению. На основе анализа литературы выделены пять разрезов, в которых характеризуется понятие социального капитала. Показано, что институциональная среда является базисом для формирования социального капитала. Выявлено, что индивидуальные качества личности могут как способствовать (эмоциональный интеллект и т. п.), так и препятствовать (закрытость к общению, неумение слушать, конфликтность и т. п.) накоплению социального капитала. Показано содержание понятия семейного социального капитала. Выявлено преимущественное влияние

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

социального капитала на развитие малых фирм по сравнению со средними и крупными организациями. Изучено влияние гражданской активности на экономическое развитие посредством социального капитала.
Научная новизна: выделены пять размерностей социального капитала: 1) социальный капитал и индивидуальные качества личности; 2) социальный капитал и семейные связи; 3) социальный капитал и корпоративная культура; 4) социальный капитал и гражданская активность; 5) социальный капитал и институциональная среда. Определено, как указанные закономерности влияют на экономическое развитие.
Практическая значимость: выявленное в работе понимание основных размерностей социального капитала делает актуальной задачу выявления структуры социального капитала, а также создает базу для дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; социальный капитал; экономические отношения; личность; общество; социальные отношения; эффективность

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Селиверстова Н. С., Яковлева Е. Л., Григорьева О. В., Воронцова Л. В. Размерности социального капитала // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 553–568. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.553-568

N. S. SELIVERSTOVA[1],
E. L. IAKOVLEVA[2],
O. V. GRIGORYEVA[2],
L. V. VORONTSOVA[2]
[1]Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia
[2] Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia

DIMENSIONS OF SOCIAL CAPITAL

Contact:
Natalya S. Seliverstova, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Department of Economic Theory, Kazan (Volga) Federal University
Address: 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, tel.: +7 (843) 233-71-09
E-mail: nat-grig17@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5146-2502
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moscovskaya str., 420111 Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: mifoigra@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1799-0883
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017

Olga V. Grigoryeva, PhD (Biology), Associate Professor, Head of the Department of Developmental Psychology and Psychophysiology, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moscovskaya str., 420111 Kazan, tel.: + 7 (843) 231-92-90
E-mail: g-pf@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2412-9314
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/U-4219-2017

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Lilia V. Vorontsova, PhD (Economics), Associate Professor,
Vice-rector on strategic development, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moscovskaya str., 420111 Kazan, tel.: + 7 (843) 231-92-90
E-mail: vorontsova@ieml.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3493-9097
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6490-2018

Objective: to describe the manifestations of social capital in the context of the main factors affecting its formation, which will enable to systematize the existing ideas about the dimensions of social capital.
Methods: abstract-logical and dialectical, phenomenological methods.
Results: social capital is an important concept in the economic system, but it is difficult to identify and measure. The article analyzes the phenomenon of social capital, as well as approaches to its definition. Based on the literature analysis, five sections are identified in which the concept of social capital is characterized. It is shown that the institutional environment is the basis for the formation of social capital. It is revealed that the individual qualities of a personality can both contribute (emotional intelligence, etc.) and prevent (closeness for communication, inability to listen, conflict-generating character, etc.) the accumulation of social capital. The content of the concept of family social capital is shown. The predominant influence of social capital on the development of small firms in comparison with medium and large organizations is revealed. The influence of civic activity on economic development through social capital is studied.
Scientific novelty: five dimensions of social capital are identified: 1) social capital and individual qualities of personality; 2) social capital and family ties; 3) social capital and corporate culture; 4) social capital and civic activity; 5) social capital and institutional environment. It is determined how these patterns affect economic development.
Practical significance: the understanding of the main dimensions of social capital revealed in the work makes it urgent to identify the structure of social capital, and creates a basis for further research in this area.

Keywords: Economy and management of national economy; Social capital; Economic relations; Personality; Society; Social relations; Efficiency

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Seliverstova N. S., Iakovleva E. L., Grigoryeva O. V., Vorontsova L. V. Dimensions of social capital, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 553–568 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.553-568

Введение

Социальный капитал является важным понятием в современной экономической теории, во многом благодаря его (понятия) популяризации со стороны P. Bourdieu [1], а также J. Coleman [2, 3] и R. Putnam [4–6], исследования которых и сформировали обобщенное понимание данного явления. Следует отметить, что предпосылками для данных исследований могли являться работы в рамках поведенческой экономики (N. Lin [7], F. F. Furstenberg [8] и др.), теории организаций (W.Tsai, S.Ghoshal [9]), институционального подхода ([10] и др.).

В последние годы стало очевидным, что это понятие переросло рамки исключительно экономической, психологической (поведенческой) или социологических составляющих. Так, в фокус исследований по социальному капиталу попадают как отдельные индивидуумы, так и общности начиная с семьи и заканчивая населением страны (нации) [11]. Социальный капитал стал одним из наиболее часто используемых понятий в экономических исследованиях как безусловный компонент успешной компании, позволяющий снижать издержки производства из-за сплоченности сотрудников вокруг общих целей и задач организации [12]. Социологи утверждают, что позитивные характеристики явления присущи здоровому обществу и могут способствовать повышению общественного благосостояния как через рост экономических показателей (за счет снижения транзакционных издержек), так и через улучшение социального климата в обществе [13]. Отдельные исследователи относят социальный капитал к побочным продуктам религии,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

традиций, общего исторического опыта и других видов культурных норм [14], т. е. в целом к среде, в которой живет и развивается человек.

Вовлеченность в ряд отдельных научных дисциплин, безусловно, делает «*социальный капитал*» комплексным понятием, трудно идентифицируемым (наличие множества определений [15]), трудно измеряемым явлением [16], что влечет за собой сложности в его исследовании в целом.

Обобщенный анализ проекций, в которых рассматривается социальный капитал, и их отражение в экономическом контексте и составляют задачу данной статьи.

Результаты исследования

Понятие социального капитала и его экономический контекст

Очевидно, что ранние указания на эффекты феномена социального капитала можно найти и в более ранних работах до классических авторов. Так, Y. Ben-Porath в 1930 г. доказал, что социальная организация общественных групп влияет на операции экономического обмена [17]. Социальные отношения также позволяют получить доступ к той или иной информации [18], что зачастую вызывает в последующем положительный экономический эффект, поскольку дополнительная информация позволяет еще более оптимизировать производственную деятельность.

Для Bourdieu [19] социальный капитал представляет собой процесс, посредством которого люди доминирующего класса путем взаимного признания укрепляют и воспроизводят привилегированную группу[1], имеющую различный капитал (экономический, культурный и символический). Coleman и Putnam рассматривают социальный капитал как коллективный ресурс, как общественное благо. Определяя социальный капитал как *ресурс*, J. Coleman подчеркивал, что в отличие от других форм капитала социальный капитал свойственен структуре связей между субъектами (которых Coleman называл «*акторами*») и среди них. Это не зависит ни от самих субъектов, ни от средств производства [21]. Кроме того, Coleman подчеркивал, что сущность социального капитала заключается в его выражении в качестве *общественного блага*, поскольку сами субъекты, которые создают социальный капитал, обычно получают лишь малую его часть. В. В. Радаев [22] связывает социальный капитал с установлением и поддержанием связей с другими субъектами. В частности, семейные, родственные связи, будучи первичными средами социализации человека, оказывают влияние на формирование социального капитала.

Nan Lin определяет социальный капитал как инвестиции в социальные отношения с ожидаемой доходностью. Иными словами, как инвестиции в социальные отношения со стороны отдельных лиц, через которые они получают доступ к встроенным ресурсам для повышения ожидаемой отдачи от инструментальных или выразительных действий. Инструментальные меры – это такие меры, которые используются для получения ресурсов, не принадлежащих субъекту [7], а выразительные меры обозначают действия субъекта, предпринимаемые для сохранения ресурсов, уже принадлежащих ему [23]. Таким образом, социальный капитал зависит в определенной степени от индивидуальных качеств личности.

R. Putnam определяет социальный капитал как «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [24]. Р. А. Григорьев с соавторами показывают в своей работе, что в экономической сфере социальный капитал облегчает экономическим агентам доступ к информации и ресурсам, снижает транзакционные издержки, создает стимулы и условия для производства общественных благ, повышает эффективность государственного управления [25]. Несмотря на отсутствие строгого общепринятого определения понятия социального капитала, имеют место многочисленные исследования его форм и содержания (Coleman [21] и др.), а также попытки измерения и анализа динамики (Putnam и др.), выявление связи социального капитала и других процессов, таких как процесс создания продуктовых инноваций, неравенства доходов и др. (W. Tsai и S. Ghoshal [9] и др.). Тем самым показывается значимая роль со-

[1] Под привилегированной группой П. Бурдье, вероятно, понимал группу лиц, имеющих господствующее положение в рамках определенной территории, поскольку он писал именно о пространственном господстве как одной из привилегированных форм осуществления господства в виде манипулирования распределением групп в пространстве [20].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

циального капитала в изучении вопросов, связанных с гражданским обществом.

Высокий уровень социального капитала оказывает положительное влияние на экономические показатели той или иной территории и общества. В то же время само по себе наличие развитого социального капитала не является залогом экономических успехов.

Таким образом, на основании анализа представлений различных отечественных и зарубежных авторов о природе социального капитала, на наш взгляд, могут быть выделены следующие разрезы, в которых анализируется понятие социального капитала в научных кругах:

1) социальный капитал и индивидуальные качества личности;

2) социальный капитал и семейные (родственные связи);

3) социальный капитал и корпоративная культура;

4) социальный капитал и гражданская активность;

5) социальный капитал и институциональная среда.

Целью данной работы является описание проявлений социального капитала в указанных ракурсах, что позволит систематизировать имеющиеся представления о ключевых факторах, влияющих на формирование социального капитала.

Далее каждая из указанных выше пяти сфер будет рассмотрена подробнее в соответствующем разделе статьи.

Социальный капитал и индивидуальные качества личности

Социальный капитал, будучи сложным, комплексным явлением, оказывается тесным образом связанным с человеческим капиталом, особенно в части индивидуальных качеств личности. Эти качества влияют как на проявление знаний и навыков, составляющих суть человеческого капитала, так и на взаимодействие индивида с окружающими его людьми. А поскольку социальный капитал формируется при взаимодействии членов общества между собой, то можно утверждать, что их индивидуальные личностные характеристики тесно связаны с социальным капиталом, который является результатом этих межличностных отношений.

По мнению Amit & Schoemaker [26] и Barney [27], ценные, уникальные и трудно поддающиеся имитации ресурсы могут служить основой для конкурентных преимуществ фирм. Очевидно, что человеческий капитал является подобным типом ресурса. Уже давно подмечена связь между человеческим капиталом и экономическими успехами в деятельности организаций. Значение человеческого фактора возросло за последние десятилетия, поскольку, по мнению Grant [28], знания стали важнейшим компонентом получения конкурентных преимуществ в условиях новой экономики. Daily, Certo, Dalton [29] отмечают, что руководители представляют собой уникальный организационный ресурс (по сути, данное утверждение также говорит о признании роли человеческого капитала в процессе функционирования экономических отношений). Исследования показывают [30], что атрибуты человеческого капитала, и в частности личностные характеристики топ-менеджеров, влияют на результаты деятельности компаний [31].

M. A. Hitt, L. Bierman, K. Shimizu, R. Kochhar [32] утверждают, что именно различие в человеческом капитале является причиной отличия производительности разных организаций. При этом некоторые возможности для роста производительности основаны на конкретных знаниях, имеющихся у фирм, в то время как другие значимы в сочетании с дополнительными индивидуальными качествами личности сотрудников и руководителей, которые могут быть немобильными.

Таким образом, человеческий капитал, заключающийся в личностных характеристиках индивида, является критическим ресурсом для успешных фирм и создает базу для развития социального капитала. Индивидуальные качества личности могут как способствовать (эмоциональный интеллект и т. п.), так и препятствовать (закрытость к общению, неумение слушать, конфликтность и т. п.) развитию межличностных отношений в коллективе, а значит, и накоплению социального капитала.

Подробное изучение взаимосвязей социального капитала и индивидуальных качеств личности заслуживает отдельной работы, однако для целей данного исследования достаточным является понимание взаимовлияния социального и человеческого капитала через индивидуальные качества личности (которые являются базой как для накопления человеческого капитала, так и для формирования социального капитала). Кроме того, на социальный капитал оказывают значимое влияние семейные связи индивидов, входящих в коллектив, как ячейка их первичной социализации, где в том числе могут закладываться и поощряться

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

определенные личностные характеристики (которые впоследствии будут оказывать непосредственное влияние на протекание экономических процессов).

Социальный капитал и семейные связи

Наше ближайшее окружение, кровные родственники, составляют первичную среду социализации личности и в связи с этим являются первым окружением, в котором личность формирует индивидуальный социальный капитал[2]. Bubolz [33] отмечает, что семья является одновременно и источником, и пользователем социального капитала. И социальный капитал формируется среди членов семьи именно как семейный социальный капитал.

Изучение социальных изменений в семьях является фундаментальным для понимания трансформаций в индивидуальной и социальной жизни по всему миру [34]. T. L. Parcel и M. S. Bixby [35] отмечают, что социальные связи между родителями и их детьми являются важной формой социального капитала, способствуют познанию детей и их социальной адаптации. Они исследуют, как условия труда родителей, в том числе трудоемкость и график работы, влияют на домашнюю обстановку детей, а также на их развитие. И приходят к выводу о том, что социальный капитал семьи более важен, чем социальный капитал школы, для влияния как на когнитивные, так и на социальные результаты ребенка. F. F. Furstenberg отмечает, что мы до сих пор не знаем, как пары, родители, дети и прочие группы людей (даже организации, малые и крупные) генерируют, накапливают, управляют и развертывают социальный капитал. Мы не знаем последствий влияния социального капитала на благосостояние семей и их отдельных членов [8].

G. Aeby, E. D. Widmer, I. De Carlo утверждают, что семьи по-разному обеспечивают связь и объединение социальных капиталов. Выявлено, что социальный капитал будет зависеть от того, каким образом отдельные лица устанавливают свои семейные границы, включая или исключая бывших партнеров, детей нового партнера, братьев и сестер, а также другие семейные связи [36]. T. L. Parcel и E. G. Menaghan [37] изучали роли обоих родителей в процессе социализации детей и выявили незначительное влияние материального окружения на социализацию ребенка в течение первых лет жизни. Кроме того, Adler и Kwon подчеркивают двойственную структуру семейного социального капитала. Так, если рассматривать отношения членов семьи с внешними по отношению к этой самой семье субъектами, то такие связи формируют внешний, или «соединяющий», социальный капитал семьи («bridging» social capital). Фокус на связях членов одной семьи между собой формирует внутренний, или «связующий», социальный капитал («bonding» social capital). По мнению Salvato и Melin [38], центральное положение человека в сети членов этой самой семьи обеспечивает наибольшие возможности контролировать семью и использовать семейный социальный капитал для доступа к внешним ресурсам. «Соединяющий» семейный социальный капитал, по Salvato, обеспечивает доверие между членами семьи и теми, кто находится за ее пределами, а также формирует репутацию семьи в обществе. Внутренний, «связующий», семейный социальный капитал обеспечивает доверие между самими членами семьи и формирование семейных социальных норм.

Эти нормы, по сути, становятся институциональными ограничениями поведения членов семьи, нарушение которых может повлечь за собой санкции. Подобные правила поведения являются инструментом самоорганизации семьи как малой социальной группы, формируя рутины и снижая транзакционные издержки на взаимодействие членов семьи между собой за счет накопленного внутреннего социального капитала.

Соответственно, семейные и кровные узы становятся важным фактором формирования социального капитала. Кроме того, семейный социальный капитал оказывает влияние на другие разновидности социального капитала, в частности на организационный социальный капитал (социальный капитал фирмы) [39]. Эти две формы социального капитала наиболее тесно взаимодействуют между собой в семейных фирмах (family firms).

Согласно определению семейных фирм [40], члены семьи являются, как правило, их акционерами и руководителями, следовательно, могут определять направления развития предприятия без особых переговоров с партнерами или другими заинтересованными сторонами. Долгосрочное сотрудничество семьи с фирмой (например, при передаче бизнеса по наследству и т. п.) позволяет глубоко укоренить влияние семьи на все

[2] См. пояснения термина: Кузьменко А. В. Социальный капитал // Челябинский гуманитарий. 2010. №. 1 (10). С. 50–57.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

аспекты ее деятельности [41]. Задача семьи в этом случае сводится к поддержанию способности фирмы приносить прибыль и генерировать доход даже через смену поколений. Приверженность членов семьи семейному бизнесу может служить конкурентным преимуществом предприятия, в частности, за счет возможности долгосрочных отношений с поставщиками и использования репутации членов фирмы на благо экономической деятельности организации.

Таким образом, семейный социальный капитал имеет внутреннюю структуру, включая в себя внутренний и внешний семейный социальный капитал. Внутренний семейный социальный капитал решает задачу самоорганизации фирмы как малой социальной группы, а внешний – задачу формирования и укрепления репутации фирмы в обществе. Семейный социальный капитал взаимодействует с другими видами социального капитала, в частности, с организационным социальным капиталом через функционирование семейных предприятий, бизнес которых передается по наследству.

Уровень доверия между членами семьи при классических семейных отношениях (полные семьи, тесные связи между несколькими поколениями) является, по нашему мнению, максимальным за счет большего количества контактов и большего объема взаимодействия между членами таких семей.

А если говорить о семейных фирмах, то в них благодаря повышенному уровню доверия между родственниками семья становится своего рода «хребтом» для консорциумов и корпораций, где присутствие членов семьи на должностях и в совете директоров обеспечивает связи между крупными корпорациями.

Социальный капитал и корпоративная культура

Участие индивидов в трудовой деятельности приводит к необходимости взаимодействия в рамках трудовых коллективов. Рабочий коллектив становится тем социальным окружением, где многие люди трудоспособного возраста проводят значительную часть своего времени. Поэтому социальные связи, которые человек нарабатывает за это время, оказывают непосредственное влияние на социальный капитал.

При этом характерна и обратная связь – взаимодействие индивидуальных социальных капиталов в рамках трудовых коллективов влияет на корпоративную культуру и результаты деятельности организаций.

Особенно значим социальный капитал при рассмотрении деятельности малых фирм (поскольку крупные фирмы подвержены большей формализации действий сотрудников, что ограничивает их индивидуальное влияние на общий результат деятельности такой фирмы в целом).

J. Glover с соавторами [42] утверждают, что нам мало что известно о том, как различные формы капитала используются в повседневной деятельности и решении проблем ***малых фирм***. Полученные им выводы свидетельствуют о том, что по сравнению с фирмами с более низким уровнем социального и культурного капитала фирмы, обладающие более высокую степень социального и культурного капитала, имеют более высокую степень успеха в решении проблем и более склонны к инновационной деятельности. Социальные и культурные капиталы дополняют и усиливают друг друга в малых фирмах. Например, расширение возможностей использования сетей (социальный капитал) позволяет малым фирмам получать доступ к большему разнообразию знаний (культурный капитал).

При этом J. L. Glover в другой своей работе показывает, что для бизнеса малых фирм важнее человеческий капитал, нежели социальный. Так, передача знаний имеет решающее значение для успешной преемственности в семейном бизнесе, и такой культурный капитал (знания, навыки, квалификации и т. д.) сохраняется в рамках бизнеса и накапливается из более широких областей через образовательные квалификации [43].

R. Rob, P. Zemsky [44] изучали социальный капитал внутри фирм. Они пришли к выводу о том, что стимулирование руководством фирмы кооперации между сотрудниками, создание стимулов для сотрудничества может создать культурные различия между компаниями. Работники организаций сотрудничают друг с другом, поскольку сотрудничество приносит им непосредственную пользу. Эта полезность определяется эндогенно и зависит от того, насколько другие сотрудничали в прошлом, а также от интенсивности стимулов к сотрудничеству, которые создает руководство фирмы. Следовательно, стимулы выбираются с целью повышения полезности сотрудничества для работников или создания социального капитала.

При этом социальный капитал, по мнению Z. Wang, R. McNally, H. Lenihan [45], может приносить и не-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

гативные последствия. Авторы считают важным изучить потенциальные негативные последствия, поскольку для создания социального капитала требуются значительные инвестиции, а неизбирательное поощрение социального капитала может привести к растрате ресурсов.

В частности, на формирование и использование социального капитала влияет и такой культурный показатель, как дистанция власти. Считается [46], что высокий уровень дистанции власти (одна из характеристик культуры в том или ином обществе или корпоративной культуры) приводит к уменьшению роли социальных ограничений в процессах принятия решения как на индивидуальном уровне, так и на уровне фирм, поскольку процесс принятия решений становится в большей степени формализованным. В отличие от этого, контроль в культурах с низкой дистанцией власти основан на доверии [46]. Следовательно, низкая дистанция власти приводит к увеличению роли социального капитала в процессе принятия решения только на индивидуальном уровне.

Есть исследования, показывающие отрицательную связь между социальным капиталом и стоимостью собственного капитала фирмы. При этом A. Gupta, K. Raman, S. Chenguang [47] отмечают, что эта обратно пропорциональная связь между акционерным капиталом и социальным капиталом фирмы является статистически значимой только для фирм, сталкивающихся с относительно низким уровнем конкуренции на товарном рынке, и незначительной для фирм с хорошей репутацией. По мнению N. P. Shaha, D. Z. Levin, R. Cross [48], на производительность труда влияет социальный капитал, под которым понимают в данном случае сети контактов индивида.

Таким образом, социальный капитал влияет на показатели деятельности организаций, в особенности малых фирм. В то же время корпоративная среда, культура также являются значимыми факторами формирования социальных капиталов сотрудников, поскольку трудовые коллективы становятся местами продолжения социализации человека.

Социальный капитал и гражданская активность

Уровень развития гражданской активности в обществе, сплоченность различных групп населения являются средой, в которой продолжается социализация индивида, а значит, происходит дальнейшее накопление и развитие социального капитала. W. P. Potapchuk и J. P. Crocker [49] исследовали коллективный гражданский потенциал общества и пришли к выводу, что он помогает совершенствовать отношения внутри страны, общества.

R. Putham [50] выявил на примере исследования гражданской активности на юге и севере Италии, что большая сплоченность населения в регионах на севере Италии способствовала более высоким показателям хозяйственной деятельности имеющихся там организаций и лучшим экономическим результатам по сравнению с южными регионами страны. Более частые контакты между жителями проявлялись в активном развитии гражданского общества (культура выражения гражданской позиции была развита) и влекли за собой более высокий уровень доверия в обществе, что упрощало налаживание кооперативных связей и облегчало протекание экономических процессов, а потому может трактоваться как использование социального капитала в виде ресурса, общественного блага.

Так, L. Guiso, P. Sapienza и L. Zingales [51] выявили, что в Италии в регионах с высоким социальным капиталом домохозяйства с большей вероятностью используют чеки, меньше инвестируют в наличные деньги, а также имеют более легкий доступ к кредитным ресурсам.

M. Woolcock [52] показывает соответствующие различия в уровне экономического развития и уровне социального капитала и гражданской активности между Сингапуром и другими странами Юго-Восточной Азии, включая Индию. Он приходит к выводу о значимой роли социальных взаимоотношений на показатели экономического развития. Исследователь пишет, что, несмотря на то, что перелет из Мадраса в Сингапур составляет не более двух часов, ощущение, что между двумя районами пропасть в развитии в размере не менее двух веков.

Социальный капитал, благодаря гражданской активности населения, позволяет решать такую значимую макроэкономическую проблему, как безработица. M. Freitag и A. Kirchner [53] показали, что европейские регионы с более высоким уровнем социального капитала будут иметь тенденцию к снижению ее уровня. Кроме того, более высокий уровень социального капитала приведет к более эффективному использованию информации о рынке труда, снижению затрат на поиск и транзакцию по обе стороны рынка, повышению качества заявителей, эффективному размещению от-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

дельных работников, к меньшему конфликту между инсайдерами и аутсайдерами и более интенсивным усилиям по поиску работы.

Высокий уровень гражданской активности приводит к более ответственному отношению к процедурам народного волеизъявления. Об этом свидетельствуют выводы Nannicini, Tommaso и его коллег [54], согласно которым избиратели, которые разделяют ценности и убеждения, способствующие сотрудничеству, с большей вероятностью будут голосовать на основе критериев социального благосостояния, а не узкого личного интереса.

Но при этом высокий уровень социального капитала невозможен без развития индивидуальных межличностных доверительных отношений, поскольку последние являются проявлением первого. Поэтому гражданская активность членов общества также может считаться фактором формирования и развития социального капитала, поскольку по своей природе облегчает коммуникативные процессы с другими членами той или иной общественной группы.

Социальный капитал и институциональная среда

На формирование и использование социального капитала также влияют институциональные факторы – та институциональная среда, которая сложилась в обществе. В. С. Мартьянов отмечает, что в условиях долговременного замедления темпов глобального экономического роста все большее значение приобретают факторы, считавшиеся ранее внеэкономическими, которые охватываются концепциями социального и человеческого капитала [55].

Институты как «правила игры» в обществе, созданные человеком рамки, которые организуют и ограничивают взаимоотношения между людьми, ввел D. North [56], который являлся одним из авторов теории неоинституционализма – учения о значимой роли институтов в развитии общественных отношений в целом и экономических процессов в частности. При этом институты бывают разные: формальные и неформальные, политические, социальные, экономические и другие – и являются, как правило, результатом закрепления определенных норм проведения, которые первоначально формируются на основе стихийно складывающихся обычаев. По мнению R. Sugden [57], обычаи обозначают правила, которые никогда не придумывались кем-либо специально, а сложились стихийно и в соблюдении которых заинтересован каждый член общества.

Институциональная среда как совокупность основополагающих политических, социальных и юридических институтов, правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения в современных развитых обществах, изменяется. Появляются новые смыслы (фейковая экономика и т. п.), новое наполнение имеющихся форм хозяйственной действительности. Неслучайно актуальными становятся вопросы борьбы с негативными проявлениями оппортунистического поведения в межхозяйственных отношениях, снижение транзакционных издержек за счет института доверия [58]. Другие подходы также находятся в центре внимания современных исследователей.

Преобладающим является мнение, согласно которому социальный капитал формируется при функционировании таких механизмов, как социальные сети, общие нормы и убеждения, взаимное доверие [59]. Межличностное доверие довольно тесно связано с доверием к институтам власти и рыночным институтам (бизнес-структурам) [60]. Доверие является комплексной категорией, которая изучается широким кругом исследователей. В то же время социальный и трудно измеримый характер этого понятия затрудняет его изучение, определяет динамические изменения доверия в обществе с течением времени и изменением конъюнктуры.

Г. Г. Дилигентский [61] отмечает, что «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т. е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения "родственно-дружеским" кругом, а чувство долга – масштабами семьи» [61]. При этом считается, что повышение доверия также является необходимым условием увеличения социального капитала.

S. Knack и P. Keefer [62] выявили, что доверительные и гражданские нормы сильнее в странах с более высоким и равным доходом, с институтами, которые ограничивают хищнические действия руководителей, а также с более образованными и этнически однородными группами населения.

В любом случае очевидно, что социальный капитал может формироваться только в результате каких-либо взаимодействий между индивидами, которые опос-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

редованы существующими институциональными ограничениями в виде общепринятых норм и правил поведения и ведения хозяйственной деятельности.

При этом не любое взаимодействие людей ведет к увеличению социального капитала участников отношений и общества в целом, а только положительное взаимодействие субъектов. Отрицательный опыт взаимодействия не влияет на социальный капитал, поскольку доверия не возникает и развитие такое взаимодействие не получает. Участники подобных отношений получают опыт, который может встроиться в их человеческий капитал, но не в социальный капитал.

Процесс накопления социального капитала ограничен определенным рамками, формальными и неформальными, которые образуют институциональную среду, в которой живут и работают индивид и общество.

Институциональная среда представляет собой совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения. Институциональная среда образует механизм саморегуляции, который обеспечивает поддержание равновесия системы вокруг определенных заданных макроэкономических параметров [63].

Поскольку накопление социального капитала положительно влияет на многие показатели социальных и экономических процессов в обществе, вероятно, определенные элементы институциональной среды могут способствовать накоплению этого вида капитала, а какие-то – препятствовать.

Доверие оказывает большее влияние на социальный капитал (национальность, гражданство, религия) и на родовые связи. Чем выше уровень доверия в обществе, тем более однородны будут данные отношения у разных людей в обществе.

Институциональная среда, в свою очередь, большое влияние оказывает на межличностные взаимоотношения отдельной личности, определяя ограничения в проявлении потребностей индивида, правила владения, распоряжения имуществом в собственности индивида, а также его проявление в профессиональной сфере (работа по найму, самозанятость и т. п.).

Таким образом, мы можем выделить две внешние силы, которые оказывают влияние на формирование социального капитала у человека, первичного атома – носителя социального капитала. Первая – доверие, вторая – совокупность основополагающих политических, социально-экономических и юридических правил, образующая институциональную среду, в которой находится человек.

При этом как доверие, так и институциональная среда могут изменяться в обществе или социальной группе с течением времени. Так, институциональные ограничения соответствуют определенному экономическому и политическому укладам, создают стимулы для организаций и определяют поле их деятельности (производство, оказание услуг, наука и т. д.). Они имеют свойство изменяться во времени, в экономическом пространстве под влиянием изменений социальной, культурной, политической среды (внешних факторов), а также благодаря действиям индивидов (внутренних факторов) [64].

Институциональная среда является базисом для формирования социального капитала. Институты накладывают формальные и неформальные ограничения на поведение индивидов, тем самым задавая рамки их взаимодействия и помогая ориентироваться в системе социальных взаимоотношений.

Таким образом, институциональная среда является одним из важных факторов формирования индивидуального социального капитала.

Необходимость комплексного понимания капитала с учетом многогранности явления

Социальный капитал представляет собой сложное комплексное явление, которое, как правило, опосредованно влияет на протекание тех или иных экономических и социальных процессов. При этом учет данного явления повышает объясняющий потенциал выводов и суждений относительно протекания реальных процессов.

Очевидно, что к настоящему моменту накоплено существенное количество исследований по этой теме, которые рассматривают данное понятие в разных размерностях. М. В. Курбатова, С. Н. Левин и Е. С. Каган [65] выделили разные подходы к анализу социального капитала: структурный – подразумевающий анализ конфигурации социальных сетей; содержательный [66] – направленный на анализ качества отношений, уровня доверия. При этом различные авторы поразному трактуют структуру социального капитала, рассматривают разные его виды и формы.

Кроме того, нам кажется правильным рассматривать социальный капитал и в рамках процессного подхода:

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

заслуживают внимания процессы его формирования и использования. Исходя из этого и на основании вышесказанного мы утверждаем, что формирование социального капитала зависит:

1) от индивидуальных качеств личности;
2) семейных и родственных связей;
3) корпоративной культуры и традиций;
4) параметров гражданской активности;
5) институциональной среды.

Указанные факторы определяют формирование социального капитала как на индивидуальном, так и на коллективном уровне (на уровне фирмы, группы лиц или общества в целом).

Выводы

В работе показано, что социальный капитал присущ как каждому человеку в отдельности, так и обществу в целом (сплоченность, вовлеченность членов общества в различные общественные группы и объединения – общественный социальный капитал). Обобщая данный обзор научной литературы, следует заключить, что социальный капитал внутри субъекта – это некие настройки и установки в его взаимодействии с социумом, включающие в себя личные навыки, формирующие полезность для командной работы и реализации конкретных процедур внутри экономических систем; набор его родственных связей, который был получен от рождения, достаточно часто встречается в экономических системах и обычно характеризуется высоким уровнем доверия; набор правил и традиций как внутри конкретных компаний, так и сформированных нормами и институтами, в которых он социализируется.

На основании анализа трактовок социального капитала как комплексного социально-экономического и социально-политического явления отечественными и зарубежными авторами в данной работе под индивидуальным социальным капиталом понимаются социальные связи, которыми располагает тот или иной человек и которые можно рассматривать как ресурсы, облегчающие достижение тех или иных целей.

Взаимодействие отдельных социальных капиталов в рамках разнообразных социальных процессов приводит к формированию капитала, под которым мы понимаем социальные связи, которые могут быть оперативно мобилизованы группой лиц и использоваться в качестве ресурса для решения тех или иных экономических, общественных или политических задач.

В результате проведенного анализа нами были выделены следующие размерности социального капитала (как сферы, в которых социальный капитал формируется, и факторы, оказывающие влияние на формирование индивидуального социального капитала):

1) социальный капитал и индивидуальные качества личности;
2) социальный капитал и семейные (родственные) связи;
3) социальный капитал и корпоративная культура;
4) социальный капитал и гражданская активность;
5) социальный капитал и институциональная среда.

Описано, что индивидуальные характеристики личности являются важным фактором формирования социального капитала, поскольку определяют возможности индивида по выстраиванию коммуникаций с различными членами общества. Показано, как семейные и кровные узы становятся важным фактором формирования индивидуального социального капитала на основе первичной социализации личности и следования традициям того или иного общества.

Выявлено взаимовлияние индивидуального социального капитала и корпоративной культуры организаций. Первый влияет на показатели деятельности предприятий, в особенности малых. Корпоративная культура является значимым фактором формирования индивидуальных социальных капиталов сотрудников, поскольку трудовые коллективы становятся местами продолжения социализации человека.

Развитая гражданская активность членов общества также может считаться фактором формирования и развития индивидуального социального капитала, поскольку по своей природе облегчает коммуникативные процессы с другими членами той или иной общественной группы. Кроме того, в работе показано, что институциональная среда является базисом для формирования индивидуального социального капитала.

Все это подчеркивает комплексность рассматриваемого явления и актуальность междисциплинарных исследований в этой сфере. Кроме того, такое понимание основных размерностей социального капитала делает актуальной задачу рассмотрения индивида как первичного кирпичика социального капитала, подчеркивая его некую социальную атомарность, следуя гераклитовской традиции.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Список литературы

1. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education. New York: Greenwood Press. 1986. Pp. 46–58.

2. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American journal of sociology. 1988. Vol. 94. Pp. S95–S120. DOI: 10.1086/228943

3. Coleman J. S. Norms as social capital // Economic imperialism. London: Cambridge MA (Belnkamp). 1987. Pp. 133–155.

4. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. New Jersey: Princeton University press, 1993. 280 p.

5. Putnam R. D. Tuning in, tuning out: the strange disappearance of social capital in America // PS: Political science & politics. 1995. Vol. 28, № 04. Pp. 664–683. DOI: 10.1017/s1049096500058856

6. Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of democracy. 1995. Vol. 6. Pp. 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002

7. Lin N. Conceptualizing Social Support // Social Support, Life Events, and Depression, eds. N. Lin, A. Dean, W. Ensel. Orlando, Florida: Academic Press, 1986. Pp. 17–30.

8. Furstenberg F. F. Banking on Families: How Families Generate and Distribute Social Capital. 2005. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1741-3737.2005.00177.x (дата обращения: 10.06.2018). DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00177.x

9. Tsai W., Ghoshal S. Social Capital and Value Creation: The Role of Intrafirm Networks // Academy of Management Journal. 2017. Vol. 41, № 4. Pp. 464–476. DOI: 10.2307/257085

10. Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.

11. Poortinga W. Social capital: An individual or collective resource for health? // Social Science & Medicine. 2006. Vol. 62, Iss. 2. Pp. 292–302. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.06.008

12. Pennings J. M., Lee K., Van Witteloostuijn A. Human Capital, Social Capital, and Firm Dissolution // Academy of Management Journal. 2017. Vol. 41, No. 4. URL: https://journals.aom.org/doi/10.5465/257082 (дата обращения: 10.06.2018). DOI: 10.5465/257082

13. Stromgren M. Social capital in healthcare // Doctoral thesis in technology and health Stockholm, Sweden, 2017. URL: https://kth.diva-portal.org/smash/get/diva2:1136583/SPIKBLAD.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

14. Fukuyama F. Social capital, civil society and development // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.1080/713701144

15. Kennedy B. P., Kawachi I., Prothrow-Stitha D., Lochner K., Gupta V. Social capital, income inequality, and firearm violent crime // Social Science & Medicine. 1998. Vol. 47, Iss. 1. Pp. 7–17. DOI: 10.1016/s0277-9536(98)00097-5

16. Putnam R. Social Capital: Measurement and Consequences. URL: http://www.visionaryvalues.com/wiki/images/Putnam_SocialCapital.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

17. Ben-Porath Y. The F-Connection: Families, Friends, and Firms and the Organization of Exchange // Population and Development Review. 1930. № 6.

18. Kan £., Lazarsfeld P. Personal Influence. New York, 1955.

19. Bourdieu P. Le Capital Social: Notes Provisoires // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol. 3. Pp. 2–3.

20. Бурдье П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: SocioLogos, 1993. 336 с.

21. Coleman J. S. Chapter 2. Social Capital in the Creation of Human Capital // Knowledge and Social Capital Foundations and Applications. 2000. Pp. 17–41.

22. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20–32.

23. Lin N. Social Resources and Social Mobility: A Structural Theory of Status Attainment // Social Mobility and Social Structure / ed. R. L. Breiger. NY: Cambridge University Press, 1990. Pp. 247–171.

24. Putnam R. Who Killed Civic America? Prospect, 1996. P. 66.

25. Социальный капитал как фактор роста конкурентоспособности экономических систем / Р. А. Григорьев, А. Р. Климанова, М. В. Крамин, Т. В. Крамин // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 29–34.

26. Amit R., Schoemaker P. J. H. Strategic assets and organizational rent // Strategic Management Journal. 1993. Vol. 14. Pp. 33–46. DOI: 10.1002/smj.4250140105

27. Barney J. B. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17. Pp. 99–120. DOI: 10.1177/014920639101700108

28. Grant R. M. Toward a knowledge-based theory of the firm // Strategic Management Journal. 1996. Vol. 17 (Special Issue). Pp. 109–122. DOI: 10.1002/smj.4250171110

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

29. Daily C. M., Certo S. T., Dalton D. R. A decade of corporate women: some progress in the boardroom, none in the executive suite // Strategic Management Journal. 2000. Vol. 20. Pp. 93–100. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0266(199901)20:1<93::AID-SMJ18>3.0.CO;2-7

30. Wright P. M., Smart D. L., McMahan G. C. Matches between human resources and strategy among NCAA basketball teams // Academy of Management Journal. 1995. Vol. 38. Pp. 1052–1074. DOI: 10.2307/256620

31. Finkelstein S., Hambrick D. Strategic leadership. St. Paul: West Publishing Co, 1996.

32. Direct and moderating effects on human capital on strategy and performance in professional service firms: a resource-based perspective / M. A. Hitt, L. Bierman, K. Shimizu, R. Kochhar. 2000.

33. Bubolz M. Family as source, user, and builder of social capital // Journal of Socio-Economics. 2001. Vol. 30. Pp. 129–131. DOI: 10.1016/s1053-5357(00)00091-3

34. Parcel T. L., Hendrix J. A. Family Transmission of Social and Cultural Capital // The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families. 2014. Pp. 361–381. DOI: 10.1002/9781118374085.ch18

35. Parcel T. L., Bixby M. S. The Ties That Bind: Social Capital, Families, and Children's Well-Being // Child Development Perspectives. 2015. Vol. 10, Iss. 2. Pp. 87–92. DOI: 10.1111/cdep.12165

36. Aeby G., Widmer E. D., De Carlo I. Bonding and Bridging Social Capital in Step-and First-Time Families and the Issue of Family Boundaries // Interpersona: An International Journal on Personal Relationships. 2014. Vol. 8, Iss. 1. Pp. 51–69. DOI: 10.5964/ijpr.v8i1.149

37. Parcel T. L., Menaghan E. G. Early Parental Work, Family Social Capital, and Early Childhood Outcomes // AJS. 1994. Vol. 99, № 4. Pp. 972–1009. URL: http://www.journals.uchicago.edu/t-and-c/ (дата обращения: 10.06.2018).

38. Salvato C., Melin L. Creating Value Across Generations in Family-Controlled Businesses: The Role of Family Social Capital // Family business review. Vol. XXI. № 3, September 2008. Pp. 259–276. DOI: 10.1177/08944865080210030107

39. The Development of Organizational Social Capital: Attributes of Family Firms / J.-L. Arregle, M. A. Hitt, D. G. Sirmon, P. Very // Journal of Management Studies. 2007. Vol. 44 (1). Pp. 73–95. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2007.00665.x

40. Litz R. A. The family business: toward definitional clarity // Proceedings of the Academy of Management. 1995. Vol. 100–104. DOI: 10.5465/ambpp.1995.17536337

41. Anderson R. C., Reeb D. M. Founding-family ownership and firm performance: evidence from the S&P 500 // Journal of Finance. 2003. Vol. 58. Pp. 1301–1328. DOI: 10.1111/1540-6261.00567

42. Using capital theory to explore problem solving and innovation in small firms / J. Glover, D. Champion, K. Daniels, G. Boocock // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2016. Vol. 23. Pp. 26–43. DOI: 10.1108/jsbed-02-2014-0033

43. Jane L. Glover, Capital usage in family farm businesses // Journal of Family Business Management. 2013. Vol. 3. Pp. 136–162. DOI: 10.1108/jfbm-01-2013-0001

44. Rob R., Zemsky P. Social Capital, Corporate Culture, and Incentive Intensity // The RAND Journal of Economics. 2002. Vol. 33, № 2. Pp. 243–257. DOI: 10.2307/3087432

45. Wang Z., McNally R., Lenihan H. The role of social capital and culture on social decision-making constraints: A multilevel investigation // European Management Journal. 2018. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0263237318300501 (дата обращения: 10.06.2018).

46. Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-innovatsii-k-postanovke-problemy (дата обращения: 10.06.2018).

47. Gupta A., Raman K., Chenguang S. Social capital and the cost of equity // Journal of Banking & Finance. 2018. Vol. 87. Pp. 102–117. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2017.10.002

48. Shaha N. P., Levin D. Z., Cross R. Secondhand social capital: Boundary spanning, secondhand closure, and individual performance // Social Networks. 2018. Vol. 52. Pp. 18–27. DOI: 10.1016/j.socnet.2017.04.005

49. Potapchuk W. P., Crocker J. P. Exploring the Elements of Civic Capital. First published: 12 July 2003. URL: https://doi.org/10.1002/ncr.88303 (дата обращения: 10.06.2018).

50. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. With. Princeton University Press, 1993.

51. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The Role of Social Capital in Financial Development // American Economic Review. 2004. Vol. 94 (3). Pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

52. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27, Iss. 2. Pp. 151–208. DOI: 10.1023/a:1006884930135

53. Freitag M., Kirchner A. Social Capital and Unemployment: A Macro-Quantitative Analysis of the European Regions // Political Studies. 2011. Vol. 59, Iss. 2. Pp. 389–410. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2010.00876.x

54. Social Capital and Political Accountability / N. Tommaso, A. Stella, G. Tabellini, U. Troiano // American Economic Journal: Economic Policy. 2013. Vol. 5 (2). Pp. 222–250. DOI: 10.1257/pol.5.2.222

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

55. Мартьянов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Журнал институциональных исследований. 2018. № 1. С. 41–58.

56. North D. Institutions, institutional change and economic performance // Cambridge University Press, 1990.

57. Sugden R. The economics of rights, cooperation, and welfare. 1986.

58. Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 4–17.

59. Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. Т. XVI. № 4. С. 161.

60. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.

61. Дилигенский Г. Г. Становление гражданского общества: Культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998. С. 230.

62. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112, Is. 4. Pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475

63. Попов Е., Лесных В. Системный подход к проблеме импорта институтов в российскую экономику // Общество и экономика. 2005. № 10–11. С. 98–112.

64. Кремнева Е. В. Институциональные ограничения – условие развития национальной экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 1. С. 94–96.

65. Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.

66. Татарко А. Н. Психологическая структура социального капитала: анализ и эмпирическое исследование // Модернизация экономики и глобализация. В 3 кн. М., 2009.

References

1. Bourdieu P. The forms of capital, *Handbook of theory and research for the sociology of education,* New York, Greenwood Press, 1986, pp. 46–58.

2. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital, *American journal of sociology*, 1988, Vol. 94, pp. S95–S120. DOI: 10.1086/228943

3. Coleman J. S. Norms as social capital, *Economic imperialism*, London, Cambridge MA (Belnkamp), 1987, pp. 133–155.

4. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making democracy work: civic traditions in modern Italy*, New Jersey, Princeton University press, 1993, 280 p.

5. Putnam R. D. Tuning in, tuning out: the strange disappearance of social capital in America, *PS: Political science & politics,* 1995, Vol. 28, No. 04, pp. 664–683. DOI: 10.1017/s1049096500058856

6. Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital, *Journal of democracy*, 1995, Vol. 6, pp. 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002

7. Lin N. Conceptualizing Social Support, *Social Support, Life Events, and Depression*, eds. N. Lin, A. Dean, W. Ensel, Orlando, Florida, Academic Press, 1986, pp. 17–30.

8. Furstenberg F. F. *Banking on Families: How Families Generate and Distribute Social Capital*, 2005, available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1741-3737.2005.00177.x (access date: 10.06.2018). DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00177.x

9. Tsai W., Ghoshal S. Social Capital and Value Creation: The Role of Intrafirm Networks, *Academy of Management Journal*, 2017, Vol. 41, No. 4, pp. 464–476. DOI: 10.2307/257085

10. Kurbatova M. V., Levin S. N., Kagan E. S. Structure of social capital as a factor of a region's institutional development, *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* 2010, No. 6, pp. 37–51 (in Russ.).

11. Poortinga W. Social capital: An individual or collective resource for health?, *Social Science & Medicine*, 2006, Vol. 62, Iss. 2, pp. 292–302. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.06.008

12. Pennings J. M., Lee K., Van Witteloostuijn A. Human Capital, Social Capital, and Firm Dissolution, *Academy of Management Journal*, 2017, Vol. 41, No. 4, available at: https://journals.aom.org/doi/10.5465/257082 (access date: 10.06.2018). DOI: 10.5465/257082

13. Stromgren M. *Social capital in healthcare*, Doctoral thesis in technology and health Stockholm, Sweden, 2017, available at: https://kth.diva-portal.org/smash/get/diva2:1136583/SPIKBLAD.pdf (access date: 10.06.2018).

14. Fukuyama F. Social capital, civil society and development, *Third World Quarterly*, 2001, Vol. 22, Iss. 1, pp. 7–20. DOI: 10.1080/713701144

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

15. Kennedy B. P., Kawachi I., Prothrow-Stitha D., Lochner K., Gupta V. Social capital, income inequality, and firearm violent crime, *Social Science & Medicine*, 1998, Vol. 47, Iss. 1, pp. 7–17.

16. Putnam R. *Social Capital: Measurement and Consequences*, available at: http://www.visionaryvalues.com/wiki/images/Putnam_SocialCapital.pdf (access date: 10.06.2018).

17. Ben-Porath Y. The F-Connection: Families, Friends, and Firms and the Organization of Exchange, *Population and Development Review*, 1930, No. 6.

18. Kan £., Lazarsfeld P. *Personal Influence*, New York, 1955.

19. Bourdieu P. Le Capital Social: Notes Provisoires, *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, 1980, Vol. 3, pp. 2–3.

20. Burd'e P. *Sociology of politics,* ed. N. A. Shmatko, Moscow, SocioLogos, 1993, 336 p. (in Russ.).

21. Coleman J. S. Chapter 2. Social Capital in the Creation of Human Capital, *Knowledge and Social Capital Foundations and Applications*, 2000, pp. 17–41.

22. Radaev V. V. Notion of capital, forms of capitals and their conversion, *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2002, No. 4, pp. 20–32 (in Russ.).

23. Lin N. Social Resources and Social Mobility: A Structural Theory of Status Attainment, *Social Mobility and Social Structure*, ed. R. L. Breiger, NY, Cambridge University Press, 1990, pp. 247–171.

24. Putnam R. *Who Killed Civic America?*, Prospect, 1996, p. 66.

25. Grigor'ev R. A., Klimanova A. R., Kramin M. V., Kramin T. V. Social capital as a factor of competitiveness growth of economic systems, *Vektor nauki TGU*, Ser. Ekonomika i upravlenie, 2015, No. 4 (23), pp. 29–34 (in Russ.).

26. Amit R., Schoemaker P. J. H. Strategic assets and organizational rent, *Strategic Management Journal*, 1993, Vol. 14, pp. 33–46. DOI: 10.1002/smj.4250140105

27. Barney J. B. Firm resources and sustained competitive advantage, *Journal of Management*, 1991, Vol. 17, pp. 99–129. DOI: 10.1177/014920639101700108

28. Grant R. M. Toward a knowledge-based theory of the firm, *Strategic Management Journal*, 1996, Vol. 17 (Special Issue), pp. 109–122. DOI: 10.1002/smj.4250171110

29. Daily C. M., Certo S. T., Dalton D. R. A decade of corporate women: some progress in the boardroom, none in the executive suite, *Strategic Management Journal*, 2000, Vol. 20, pp. 93–99. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0266(199901)20:1<93::AID-SMJ18>3.0.CO;2-7

30. Wright P. M., Smart D. L., McMahan G. C. Matches between human resources and strategy among NCAA basketball teams, *Academy of Management Journal*, 1995, Vol. 38, pp. 1052–1074. DOI: 10.2307/256620

31. Finkelstein S., Hambrick D. *Strategic leadership*, St. Paul, West Publishing Co, 1996.

32. Hitt M. A., Bierman L., Shimizu K., Kochhar R. *Direct and moderating effects on human capital on strategy and performance in professional service firms: a resource-based perspective,* 2000.

33. Bubolz M. Family as source, user, and builder of social capital, *Journal of Socio-Economics*, 2001, Vol. 30, pp. 129–131. DOI: 10.1016/s1053-5357(00)00091-3

34. Parcel T. L., Hendrix J. A. Family Transmission of Social and Cultural Capital, *The Wiley Blackwell Companion to the Sociology of Families*, 2014, pp. 361–381. DOI: 10.1002/9781118374085.ch18

35. Parcel T. L., Bixby M. S. The Ties That Bind: Social Capital, Families, and Children's Well-Being, *Child Development Perspectives*, 2015, Vol. 10, Iss. 2, pp. 87–92. DOI: 10.1111/cdep.12165

36. Aeby G., Widmer E. D., De Carlo I. Bonding and Bridging Social Capital in Step-and First-Time Families and the Issue of Family Boundaries, *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*, 2014, Vol. 8, Iss. 1, pp. 51–69. DOI: 10.5964/ijpr.v8i1.149

37. Parcel T. L., Menaghan E. G. Early Parental Work, Family Social Capital, and Early Childhood Outcomes, *AJS*, 1994, Vol. 99, No. 4, pp. 972–1009, available at: http://www.journals.uchicago.edu/t-and-c/ (access date: 10.06.2018).

38. Salvato C., Melin L. Creating Value Across Generations in Family-Controlled Businesses: The Role of Family Social Capital, *Family business review*, Vol. XXI, No. 3, September 2008, pp. 259–276. DOI: 10.1177/08944865080210030107

39. Arregle J.-L., Hitt M. A., Sirmon D. G., Very P. The Development of Organizational Social Capital: Attributes of Family Firms, *Journal of Management Studies*, 2007, Vol. 44 (1), pp. 73–95. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2007.00665.x

40. Litz R. A. The family business: toward definitional clarity, *Proceedings of the Academy of Management*, 1995, Vol. 100–104. DOI: 10.5465/ambpp.1995.17536337

41. Anderson R. C., Reeb D. M. Founding-family ownership and firm performance: evidence from the S&P 500, *Journal of Finance*, 2003, Vol. 58, pp. 1301–1328. DOI: 10.1111/1540-6261.00567

42. Glover J., Champion D., Daniels K., Boocock G. Using capital theory to explore problem solving and innovation in small firms, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2016, Vol. 23, pp. 26–43. DOI: 10.1108/jsbed-02-2014-0033

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

43. Jane L. Glover, Capital usage in family farm businesses, *Journal of Family Business Management*, 2013, Vol. 3, pp. 136–162. DOI: 10.1108/jfbm-01-2013-0001

44. Rob R., Zemsky P. Social Capital, Corporate Culture, and Incentive Intensity, *The RAND Journal of Economics*, 2002, Vol. 33, No. 2, pp. 243–257. DOI: 10.2307/3087432

45. Wang Z., McNally R., Lenihan H. The role of social capital and culture on social decision-making constraints: A multilevel investigation, *European Management Journal*, 2018, available at: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0263237318300501 (access date: 10.06.2018).

46. Lebedeva N. M., Yasin E. G. Culture and innovations: on the issue formulation, *Forsait*, 2009, No. 2, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-innovatsii-k-postanovke-problemy (access date: 23.06.2018) (in Russ.).

47. Gupta A., Raman K., Chenguang S. Social capital and the cost of equity, *Journal of Banking & Finance*, 2018, Vol. 87, pp. 102–117. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2017.10.002

48. Shaha N. P., Levin D. Z., Cross R. Secondhand social capital: Boundary spanning, secondhand closure, and individual performance, *Social Networks*, 2018, Vol. 52, Pp. 18–27. DOI: 10.1016/j.socnet.2017.04.005

49. Potapchuk W. P., Crocker J. P. *Exploring the Elements of Civic Capital,* first published: 12 July 2003, available at: https://doi.org/10.1002/ncr.88303 (access date: 10.06.2018).

50. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy,* With. Princeton University Press, 1993.

51. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The Role of Social Capital in Financial Development, *American Economic Review*, 2004, Vol. 94 (3), pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

52. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework, *Theory and Society*, 1998, Vol. 27, Iss. 2, pp. 151–208. DOI: 10.1023/a:1006884930135

53. Freitag M., Kirchner A. Social Capital and Unemployment: A Macro-Quantitative Analysis of the European Regions, *Political Studies*, 2011, Vol. 59, Iss. 2, pp. 389–410. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2010.00876.x

54. Social Capital and Political Accountability / N. Tommaso, A. Stella, G. Tabellini, U. Troiano, *American Economic Journal: Economic Policy*, 2013, Vol. 5 (2), pp. 222–250. DOI: 10.1257/pol.5.2.222

55. Mart'yanov V. S. Institutional trust as economic resource: stimuli and obstacles for efficiency, *Zhurnal institutsional'nykh issledovanii*, 2018, No. 1, pp. 41–58 (in Russ.).

56. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*, Cambridge University Press, 1990.

57. Sugden R. *The economics of rights, co-operation, and welfare*, 1986.

58. Kornai Ya. Honesty and trust in transitional economy, *Voprosy ekonomiki*, 2003, No. 9, pp. 4–17 (in Russ.).

59. Krasilova A. N. Social capital as a tool for analyzing inequality in the Russian society, *Mir Rossii*, 2007, Vol. XVI, No. 4, pp. 161 (in Russ.).

60. Kozyreva P. M. Interpersonal trust in the context of forming social capital, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, No. 1, pp. 43–54 (in Russ.).

61. Diligenskii G. G. Forming a civil society: Cultural and psychological problems, *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: Struktury i soznanie*, M., 1998, p. 230 (in Russ.).

62. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation, *The Quarterly Journal of Economics*, 1997, Vol. 112, Iss. 4, pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475

63. Popov E., Lesnykh V. Systemic approach to the issue of importing institutions into the Russian economy, *Obshchestvo i ekonomika*, 2005, No. 10–11, pp. 98–112 (in Russ.).

64. Kremneva E. V. Institutional limitations – a condition fro developing national economy, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2010, No. 1, pp. 94–96 (in Russ.).

65. Kurbatova M. V., Levin S. N., Kagan E. S. Structure of social capital as a factor of institutional development of a region, *Obshchestvennye nauki i soveremennost'*, 2010, No. 6, pp. 37–51 (in Russ.).

66. Tatarko A. N. Psychological structure of social capital: analysis and empirical research, *Modernizatsiya ekonomiki i globalizatsiya*, in 3 b., Moscow, 2009 (in Russ.).

Дата поступления / Received 06.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 10.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Селиверстова Н. С., Яковлева Е. Л., Григорьева О. В., Воронцова Л. В., 2018
© Seliverstova N. S., Iakovleva E. L., Grigoryeva O. V., Vorontsova L. V., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 316.334.56:32.019.52:351.74/.76:343 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.569-593**

А. А. ГЛУХОВА[1],
А. А. ИУДИН[2],
Д. А. ШПИЛЕВ[1, 2]

[1] Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия
[2] Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

ОЦЕНКА ГРАЖДАНАМИ СОСТОЯНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И УРОВНЯ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕГАПОЛИСЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Контактное лицо:
Глухова Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7462-8947
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016

Иудин Александр Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: +7 (831) 433-83-30
E-mail: iudin@fsn.unn.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1925-007X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ; профессор кафедры социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9499-0580
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016

Цель: анализ, изучение и раскрытие сущностных характеристик общественного мнения нижегородцев о состоянии правопорядка и безопасности на территории мегаполиса и формулирование рекомендаций сотрудникам органов внутренних дел, занятым в обеспечении общественного порядка при проведении культурно-массовых, спортивных мероприятий, в частности, чемпионата мира по футболу – 2018 на основе социологического исследования.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Методы: общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования, сравнительно-правовой), а также логические методы и частно-научный (опросный метод – анкетирование жителей Нижнего Новгорода).
Результаты: выявлены и классифицированы характеристики общественного мнения нижегородцев об уровне правопорядка и безопасности в мегаполисе; определены факторы, обеспечивающие чувство наибольшей безопасности и защищенности, а также отношение к проведению чемпионата мира по футболу – 2018 у различных категорий населения; осуществлена типология групп населения в зависимости от отношения к проведению иных крупных массовых мероприятий на территории города.
Научная новизна: в статье на основании общественного мнения жителей Нижнего Новгорода впервые выявляются и систематизируются основные характеристики, в том числе проблемные, состояния правопорядка и уровня безопасности на территории Нижегородского мегаполиса, формулируются предложения и практические рекомендации по повышению эффективности деятельности органов внутренних дел региона в период проведения культурно-массовых, международных, спортивных мероприятий: а) учет особенности расположения населенного пункта, где будут проводиться массовые мероприятия; б) руководство органов внутренних дел постоянно должно находиться в диалоге с районными администрациями муниципалитета по вопросам профилактики преступности; в) наблюдается потребность граждан в правовом информировании об особенностях поведения при проведении массовых мероприятий; г) предъявление повышенных требований к внешнему виду, культуре общения и компетентности сотрудников полиции при проведении массовых мероприятий; д) усиление контроля за приезжими лицами из области или ближайших регионов и их пребыванием в культурной части города.
Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для корректировки работы территориальных органов МВД России в целях оптимизации и совершенствования деятельности по обеспечению правопорядка и безопасности как в целом, так и в случае организации культурно-массовых, спортивных, в том числе международных, мероприятий. Результаты исследования могут быть использованы в организации работы по повышению эффективности деятельности органов внутренних дел региона, обеспечению планирования оперативно-служебной деятельности и выработке соответствующих управленческих решений в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; массовое общественное мероприятие; спортивное мероприятие; безопасность; общественное мнение; полиция; преступность; криминальное воздействие; гендер

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами состояния правопорядка и уровня безопасности в мегаполисе: результаты криминологического мониторинга // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 569–593. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.569-593

A. A. GLUKHOVA[1],
A. A. IUDIN[2],
D. A. SHPILEV[1, 2]

[1]*Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia*
[2] *Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia*

CITIZENS' ESTIMATION OF THE LAW ORDER AND SAFETY IN A MEGALOPOLIS: RESULTS OF CRIMINOLOGICAL MONITORING

Contact:
Anna A. Glukhova, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7462-8947
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Aleksandr A. Iudin, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Chair of Department and Applied Sociology, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
Address: 23 Gagarin Prospekt, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 433-83-30
E-mail: iudin@fsn.unn.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1925-007X
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor of the Chair of General Sociology and Social Work, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-9499-0580
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016

Objective: on the basis of sociological research, to analyze, study and disclose the essential characteristics of public opinion of Nizhny Novgorod citizens on the state of law and order and security in the metropolis; to formulate recommendations to employees of the internal affairs bodies engaged in providing public order during cultural and sports events, in particular, World Cup 2018.
Methods: general scientific (analysis, system-structural approach to the analysis of the study object, comparative-legal method), as well as logical and specific methods (survey method – a survey of Nizhny Novgorod residents).
Results: the characteristics of public opinion of Nizhny Novgorod citizens on the level of law and order and security in the metropolis are identified and classified; the factors that provide the feeling of the greatest security and safety, as well as the attitude to World Cup 2018 in different categories of the population are determined; the typology of population groups is carried out depending on the attitude to conducting other large-scale events in the city.
Scientific novelty: the article, based on the analysis of public opinion of Nizhny Novgorod residents, for the first time identifies and systematizes the main characteristics, including the problem ones, of the state of law and order and security in the Nizhniy Novgorod metropolis, proposals and practical recommendations were formulated on increasing the efficiency of activity of the regional internal affairs bodies during mass cultural, international, sports events: a) account of the particular location of the settlement, which will host a mass event; b) the internal affairs bodies' administration should constantly be in a dialogue with the district administrations of the municipality on the issues of crime prevention; c) the citizens should be legally informed about the peculiarities of behavior during mass events; d) increased requirements for the appearance, culture of communication and competence of police officers during mass events; e) strengthening control over visitors from the region or the nearest regions and their stay in the central part of the city.
Practical significance: the study results can be used to adjust the work of the territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs to optimize and improve activities to ensure law and order and security as a whole, and in the case of the organization of cultural, sports, including international, events. The results of the study can be used in the organization of work to improve the efficiency of the regional internal affairs bodies, to ensure the planning of operational activities and the development of appropriate management decisions in law enforcement.

Keywords: Criminal law and criminology; Mass public event; Sports event; Security; Public opinion; Police; Crime; Criminal influence; Gender

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A. Citizens' estimation of the law order and safety in a megalopolis: results of criminological monitoring, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 569–593 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3. 569-593

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Введение

Органы внутренних дел несут на себе основную нагрузку по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. В условиях реформирования, оптимизации штатной численности органов внутренних дел все более очевидным становится потребность общества в современной, эффективной, профессиональной системе органов внутренних дел в России. Важным элементом деятельности полиции является доверие ей со стороны населения, и именно поэтому основным критерием оценки ее деятельности становится общественное мнение (п. 6 ст. 9 ФЗ-3 «О полиции»[1]), складывающееся из целого ряда разноуровневых факторов. Отечественные ученые и сотрудники территориальных органов внутренних дел на регулярной основе проводят мониторинг общественного мнения о различных аспектах деятельности полиции. Кроме того, общественное мнение может влиять на результативность деятельности сотрудников правоохранительных органов, на выработку эффективных путей решения проблемы совершенствования профессиональной деятельности по обеспечению правопорядка, защиты законных прав и интересов граждан, что в конечном итоге изменит образ этой государственной структуры в позитивном направлении.

Таким образом, актуальность исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка и безопасности обусловлена необходимостью укрепления авторитета сотрудников у населения, повышения доверия к ним. Анализ литературы, посвященной проблеме исследования, позволяет прийти к заключению, что проблема состояния правопорядка и безопасности на региональном уровне является предметом исследования ряда наук: социологии, криминологии, административного права и процесса, уголовного процесса и др.

Исходя из цели, с учетом особенностей объекта и предмета определены следующие задачи исследования, осуществленного на основе эмпирического замера:

– изучить, обобщить и проанализировать восприятие населением Нижегородского региона уровня своей безопасности;

– выявить закономерности общего уровня безопасности в регионе;

– выявить и раскрыть особенности деятельности органов внутренних дел при проведении отдельных массовых мероприятий;

– определить корреляцию оптимизма людей с их восприятием состояния правопорядка;

– определить отдельные значимые факторы удовлетворенности и неудовлетворенности населения уровнем своей безопасности при проведении конкретных культурно-массовых, спортивных мероприятий;

– сформулировать отдельные рекомендации сотрудникам органов внутренних дел, занятым в обеспечении общественного порядка при проведении массовых мероприятий.

Понятия общественного порядка и общественной безопасности не являются новыми. Историческому анализу сути и содержания понятия «общественная безопасность» посвящена работа А. В. Степанова [1]. Вопросы современной интерпретации данных понятий рассмотрены в статье В. М. Боера и В. Н. Шамрая [2]. Необходимо упомянуть и публикацию М. А. Камилова, также посвященную проблематике определения термина «общественная безопасность» [3]. Как отмечалось выше, роль органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка в местах проведения массовых мероприятий с каждым годом возрастает. Поэтому необходимо, чтобы нормативно-правовые основы охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий соответствовали всем современным требованиям и реалиям. Анализу этого вопроса, в частности, посвящены статья С. И. Ивановой и Е. К. Черкасовой [4], а также работы А. В. Куяновой и А. В. Юрицина [5], О. А. Кравцовой [6].

Отдельным видом массовых мероприятий являются крупные спортивные соревнования, требующие комплексного использования сил и средств МВД России в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при их проведении. Обобщению положительного и отрицательного опыта работы полицейских сил при проведении таких мероприятий в России и в зарубежных странах посвящено исследование Г. М. Черняева и А. Ф. Быстрянцева [7]. Опыт французской полиции анализируется Т. И. Мараевым [8]. Рассмотрение вариантов усиления ответственности посетителей спортивных соревно-

[1] О полиции: Федеральный закон № 3-ФЗ от 07.02.2011 (ред. от 07.03.2018). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 20.03.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ваний присутствует в работе А. П. Алексеевой [9]. Обеспечению безопасности на чемпионата мира по футболу – 2018 (далее – ЧМ-2018) посвящен целый ряд публикаций, в которых затрагиваются самые разные вопросы: организационные [10], связанные с особенностями несения службы сотрудниками полиции [11], функционирования интегрированной системы безопасности [12], обеспечения правопорядка негосударственными структурами безопасности [13]. Однако стоит отметить, что в настоящий момент практически отсутствуют публикации [14–16], анализирующие оценку гражданами уровня безопасности и правопорядка, в том числе при проведении ЧМ-2018, как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также вневедомственную оценку безопасности граждан. Исключением являются работы К. В. Корнеева и А. Ю. Тараканова [17], В. Л. Кучеренко [18], М. А. Касьянова [19], А. П. Ревякина [20].

Но практически никогда в перечисленных исследованиях источником получения исходной информации не являются первичные эмпирические данные, поэтому в своей работе мы представим основные результаты такого исследования.

Результаты исследования

Характеристика выборки. В исследовании была использована квотная двухступенчатая выборка. Во-первых, было осуществлено распределение числа респондентов по районам города, во-вторых, городские районы были поделены на группы, представляющие нагорную и заречную части Нижнего Новгорода (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по месту жительства, %*

Table 1. Distribution of the respondents by the place of residence, %*

Район города / City district	Доля / Share	Группа районов / Group of districts	Доля / Share
Нижегородский / Nizhegorodskiy	12	Нагорная часть / Upper part	35
Советский / Sovetskiy	10		
Приокский / Priokskiy	13		
Автозаводский / Avtozavodskiy	13	Заречная часть / Trans-river part	63
Сормовский / Sormovskiy	15		
Московский / Moskovskiy	11		
Канавинский / Kanavinskiy	11		
Ленинский / Leninskiy	13		
Нет ответа / No answer	3		2

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Объединение городских районов в группы дает возможность получить более репрезентативные данные для сравнения характеристик жителей, проживающих в двух заведомо отличающихся частях города – верхней и нижней. Планируемый размер выборки составил 800 человек (по 100 респондентов на район); реальная выборка с учетом отбраковки анкет составила 715 респондентов. Районом с наименьшим количеством респондентов оказался Советский, с максимальным – Сормовский.

В выборке несколько понижена доля женщин возрастной группы 26–30 лет, а также респондентов старше 51 лет, т. е. лиц предпенсионного и пенсионного возраста (табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографические характеристики выборки, %*

Table 2. Social-demographic characteristics of the sample, %*

Показатель / Indicator	Характеристики / Characteristics	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Половозрастные группы / Age and gender groups	17–25 лет / 17–25 y.o.	15	14	13
	26–30 лет / 26–30 y.o.	19	24	16
	31–40 лет / 31–40 y.o.	35	34	38
	41–50 лет / 41–50 y.o.	18	16	20
	51 год и более / 51 y.o. and over	11	9	13
Уровень образования / Level of education	Неполное среднее / Incomplete secondary	6	4	2
	Среднее общее / Secondary general	6	10	4
	Среднее специальное / Secondary professional	15	13	5
	Неоконченное высшее / Incomplete higher	14	12	5
	Высшее / Higher	53	57	25
	Нет ответа / No answer	6	5	2
Семейное положение / Marital status	Состоят в зарегистрированном браке / Registered marriage	47	45	50
	Состоят в незарегистрированном (гражданском) браке / Unregistered marriage	19	21	16
	Разведены / Divorced	13	13	14
	Вдовец/вдова / Widowed	5	4	6
	Никогда не состояли в браке / Never married	14	15	13
	Нет ответа / No answer	4	2	2

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В ней также больше респондентов с высшим образованием, неоконченное высшее и среднее специальное образование чуть чаще имеют мужчины, нежели женщины. Однако эти небольшие недостатки выборки легко компенсируются введением взвешенных коэффициентов, учитывающих размер соответствующих районов, и групп населения и не оказывают существенного влияния на репрезентативность результатов замера.

Основное число респондентов состоит в браке, зарегистрированном или в сожительстве – то, что нередко называют гражданским браком, причем женщины устойчиво чаще говорят, что состоят в зарегистрированном браке, а мужчины чаще считают свой брак сожительством. При этом и мужчины, и женщины указывают примерно одинаковую долю находящихся в разводе. Продолжительность жизни женщин в России выше, поэтому доля вдов немного больше доли вдовцов. Основная доля овдовевших респондентов приходится на возрастные группы старше 41 года и особенно старше 51 года (табл. 3). Женщин, учитывая среднюю продолжительность жизни мужчин в России, в этих группах несколько больше. Максимальное число респондентов, находящихся в состоянии сожительства (в так называемом гражданском браке), приходится на возрастную группу 31–40 лет. Логично, что и число разводов в данной возрастной группе увеличивается.

Таблица 3

Семейное положение респондентов разных возрастных групп, %*

Table 3. Marital status of the respondents of various age groups, %*

Семейное положение / Marital status	17–25 лет / 17–25 y.o.	26–30 лет / 26–30 y.o.	31–40 лет / 31–40 y.o.	41–50 лет / 41–50 y.o.	51 год и более / 51 y.o. and over
Состоят в зарегистрированном браке / Registered marriage	3	10	20	9	5
Состоят в незарегистрированном браке / Unregistered marriage	3	5	7	3	1
Разведены / Divorced	1	2	4	4	2
Вдовец/вдова / Widowed	0	0	0	1	2
Никогда не состояли в браке / Never married	7	3	2	1	1
Нет ответа / No answer	0	1	1	0	0

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Большинство респондентов являются рабочими, что соответствует генеральной совокупности, но несколько завышена доля военнослужащих и работников МВД и несколько занижена доля студентов, учащихся и пенсионеров (табл. 4). Несколько завышена доля непроизводственной интеллигенции (учителя, врачи) и занижена доля инженерно-технической интеллигенции, однако точные данные о социально-профессиональной структуре различных территорий России сегодня найти крайне трудно, особенно если учесть высокий уровень профессиональной мобильности в стране, когда масса инженеров переквалифицировалась в предпринимателей или работников торговли. Таким образом, в целом представленные социальные группы отражают социально-профессиональную структуру крупного индустриального города.

Таблица 4

Социальное положение респондентов, %*

Table 4. Social status of the respondents, %*

Социальное положение / Social status	Кол-во / Number
Рабочие / Workers	20
Служащие / Office workers	13
Инженеры, ИТР / Engineers	8
Учителя, врачи, представители непроизводственной интеллигенции / Teachers, doctors, non-productive intelligentsia	11
Предприниматели, руководители / Businesspeople, administrators	12
Пенсионеры / Pensioners	6
Студенты, учащиеся / Students	6
Домохозяйки, безработные / Housewives, unemployed	7
Работники МВД, военнослужащие / Policemen, military servants	14
Нет ответа / No answer	4

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Характер выборки показывает, что полученные данные обладают достаточной степенью репрезентативности и в существенной корректировке выборки для решения поставленных задач нет необходимости.

Впечатления нижегородцев о ситуации в стране и месте проживания. Уровень оптимизма населения

Понятно, что в условиях экономических проблем, переживаемых страной, жизнь за последние 2–3 года

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в Нижегородском регионе не могла измениться в лучшую сторону, но жизнеощущения нижегородцев остаются достаточно оптимистичными: почти половина из них говорит об улучшении качества своей жизни (рис. 1). Четверть нижегородцев отмечает ухудшение своей жизни, еще четверть говорит об отсутствии изменений. При этом значительные ухудшения отмечают только 11 % населения, а значительные улучшения – 24 %. Таким образом, можно говорить о достаточно высоком уровне оптимизма у жителей Нижнего Новгорода. Следует также отметить, что существенные различия в восприятии изменений за последние годы у мужчин и женщин отсутствуют, хотя в исследованиях предыдущих лет фиксировался более высокий уровень оптимизма у женщин.

О достаточно высоком уровне оптимизма нижегородцев говорит и тот факт, что оптимистов, с надеждой смотрящих в будущее, на 23 % больше, чем паникеров, испытывающих страх и отчаяние, а спокойных людей – на 8 % больше, чем испытывающих постоянную тревогу (рис. 2). Следует также отметить одинаковый уровень оптимизма у респондентов обоего пола, а также отсутствие ярко выраженных возрастных особенностей восприятия респондентами своего будущего.

Достаточно высокий уровень оптимизма нижегородцев не означает, что жителей в повседневной жизни не волнуют определенные проблемы. Наибольшую обеспокоенность горожан вызывают высокие цены и коммунальные проблемы: плохое состояние дорог, как автомобильных (в том числе из-за пробок), так и пешеходных. Очевидно, что нижегородцы сильно опасаются попасть в ДТП или получить травму в качестве пешехода, в том числе из-за падения сосулек или схода снега с нечищеных крыш (табл. 5). Беспокоит горожан и халатность чиновников. Такая проблема, как высокий уровень преступности, находится примерно в середине списка проблем и беспокоит примерно четверть горожан. Она не входит в пул первостепенных проблем, но тем не менее обгоняет такие негативные проявления повседневности, как нелегальная торговля и торговля контрафактной продукцией, сезонные эпидемии гриппа, плохо работающий общественный транспорт, техногенные аварии. Не особенно сильно опасаются горожане и массовых скоплений людей.

Таблица 5

Факторы обыденной жизни, беспокоящие нижегородцев, %*

Table 5. Factors of everyday life which worry the Nizhniy Novgorod residents, %*

Факторы / Factors	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Нелегальная торговля и торговля контрафактной продукцией / Illegal trade and selling counterfeit goods	18	17	18
Скользкие дороги, тротуары / Slippery roads and sidewalks	31	28	37
Разбитые дороги / Worn roads	45	50	43
Нечищеные крыши, сосульки / Uncleaned roofs, icicles	22	21	25
Пробки на дорогах / Traffic jams	36	37	38
Неисправный и плохо работающий общественный транспорт / Defective or badly functioning public transport	21	19	25
Эпидемии гриппа / Flu epidemics	12	12	12
Техногенные аварии / Anthropogenic accidents	11	11	11
Массовые скопления людей / Mass crowds of people	12	13	10
Высокий уровень преступности / High criminal rates	30	28	33
Халатность чиновников / Negligence of the officials	40	40	43
Высокие цены на повседневные товары / High prices for everyday goods	50	50	54
Нет ответа / No answer	2	1	2

* *Источник*: составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Женщины испытывают сравнительно более высокий уровень тревожности и их больше, чем мужчин, беспокоят скользкие тротуары и сосульки, свисающие с крыш, плохо работающий общественный транспорт и высокие цены на повседневные товары, высокий уровень преступности и халатность чиновников. Мужчин чаще беспокоят разбитые дороги и отчасти массовые скопления людей.

Как же воспринимают нижегородцы городскую среду, насколько комфортно и безопасно жить в Нижнем Новгороде? В первую очередь следует назвать преступления и правонарушения, с которыми сталкивались жители города и их близкие за последние два-три года. Чаще всего жизнь граждан и их близких омрачали кражи. Опросы, проведенные нами в предыдущие годы, также полностью подтверждают полученные в настоящий момент данные. На втором месте мошенничество и коррупция, на третьем – террористические

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

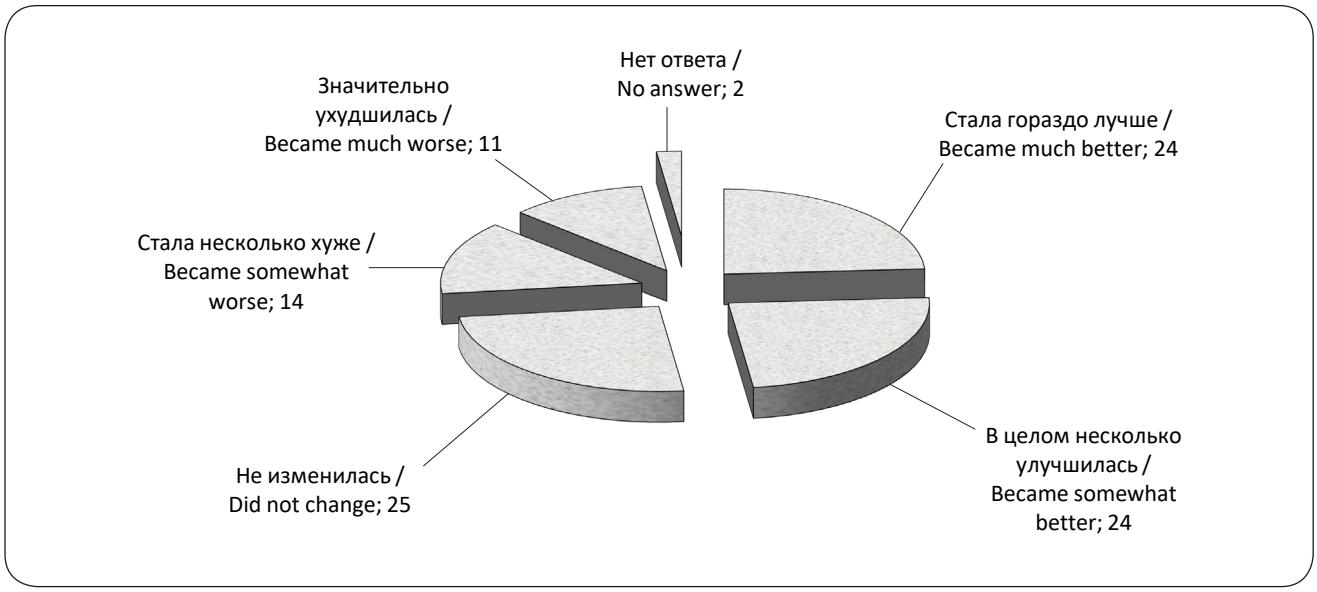


Рис. 1. Оценки изменения жизни за последние 2–3 года, %*

* *Источник:* составлено авторами.

Fig. 1. Estimations of the changes of life in the recent 2–3 years, %*

* *Source:* compiled by the authors.

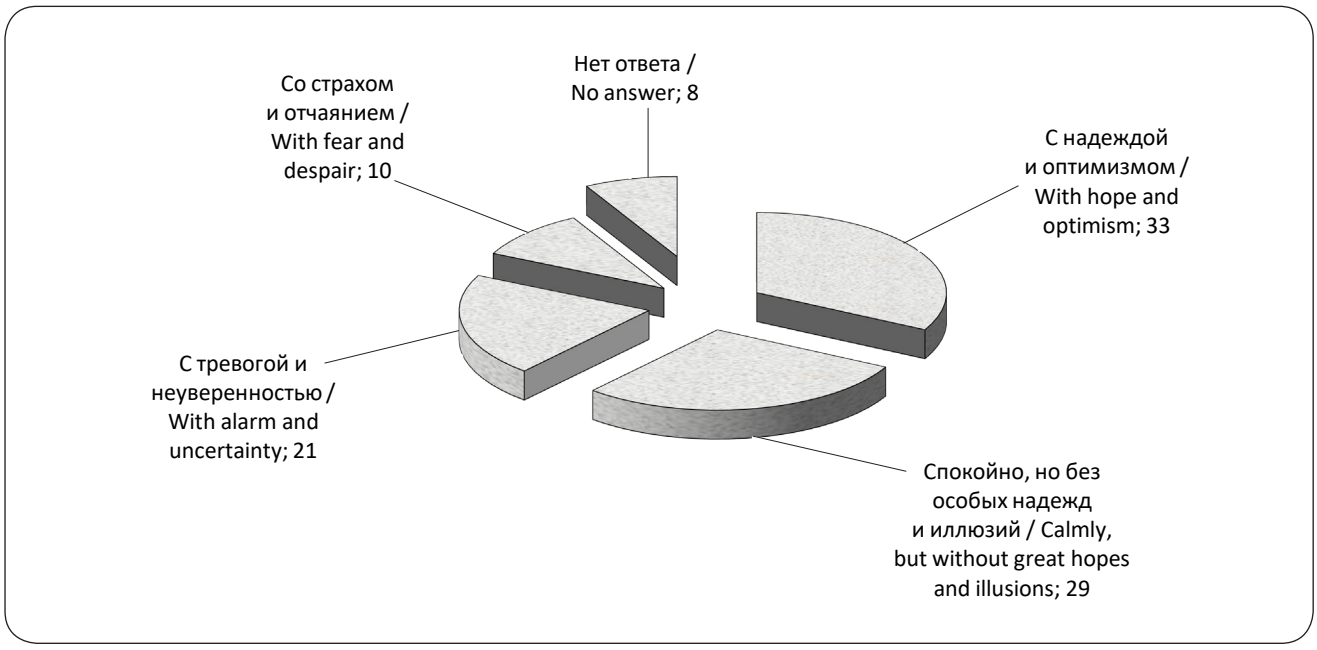


Рис. 2. Оценки чувств, с которыми нижегородцы смотрят в будущее, %*

* *Источник:* составлено авторами.

Fig. 2. Estimations of feelings of Nizhniy Novgorod residents regarding the future, %*

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

проявления. В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга Нижний Новгород не является местом частого проведения террористических атак. Однако в последний год анонимные звонки с ложными сообщениями о минировании различных объектов поступали достаточно часто. От этих сообщений пострадали многие нижегородцы, что в полной мере отразилось в результатах проведенного опроса (табл. 6). Интересным является и то обстоятельство, что реже всего респонденты сталкивались с преследованием со стороны коллекторов и проявлениями экстремизма. Действительно, Нижний Новгород всегда отличался достаточно дружным совместным проживанием представителей различных конфессий и национальностей, поэтому проявления ксенофобии и экстремизма возникают не часто.

Мужчины и женщины мало отличаются в своих опасениях, однако эти отличия довольно характерны. Женщины в большей мере опасаются возможности кражи и угрозы жизни и здоровью со стороны преступников. Мужчины, в большей мере являясь главой семейства, чаще женщин опасаются угона автомашины, коррупции, преследований со стороны коллекторов в связи с кредитной задолженностью и квартирной кражи.

Таблица 6

Преступления и правонарушения, с которыми за последние 2–3 года сталкивались нижегородцы и их близкие, %*

Table 6. Crimes and offenses which the Nizhniy Novgorod residents or their kin faced during the recent 2–3 years, %*

Правонарушения / Offenses	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Терроризм / Terrorism	19	16	16
Экстремизм / Extremism	7	7	7
Коррупция / Corruption	24	27	21
Шантаж / Blackmail	11	12	12
Преследование со стороны коллекторов в связи с кредитной задолженностью / Persecution by collectors due to credit arrears	9	11	8
Грабеж / Robbery	15	16	15
Мошенничество / Fraud	24	24	24
Квартирная кража / Burglary	13	15	13
Угон автомашины / Car theft	16	20	14
Физическое насилие / Physical violence	13	13	13
Кража / Theft	25	22	27
Угроза жизни и здоровью со стороны преступников / Criminals threatening life and health	13	11	15
Нет ответа / No answer	15	15	17

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

По мнению респондентов, наибольшую угрозу безопасности жителей города с большим отрывом от других источников опасности несут наркоманы (65 %). На втором месте – террористы, что еще раз подтверждает наличие негативных последствий, оставленных в сознании нижегородцев ложными сообщениями о минировании объектов. Кроме того, средства массовой информации ежедневно сообщают о террористических актах по всему миру, что также заставляет обычных горожан постоянно помнить о наличии этой угрозы. Неспокойную ситуацию на дорогах подтверждает тот факт, что нижегородцы на третье место поставили лихачей. При этом меньше всего горожане опасаются приезжих, бомжей и вымогателей (табл. 7).

Таблица 7

Субъекты, представляющие угрозу безопасности граждан в городе, %*

Table 7. Subjects threatening safety of residents in the city, %*

Субъекты / Subjects	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Хулиганы / Hooligans	33	31	28
Воры / Thieves	23	25	22
Грабители / Robbers	29	29	31
Мошенники / Fraudsters	30	31	32
Вымогатели, шантажисты / Racketeers, blackmailers	14	17	12
Автоугонщики / Car thieves	22	22	21
Лихачи / Reckless drivers	36	37	37
Террористы / Terrorists	44	40	53
Насильники / Rapists	33	29	40
Пьяные люди / Drunk people	25	24	25
Наркоманы / Drug eaters	65	62	70
Мигранты / Migrants	26	29	25
Приезжие / Newcomers	16	17	15
Бомжи / Homeless people	15	16	14
Нет ответа / No answer	1	1	0

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Женщины более мужчин опасаются террористов, насильников и наркоманов, и их опасения во многом носят эмоциональный характер: эти субъекты в большей мере носят виртуальный характер, о них много говорят и пишут, но в реальной жизни они встречаются не так часто, как, например, хулиганы и воры. Поэтому опасения мужчин ближе к реальности: они более женщин остерегаются вымогателей, шантажистов, мигрантов; чаще женщин опасаются

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

хулиганов и воров; немного чаще других считают опасными приезжих и бомжей, хотя эти субъекты у них (как и у всех нижегородцев) находятся в конце списка опасений.

Следует отметить, что в настоящий момент горожане чувствуют себя достаточно спокойно и чаще всего считают, что уровень обеспечения безопасности от различных угроз является средним (табл. 8). Несмотря на довольно высокий оптимизм нижегородцев, уровень защиты от различных опасностей они чаще склонны считать скорее низким, чем высоким. Но понятно, что эти оценки продиктованы не знанием реальной ситуации, а эмоциональным состоянием людей. На это, в частности, указывает то, что довольно большая доля нижегородцев опасается терроризма, хотя именно от террористических актов они чувствуют себя максимально защищенными. Также максимально защищенными жители Нижнего Новгорода чувствуют себя от преступных посягательств и произвола полиции, что косвенно свидетельствует о достаточно высокой оценке качества работы полицейских. А вот степень защиты от занесения в город инфекций и распространения различных заболеваний оценивается респондентами как самая низкая.

Примечательно, что при достаточно высокой оценке функционала электронных систем безопасности, таких как индивидуальная охранная система (22 %), система постоянного видеонаблюдения (32 %) и кнопки экстренного вызова полиции (27 %), нижегородцы большое значение придают наличию хорошего освещения улиц, дворов, домов, подъездов, а также присутствию живых полицейских на улице (табл. 9). Кроме того, большой популярностью среди нижегородцев пользуются и индивидуальные средства защиты, что свидетельствует о том, что многие горожане до сих пор живут по принципу «на полицию надейся, а сам не плошай», причем этот принцип более свойственен мужчинам, которые чаще женщин выбирают для себя именно средства индивидуальной защиты. По этой же причине они немного чаще женщин надеются на индивидуальную охранную систему. Женщины же значительно чаще мужчин предпочитают формирование безопасной среды, хорошее освещение улиц, дворов, домов, подъездов и присутствие на улице нарядов полиции.

Таблица 8

Уровень обеспечения безопасности в Нижнем Новгороде в настоящий момент, %*

Table 8. Level of safety provision in Nizhniy Novgorod at present, %*

Безопасность / Safety	Низкий / Low	Средний / Middle	Высокий / High	Нет ответа / No answer	Индекс** / Index**
От террористических актов / Against terrorist acts	26	53	18	3	1,9
От произвола полиции / Against arbitrariness of police	30	50	17	4	1,9
От преступных посягательств / Against criminal attempts	32	54	10	3	1,8
От распространения наркотиков / Against drug distribution	38	48	11	3	1,7
От экологических проблем / Against problems with environment	37	50	9	4	1,7
От проблем в сфере межнациональных отношений / Against problems in relations between different nationalities	34	52	10	3	1,7
От коррупционных проявлений / Against corruption	40	45	10	3	1,7
От преступности мигрантов / Against crimes of migrants	35	50	10	4	1,7
От торговли контрафактными товарами / Against selling of counterfeit goods	37	50	9	4	1,7
От занесения в город инфекций / Against infections in the city	36	47	12	4	1,5
От распространения различных заболеваний / Against spreading of various diseases	34	52	10	4	1,5

* *Источник:* составлено авторами.

** Индекс обеспечения безопасности рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где 1 балл – низкий уровень обеспечения безопасности, 2 балла – средний уровень, 3 балла – высокий уровень.

* *Source:* compiled by the authors.

** Index of safety provision was calculated as arithmetic mean of estimations on the scale where 1 point is low level of safety provision, 2 points is intermediate level, and 3 points is high level.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 9

Факторы, обеспечивающие чувство наибольшей безопасности, %*

Table 9. Factors providing the greatest sense of safety, %*

Фактор / Factor	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Кнопка экстренного вызова полиции / Alarm button for calling the police	27	25	26
Присутствие нарядов полиции на улице / Presence of police in the streets	49	46	56
Хорошее освещение улиц, дворов, домов, подъездов / Good lighting of the streets, houses, and entrances	48	40	59
Постоянное видеонаблюдение / Constant video surveillance	32	33	34
Установка индивидуальной охранной системы / Installing an individual alarm system	22	23	22
Наличие средств индивидуальной защиты (газовый баллончик, травматический пистолет, бейсбольная бита) / Availability of individual protection means (tear gas spray, traumatic gun, baseball bat)	42	45	39
Нет ответа / No answer	8	8	5

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Обеспечение безопасности при проведении отдельных культурно-массовых, спортивных мероприятий в оценках населения

В современном мире население все чаще в активных формах выражает свое мнение публично, создаются и реализуются новые гражданские инициативы, флешмобы и т. п. Массовые мероприятия становятся все более разнообразными, неординарными. В ходе организации и проведения, например, культурно-массовых мероприятий реализуются культурные потребности жителей, в ходе организации культовых праздников – религиозные потребности и т. д. Массовое мероприятие представляет собой одновременное присутствие определенного количества людей в конкретном месте в целях участия в каком-либо событии, которое может носить различный характер. Места проведения массовых мероприятий разнообразны. Это могут быть площади, парки, улицы, театральные залы, концертные площадки, стадионы.

Массовые мероприятия могут носить разные характер и направленность, поэтому среди них можно выделить политические, патриотические, общественные, религиозные, культурно-массовые (день города, народные праздники, фестивали, концерты), научно-практические, спортивно-зрелищные (спортивные турниры, спартакиады, авторалли, кроссы, универсиады, олимпиады), частные (свадьбы, юбилеи, банкеты). По характеру организации они делятся на организованные и неорганизованные; разовые и периодические. В зависимости от уровня массовые мероприятия делятся на муниципальные, региональные, всероссийские и международные.

Так, Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» № 54-ФЗ от 19.06.2004 (в ред. от 07.06.2017) направлен на обеспечение реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан России «собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования»[2]. Статьей 2 закона формулируется понятие публичного мероприятия, которое определяется как акция, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм. «Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями»[3].

В рамках данной работы не ставится цель рассмотрения вопросов обеспечения безопасности при проведении публичных мероприятий, находящихся в сфере действия ФЗ-54 от 19.06.2004. Подробнее остановимся на культурно-массовых и спортивных мероприятиях, которые направлены на удовлетворение культурных потребностей, на духовное развитие общества. В качестве направлений подобные мероприятия имеют следующие цели:

– развлекательные, т. е. временно отвлекающие от текущих проблем, заряжающие позитивом, дающие яркие эмоции;

– образовательные – позволяющие получить новые знания, расширить кругозор;

[2] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n (дата обращения: 12.02.2018).

[3] Там же.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

– развивающие – направленные на формирование эстетических вкусов, совершенствование творческих способностей;

– воспитательные – формирующие систему духовных ценностей;

– социальные – стимулирующие активную социальную позицию;

– художественно-творческие – приобщающие к культурному, творческому наследию народов нашей страны.

Культурно-массовые мероприятия, проводимые в Нижнем Новгороде, разнообразны и включают в себя концерты, фестивали, смотры, конкурсы (регионального и федерального уровней, а также международные), увеселительные праздничные мероприятия, тематические концерты, познавательные программы, выставки, ярмарки и многое др.

Наверное, невозможно подсчитать все культурно-массовые мероприятия, проведенные в Нижнем Новгороде в 2017 г. Так, согласно рейтингу главных культурных событий 2017 г. в Нижнем Новгороде, составленному редакцией агентства новостей NewsRoom24[4], в городе в 2017 г. состоялось более 100 крупных фестивалей. Были фестивали и кино, и музыки, и искусства и др. Много мероприятий было посвящено юбилею нашего земляка – писателя Максима Горького («Горький+», #ЧитайГорький, Международный литературный фестиваль им. Горького, Всероссийский кинофестиваль «Горький fest», прошедший при участии таких знаменитостей, как Никита Михалков, Константин Хабенский, Михаил Пореченков). Летом 2017 г. прошло много музыкальных событий: более 45 тысяч человек приняли участие в фестивале современной музыки и технологий Alfa Future people. В международном фестивале «Рок чистой воды – 2017» и фестивале «Нашвилл» участвовали около 30 тысяч человек.

Количество участвующих в спортивных мероприятиях свидетельствует о том, что общество стремится физически совершенствоваться и развиваться. Спортивно-массовые мероприятия, проводимые в нашей стране, разнообразны. Они включают в себя и профессиональные соревнования практически по всем известным видам спорта, и физкультурно-оздоровительные мероприятия различной направленности, организованные на разных уровнях. Только в 2017 г. в Нижнем Новгороде прошло более 600 спортивных мероприятий. Часть из них носила, действительно, массовый характер. Так, Второй международный заплыв Stada Volga Swim 2017 объединил более 1 500 человек, которые приехали в наш город со всех уголков мира, чтобы переплыть самую длинную реку Европы. В третий раз прошел нижегородский полумарафон «Кремлевская стена», в забеге приняли участие около 1 300 участников (как взрослых, так и детей).

По данным нашего исследования, прежде всего, стоит отметить, что чаще всего нижегородцы посещают кинотеатры, на втором месте – народные гулянья, на третьем – спортивные матчи и олимпиады, хотя треть респондентов никогда не посещают эти мероприятия. Дальше следуют театральные постановки и выставки, презентации и распродажи. Реже всего респонденты посещают митинги и демонстрации, научные симпозиумы и конференции (табл. 10). Часть нижегородцев категорически отказывается от посещения научных мероприятий (49 %), а также концертов джазовой и классической музыки (44 %), религиозных мероприятий (43 %). Безусловно, концерты джазовой и классической музыки, а также научные мероприятия не являются массовыми и потому посещаются только определенной публикой. Однако стоит обратить внимание на низкую популярность среди нижегородцев различных массовых политических мероприятий, которые обычно игнорирует почти половина горожан (49 %).

Кинотеатры чаще посещают молодые и более зрелые люди в возрасте до 30 лет, а спортивные мероприятия и народные гулянья – молодые люди в возрасте до 25 лет и люди предпенсионного и пенсионного возраста. Молодежь чаще всех ходит также и на митинги, демонстрации и танцевальные вечера. Театралов чаще можно встретить среди людей в возрасте 41–50 лет, хотя доля людей, часто посещающих театр, начинает расти после 25 лет. В этом же возрасте (41–50 лет) люди начинают чаще ходить и на религиозные мероприятия. Мужчины реже женщин посещают театр, народные гулянья, презентации, распродажи и выставки. Женщины реже мужчин ходят на спортивные матчи, олимпиады, рок- и поп-концерты, митинги и демонстрации, а также несколько реже мужчин посещают научные симпозиумы и конференции. Эти предпочтения хорошо согласуются с гендерными характеристиками социального поведения.

[4] См.: http://newsroom24.ru/news/art/163835/ (дата обращения: 10.03.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 10

Частота посещения массовых общественных мероприятий, %*

Table 10. Frequency of attending mass public events, %*

Мероприятие / Event	Никогда / Never	Крайне редко / Very seldom	Время от времени / Sometimes	Часто / Often	Нет ответа / No answer	Индекс** / Index**
Кино / Cinema	19	32	29	15	4	2,42
Народные гулянья / Street festivities	25	39	23	7	5	2,13
Спортивные матчи, олимпиады / Sports matches, games	36	28	18	13	5	2,08
Театральные постановки / Theatre performances	31	33	22	8	5	2,07
Выставки / Exhibitions	31	35	22	7	5	2,05
Презентации, распродажи / Presentations, sales	37	33	19	6	6	1,93
Танцевальные вечера, дискотеки / Dance parties, discos	38	35	16	5	7	1,87
Рок-, поп-концерты / Rock or pop concerts	42	32	15	5	6	1,81
Религиозные службы / Religious services	43	31	14	6	6	1,81
Концерты джазовой и классической музыки / Jazz or classical music concerts	44	30	14	5	6	1,78
Митинги, демонстрации / Meetings, demonstrations	49	24	15	6	6	1,76
Научные симпозиумы, конференции / Scientific symposia, conferences	49	27	12	4	7	1,68

* *Источник:* составлено авторами.

** Индекс посещаемости мероприятий рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где 1 балл – никогда не посещают мероприятия, 2 балла – крайне редко, 3 балла – время от времени, 4 балла – часто посещают.

* *Source:* compiled by the authors.

** Index of events' attendance was calculated as arithmetic mean of estimations on the scale where 1 point – never attend such events, 2 points – very seldom, 3 points – from time to time, and 4 points – often attend such events.

По каким же причинам те или иные массовые общественные мероприятия становятся привлекательными или непривлекательными для населения? Респондентам было предложено проранжировать причины отказа от посещения тех или иных мероприятий, используя критерии «дорого», «неинтересно», «опасно», «нет времени» (табл. 11). По причине дороговизны люди в первую очередь отказываются от посещения кинотеатров, спортивных мероприятий, театров, рок- и поп-концертов.

Таблица 11

Причины отказа от посещения массовых общественных мероприятий, %*

Table 11. Reasons for refusing to attend mass public events, %*

Мероприятие / Event	Дорого / Expensive	Неинтересно / Not interesting	Опасно / Dangerous	Нет времени / No time	Нет ответа / No answer
Спортивные матчи, олимпиады / Sports matches, games	23	20	16	39	8
Митинги, демонстрации / Meetings, demonstrations	6	35	23	35	5
Народные гулянья / Street festivities	9	19	16	48	10
Выставки / Exhibitions	16	19	8	51	9
Кино / Cinema	26	11	6	49	11
Театральные постановки / Theatre performances	23	15	8	48	9
Концерты джазовой и классической музыки / Jazz or classical music concerts	20	26	8	41	7
Рок-, поп-концерты / Rock or pop concerts	22	25	10	39	7
Научные симпозиумы, конференции / Scientific symposia, conferences	10	34	9	43	6
Танцевальные вечера, дискотеки / Dance parties, discos	12	23	11	50	7
Презентации, распродажи / Presentations, sales	11	23	7	53	8
Религиозные службы / Religious services	3	28	8	55	7

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Из-за отсутствия интереса респонденты не приходят на митинги и демонстрации, научные мероприятия и религиозные службы. Таким образом, можно сделать предположение об отсутствии чрезмерной политизации у населения Нижнего Новгорода. Стоит отметить, что нижегородцы также считают политические мероприятия и наиболее опасными, и еще и поэтому стараются не принимать в них участия. По мнению респондентов, спортивные мероприятия

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

и народные гулянья гораздо менее опасны, чем политические мероприятия.

Не хватает времени у части нижегородцев на посещение религиозных служб, презентаций и распродаж, а также выставок.

Таким образом, спортивные мероприятия с точки зрения частоты посещения занимают устойчивую среднюю позицию, они вызывают у нижегородцев достаточный интерес, однако не посещаются частью респондентов из-за отсутствия времени, дороговизны входных билетов и ощущения опасности.

Наиболее опасными респонденты считают посещение митингов и демонстраций, спортивных мероприятий и народных гуляний. Наименее опасными – кинотеатров, презентаций и распродаж.

Представление об опасности тех или иных мероприятий носит довольно условный характер, и чаще всего люди считают опасными те мероприятия, которые они не любят посещать. Так, женщинам более опасными представляются, прежде всего, спортивные матчи, митинги и демонстрации, народные гулянья (табл. 12). И мужчины тоже чаще говорят об опасности неинтересных для себя мероприятий – театральных постановок, выставок, религиозных служб, музыкальных концертов.

Таблица 12

Оценка нижегородцами опасности различных массовых мероприятий, %*

Table 12. Estimations of danger at various mass events by the Nizhniy Novgorod residents, %*

Мероприятия / Event	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Спортивные матчи, олимпиады / Sports matches, games	16	12	20
Митинги, демонстрации / Meetings, demonstrations	23	20	27
Народные гулянья / Street festivities	16	14	16
Концерты джазовой и классической музыки / Jazz or classical music concerts	8	9	6
Религиозные службы / Religious services	8	9	6
Выставки / Exhibitions	8	9	5
Театральные постановки / Theatre performances	8	9	4

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Как уже говорилось выше, в настоящее время нижегородцы расценивают террористическую угрозу как фактор, реально влияющий на их безопасность. Только 24 % респондентов не задумывались об этой проблеме и потому затруднились с ответом. Очень незначительная часть горожан считает, что опасность терроризма полностью отсутствует, несколько чаще нижегородцы воспринимают угрозу терроризма как незначительную (табл. 13). Примечательно, что две трети жителей Нижнего Новгорода всерьез обеспокоены потенциальной возможностью террористических атак в нашем городе, причем женщины чаще мужчин и в данном случае демонстрируют повышенную тревожность.

Таблица 13

Оценка нижегородцами опасности террористических атак в Нижнем Новгороде при проведении массовых мероприятий, %*

Table 13. Estimations by the Nizhniy Novgorod residents of danger of terrorist attacks in the city at various mass events, %*

Оценка / Estimations	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Вероятность терроризма очень высока / Probability of terrorism is very high	30	28	29
Уровень опасности можно оценить как средний / The level of danger can be estimated as intermediate	32	30	36
Затрудняются ответить / Cannot answer	24	25	26
Существует лишь незначительная опасность терроризма / There is just an insignificant probability of terrorism	9	11	6
Опасность терроризма полностью отсутствует / There is no danger of terrorism	2	2	2
Нет ответа / No answer	3	3	1

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Известно, что для проведения терактов преступники выбирают места с наибольшим скоплением людей. Как же чувствуют себя респонденты, находясь на массовом мероприятии, доверяют ли они сотрудникам полиции, обеспечивающим их безопасность? Респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с рядом тезисов о работе полиции (табл. 14).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 14

Оценки работы полиции, индекс согласия с тезисами*, **

Table 14. Estimations of the work of police, index of agreement with the theses*, **

Тезис / Thesis	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
В случае возникновения опасности следует сразу обращаться в полицию / In case of danger one should immediately call the police	0,50	0,40	0,52
Полицейские силы необходимы на футбольных матчах / Police is necessary at football matches	0,46	0,40	0,55
Присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности / Presence of the police at mass events creates the feeling of safety	0,44	0,38	0,53
В современном мире нельзя отказываться от присутствия полиции / In the modern world, one should not reject the presence of the police	0,42	0,37	0,42
Полицейским на многих мероприятиях лучше присутствовать в штатской одежде / At many events the policemen should be present in civilian clothes	0,15	0,18	0,11
Там, где нужны полицейские, их обычно не бывает / Where the police is needed, they are usually absent	0,10	0,08	0,09
На митингах и демонстрациях обычно бывает слишком много полиции / Usually, at meetings and demonstrations there are too many policemen	0,06	0,08	0,03
Не верю в способность полиции помочь человеку / I do not believe in the ability of the police to help	-0,14	-0,16	-0,13
Присутствие полиции вызывает у респондентов чувство раздражения / The presence of the police arouses the feeling of annoyance	-0,19	-0,08	-0,26

* *Источник:* составлено авторами.

** Индекс согласия с тезисами рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где 1 балл – совершенно согласны с тезисом, 0,5 балла – скорее согласны, -0,5 балла – скорее не согласны, -1 балл – категорически не согласны, 0 баллов соответствует варианту ответа «Затрудняюсь ответить».

* *Source:* compiled by the authors.

** Index of agreement with the theses was calculated as arithmetic mean of estimations on the scale where 1 point – absolutely agree with the thesis, 0.5 points – rather agree, -0.5 points – rather disagree, -1 point – absolutely disagree, 0 points – cannot answer.

Для этого им была предложена шкала «категорически не согласен – скорее не согласен – затрудняюсь ответить – скорее согласен – совершенно согласен». С помощью этой шкалы был рассчитан индекс согласия, показывающий, что большинство респондентов скорее согласны с тем, что в случае возникновения опасности следует сразу обращаться в полицию, а также с тем, что полицейские силы необходимы, например, на футбольных матчах. Кроме того, присутствие полицейских на массовых мероприятиях у многих людей создает ощущение безопасности. Нижегородцы склонны скорее не соглашаться с тем, что присутствие полиции вызывает у них чувство раздражения, и с тем, что на митингах и демонстрациях обычно бывает слишком много полиции. Мнения о том, что на митингах и демонстрациях обычно бывает слишком много полиции, разделились: треть респондентов (32 %) не согласились с этим тезисом и примерно столько же (34 %) согласились с ним. Аналогично разделились мнения о том, что там, где нужны полицейские, их обычно не бывает (28 % не согласны с тезисом и 25 % согласились с ним). В общем и целом респонденты верят в способность полиции помочь человеку.

Следует отметить, что полиция значительно чаще вызывает раздражение у мужчин и они немного чаще женщин говорят о том, что на мероприятиях полицейским лучше присутствовать в штатской одежде. Женщины же демонстрируют повышенный уровень лояльности к полиции: они заметно чаще мужчин считают, что полицейские силы необходимы на футбольных матчах, потому что присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности. Напомним, что женщины реже ходят на спортивные мероприятия и чаще мужчин считают их более опасными. Повышенный уровень тревожности женщин проявляется и в том, что они чаще мужчин считают необходимым в случае возникновения опасности сразу обращаться в полицию.

Граждане понимают, что в современном мире нельзя отказываться от присутствия полиции. Именно поэтому жители Нижнего Новгорода считают, что при проведении массовых мероприятий уровень безопасности в первую очередь, помимо хорошего освещения территории и установки систем видеонаблюдения, позволит повысить такая мера, как постоянное пешее патрулирование полиции, а также строгий досмотр при входе на территорию мероприятия (табл. 15).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 15

Меры повышения уровня безопасности на массовых мероприятиях, %*

Table 15. Measures for increasing the safety level at mass events, %*

Мера / Measures	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Постоянное пешее патрулирование полиции / Constant patrolling of police on foot	48	47	54
Установка многочисленных тревожных кнопок / Installing numerous alarm buttons	27	26	31
Установка систем видеонаблюдения / Installing video surveillance systems	49	52	51
Освещение улиц, дворов, подъездов / Lighting of the streets, yards, and entrances	51	48	58
Строгий досмотр полицией при входе на территорию мероприятия / Strict examination by the police at the entrance	47	45	55
Правильное поведение граждан на массовых мероприятиях / Correct behavior of citizens at mass events	44	45	47
Нет ответа / No answer	2	2	2

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

Характерно, что все меры повышения безопасности женщины называют в качестве необходимых чаще мужчин. Особенно активно они настаивают на понижении анонимности территорий (освещение улиц, дворов, подъездов) и на строгом досмотре полицией всех входящих на массовые мероприятия. Рассчитывают они и на постоянное патрулирование полиции и на установку тревожных кнопок. Вклад аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в работу системы обеспечения безопасности оценивается респондентами одинаково как в обыденной жизни, так и при проведении массовых мероприятий: примерно четверть нижегородцев (27 %) надеются на установку многочисленных тревожных кнопок при проведении массовых мероприятий и столько же готовы испытывать чувство безопасности, обнаруживая эти кнопки в обыденной жизни (см. табл. 9).

А вот умение каждого отдельного гражданина правильно вести себя, находясь в местах большого скопления людей, играет, по мнению респондентов, более важную роль в повышении общего уровня безопасности (44 %). Отметим, что анкетирование было завершено до печально известных событий в ТЦ «Зимняя вишня». Поэтому открытым остается вопрос о том, являются ли такие высокие показатели по данному параметру характерной чертой только жителей Нижнего Новгорода или справедливы для всего населения нашей страны. Действительно, 76 % нижегородцев считают, что умеют правильно вести себя на массовых мероприятиях. Отрицательно ответили на данный вопрос только 3 % респондентов. При этом не смогли оценить этого 14 % нижегородцев и еще 6 % просто не ответили на этот вопрос.

Во всех организациях есть инструкция по технике безопасности при проведении массовых мероприятий. Однако знакомы с ней только 28 % нижегородцев. Для остальных жителей нашего города основным источником информации о правилах поведения в местах большого скопления народа является Интернет (табл. 16). Трудно сказать, насколько системной является эта информация. Инструктаж по месту работы или учебы прошли только 24 % опрошенных. Все остальные получили эту информацию из самых разных источников. Такая ситуация не может считаться приемлемой и требует принятия дополнительных мер по ознакомлению нижегородцев с правилами поведения в местах массового скопления народа и во время проведения общественно-массовых мероприятий. Тем более что три четверти нижегородцев считают такую информацию крайне необходимой (35 %) или по крайней мере нужной и полезной (41 %). Только 10 % считают ее излишней и еще 14 % или ничего об этом не знают, или ушли от ответа на этот вопрос.

Таблица 16

Источники информации о правилах поведения на массовых мероприятиях, %*

Table 16. Sources of information about the rules of behavior at mass events, %*

Источник / Source	Процент жителей / Percentage of residents
Интернет / Internet	63
Газеты и журналы / Newspapers and magazine	23
Теле-, радиопередачи / TV and radio broadcasts	30
Инструктаж на работе/в учебном заведении / Instruction at work or in an educational establishment	24
От друзей, родственников / Friends, relatives	16
Памятка по технике безопасности при проведении массовых мероприятий / Manual on safety rules at mass events	28
Иное / Other	2
Нет ответа / No answer	4

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Мнение нижегородцев о чемпионате мира по футболу – 2018. Как известно, за последние годы в Нижнем Новгороде прошло большое количество массовых мероприятий. Однако в отличие от населения столичных городов России – Москвы и Санкт-Петербурга, а также других крупных региональных центров, например Казани, нижегородцы еще не привыкли к проведению знаковых массовых мероприятий в своем городе. Тем не менее Нижний Новгород был выбран одним из мест проведения чемпионата мира по футболу – 2018. Именно поэтому респондентам был задан вопрос о том, как бы они отреагировали на проведение действительно большого международного спортивного мероприятия на территории города (табл. 17). Как показали полученные результаты, нижегородцы считают, что любые массовые мероприятия представляют опасность, и поэтому с настороженностью относятся к их посещению не только в своем городе, но и в других городах. Респонденты считают, что вообще не стоит затевать проведение массовых мероприятий в своем городе, так как в первую очередь это обернется транспортными пробками, что крайне негативно повлияет на жизнь всего города.

Таблица 17

Отношение нижегородцев к проведению ЧМ-2018, %*

Table 17. Attitude of the Nizhniy Novgorod residents to hosting World Cup 2018, %*

Ответ / Answer	Согласны / Agree	Не согласны / Disagree	Индекс согласия / Index of agreement
Планируют посещать матчи ЧМ-2018 в нашем городе / I plan to attend World Cup 2018 matches in the native city	26	47	-0,20
Планируют посещать матчи ЧМ-2018 и в других городах / I plan to attend World Cup 2018 matches in other cities	19	56	-0,33
Намереваются приобрести паспорт болельщика / I plan to acquire the fan's passport	21	52	-0,29
Намерены пообщаться с болельщиками из других стран / I plan to communicate with the fans from other countries	24	44	-0,20
Во время проведения ЧМ все будет как обычно, люди ничего не заметят / During the World Cup everything will be as usual, people will not notice it	29	35	-0,06
Матчи Кубка конфедераций уже прошли в России благополучно / Confederation Cup matches passed well in Russia	32	21	0,09
ЧМ-2018 лучше смотреть не на стадионе, а в спортбаре / It is better to watch the World Cup 2018 matches not in the stadium, but in a sports bar	32	27	0,04
Горожанам, видимо, придется внести незначительные изменения в жизненный распорядок / The citizens will probably have to make minor changes in their routines	46	16	0,24
Во время проведения ЧМ-2018 в городе вырастет уровень преступности / During the World Cup 2018 matches, the crime rate will increase in the city	48	16	0,24
Вообще не стоило затевать проведение этого чемпионата / The championship should not have been ventured	46	18	0,23
Опасным местом в городе будет место проведения фестиваля болельщиков / The fan zone will be a dangerous place in the city	47	17	0,23
Во время ЧМ-2018 будут испытывать чувство опасности / I will feel danger during the World Cup 2018 matches	43	23	0,15
На время проведения ЧМ-2018 планируют уехать из города / I plan to leave the city during the World Cup 2018 matches	30	36	-0,06
На период ЧМ будут советовать близким уехать из города / I will advise relatives to leave the city during the World Cup 2018 matches	33	34	-0,01
Во время проведения ЧМ-2018 случатся техногенные катастрофы, аварии / Anthropogenic accidents or catastrophes will take place during the World Cup 2018 matches	36	27	0,06
Во время чемпионата в городе будут массовые беспорядки / There will be mass disorders in the city during the World Cup 2018 matches	47	23	0,18
Существует высокая опасность терроризма на матчах ЧМ-2018 / There is a high danger of terrorism during the World Cup 2018 matches	51	16	0,26
Болельщики из других стран будут хулиганить и драться / Fans from other countries will fight and behave like hooligans	52	16	0,27
ЧМ-2018 вызовет в городе транспортные пробки / There will be traffic jams in the city during the World Cup 2018 matches	62	12	0,42
Полиция неспособна обеспечить безопасность ЧМ-2018 / Police is not able to ensure safety during the World Cup 2018	32	30	0,02
ЧМ-2018 станет причиной эпидемиологической угрозы / The World Cup 2018 will cause epidemiologic threat	34	24	0,08
Любые массовые мероприятия представляют опасность / All mass events cause danger	55	16	0,31

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source:* compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Как отмечалось выше, нижегородцы не сильно опасаются больших скоплений людей, однако состояние автомобильных и пешеходных дорог вызывает у них серьезную озабоченность. Во-вторых, нижегородцы опасаются чрезмерно эмоционального поведения гостей города, прибывших на мероприятие, особенно если это мероприятие связано с выбросом большого количества эмоций, например, если это рок- или поп-концерт или спортивное соревнование.

Поэтому значительная часть опрошенных не хотела бы тесного общения с подобными гостями города. В-третьих, респонденты считают, что при проведении ЧМ-2018 в городе возрастет угроза террористических атак и повысится уровень преступности. Кроме того, любое массовое мероприятие сопряжено с изменением привычной повседневной жизни горожан, даже если эти изменения носят не глобальный характер.

Отрадно отметить, что нижегородцы хотя и опасаются массовых беспорядков, связанных с проведением ЧМ-2018 в городе, но не считают, что полиция не сможет обеспечить гражданам безопасность и правопорядок. Не связывают респонденты проведение массовых мероприятий и с ростом эпидемиологической угрозы. Также невысок уровень опасений, обусловленных возможными техногенными катастрофами и авариями. Но тем не менее во время проведения ЧМ-2018 в Нижнем Новгороде жители будут испытывать чувство опасности, несмотря на которое они чаще всего не будут сами уезжать из города и не будут рекомендовать сделать это своим родным и близким.

В предвкушении крупного массового мероприятия мужчины в заметно большей мере, чем женщины, склонны посещать их. Женщины больше мужчин опасаются того, что при проведении больших мероприятий в городе возрастет уровень преступности. И женщины, в принципе, будут испытывать большее чувство опасности. Эта тревожность женщин распространяется также на опасение эпидемий и террористических актов во время массовых мероприятий.

Несомненный интерес вызывает мнение нижегородцев о качестве мер по обеспечению безопасности в других десяти городах, принимающих матчи чемпионата мира – 2018. Отметим, что чуть менее половины респондентов не смогли дать ответ на этот вопрос, так как не имеют реальной возможности оценить весь комплекс проводимых мероприятий. Однако бесспорным лидером по безопасности, по мнению респондентов, ответивших на данный вопрос, является Москва, на втором месте – Санкт-Петербург, третье место поделили между собой Сочи и Волгоград, на четвертом – Казань, на пятом – Екатеринбург, на шестом – Ростов-на-Дону, на седьмом – Саранск, на восьмом – Калининград, на девятом – Самара. Таким образом, респонденты считают, что полиция больших городов, имеющая серьезный опыт по проведению крупных массовых мероприятий, наилучшим образом способна обеспечить безопасность на вверенной ей территории. Третье место Сочи объясняется не только недавним и очень успешным проведением в этом городе Олимпийских игр, но и тем, что этот город становится важным социальным и политическим центром страны.

Поселенческие и образовательные особенности восприятия нижегородцами уровня безопасности массовых общественных мероприятий

Различия в оценках населением верхней и нижней частей города уровня безопасности массовых мероприятий

Нижний Новгород состоит из двух частей – нагорной и заречной, имеющих свои ярко выраженные функциональные, структурные и ментальные особенности. В первую очередь стоит отметить, что за последние 2–3 года кардинальные улучшения жизни произошли только у очень небольшой части респондентов, проживающих в заречной части города. А вот небольшие улучшения и общая стабильность больше характерны для жителей нагорной части. По уровню ухудшения жизни кардинальные различия между двумя частями города отсутствуют. Интересно, что жители заречной части города чуть более оптимистичны, а жители нагорной, наоборот, проявляют несколько большую тревожность и неуверенность.

В частности, в обыденной жизни наибольшее беспокойство у жителей нагорной части вызывают неисправный и плохо работающий общественный транспорт, высокий уровень преступности, халатность чиновников и высокие цены на повседневные товары. По остальным беспокоящим факторам разница во мнениях между респондентами, проживающими в нагорной и заречной частях города, отсутствует.

Что касается частоты посещения общественных мероприятий, то жители нагорной части реже посещают спортивные соревнования, а также митинги и демонстрации. В свою очередь, жителей заречной части реже можно увидеть на религиозных службах,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

презентациях и распродажах, танцевальных вечерах. Нечасто они посещают и театры, выставки, научные мероприятия.

Причины отказа от посещения тех или иных мероприятий также имеют ярко выраженную поселенческую специфику. Так, если жители заречной части города отказываются от посещения спортивных мероприятий по причине дороговизны входных билетов, то жители нагорной части жалуются на отсутствие свободного времени. Нет времени у жителей нагорной части и на посещение митингов и демонстраций.

Считают дорогим посещение театральных постановок больше жители нагорной части, у жителей заречной части на это чаще просто нет времени. Схожая ситуация наблюдается и с посещением концертов джазовой и классической музыки, только в качестве причины отказа жители заречной части почему-то назвали чувство опасности.

Если жители нагорной части города отказываются от посещения рок-, поп-концертов из-за высокой цены на билеты, то жители заречной части – по причине отсутствия интереса и опять же чувства опасности.

Чувство опасности вызывают у жителей заречной части такие мероприятия, как презентации и распродажи, танцевальные вечера и дискотеки.

А вот с посещением религиозных мероприятий картина прямо противоположная – опасными их считают как раз больше жители верхней части города, а дорогими – нижней.

Причины отказа от посещения народных гуляний, выставок и кинотеатров, а также научных мероприятий не имеют ярко выраженных поселенческих отличий.

По-разному оценивают жители обеих частей Нижнего Новгорода и угрозы общественной безопасности. Так, жители заречной части города больше опасаются хулиганов и пьяных людей, а жители нагорной части – мошенников и автоугонщиков.

Почувствовать себя в наибольшей безопасности жителям нагорной части города помогает присутствие нарядов полиции на улице, постоянное видеонаблюдение, хорошее освещение улиц, дворов, домов, подъездов.

По-разному оценивают жители верхней и нижней частей города и работу полиции. Так, жители нагорной части города больше уверены в том, что присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности, и в том, что полицейские должны присутствовать на массовых мероприятиях, так как в современном мире нельзя отказываться от присутствия полиции. Отношение к полиции жителей заречной части города характеризуется определенной иррациональностью – они уверены в том, что в случае возникновения опасности следует сразу обращаться в полицию, однако не верят в способность полиции помочь человеку.

При оценке уровня безопасности в городе в настоящий момент жители заречной части города больше опасаются коррупционных проявлений, произвола полиции, преступности мигрантов и распространения различных заболеваний, т. е., в принципе, чувствуют себя менее защищенными, чем жители нагорной части. Жители нижней части больше опасаются террористических атак при проведении массовых мероприятий.

Жители нагорной части выделяют три меры по повышению уровня безопасности при проведении массовых мероприятий: постоянное пешее патрулирование полиции, освещение улиц, дворов, подъездов, строгий досмотр полицией при входе на территорию мероприятия.

Интересным является и тот факт, что жители нагорной части больше уверены в том, что умеют правильно вести себя на массовом мероприятии. При этом основную информацию о правилах поведения они черпают из Интернета и памятки по технике безопасности при проведении массовых мероприятий. Жители заречной части получают информацию о правилах поведения из газет и журналов, а также теле- и радиопередач. При этом жители нагорной части больше уверены в нужности и полезности данной информации.

Если бы в Нижнем Новгороде проходило крупное массовое мероприятие, его с большим энтузиазмом посетили бы жители верхней части города. Кроме того, они больше готовы и к посещению подобных мероприятий в других городах и странах, настроены на общение с гостями нашего города. Однако при этом жители нагорной части в гораздо большей степени согласны с тем, что проведение подобных мероприятий сопряжено с ростом уровня преступности в городе, да и вообще, лучше не затевать у себя проведение больших мероприятий.

Жители верхней части города больше опасаются общественных беспорядков и катастроф, связанных с проведением массовых мероприятий, транспортных пробок и агрессивного поведения гостей города. Однако по сравнению с респондентами из заречной части

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

города они больше уверены в способности полиции обеспечить необходимый уровень безопасности.

Стоит также отметить, что за последние 2–3 года жители нагорной части города больше сталкивались с такими негативными явлениями, как шантаж, грабеж, мошенничество. Жители заречной части – с терроризмом.

В верхней части города традиционно проживает больше респондентов с высшим образованием.

Что касается материального положения респондентов, то в заречной части города проживает больше людей, которым денег не всегда хватает даже на приобретение продуктов питания, т. е. малообеспеченных слоев населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нагорной части города проживает более обеспеченное и образованное население. По сравнению с респондентами из заречной части города жители центра более открыты, любопытны, больше настроены на общение с новыми людьми, однако при этом у них очень высокие требования к уровню своей безопасности. Отношение к полиции у них более рациональное и взвешенное.

Жители заречной части города более замкнуты, они с опасением относятся и к общению с новыми людьми, и к посещению различных публичных мероприятий. Уровень их достатка имеет более поляризованный характер. Отношение к полиции характеризуется высокой степенью иррациональности.

В верхней части города жители больше сталкиваются с преступлениями против собственности, в нижней – против личности.

Влияние образовательного уровня респондентов на восприятие уровня безопасности при проведении общественно-массовых мероприятий

Респонденты со средним образованием в большей степени отмечают значительное улучшение своей жизни за последние 2–3 года. У респондентов же с высшим образованием жизнь или немного улучшилась, или не изменилась. Основное число респондентов с высшим образованием смотрят в будущее спокойно, но без особых надежд и иллюзий.

Тем не менее определенные факторы обыденной жизни вызывают у них беспокойство. Так, респондентов с высшим образованием больше беспокоят скользкие дороги и тротуары, разбитые автодороги, пробки, халатность чиновников, неисправный и плохо работающий общественный транспорт и высокие цены на повседневные товары. Респондентов со средним образованием больше заботят массовые скопления людей и эпидемии гриппа.

Что касается посещения различных мероприятий, то респонденты со средним образованием реже ходят практически на все массовые мероприятия за исключением, пожалуй, народных гуляний, митингов и демонстраций.

С уровнем образования респондентов не связан отказ от посещения спортивных матчей и олимпиад, народных гуляний, рок- и поп-концертов, танцевальных вечеров и дискотек. Митинги и демонстрации респонденты с высшим образованием главным образом не посещают по причине отсутствия интереса. У респондентов со средним образованием выставки и кинотеатры, научные и религиозные мероприятия вызывают чувство опасности. Респонденты с высшим образованием не ходят на выставки, презентации и распродажи в основном по причине отсутствия времени, в театр – по причине дороговизны, на религиозные службы – из-за отсутствия интереса.

Уровень образования респондентов влияет также и на оценку различных угроз безопасности граждан в городе. Респонденты со средним образованием преимущественно опасаются хулиганов и наркоманов. У жителей города с высшим образованием круг опасений гораздо шире. По сравнению с людьми, имеющими среднее образование, они больше опасаются грабителей, автоугонщиков, лихачей, террористов, насильников. Страх перед наркоманами у них также высок.

Среди факторов, способных обеспечить чувство наибольшей безопасности, более высокий уровень образованности респондентов влияет на выделение таких средств, как присутствие нарядов полиции на улице, хорошее освещение улиц, дворов, домов, подъездов, постоянное видеонаблюдение. По остальным факторам существенных отличий между респондентами с разным уровнем образования не фиксируется.

Отметим, что респонденты со средним образованием в большей степени не согласны с тем, что присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности. У образованных респондентов присутствие полиции вызывает существенно меньшее раздражение. Они больше уверены в том, что полиция обязательно должна присутствовать на спортивных и политических мероприятиях.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

При оценке уровня обеспечения безопасности в Нижнем Новгороде респонденты с высшим образованием отметили низкий уровень защищенности от распространения наркотиков. Они также более требовательны к уровню обеспечения безопасности в отношении экологии и торговли контрафактными товарами, к уровню эпидемиологической безопасности города, хотели бы иметь более высокую степень защиты от преступных посягательств. Именно поэтому жители города, имеющие более высокий уровень образования, в большей степени поддерживают все без исключения меры, способные повысить уровень безопасности при проведении, например, общественно-массовых мероприятий. При этом образованные респонденты больше уверены в том, что умеют правильно вести себя на подобных мероприятиях. В отличие от респондентов со средним образованием они чаще используют Интернет для получения информации о правилах поведения на общественно-массовых мероприятиях. Эта группа респондентов считает подобную информацию нужной и полезной. А вот респонденты со средним образованием считают ее крайне необходимой.

Следует отметить, что люди с высшим образованием более осторожны. При проведении в Нижнем Новгороде большого массового мероприятия они, скорее всего, не стали бы его посещать и близко общаться с гостями города. В то же время они не стали бы покидать город, будучи уверенными в том, что проводимое мероприятие не изменит кардинально их жизненный уклад. Они больше уверены в способности полиции обеспечить правопорядок. Однако это не означает, что респонденты с высшим образованием наивны и беззаботны. В отличие от респондентов со средним образованием они в гораздо большей степени понимают, что любые массовые мероприятия представляют опасность, например, эпидемиологическую и террористическую. Они лучше осознают потенциальную возможность беспорядков на таких мероприятиях, прекрасно понимают, что большое скопление людей вызовет в городе транспортные проблемы.

Как и следовало ожидать, среди респондентов со средним образованием преобладают рабочие. Среди респондентов с высшим образованием больше предпринимателей и руководителей, а также представителей силовых структур.

Среди респондентов со средним образованием больше разведенных, а с высшим образованием – состоящих в зарегистрированном браке.

Уровень материального обеспечения опрашиваемых с высшим образованием выше.

Таким образом, респондентов с высшим образованием характеризует более требовательное отношение к качественному и безопасному функционированию всей городской инфраструктуры, избирательное отношение к посещаемым массовым мероприятиям, более ответственное отношение к обеспечению своей безопасности, четкая дифференциация потенциальных угроз, более лояльное отношение к полиции.

Влияние возраста респондентов на оценку правопорядка и безопасности

Как уже говорилось выше, были выделены пять возрастных групп респондентов: 1) 17–25 лет; 2) 26–30 лет; 3) 31–40 лет; 4) 41–50 лет; 5) 51 год и более.

В зависимости от принадлежности к возрастной группе респонденты по-разному оценивают изменения в своей жизни за последние 2–3 года. Вторая и пятая возрастные группы меньше представителей остальных трех групп разделяют мнение о кардинальном улучшении жизни. Больше всего жизнь улучшилась у представителей первой возрастной группы. Незначительные улучшения в наибольшей степени также коснулись представителей первой, самой молодой группы, в наименьшей – представителей самой старшей возрастной группы. Меньше всех изменилась жизнь третьей группы. Небольшие ухудшения жизни отмечают представители самой старшей группы. Значительные ухудшения фиксируются у респондентов из второй группы. Таким образом, значительные улучшения за последние 2–3 года наблюдаются у первой возрастной группы, ухудшения – у второй и последней. Представители остальных трех групп чувствуют себя достаточно стабильно.

Оценка своего будущего также связана с возрастом: респонденты самой младшей возрастной группы смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом. Меньше всех этот оптимизм разделяют представители самой старшей группы. Спокойно, но без особых надежд и иллюзий в будущее практически в равной степени смотрят представители всех возрастных групп. Наибольшую тревогу и неуверенность выказывают представители самой старшей возрастной группы, страх и отчаяние – респонденты второй группы.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Наибольшее беспокойство из факторов обыденной жизни у респондентов всех возрастных групп вызывают разбитые дороги и высокие цены на повседневные товары. Представителей первой возрастной группы также больше всего волнуют пробки на дорогах. Опрашиваемых второй, третьей, четвертой и пятой возрастных групп – халатность чиновников. Стоит отметить, что представители самой старшей возрастной группы переживают по поводу скользких дорог и тротуаров. У людей старшего поколения это связано с естественными возрастными физиологическими ухудшениями подвижности.

Что касается посещения различных мероприятий, то представители самой молодой возрастной группы наименьший интерес проявляют к посещению религиозных и научных мероприятий. Респонденты из второй, третьей и четвертой возрастных групп – политических мероприятий; самой старшей – научных мероприятий и танцевальных вечеров.

Основной причиной отказа от посещения народных гуляний, выставок, кинотеатров и религиозных служб у всех возрастных групп является нехватка времени.

Наибольшую угрозу безопасности граждан в городе, по единодушному мнению представителей всех возрастных групп, представляют наркоманы и террористы.

Почувствовать себя в наибольшей безопасности представителям первых четырех возрастных групп поможет присутствие нарядов полиции на улице. А представителям самой старшей и первой, третьей и четвертой возрастных групп – хорошее освещение улиц, дворов, домов, подъездов. Кроме того, представители второй возрастной группы делают ставку на наличие средств индивидуальной защиты (газовый баллончик, травматический пистолет, бейсбольная бита).

С тезисом о том, что присутствие полиции вызывает чувство раздражения, категорически не согласны представители первой, третьей, четвертой и пятой возрастных групп. Категорически не согласны с тем, что полиция не способна помочь человеку, респонденты из второй, третьей и четвертой возрастных групп.

Полностью согласны с тезисом о том, что полицейские силы необходимы на спортивных мероприятиях, представители первой, четвертой и пятой возрастных групп. Респонденты второй возрастной группы больше всего поддерживают тезис о том, что присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности. Представители третьей возрастной группы в наибольшей степени согласны с тем, что в случае возникновения опасности следует сразу обращаться в полицию.

Низким считают уровень обеспечения безопасности по защите от коррупционных проявлений в Нижнем Новгороде респонденты первой, третьей, четвертой и пятой возрастных групп. Представители второй и третьей групп самым низким считают уровень защиты от торговли контрафактными товарами. Представители третьей – уровень защиты от распространения наркотиков.

Высоким считают уровень обеспечения безопасности по защите от произвола полиции в Нижнем Новгороде респонденты первой и четвертой возрастных групп. Представители второй, третьей и пятой возрастных групп считают высоким уровень защиты от террористических актов. От занесения в город инфекций высоким уровень защиты считают опрашиваемые пятой возрастной группы.

Что касается оценки потенциальной опасности террористических атак в Нижнем Новгороде, то высоким уровень опасности считают представители второй и четвертой возрастных групп. Представители трех остальных возрастных групп расценивают уровень опасности терроризма как средний.

По мнению самых младших респондентов, максимальный уровень безопасности при проведении общественно-массовых мероприятий способно обеспечить постоянное пешее патрулирование полиции. По мнению представителей второй возрастной группы – установка систем видеонаблюдения; третьей – освещение улиц, дворов, подъездов и строгий досмотр полицией при входе на территорию мероприятия; четвертой – установка систем видеонаблюдения и освещение улиц, дворов, подъездов; пятой – строгий досмотр полицией при входе на территорию мероприятия и установка систем видеонаблюдения.

Большинство представителей всех возрастных групп считают, что умеют правильно вести себя на массовом мероприятии. Они также считают информацию о правилах поведения на массовом мероприятии крайне необходимой. Только небольшая доля респондентов в первой (11 %) и второй (14 %) возрастных группах считают это информацию излишней. Представители прочих возрастных групп расценивают ее

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

преимущественно как нужную и полезную, получая ее обычно из Интернета. При этом представители самой младшей возрастной группы в качестве второго основного источника этой информации рассматривают памятку по технике безопасности при проведении массовых мероприятий, а представители прочих возрастных групп чаще обращаются к газетам и журналам, а также к теле- и радиопередачам.

При проведении ЧМ-2018 в Нижнем Новгороде наименьшую степень любопытства к нему будут испытывать представители самой старшей возрастной группы. Представители второй возрастной группы сомневаются в том, что хотели бы присутствовать на подобном мероприятии в качестве зрителей. Наибольшую степень заинтересованности проявят представители третьей и четвертой возрастных групп.

Представители самой младшей возрастной группы связывают проведение больших мероприятий в городе с появлением большого количества автомобильных пробок. Представители второй возрастных групп считают, что любые массовые мероприятия представляют опасность.

Выводы

Аналитические материалы, полученные в процессе исследования, позволяют сформулировать практические рекомендации для сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых для обеспечения общественного порядка.

Во-первых, учитывать особенности расположения населенного пункта, где будут проводиться массовые мероприятия. На примере Нижнего Новгорода мы с вами видим, что жители разных частей города поразному формулируют для себя угрозы общественной безопасности. Таким образом, в районах скопления индустриальной инфраструктуры (заречной части города) логичнее выставлять максимально возможное количество сотрудников в форменном обмундировании для патрулирования общественных мест, так как присутствие людей в форме является профилактическим мероприятием от хулиганов и пьяных людей.

Что касается нагорной части Нижнего Новгорода, где наблюдается скопление офисных, банковских и торговых учреждений, а основные опасения жителей вызывают различные мошенники, логичнее выставлять на патрулирование сотрудников в штатской форме одежды.

Во-вторых, руководство органов внутренних дел постоянно должно находиться в диалоге с районными администрациями муниципалитета по вопросам профилактики преступности, так как жителям зачастую чувство безопасности привито наличием хорошего освещения улиц, системой видеонаблюдения и организованными маршрутами передвижения.

В-третьих, наблюдается потребность граждан в правовом информировании об особенностях поведения при проведении массовых мероприятий. Таким образом, различные памятки, наглядная информация в местах общественного пользования, разработанные органами внутренних дел, будут реализовывать профилактические функции в полном объеме. При этом жители нагорной части больше уверены в нужности и полезности данной информации.

В-четвертых, аналитические материалы показывают общий уровень восприятия гражданами сотрудников полиции в форменном обмундировании. Мужское население более агрессивно воспринимает их, женщины – лояльнее. Но требования к внешнему виду, культуре общения и компетентности выполнения поставленных задач должны быть высокими, особенно при проведении массовых мероприятий.

В-пятых, при анализе материального положения респондентов отчетливо прослеживается более высокий заработок у жителей нагорной части города, здесь логичным выглядит усиление контроля за приезжими лицами из области или ближайших регионов и их пребывание в культурной части города, которая как раз сосредоточена в нагорной части мегаполиса. Тем самым увеличить виктимологическую профилактику в отношении жителей нагорной части Нижнего Новгорода.

В-шестых, образовательный ценз респондентов говорит о том, что жители со средним образованием в большей степени не согласны с тем, что присутствие полицейских на массовых мероприятиях создает ощущение безопасности. У образованных респондентов присутствие полиции вызывает существенно меньшее раздражение.

Таким образом, респондентов с высшим образованием характеризует более требовательное отношение к качественному и безопасному функционированию всей городской инфраструктуры. Данные позиции желательно учитывать при расстановке сил и средств для обеспечения общественного порядка.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Список литературы

1. Степанов А. В. Общественная безопасность: теоретико-правовой анализ // Вестник Прикамского социального института. 2015. № 1 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-bezopasnost-teoretiko-pravovoy-analiz (дата обращения: 24.05.2018).

2. Боер В. М., Шамрай В. Н. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // Бизнес в законе. 2012. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovoe-obespechenie-obschestvennogo-poryadka-i-obschestvennoy-bezopasnosti-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 24.05.2018).

3. Камилов М. А. Определение общественной безопасности в соответствии с новой Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 775–778. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12403

4. Иванова С. И., Черкасова Е. К. Правовые основания принятия решения о необходимости охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий силами сотрудников ОВД // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № S15. С. 11–15.

5. Куянова А. В., Юрицин А. Е. Административно-правовые основы деятельности полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности // Вестник ОмЮА. 2014. № 2 (23). С. 4–6.

6. Кравцова О. А. Особенности охраны общественного порядка при проведении спортивно-массовых мероприятий // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности: сборник научных статей: материалы межвузовской научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2017. С. 79–83.

7. Черняев Г. М., Быстрянцев А. Ф. К вопросу о проблемах обеспечения правоохранительными органами общественного порядка и безопасности при проведении спортивных мероприятий // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 2. С. 10–59. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.2.15196

8. Мараев Т. И. Французские полицейские органы и их роль в обеспечении охраны общественного порядка и безопасности при проведении крупных спортивных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 178–182.

9. Алексеева А. П. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных массовых мероприятий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2 (13). С. 436–441.

10. Романов И. В. Организационные основы обеспечения охраны общественного порядка при проведении чемпионата мира по футболу в 2018 году // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности Сборник научных статей: материалы межвузовского научно-практического семинара / отв. ред. А. А. Каримов, А. А. Сысоев. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. С. 96–102.

11. Косяченко В. И., Астахова И. А., Жарков С. А. Особенности несения службы сотрудниками полиции на спортивных объектах города Волгограда при проведении чемпионата мира по футболу 2018 г. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 114–119.

12. Татаринцев А. Н. Интегрированная система безопасности на объектах спорта при проведении массовых футбольных мероприятий // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 399–404.

13. Новиков С. В. Обеспечение правопорядка на спортивных мероприятиях негосударственными структурами безопасности в преддверии проведения чемпионата мира по футболу в России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 11. С. 151–154.

14. Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Социологическое измерение общественной безопасности // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2013. № 6. С. 227–234.

15. Крылов А. А., Митяков Е. С. Анализ криминогенной обстановки в системе экономической безопасности региона (на примере регионов Приволжского федерального округа) // Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2015. № 1. С. 243–249.

16. Сельские участковые уполномоченные полиции: доверие населения / Т. Н. Юдина, В. В. Бондалетов, Ю. Н. Мазаев и др. // Logos et Praxis. 2016. № 4 (34). С. 119–128.

17. Корнеев К. В., Тараканов А. Ю. Повышение культуры безопасности болельщиков при подготовке и проведении чемпионата мира по футболу в 2018 году // Технологии техносферной безопасности. 2015. № 2 (60). С. 180–189.

18. Кучеренко В. Л. Проблемные вопросы обеспечения безопасности туристкой и гостиничной инфраструктуры при проведении чемпионата мира по футболу 2018 года // Современные тенденции и актуальные вопросы развития туризма и гостиничного бизнеса в России: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 411–418.

19. Касьянов М. А. Некоторые вопросы информационной безопасности при подготовке к проведению чемпионата мира по футболу 2018 года // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2017. С. 43–44.

20. Ревякин А. П. Обеспечение защиты экологических прав граждан при подготовке и проведении чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы XI научно-практической конференции: в 4 частях. М.: Проспект, 2017. С. 420–427.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

References

1. Stepanov A. V. Public safety: theoretical-legal analysis, *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*, 2015, No. 1 (69), available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-bezopasnost-teoretiko-pravovoy-analiz (access date: 24.05.2018) (in Russ.).

2. Boer V. M., Shamrai V. N. Theoretical-legal provision of public order and public safety under modern conditions, *Biznes v zakone*, 2012, No. 3, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovoe-obespechenie-obschestvennogo-poryadka-i-obschestvennoy-bezopasnosti-v-sovremennyh-usloviyah (access date: 24.05.2018) (in Russ.).

3. Kamilov M. A. Defining public safety in compliance with the new Conception of public safety in the Russian Federation, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, No. 8, pp. 775–778. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.8.12403 (in Russ.).

4. Ivanova S. I., Cherkasova E. K. Legal bases of making a decision on the necessity of public order protection by police during mass events, *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept*, 2014, No. S15, pp. 11–15 (in Russ.).

5. Kuyanova A. V., Yuritsin A. E. Administrative-legal bases of police activity on protecting public order and public safety, *Vestnik OmYuA*, 2014, No. 2 (23), pp. 4–6 (in Russ.).

6. Kravtsova O. A. Features of protecting public order during sports mass events, *Aktual'nye voprosy taktiki okhrany obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoi bezopasnosti*: sbornik nauchnykh statei Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 2017, pp. 79–83 (in Russ.).

7. Chernyaev G. M., Bystryantsev A. F. On the issue of providing public order and safety by law-enforcement bodies during sports events, *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'*, 2015, No. 2, pp. 10–59. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.2.15196 (in Russ.).

8. Maraev T. I. French police and its role in providing public order and safety during large sports events, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, No. 12, pp. 178–182 (in Russ.).

9. Alekseeva A. P. Providing public order and public safety during mass sports events, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pravo, 2012, No. 2 (13), pp. 436–441 (in Russ.).

10. Romanov I. V. Organizational issues of providing public order during World Cup 2018, *Aktual'nye voprosy taktiki okhrany obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoi bezopasnosti. Sbornik nauchnykh statei: materialy mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara,* ed. A. A. Karimov, A. A. Sysoev, Irkutsk, 2018, pp. 96–102 (in Russ.).

11. Kosyachenko V. I., Astakhova I. A., Zharkov S. A. Features of police service at sports venues of Volgograd during World Cup 2018, *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2017, No. 2 (41), pp. 114–119 (in Russ.).

12. Tatarintsev A. N. Integrated safety system at sports venues during mass football events, *Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako. Tambov, Print-Servis,* 2017, pp. 399–404 (in Russ.).

13. Novikov S. V. Providing law order at sports events by non-state safety structures before hosting World Cup in Russia, *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2016, Vol. 11, No. 11, pp. 151–154 (in Russ.).

14. Ermolaeva P. O., Noskova E. P. Sociological measurement of public safety, *Nauchnye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovanii*, 2013, No. 6, pp. 227–234 (in Russ.).

15. Krylov A. A., Mityakov E. S. Analysis of criminological situation in the system of economic safety of a region (by the example of the regions of the Volga Federal District), *Trudy NGTU im. R. E. Alekseeva*, 2015, No. 1, pp. 243–249 (in Russ.).

16. Yudina T. N., Bondaletov V. V., Mazaev Yu. N. et al. Rural policemen: trust of the population, *Logos et Praxis*, 2016, No. 4 (34), pp. 119–128 (in Russ.).

17. Korneev K. V., Tarakanov A. Yu. Increasing the culture of safety of the fans during preparation and hosting the World Cup 2018, *Tekhnologii tekhnosfernoi bezopasnosti*, 2015, No. 2 (60), pp. 180–189 (in Russ.).

18. Kucherenko V. L. Problem issues of providing the safety of tourist and hotel infrastructure during the World Cup 2018, *Modern trends and topical issues of developing tourism and hotel business in Russia*: works of International scientific-practical conference, Moscow, 2017, pp. 411–418 (in Russ.).

19. Kas'yanov M. A. Some issues of informational safety when preparing for the World Cup 2018, *Law and order in the third millennium*: works of International scientific-practical conference, Kaliningradskii filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, Kaliningrad, 2017, pp. 43–44 (in Russ.).

20. Revyakin A. P. Providing protection of ecological rights of the citizens during preparation and hosting the FIFA World Cup 2018, *Provision of human rights and freedoms in the modern world*: works of the 11th International scientific-practical conference: in 4 parts, Moscow, Prospekt, 2017, pp. 420–427 (in Russ.).

Дата поступления / Received 01.06.2018
Дата принятия в печать / Accepted 02.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А., 2018
© Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 343.35:343.9:328.185 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.594-605**

М. П. КЛЕЙМЁНОВ[1],
Р. В. ПУСТОВИТ[1]
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

РАЗВИТИЕ СЛУЖЕБНОЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Контактное лицо:
Клеймёнов Михаил Петрович, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Адрес: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, тел.: +7 (3812) 64-62-05
E-mail: klim798@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9113-6808
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-3215-2018

Пустовит Роман Вадимович, директор, ООО «СТФ Ахиллес»; соискатель кафедры уголовного права и криминологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Адрес: 644077, г. Омск пр. Мира, 55а, тел.: +7 (3812) 64-62-05

Цель: установление закономерностей и оценки развития феномена служебной коррупционной преступности.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, статистический, документальный, социологический.
Результаты: служебная коррупционная преступность как совокупность коррупционных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления требует внимательного научного анализа с целью установления явных и скрытых закономерностей развития взяточничества и иных должностных умышленных преступлений с корыстной мотивацией. К явным закономерностям относится тенденция снижения регистрируемых фактов и лиц, выявленных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290-291.1. УК РФ. Выделение мелкого взяточничества в отдельный состав преступления следует признать удачным решением законодателя, которое дает возможность зафиксировать целевые индикаторы борьбы с наиболее опасными проявлениями служебной коррупционной преступности. Можно констатировать наличие инерции в этой борьбе: пока внимание правоприменителя в значительной мере сосредоточено на пресечении мелкого взяточничества. Выявлены скрытые закономерности развития служебной коррупционной преступности: концентрация коррупционных потоков; возросшая толерантность гражданского менталитета ко взяточничеству, а также убежденность в декларативности и имитационном характере противодействия коррупции; недопустимое внедрение рыночной экономики в деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти; распространение административного рэкета, который является выражением модели управления, основанной на таком базовом элементе, как безответственность. Незаконное участие в предпринимательской деятельности выступает центральным звеном служебной коррупции, потому что порождает криминальную и криминогенную практику слияния власти и бизнеса. Статья 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» не обладает надлежащим антикоррупционным ресурсом в силу того, что отнесена законодателем к преступлениям небольшой тяжести, а также требует доказывания факта незаконного участия в предпринимательской деятельности с предоставлением организации льгот, преимуществ или иного покровительства со стороны должностного лица.
Научная новизна: предложена оригинальная дифференциация видов коррупционной преступности: электоральной, экономической, служебно-коммерческой, общеуголовной, экологической, служебной, судебной, административной. Предложено дополнить ст. 289 УК РФ частью второй следующего содержания: «деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, совершенное по предварительному сговору группой лиц, наказывается лишением свободы на срок до 10 лет».
Практическая значимость: основные положения и выводы могут быть использованы в законотворческой, научной и педагогической деятельности при разработке проблем и освещении вопросов оптимизации антикоррупционной политики, реализации Национальной стратегии противодействия коррупции.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ключевые слова: уголовное право; криминология; коррупция; виды коррупционной преступности; служебная коррупционная преступность; криминологическое прогнозирование

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Клеймёнов М. П., Пустовит Р. В. Развитие служебной коррупционной преступности // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 594–605. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.594-605

M. P. KLEYMENOV[1],
R. V. PUSTOVIT[1]
[1]Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky, Omsk, Russia

DEVELOPMENT OF THE OFFICIAL CORRUPTION CRIMES

Contact:
Mikhail P. Kleymenov, Doctor of Law, professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Honored Researcher of the Russian Federation,
Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky
Address: 55a prospect Mira, 644077 Omsk, tel.: +7 (3812) 64-62-05
E-mail: klim798@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9113-6808
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/R-3215-2018

Roman V. Pustovit, Director of "Achilles" Ltd, applicant of the Department of Criminal Law and Criminology, Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky
Address: 55a prospect Mira, 644077 Omsk, tel.: +7 (3812) 64-62-05

Objective: to establish regularities and assess the development of official corruption crime phenomenon.
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, allowing to analyze them in the historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, statistical, documentary, sociological.
Results: official corruption crime as a set of corruption crimes against the government, the interests of public service and service in local governments requires careful scientific analysis in order to establish the explicit and hidden patterns of development of bribery and other official intentional crimes with mercenary motivation. Explicit regularities include the downward trend of recorded facts and persons committing crimes under Articles 290-291.1. of the Russian Criminal Code. Identification of small bribery as a separate corpus delicti should be recognized as a successful decision of the legislator which allows registering the target indicators of struggling against the most dangerous manifestations of office corruption crime. This struggle is inertial: the attention of the law enforcement bodies is largely focused on the suppression of small bribery. The hidden regularities of official corruption crime development are revealed: concentration of corruption flows; increased tolerance of the civil mentality to bribery, as well as belief in declarative and imitation nature of anti-corruption; unacceptable introduction of the market economy in the activities of legislative, executive and judicial authorities; spreading of administrative racketeering as a manifestation of the management model based on such a basic element as irresponsibility. Illegal participation in entrepreneurial activity acts as a central element of official corruption, because it generates criminal and criminogenic practice of merging power and business. Article 289 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal participation in entrepreneurial activity" does not possess the proper anti-corruption potential, as it is attributed by the legislator to crimes of small gravity, and also requires proof of illegal participation in entrepreneurial activity with the provision of benefits, advantages or other protection by an official.
Scientific novelty: the original differentiation of the types of corruption crimes is proposed: electoral, economic, service-commercial, general criminal, environmental, employment, court, and administrative crimes. It is proposed to supplement Article 289 of the Russian Criminal Code with Part 2 as follows: "an act provided for in Part 1 of this Article, committed by prior agreement of a group of persons, shall be punished by imprisonment for up to 10 years".

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Practical significance: the main provisions and conclusions can be used in legislative, scientific and educational activities for the development and coverage of the issues of anti-corruption policy optimization, and implementation of the national anti-corruption strategy.

Keywords: Criminal law; Criminology; Corruption; Types of corruption crime; Official corruption crime; Criminological forecasting

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Kleymenov M. P., Pustovit R. V. Development of the official corruption crimes, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 594–605 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.594-605

Введение

В практической деятельности коррупционная преступность рассматривается как совокупность (статистическое множество) преступлений коррупционной направленности, понятие и перечень которых определены специальным нормативным правовым актом[1].

Большое число составов, отнесенных к преступлениям коррупционной направленности, ставит задачу их более дробной дифференциации (в плане построения структуры коррупционной преступности) и выделения видов коррупции. А. В. Онуфриенко полагает, что преступления коррупционной направленности делятся на деяния, посягающие на конституционные права и свободы граждан; на отношения, возникающие в сфере экономической деятельности коммерческих и иных организаций; на отношения, возникающие в сфере государственного управления [1, с. 167]. По нашему мнению, самым простым и логичным будет выстраивание структуры системы преступлений коррупционной направленности по родовому объекту посягательств (главам УК РФ):

– против конституционных прав и свобод человека и гражданина (пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ст. 141.1., ч. 2 ст. 142) – *электоральная коррупционная преступность* [2];

– в сфере экономической деятельности (чч. 3–7 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159.1, чч. 3 и 4 ст. 159.2, чч. 3 и 4 ст. 159.3, ст. 159.4, чч. 3 и 4 ст. 159.5, чч. 3 и 4 ст. 159.6, чч. 3 и 4 ст. 160, ст. 170, 174, 174.1, 175, чч. 3 и 4 ст. 183, ст. 184) – *экономическая коррупционная преступность*;

– против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201, 201, 204, 204.1, 204.2) – *служебно-коммерческая коррупционная преступность*;

– против общественной безопасности и общественной нравственности (ч. 3 ст. 210, п «в» ч. 3 ст. 226, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, ч. 3 ст. 226.1, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, ч. 5 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «б» ч. 2 ст. 228.4, п. «в» ч. 2, чч. 3 и 4 ст. 229, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, чч. 3 и 4 ст. 229.1 – *общеуголовная коррупционная преступность*;

– в сфере экологии (ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 258.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260) – *экологическая коррупционная преступность*;

– против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 285.1, 285.2, 285.3, чч. 1 и 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2, ст. 292) – *служебная коррупционная преступность*;

– против правосудия (ст. 294, 295, 296, 302, чч. 1 и 3 ст. 303, 307, 309) – *судебная коррупционная преступность*;

– против порядка управления (ст. 322.1, 322.2, 322.3) – *административная коррупционная преступность*.

Как видим, выстраивание структуры рассматриваемой преступности по объекту посягательства свидетельствует о широком диапазоне направленности коррупционных преступлений, которые, кроме всего прочего, затрагивают интересы общественной безопасности и общественной нравственности, правосудия, сферу экологии.

[1] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27.12.2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Результаты исследования

Своеобразным центром коррупционной преступности является совокупность служебных коррупционных преступлений, что имеет бесспорную историческую и юридическую традиции: еще в древние времена взяточничество и иные должностные преступления с корыстной мотивацией относились к угрозам государственной власти и строго карались [3, с. 83; 4, с. 126].

По свидетельству многих исследователей, взяточничество в России наблюдается с древних времен [5, с. 514; 6; 7, с. 481–483; 8–10]. В целом развитие этого явления происходит в русле закономерности: от легального (кормление) [11, с. 63, 118] до порицаемого (Псковская судная грамота: «...Бог буди им судия на втором пришествии Христове») [12, с. 332] и уголовно наказуемого (по Соборному уложению 1649 г. вплоть до отсечения руки и «битья батогами и кнутом») [13, с. 98–99]. Сведения о динамике взяточничества в постсоветской России приведены в табл. 1.

Анализ динамических рядов таблицы указывает на линейную функцию развития взяточничества: с 2010 г. наблюдается тенденция к снижению регистрируемых фактов «традиционного» вида коррупции и лиц, выявленных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290–291.1. УК РФ. Экстраполируемые значения показателей взяточничества прогнозируют снижение числа регистрируемых преступлений.

В таком прогнозе, основанном на методе линейной экстраполяции, выявляются определенные закономерности:

1. Наблюдается разрыв между: а) количеством регистрируемых случаев получения взятки и б) числом выявленных взяточников. Если в 1998 г. соотношение количества регистрируемых случаев получения взятки к числу выявленных взяточников составляло

Таблица 1

Сведения о служебной коррупционной преступности за 2008–2017 гг. (преступления и лица), абс.*

Table 1. Data on official corruption crimes in 2008–2017 (crimes and persons), absolute numbers*

Ст. УК РФ / Article of the Russian Criminal Code	Год / Year									
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
285	6055 *1729*	6103 *1998*	4687 *1679*	4593 *1422*	4077 *1241*	3084 *1215*	2286 *1132*	2297 *1204*	2352 *1189*	2237 *1213*
285.1	197 *153*	217 *185*	157 *130*	109 *101*	68 *47*	45 *37*	31 *32*	36 *22*	30 *25*	36 *29*
285.2	94 *72*	101 *99*	104 *107*	44 *46*	29 *26*	15 *17*	4 *3*	3 *1*	4 *4*	7 *6*
285.3	–	–	0 0	0 0	3 0	17 5	25 2	21 8	7 *4*	35 10
286	5004 *3227*	5541 *3330*	4795 *3323*	4821 *2753*	4443 *2378*	3743 *1920*	3153 *2008*	3302 *2214*	3105 *2152*	3528 *1910*
289	42 *25*	29 *21*	19 *15*	26 *20*	23 *15*	16 *19*	17 *11*	26 *18*	23 *20*	20 *21*
290	7131 *2288*	7556 *2527*	7747 *2488*	6947 *2275*	6576 *1774*	6710 *2289*	5980 *2060*	6399 *2009*	5344 *1869*	3188 *1506*
291	5381 *4602*	5285 *4553*	4265 *3855*	4005 *3655*	3182 *2726*	4811 *4461*	5913 *5603*	6771 *6204*	4649 *4492*	2272 *1841*
291.1	–	–	–	130 *86*	309 *192*	599 *299*	462 *279*	606 *245*	774 *385*	810 *480*
291.2	–	–	–	–	–	–	–	–	3095 *1779*	5841 *4018*
292	17 475 *5446*	10 377 *5576*	16 917 *5627*	15 459 *4756*	14 283 *4005*	10 254 *3877*	6356 *2851*	5585 *2268*	5200 *2064*	4295 *2039*

* *Источник:* составлено авторами на основе статистических форм 1-ЕГС, 2-ЕГС.

Примечание: сведения о лицах выделены курсивом.

* *Source:* compiled by the authors based on statistic forms 1-EGS, 2-EGS.

Note: data on persons are italicized.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

2,46, в 2011 г. – 3,05, в 2015 г. – 3,18, в 2017 г. – 2,11. Это тревожный показатель, указывающий на снижение раскрываемости и, соответственно, на падение эффективности расследования преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. В 2017 г. положение стало улучшаться.

2. Сокращается разрыв между в) количеством регистрируемых случаев дачи взятки и г) числом коррупте-ров. В 1998 г. соотношение количества регистрируемых случаев дачи взятки к числу коррупте-ров составило 1,63, в 2011 г. – 1,09, в 2015 г. – 1,08, в 2017 г. – 1,23. Выявленная тенденция указывает на то, что раскрытие и расследование дачи взятки осуществляется более качественно и профессионально, чем получение взятки. В 2017 г. положение стало ухудшаться.

3. Общий массив случаев взяточничества на 60 % формируется за счет получения взятки, а общий массив коррупционеров и коррупте-ров – на 60 % за счет лиц, дающих взятку. Это следует учитывать при анализе рассматриваемого явления, не смешивая деяния и личность преступников.

4. Выделение мелкого взяточничества в отдельный состав преступления следует признать удачным решением законодателя, которое дает возможность зафиксировать целевые индикаторы борьбы с наиболее опасными проявлениями служебной коррупционной преступности. Можно констатировать наличие инерции в этой борьбе: пока внимание правоприменителя в значительной мере сосредоточено на пресечении мелкого взяточничества.

Обращаясь к показателям табл. 1, заметим, что после 2010 г., в котором зафиксированы максимальные значения регистрации взяточничества, начинается снижение искомых показателей. Как считают в Генеральной прокуратуре, уменьшение числа выявленных преступлений коррупционной направленности связано не с уменьшением уровня коррупции в стране, а с ослаблением работы правоохранительных органов, в первую очередь ее оперативной составляющей[2].

Иными словами, анализируемые показатели характеризуют не феномен взяточничества, а интенсивность борьбы с ним. Само взяточничество можно уподобить колодцу неизвестной глубины, из которого можно черпать содержимое сколь угодно долго. Латентность взяточничества, по оценкам экспертов, определяется коэффициентом 70: совершается как минимум в 70 раз больше случаев взяточничества, чем регистрируется [14, с. 521–523]. Если обеспечить более высокие притязания к работе правоохранительных органов, к компетенции которых отнесено раскрытие и расследование взяточничества, то в обозримой перспективе его регистрация будет только расти; она не может и не должна снижаться.

В этой связи материалы статистики последних лет мало что говорят о реальной динамике взяточничества. Они только сигнализируют о скрытых процессах развития характеризуемого феномена.

Одним из таких процессов является, на наш взгляд, концентрация коррупционных потоков. Антикоррупционные меры, активно реализуемые начиная с середины 2008 г., поставили под наиболее жесткий контроль низовые звенья государственного и муниципального управления, правоохранительной системы. Тем самым коррупции задан вектор развития «наверх». Главное управление экономической безопасности МВД сообщило, что средний размер взятки по выявленным преступлениям в России в 2016 г. составил 330 тыс. рублей[3]. В 2010 г. средняя цифра была намного скромнее – 44 тыс. рублей, в 2009 г. – 23 тыс., в 2008 г. – 9 тыс. рублей [15]. По данным Минэкономразвития, за пять лет (с 2005 по 2010 гг.) средний размер взятки должностному лицу в сфере бытовой коррупции вырос почти в два раза (с 2 780 до 5 285 рублей) [16]. Всероссийская антикоррупционная общественная приемная «Чистые руки» презентовала годовой доклад «Коррупция в России 2011–2012: политика, бизнес, менталитет». Группа экспертов антикоррупционной приемной обработала 7 220 обращений, полученных из всех регионов России за период с 1 августа 2011 г. по 1 августа 2012 г. Согласно их исследованию, за четыре года правления бывшего президента РФ Д. А. Медведева с 2008 по 2012 гг. средний размер взятки вырос в 33 раза – с 9 000 до 300 000 рублей [17]. Таким образом, объявленная

[2] О состоянии законности и правопорядка в 2011 году и о проделанной работе по их укреплению: доклад Генерального прокурора РФ Ю. А. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 30.05.2012. URL: http:// www. genproc.gov.ru (дата обращения: 10.06.2018).

[3] В МВД назвали средний размер взятки в России. URL: http:// www.rbc.ru (дата обращения: 10.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

президентом Д. А. Медведевым война с коррупцией привела к увеличению размеров взяток.

Другая тенденция – изменение гражданского менталитета в плане возросшей толерантности ко взяточничеству. Нетерпимость к этому явлению все в большей степени вытесняется равнодушием. Распространяется убежденность в неизбежности взяточничества. Торгово-промышленная палата Нижегородской области представила итоги антикоррупционного мониторинга – самого масштабного за последние годы. По данным опроса 2010–2011 гг., в котором приняли участие почти 7 тыс. нижегородских бизнесменов, 60 % респондентов считают коррупцию неизбежной, больше половины предпринимателей региона дают взятки, при этом только 15 % бизнесменов готовы принять личное участие в борьбе с коррупцией [18]. На наш взгляд, существенный вклад в формирование такой толерантности вносит антикоррупционная пропаганда, адресованная населению, типа плакатных слоганов: «Скажем коррупции – нет» или «Коррупция неистребима, когда все проходят мимо». Подавляющее большинство граждан России находится вне конспиративного коррупционного процесса, поэтому обращение к ним с антикоррупционными лозунгами бьет мимо цели и способно только вызвать усмешку. Антикоррупционная пропаганда должна быть нацелена на специальные аудитории лиц с высокими коррупционными рисками, а это исключает ее лозунговый характер.

Следующая тенденция – появление нелегального рынка торговли должностями в органах законодательной, исполнительной и судебной власти. Эту форму взяточничества следует назвать особо циничной, поскольку она носит организованный характер, причем организуется сверху, а не является ответом на просьбу оказать услугу. Широко распространенную практику назначения на должность за деньги в 2008 г. признал Президент РФ [19, с. 53]. В некоторых регионах и ведомствах существует такса на определенные должности, а это означает «раскручивание» коррупции. Соискатель должности, купив ее, должен не только вернуть затраты, но и получить «дивиденды». Сделка, связанная с продажей должности, является не только криминальной, но и криминогенной.

Следует обратить внимание еще на одну тенденцию – возросшую уверенность в декларативности и имитационном характере противодействия взяточничеству. По материалам антикоррупционного мониторинга ТПП Нижегородской области, в то, что государство стремится побороть коррупцию и прилагает для этого усилия, верят немногие – 12 % предпринимателей. 35 % опрошенных указали на недостаточность предпринимаемых усилий. И почти половина респондентов (48 %) не видит реальных антикоррупционных действий при продекларированном стремлении снизить уровень коррупции. По материалам проведенного нами в мае 2018 г. опроса жителей г. Омска, с утверждением, что борьба с коррупцией в России носит декларативный и имитационный характер, согласились 77,1 % респондентов, не согласились – 6,5 %, остальные уклонились от ответа. На вопрос «Заинтересована ли исполнительная власть в реальной борьбе с коррупцией в России?» получены такие ответы: «Да» – 19,9 %; «Нет» – 56,9 %; «Затрудняюсь ответить» – 23,2 %. Как видим, большинство респондентов фиксируют противоречия между словом и делом в сфере осуществления антикоррупционной политики.

Следовательно, наблюдаемое с 2010 г. снижение активности борьбы со взяточничеством выражает некоторые общие закономерности в развитии этого феномена и отношения к нему. В этой связи уместно обратиться к динамике взяточничества в СССР и России в 1985–1990 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика взяточничества в СССР и России в 1985–1990 гг., абс.*

Table 2. Dynamics of bribery in the USSR and Russia in 1985–1990, absolute numbers*

Государство / State	Год / Year					
	1985	1986	1987	1988	1989	1990
СССР / USSR	19 561	11 408	7848	4927	4292	4664
РСФСР / RSFSR	5909	6526	4155	2462	2195	2691

* *Источник:* Преступность и правонарушения в СССР. 1990. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991. 128 с.

* *Source:* Crime and criminal offense in the USSR. 1990. Collection of statistics, Moscow: Finansy i statistika, 1991. 128 p.

Материалы табл. 2 свидетельствуют, что перед развалом СССР борьба со взяточничеством была резко ослаблена. Таким образом, нисходящая динамика в противодействии взяточничеству является тревожным симптомом разрушительных процессов в системе исполнительной власти.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Сопоставляя количественные параметры взяточничества в РСФСР и современной России, можно, конечно, говорить о том, что во времена социализма коррупция также существовала, характеризовалась высокой латентностью и борьба с ней, судя по статистике, по-настоящему не велась. Однако в современной России коррупция в целом и взяточничество в частности – качественно иное явление по масштабам, способам, формам, отношению к нему. Так, в СССР не существовало феномена политической коррупции. Никто даже не помышлял лоббировать частные коммерческие интересы в законодательных органах. Отсутствовала электоральная коррупция. Конечно, выборы в СССР не были демократичными (один кандидат на одно место), но это вовсе не свидетельство воспрепятствования осуществлению избирательных прав или фальсификации избирательных документов, соединенных с подкупом. Таких фактов просто не существовало. Поэтому представляется ложным вывод о том, что советская модель государственного управления инициировала создание в СССР коррумпированного общества, основные принципы функционирования которого получили преемственность в постсоветской России [20]. В целом следует возразить против общего тезиса о наследственном характере пороков современной власти.

Советская система управления в целом не характеризовалась таким негативным качеством, как административный рэкет, что составляет сущность служебной коррупции. 59,6 % опрошенных нами респондентов согласились с утверждением, что предприниматели часто становятся жертвами административного рэкета. Свое несогласие выразили 19,9 % опрошенных, остальные уклонились от ответа.

В современной России за годы рыночных реформ сложилась целая система вымогательства взяток со стороны органов государственного управления. Субъекты контроля за предпринимательскими структурами выработали типичные приемы административного рэкета. Так, инспекторы Госпожнадзора часто выдвигают нереальные требования, которые влекут за собой серьезное переоснащение предприятия либо приостановление его деятельности. Органы Роспотребнадзора предоставляют платные услуги для получения разрешений; разрешения выдаются на короткий срок, и после этого срока процедура его получения повторяется. Сотрудники ФНС нередко допускают превышение полномочий, взыскивают необоснованные пени и штрафы. Органы государственного энергетического надзора предъявляют жесткие требования к техническому состоянию энергетических коммуникаций, что ведет к значительным затратам, а сроки аренды зданий в большинстве случаев составляют один год. Органы стандартизации, метрологии и сертификации придерживаются политики взимания необоснованно больших сумм за сертификацию [21, с. 405]. Органы Ростехнадзора «эффективно» пользуются своими полномочиями, выдавая разрешения начинать или продолжать производственную или экспертную деятельность на рыночной основе, а также за отдельную плату предоставляя возможность уклоняться от административной ответственности за допущенные нарушения [22].

Советский районный суд Омска приговорил к трем годам и одному месяцу лишения свободы условно бывшего старшего инспектора Госпожнадзора М. Рандовцева, который, по данным следствия, требовал взятки у предпринимателей. Судом установлено, что Рандовцев проводил проверки пожарной безопасности на объектах ряда предпринимателей и фирм. При выявлении нарушений он предлагал за взятки в размере от 2 до 5 тысяч рублей не указывать в акте наиболее существенные из них. Суд признал Рандовцева виновным по ч. 3 ст. 290 УК РФ («Получение взятки») и ч. 3 ст. 159 УК РФ («Мошенничество»)[4]. В Мечетлинском районе Башкирии возбуждено уголовное дело в отношении 54-летнего главного специалиста-эксперта территориального отдела Управления Роспотребнадзора РФ по РБ. Под его надзором находились Дуванский, Белокатайский, Кигинский, Мечетлинский и Салаватский районы Башкирии. Правоохранительные органы задержали чиновника с поличным во время получения взятки в 3 тысячи рублей. Именно такой суммой должны были откупиться от составления акта по выявленным нарушениям владельцы придорожного кафе «Шашлычная» в селе Большеустьикинское. Причем саму проверку чиновник провел самовольно, без предусмотренных законом оснований и соответствующего приказа руководителя территориального отдела Управления

[4] Архив Советского районного суда г. Омска. Дело № 1-292. 2011 г.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Роспотребнадзора по РБ[5]. Руководитель Ростехнадзора по Новосибирской области Л. Баклицкий осужден в 2010 г. к восьми годам лишения свободы за получение взяток от фирм, работающих на рынке экспертных технических услуг[6].

Из табл. 1 видно, что наиболее распространенные преступные проявления служебной коррупции (кроме взяточничества) связаны со служебным подлогом (ст. 292), злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285) и превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Изучение материалов 106 уголовных дел о таких преступлениях показывает:

– наиболее распространенным наказуемым проявлением служебного подлога выступает внесение ложных сведений в протокол об административном правонарушении, повлекшее существенное нарушение прав граждан, которых неправомерно задерживают, применяют при задержании специальные средства;

– неправомерное задержание граждан нередко связано с вымогательством денежных средств;

– в условиях безответственности преступления приобретают систематический характер и превращаются в услугу с установленными таксами, как это произошло в Волгограде. Врач-кардиолог одной из клинических больниц Волгограда выдавала листки временной нетрудоспособности. Один день нетрудоспособности «стоил» 150 руб.[7];

– в мотивации преступлений подчас просматриваются ложно понятые интересы службы (выполнить плановые показатели);

– обвинения предъявляются, как правило, лицам, занимающим низовые должности в служебной иерархии. Именно на них направлено острие борьбы со злоупотреблением служебным положением, превышением должностных полномочий и служебным подлогом;

– подавляющее большинство деяний такого рода оценивается судами в качестве преступлений небольшой тяжести: по ним назначается наказание в виде штрафа или условного лишения свободы на срок до двух лет;

– большую часть преступлений, сведения о которых подверглись анализу, можно было предотвратить благодаря правильной организации работы со стороны вышестоящего руководства правонарушителей (с точки зрения постановки целей и задач и контроля за деятельностью).

Следовательно, служебная коррупция является выражением современной модели управления, основанной на таком базовом элементе, как безответственность. В этой модели за просчеты, ошибки и даже злонамеренные действия ответственность либо совсем не наступает, либо ее наступление имитируется (спускается на тормозах), либо наступает для представителей нижнего административно-хозяйственного звена. Можно с полным основанием прогнозировать, что пока современная российская модель управления не будет изменена, никакого ослабления административного рэкета не будет.

В этой связи особенно удручает ситуация, имеющая отношение к злоупотреблениям в сфере распоряжения бюджетными средствами. Это видно из табл. 1, по показателям регистрации преступлений по ст. 285.1 УК РФ – нецелевое расходование бюджетных средств; ст. 285.2 УК РФ – нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов. Число уголовных дел, возбуждаемых по этим статьям УК, и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, не только поражает незначительными показателями, но за последние три года выражает также тенденцию к снижению.

Характерной чертой служебной коррупционной преступности является общественно опасное противоправное участие в экономической деятельности, а целью – незаконное получение прибыли [23, с. 10]. Центральное место в ряду служебных коррупционных преступлений занимает незаконное участие в предпринимательской деятельности, хотя присвоение или растрата, мошенничество также рассматриваются коррупционерами как способы «заработать». Именно «заработать», а не просто продать нужное коррупционерам решение, поскольку здесь требуется проявить креативные способности при создании криминальных схем, легализовать преступные доходы. Данный вид коррупции выражается в стремлении коррупционеров

[5] В Башкирии сотрудник Роспотребнадзора попался на взятке в 3 тысячи рублей. URL: http://www.singlenews.ru/news/961395/ (дата обращения: 10.06.2018).

[6] Архив Новосибирского областного суда. Дело № 2-11. 2010 г.

[7] Архив Советского районного суда г. Волгограда. Дело № 1-112. 2010 г.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

максимально приспособиться к предпринимательской деятельности и получить из этого свои дивиденды. Незаконное участие в предпринимательской деятельности выступает центральным звеном служебной коррупции, потому что создает генеральную мотивацию поглощения властью предпринимательства. С одной стороны, это извращает саму идею свободного рынка, в котором главное – это свободная инициатива предпринимателя. С другой стороны, здесь находятся истоки многих незаконных практик власти и криминализации бизнеса в целом.

Судя по материалам табл. 1, на протяжении последних 10 лет ст. 289 применяется редко, что свидетельствует о политизированности этой нормы. Такая политизированность указывает на отсутствие политической воли и, соответственно, должностной мотивации к возбуждению уголовных дел по признакам ст. 289 УК РФ. Линейная экстраполяция зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, на 2018 и последующие годы фиксирует чрезвычайно низкий уровень уголовно-правового реагирования на такие деяния. И это закономерно. Во-первых, судя по санкциям, ст. 289 УК РФ отнесена законодателем к преступлениям небольшой тяжести. Кроме того, диспозиция ст. 289 УК РФ требует доказывания того, что незаконное участие в предпринимательской деятельности было связано с предоставлением организации льгот, преимуществ или иного покровительства со стороны должностного лица. При этом необходимо применить усилия, трудоемкость которых явно не соответствует ожидаемому результату. Как отмечает Л. Д. Гаухман, здесь наблюдается минимизация уголовной ответственности путем казуистического определения признаков преступления: казуистичность формулировки диспозиции ст. 289 УК РФ – основная причина неприменения этой нормы на практике [24, с. 4]. Поэтому чаще всего при обнаружении фактов участия должностных лиц в предпринимательской деятельности прокуратура выносит представление о недопустимости нарушения закона, а должностные лица так и продолжают участвовать в предпринимательской деятельности [25, с. 7–9; 26, с. 9–13]. Кара настигает, как правило, тех, кто занимает невысокое место в должностной иерархии. «Подсудимый П. работая директором профессионального училища № 45 г. Новосибирска и являясь должностным лицом, учредил ООО "Причал", участвовал в управлении этим ООО. Позже он заключил договор с профессиональным училищем № 45, директором которого являлся, о предоставлении в аренду земельного участка на территории училища для размещения автостоянки ООО "Причал". После того как П. стало известно о том, что он не может совмещать работу директора училища № 45 и быть руководителем ООО "Причал", он назначил директором последнего своего сына»[8]. Основная масса должностных лиц ведут себя так, как будто ст. 289 УК РФ вообще не существует. Известный пример – успешный бизнес Е. Батуриной под покровительством своего мужа, бывшего мэра г. Москвы Ю. Лужкова [26]. Подобные примеры легко множить, интересуясь бизнесом членов семьи руководителей субъектов Российской Федерации, мэров городов и других должностных лиц, принимающих решения экономического характера. Коэффициент латентности 25,0, выставленный экспертами НИИ Академии Генеральной прокуратуры [14, с. 519], конечно, не соответствует реальной распространенности участия представителей власти в предпринимательской деятельности.

Следовательно, ст. 289 УК РФ в действующей редакции не обладает надлежащим антикоррупционным ресурсом и не способна повлиять на порочную практику слияния власти и бизнеса. В этой связи необходимо увеличить максимум санкции ст. 289 УК РФ до пяти лет лишения свободы, переведя тем самым это преступление в категорию средней тяжести.

Целесообразно дополнить ст. 289 УК РФ частью второй следующего содержания:

– деяние предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, совершенное по предварительному сговору группой лиц, наказывается лишением свободы на срок до 10 лет.

Характерно, что опрошенные нами граждане довольно скептически оценивают результаты борьбы с коррупцией. На вопрос «Оказался ли успешным национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 гг.?» респонденты ответили:

а) да, оказался очень успешным – 1,9 %;

б) скорее да, чем нет – 9,5 %;

[8] Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 23891. 2001 г.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в) затрудняюсь ответить – 21,3 %;

г) скорее нет, чем да – 43,7 %;

д) нет, план провалился – 23,6 %.

Поэтому необходимо принимать такие законодательные и правоприменительные меры, которые убедят граждан России в том, что борьба с коррупцией в стране ведется, а не имитируется. В этой связи чрезвычайно важными представляются реализация задачи систематизации и актуализации нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции[9].

Выводы

В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. Выстраивание структуры рассматриваемой преступности по объекту посягательства свидетельствует о широком диапазоне направленности коррупционных преступлений, которые, кроме всего прочего, затрагивают интересы общественной безопасности и общественной нравственности, правосудия, сферу экологии.

2. С 2010 г. наблюдается тенденция к снижению регистрируемых фактов взяточничества и лиц, выявленных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290-291.1 УК РФ. Экстраполируемые значения показателей взяточничества прогнозируют снижение числа регистрируемых преступлений.

3. Показатели уголовной статистики характеризуют не феномен взяточничества, а интенсивность борьбы с ним. В этой связи статистические материалы последних лет мало что говорят о реальной динамике взяточничества. Они только сигнализируют о скрытых процессах развития характеризуемого феномена, к которым следует отнести: концентрацию коррупционных потоков; возросшую толерантность гражданского менталитета ко взяточничеству, а также уверенность в декларативности и имитационном характере противодействия коррупции; появление нелегального рынка торговли должностями в органах власти.

4. В современной России за годы рыночных реформ возникла система административного рэкета, что является выражением модели управления, основанной на таком базовом элементе, как безответственность. Можно прогнозировать, что, пока современная российская модель управления не будет изменена, ослабления административного рэкета не будет.

5. Центральным звеном служебной коррупции является незаконное участие в предпринимательской деятельности, потому что оно порождает криминальную и криминогенную практику слияния власти и бизнеса. Ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» в действующей редакции не обладает надлежащим антикоррупционным ресурсом, неспособна повлиять на порочную практику слияния власти и бизнеса и требует изменения редакции в направлении усиления ее карательного потенциала.

Список литературы

1. Онуфриенко А. В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 234 с.

2. Дамм И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 26 с.

3. Всеобщая история государства и права: учебник для вузов в 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века / под ред. В. А. Томсинова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. 640 с.

4. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. 560 с.

5. Неклюдов Н. А. Взяточничество и лихоимство // Юридическая летопись. 1890. Июнь. С. 491–532.

6. Ширяев В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. 577 с.

7. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1197 с.

8. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. 352 с.

9. Максимов С. В. Коррупция в России. Уфа: Уфимский филиал Академии налоговой полиции ФСНП России, 2000. 72 с.

[9] О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента РФ № 378 от 29.06.2018 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

10. Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI– XX вв.: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 209 с.

11. Русская Правда в краткой редакции // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.

12. Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. 430 с.

13. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: МГУ, 1961. 444 с.

14. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 839 с.

15. Савина Е. Взятка с потолка. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/07/22_a_3703025.shtml (дата обращения: 10.06.2018).

16. Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации: доклад Общероссийского общественного фонда «Общественное мнение». М.: Минэкономразвития РФ, 2011. 56 с.

17. Коррупция в России: независимый годовой доклад Всероссийской антикоррупционной общественной приемной ЧИСТЫЕ РУКИ. М.: Ассоциация адвокатов России, 2012. С. 28. URL: http://www.rusadvocat.com/node/39 (дата обращения: 10.06.2018).

18. Викулова А. Неизбежность коррупции. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1909188 (дата обращения: 10.06.2018).

19. Кабанов П. А. Политическая коррупция: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань: Новое знание, 2004. 176 с.

20. Попов М. Ю. Коррупция в СССР и современная Россия // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 6–11.

21. Клеймёнов М. П. Криминология: учебник для вузов. М.: Норма, 2012. 432 с.

22. Две трети руководства Ростехнадзора увольняют за коррупцию. URL: https://www.newsru.com/russia/10apr2009/rosteh.html (дата обращения: 10.06.2018)

23. Фадеев А. В. Антикоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД РФ, 2012. 34 с.

24. Гаухман Л. Д. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6. С. 2–6.

25. Сергиенко А. Надзор в сфере экономики и противодействия коррупции // Законность. 2008. № 2. С. 7–9.

26. Александрова В. Соблюдение законодательства о борьбе с коррупцией // Законность. 2010. № 5. С. 9–13.

27. Немцов Б., Милов В. Лужков. Итоги-2. Независимый экспертный доклад. М.: Солидарность, 2010. 72 с.

References

1. Onufrienko A. V. *System of corruption crimes,* PhD (Law) thesis, Moscow, 2015, 234 p. (in Russ.).

2. Damm I. A. *Corruption in the Russian election procedure,* abstract of PhD (Law) thesis, Krasnoyarsk, 2006, 26 p. (in Russ.).

3. *General history of state and law,* university textbook in 2 v. Vol. 1. Antiquity and the Middle Ages, ed. V. A. Tomsinov, Moscow, IKD "Zertsalo-M", 2011, 640 p. (in Russ.).

4. Pokrovskii I. A. *History of the Roman law,* Saint Petersburg, Izdatel'sko-torgovyi dom "Letnii Sad", 1998, 560 p. (in Russ.).

5. Neklyudov N. A. Bribery and extortion, *Yuridicheskaya letopis'*, 1890, June, pp. 491–532 (in Russ.).

6. Shiryaev V. N. *Bribery and extortion in connection with the general doctrine of malfeasance. Criminal-juridical study*, Yaroslavl, 1916, 577 p. (in Russ.).

7. Klyuchevskii V. O. *A course in the Russian history*, Moscow, AL'FA-KNIGA, 2009, 1197 p. (in Russ.).

8. Kirpichnikov A. I. *Bribe and corruption in Russia*, Saint Perersburg, Al'fa, 1997, 352 p. (in Russ.).

9. Maksimov S. V. *Corruption in Russia*, Ufa, Ufimskii filial Akademii nalogovoi politsii FSNP Rossii, 2000, 72 p. (in Russ.).

10. Astanin V. V. *Corruption and struggling with it in Russia of the second half of the 16th – 20th cc: criminological research*: PhD (Law) thesis, Moscow, 2002, 209 p. (in Russ.).

11. Rus' Justice in brief, *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.*, vol. 1, Moscow, Yurid. lit., 1984, 430 p. (in Russ.).

12. Legislation in Ancient Rus', *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.*, vol. 1, Moscow, Yurid. lit., 1984, 430 c. (in Russ.).

13. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. *Council Code of 1649*, Moscow, MGU, 1961, 444 p. (in Russ.).

14. *Theoretical bases of research and analysis of latent crime,* ed. S. M. Inshakov, Moscow, YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2011, 839 p. (in Russ.).

15. Savina E. *Bribe from the ceiling*, available at: https://www.gazeta.ru/politics/2011/07/22_a_3703025.shtml (access date: 10.06.2018) (in Russ.).

16. *State of everyday corruption in the Russian Federation: report of the All-Russian Public Fund "Public opinion"*, Moscow, Minekonomrazvitiya RF, 2011, 56 p. (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

17. *Corruption in Russia: independent annual report of the All-Russian anti-corruption public office "Clean hands"*, Moscow, Assotsiatsiya advokatov Rossii, 2012, p. 28, available at: http://www.rusadvocat.com/node/39 (access date: 10.06.2018) (in Russ.).

18. Vikulova A. *Inevitability of corruption*, available at: http://www.kommersant.ru/doc/1909188 (access date: 10.06.2018) (in Russ.).

19. Kabanov P. A. *Political corruption: notion, essence, causes, prevention*, Kazan, Novoe znanie, 2004, 176 p. (in Russ.).

20. Popov M. Yu. Corruption in the USSR and in modern Russia, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2009, No. 1, pp. 6–11 (in Russ.).

21. Kleimenov M. P. *Criminology*: university textbook, Moscow, Norma, 2012, 432 p. (in Russ.).

22. *Two thirds of the Rostechnadzor management are being fired for corruption*, available at: https://www.newsru.com/russia/10apr2009/rosteh.html (access date: 10.06.2018) (in Russ.).

23. Fadeev A. V. *Anticorruption legislation of Russia and foreign countries*: *criminological research:* abstract of PhD (Law) thesis, Moscow, VNII MVD RF, 2012, 34 p. (in Russ.).

24. Gaukhman L. D. Corruption and corruption crime, *Zakonnost'*, 2000, No. 6, pp. 2–6 (in Russ.).

25. Sergienko A. Monitoring in the sphere of economy and corruption counteraction, *Zakonnost'*, 2008, No. 2, pp. 7–9 (in Russ.).

26. Aleksandrova V. Observance of legislation in struggling against corruption, *Zakonnost'*, 2010, No. 5, pp. 9–13 (in Russ.).

27. Nemtsov B., Milov V. *Luzhkov. Results-2. Independent expert report*, Moscow, Solidarnost', 2010, 72 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 18.06.2018
Дата принятия в печать / Accepted 05.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Клеймёнов М. П., Пустовит Р. В., 2018
© Kleymenov M. P., Pustovit R. V., 2018

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ. ОБЗОРЫ / WORKS OF CONFERENCES. REVIEWS

УДК 314.7:343.9(042)(048.8) **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.606-625**

А. П. ДАНИЛОВ[1]

[1] *Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, г. Санкт-Петербург, Россия*

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕСЕДЫ «ПРЕСТУПНОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ», ПРОВЕДЕННОЙ 25 МАЯ 2018 ГОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМ КЛУБОМ

Данилов Андрей Петрович, кандидат юридических наук, заместитель президента, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб
Адрес: 198161, г. Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, д. 48-50-52Д, каб. 5–6
E-mail: danilov-a1@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6533-0786
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-4024-2018

Цель: ознакомление широкого круга читателей с проблемой преступности современных миграционных процессов и взглядами на нее российских и зарубежных криминологов.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений определил следующие методы исследования: анализ, синтез, сравнение, формально-юридический и сравнительно-правовой.
Результаты: описано содержание основных докладов, прозвучавших на международном научном мероприятии (С. М. Иншакова, П. А. Кабанова, Х. Кури, В. Н. Фадеева, Д. А. Шестакова и других ученых), которые влияют на современную оценку состояния преступности современных мировых миграционных процессов. Докладчиками представлены различные взгляды на криминальную составляющую миграционных процессов современного общества, в том числе на повышенную виктимность мигрантов как наименее защищенной группы населения. В выступлениях были высказаны разнонаправленные мнения о влиянии миграционных процессов на состояние преступности и виктимности в обществе, но противоречия во взглядах докладчиков не помешали выводу о том, что государства должны проводить сбалансированную миграционную политику с учетом собственных национальных интересов.
Научная новизна: вопросы влияния миграционных процессов на состояние преступности и виктимности в обществе впервые обсуждались в рамках заседаний Санкт-Петербургского международного криминологического клуба с участием представителей иностранных криминологических организаций. В результате установлено множество криминологических подходов к государственной миграционной политике, направленных на снижение криминальной активности и криминальной виктимности мигрантов. Проведенное заседание клуба позволяет сделать следующие выводы: а) влияние миграционных процессов на различные стороны жизни современного общества очевидно. Они имеют не только позитивный характер в виде естественного перераспределения трудовых ресурсов, но и негативный – повышают криминогенность общественных отношений; б) для снижения рисков криминализации общественных отношений мировому сообществу необходима единая согласованная миграционная политика; в) причины миграционных процессов и причины преступности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они, подпитывая друг друга, создают атмосферу неблагополучия и недоверия в делах государственных и общественных.
Практическая значимость: основные положения и выводы обзора могут быть использованы в научной, образовательной, правоприменительной и правотворческой деятельности.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ключевые слова: миграция; миграционная политика; мигрант; миграционный процесс; права мигрантов; ограничения прав мигрантов; оценка миграционных процессов.

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Данилов А. П. Обзор международной беседы «Преступность миграционных процессов», проведенной 25 мая 2018 года Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 606–625. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.606-625

A. P. DANILOV[1]

[1]*Saint Petersburg International Criminological Club, Saint Petersburg, Russia*

REVIEW OF THE INTERNATIONAL DISPUTE "CRIMES OF MIGRATION PROCESSES" HELD ON 25 MAY 2018 BY SAINT PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGICAL CLUB

Andrey P. Danilov, PhD (Law), Deputy Chairman, Saint Petersburg International Criminological Club
Address: 48-50-52D Moyka River Embankment, office 5-6, 198161 Saint Petersburg
E-mail: danilov-a1@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6533-0786
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-4024-2018

Objective: to acquaint a wide range of readers with the problem of crime of modern migration processes and the views of Russian and foreign criminologists on it.
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena determined the following research methods: analysis, synthesis, comparison, formal-legal and comparative-legal methods.
Results: the article presents the main reports made at the International Scientific Conference (S.M. Inshakov, P.A. Kabanov, H. Kuri, V.N. Fadeev, D.A. Shestakov and other scholars), which affect the assessment of crime in the global migration processes today. The speakers present different views on the criminal component of migration processes in the modern society, including the increased victimization of migrants as the least protected group of the population. The presentations expressed divergent views on the impact of migration on crime and victimization in society, but the contradictions in the views of the speakers did not prevent the conclusion that states should pursue a balanced migration policy taking into account their own national interests.
Scientific novelty: the impact of migration processes on the state of crime and victimization in society was for the first time discussed at the meetings of the St. Petersburg International Criminological Club with the participation of representatives of foreign criminological organizations. As a result, many criminological approaches have been established to the state migration policy aimed at reducing criminal activity and criminal victimization of migrants. The club meeting allows drawing the following conclusions: a) the impact of migration processes on various aspects of modern society is obvious. This impact is both positive as the natural redistribution of labor resources, and negative, increasing the criminality of social relations; b) to reduce the risks of criminalization of social relations, the world community needs a unified coordinated migration policy; c) the causes of migration processes and the causes of crime are interrelated and interdependent. They, feeding each other, create an atmosphere of trouble and distrust in the state and public affairs.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the review can be used in scientific, educational, law enforcement and law-making activities

Keywords: Migration; Migration policy; Migrant; Migration process; Rights of migrants; Restrictions on the rights of migrants; Assessment of migration processes

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

For citation: Danilov A. P. Review of the international dispute "Crimes of migration processes" held on 25 may 2018 by Saint Petersburg international criminological club, *Actual Problems of Economics and Law,* 2018, vol. 12, No. 3, pp. 606–625 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.606-625

Введение

Проведение заседаний Санкт-Петербургского международного криминологического клуба по наиболее острым современным проблемам мировой криминологии с приглашением известных во всем мире зарубежных криминологов – давняя традиция, заложенная с образования этого сообщества криминологов. За период существования клуба на его заседаниях выступало множество известных российских и зарубежных исследователей, чей вклад в развитие современной криминологии неоспорим. Основателями и активными участниками Санкт-Петербургского международного криминологического клуба было подготовлено и опубликовано монографическое исследование [1], которое получило одобрение со стороны представителей российского криминологического сообщества [2, с. 106–107; 3, с. 108–109; 4, с. 1104; 5, с. 63–64]. Для обнародования результатов обсуждений докладов по основным проблемам современной криминологии, а также научной и информационной поддержки деятельности Невско-Волжской криминологической школы Санкт-Петербургский международный криминологический клуб издает собственный научный рецензируемый журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» [6, с. 89–90], пользующийся спросом среди российских и зарубежных криминологов. В этом же журнале ведется Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба с описанием проведенных им основных научных мероприятий [7, с. 335–344; 8, с. 107–116; 9, с. 111–128; 10, с. 72–95; 11, с. 91–140; 12, с. 65–106].

Обзорная часть мероприятия

25 мая 2018 г. Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом было проведено очередное заседание, связанное с обсуждением проблем преступности миграционных процессов. В качестве основного докладчика был приглашен известный немецкий криминолог *Хельмут Кури* – профессор, доктор психологии, профессор университета им. Альбрехта-Людвига (Фрайбург, ФРГ). Ведущим этого мероприятия стал заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба кандидат юридических наук А. П. Данилов.

На беседу собрались криминологи различных возрастных категорий от студентов вузов, изучающих криминологию, до авторов учебников по криминологии из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга (Россия), Фрайбурга (ФРГ), в том числе:

43 студента вузов (РГПУ им. А. И. Герцена: А. Ю. Зайцева, Д. А. Мухин, П. А. Самородская – все 1-й курс, О. М. Байрамов, В. С. Васильев, А. Е. Вдовица, Н. П. Галишев, М. Г. Гончаров, У. В. Докукина, Ю. О. Задирако, Д. А. Замятин, И. Р. Кесаева, Т. О. Козырева, Е. Г. Ковалёва, С. С. Котар, С. А. Лекапшиева, П. А. Малыгин, Ю. А. Миронова, Е. А. Михайлова, Д. Д. Полецкая, В. А. Филимончук, В. А. Шибалова – все 2-й курс, Л. В. Крутова, М. В. Лихобабина, Л. В. Маевский, О. В. Митрахович – все 3-й курс, А. Ю. Сапожичкова, О. А. Стадникова – 4-й курс, Р. С. Власов, Северо-Западный институт управления РАНХиГС: А. А. Гонина, В. В. Леснов, А. В. Лубенец, К. З. Мамов, С. С. Митрохин, Б. А. Насиров, П. В. Севостьянов, А. С. Тихонов, К. А. Халикова, Е. В. Хочунская, Д. П. Черников – все 3-й курс; Санкт-Петербургский государственный экономический университет: А. А. Григорьева, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры РФ: А. И. Пашкин – 2-й курс, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина: Я. Н. Шишкин – 2-й курс);

четыре гостя (писатель Н. В. Кофырин, переводчик Н. Л. Баконова, старший юрисконсульт ФКУ «ГСЦП МВД России» И. А. Носкова; старший лаборант кафедры прокурорской деятельности Е. С. Кривицкая);

один аспирант (М. А. Пахомова, РГПУ им. А. И. Герцена);

три адъюнкта (О. Н. Гончаренко, Е. С. Кетенчиева, А. Д. Рубан, Санкт-Петербургский университет МВД России);

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

один преподаватель (С. В. Игнатенко, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет);

восемь кандидатов юридических наук (А. Л. Гуринская, А. П. Данилов, М. С. Дикаева, РГПУ им. А. И. Герцена; Н. И. Пишикина, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; Н. А. Крайнова, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; А. В. Никуленко, В. С. Харламов, Санкт-Петербургский университет МВД России; Я. С. Дикусар, Уральский государственный юридический университет).

один доктор психологии (Х. Кури, Университет им. Альбрехта-Людвига);

шесть докторов юридических наук (С. Ф. Милюков, РГПУ им. А. И. Герцена; С. У. Дикаев, Санкт-Петербургский университет МВД России; С. Я. Лебедев, В. Н. Фадеев, Московский университет МВД России; М. Х. Гельдибаев, Российский государственный университет правосудия. Северо-Западный филиал), *среди которых один заслуженный деятель науки РФ* (Д. А. Шестаков, РГПУ им. А. И. Герцена).

В обсуждении доклада участвовали: А. П. Данилов, С. У. Дикаев, Е. С. Кетенчиева, С. Я. Лебедев, С. Ф. Милюков, В. Н. Фадеев, В. С. Харламов, Д. А. Шестаков.

Профессором *Х. Кури* был представлен доклад «**Беженцы в Германии. Исследование ситуации и вытекающих из нее последствий».** Основные тезисы этого доклада следующие.

Проблема беженцев в Германии и других индустриальных западных странах начиная приблизительно с 2015 г. выросла до центральной политической и практической. С самого начала существования человечества мы можем наблюдать в тех или иных государствах беженцев. Однако обострилась ситуация с ними в Германии в связи с увеличивающимся их числом, особенно из Северной Африки.

Тогда как в 2014 г. в Германии было подано 202 834 ходатайства о предоставлении убежища, в 2015 г. это число составило 476 649, т. е. более чем удвоилось. Основной страной, «поставляющей» беженцев, является Сирия.

31 августа 2015 г. Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель выступила с посланием «Мы сделаем это», обращенным к Федеральной пресс-конференции в связи с кризисом вокруг беженцев в Европе и приемом их в Германию. Меркель приветствовала приток беженцев. Она заявила, что правительство ФРГ могло бы решить возникающие в связи с притоком беженцев проблемы.

Исходя из этого обращения были предприняты чрезвычайные усилия, особенно в том, что касается размещения беженцев. Обращение Меркель повлекло за собой появление большого числа добровольцев, без которых решение интеграционных задач невозможно.

Тем не менее с возрастанием числа беженцев растет и число проблем, а также критика политики, поддерживающей приток беженцев. Критика расширяется, прежде всего, на фоне сообщений о совершаемых ими преступлениях.

Следует отметить, что большая часть беженцев представлена молодыми мужчинами, которые, как известно, являются наиболее активными, в том числе в преступном плане. Совершению ими преступлений способствуют неблагополучные условия жизни в приютах, отсутствие работы, плохая интеграция в европейское пространство, неопределенный статус пребывания, угроза быть отосланными назад.

Снова и снова возникают подозрения, что среди беженцев есть исламистские террористы.

Опросом 825 беженцев во Фрайбурге, Мюнхене и Берлине мы, в соответствии со стандартизованной шкалой, установили, что у 34,8 % опрошенных наблюдалось посттравматическое стрессовое расстройство, причем этот показатель у детей был выше, чем у взрослых. Приблизительно треть опрошенных не имеет профессионального образования. 72 % опрошенных беженцев чувствуют себя в Германии хорошо принятыми, это прежде всего женщины. 37 % планируют после окончания войны на родине возвратиться домой.

Следует отметить нарастающую критику политики, приветствующей прием беженцев. Успех правой партии *AfD* («Альтернативы для Германии») во многом обусловлен именно этой критикой.

Для предупреждения преступлений беженцев важно, прежде всего, обеспечить их работой, нормальным жильем, предоставить несовершеннолетним возможность получить школьное образование, предлагать им интеграционные курсы обучения, ускорить принятие решений о статусе их нахождения на территории Германии.

Другие результаты исследования ситуации с беженцами в ФРГ и связанные с этими результатами

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

соображения о реакции на проблему беженцев будут представлены в виде статьи для журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Второй выступающий – профессор *Д. А. Шестаков* – представил свое видение проблемы в докладе «**Преступность сферы миграции»**. Основные положения этого доклада изложены ниже.

Оседлые и неоседлые чужане в свете преступностиведения. Постановка в преступностиведении вопроса о переселенцах (мигрантах) является составной частью проблематики чужан[1]. Наименование «чужанин» охватывает недавно прибывших на местность, несколько поколений появившихся давно, но не ставших своими, однако оно включает в себя также и являющихся гражданами страны космополитов, которые, ненавидя ее, намеренно способствуют ее разрушению[2]. Это понятие позволяет охватить достаточно широкий круг преступноведчески значимых проблем, вытекающих из взаимоотношений жителей страны, одни из которых относятся к ней как к отечеству, другие – как к чужбине.

В соответствии с концепцией многоуровневого строения преступности (воронка преступности [14, с. 9–16]) возникает задача определить долю и роль чужан применительно ко всем девяти уровням (слоям) преступности – от обыденного до планетарного «олигархического». Данную головоломку не решить в один прием, потребуется некоторое время.

Переселенцы – это та часть чужан, которые сравнительно недавно приехали для временного или постоянного проживания в страну. Здесь речь пойдет в основном о «трудовых переселенцах», которые приезжают в Россию на заработки, а не о вернувшихся на историческую родину соотечественниках (репатриационная модель миграции).

О переселенцах в общем. Приток переселенцев в целом играет положительную роль, если они благотворно приживаются в обществе, дополняют его особенностями культуры собственного народа и не создают ему угрозы. В качестве положительного примера можно привести переселение к нам в Россию немцев в конце XVII – начале XVIII вв., многие из которых весьма благотворно здесь трудились на пользу великой стране. Из истории нашей семьи известно, сколь добросовестна и порой самоотверженна была здесь научная (математик Леонард Эйлер), а также военная (барон Иван Иванович Меллер-Закомельский, его сын Карл Иванович и др.) деятельность некоторых из моих предков – выходцев из Германии.

Приток переселенцев играет для принявшей их страны криминогенную роль, если они не вживаются в общество, а образуют чуждое ему образование. Надо иметь в виду, что среди недавних переселенцев – большее число лиц как совершивших преступление, так и потерпевших от преступления по сравнению с оседлым населением.

В России, по оценкам экспертов, примерно 10 % рабочей силы составляют мигранты. Единовременно в России находится примерно 4 млн трудовых мигрантов. Из них около 95 % – это выходцы из СНГ. В 2017 г. из стран Содружества их прибыло 3,9 млн человек. Основная часть явилась из Средней Азии, прежде всего из Узбекистана (1,5 млн человек), Таджикистана (780 тыс.), Киргизии (472 тыс. человек), из Украины и Армении – примерно по 300 тыс. человек. Заняты мигранты в строительстве, сфере услуг, обрабатывающих производствах, сельском хозяйстве, оптовой и розничной торговле. В строительной сфере переселенцы представлены в 4,4 раза чаще, чем россияне. Население РФ уменьшается. С начала 1990-х гг. депопуляция составила 13 млн человек. Естественная убыль коренного населения на 70 % перекрывается приезжими [15], часть которых оседает в России с многодетными в отличие от российских семьями. Иными словами, оседлое население быстрыми темпами разбавляется неважно владеющими русским языком и не включенными в российскую культуру людьми.

О «вкладе» переселенцев в массу совершаемых в России преступлений. В книге «Преступность

[1] *Чужанин,* в просторечии «чужак», – человек, ощущающий и ведущий себя по отношению к обществу, в котором живет, как посторонний, инородный, зачастую недоброжелательно.

[2] Заслуживает внимания также слово «инородец», употребляемое А. П. Даниловым. Данный термин удачно соотносится с понятием *родолюбия*, введенным в оборот политического преступностиведения этим автором. «Родолюбие – осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нем глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины. Понятие «родолюбие» может стать заменой терминам, не имеющим отношения к исконной русской культуре, «национализм», уже достаточно дискредитированному, и «патриотизм». Родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности является антикриминогенным фактором» [13, с. 28–33].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

политики» [16, с. 115], получившей отклик в немецком преступностиведении [17, с. 494–496], имеется раздел «Особенности национальной преступности», в котором говорится, что грядущей отрасли этнической криминологии предстоит собрать много нужных обществу сведений о национальных особенностях преступного поведения. Необходимо вооружить этими сведениями общество в целом и сами этносы, которые заинтересованы в уменьшении собственной преступности и соответственно собственной жертвенности (виктимности). Задачей грядущей отрасли в России является антипреступное сплочение народов, восстановление утраченного единства россиян, преодоление искусственно разжигаемой – главным образом из-за рубежа – розни между ними [16, с. 115].

К. В. Кузнецов в ряде субъектов РФ изучил структуру организованной преступной деятельности этнических формирований. Согласно данным его довольно представительного исследования, относящимся к 2010–2016 гг., преобладающими в этой деятельности являются преступления в сфере экономики – 61,05 % от всех совершаемых в составе преступных групп преступлений. Из них 20,52 % – кражи, грабежи и разбойные нападения, 37,84 % – мошенничества, 2,69 % – преступления в сфере экономической деятельности. На втором месте – преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (их удельный вес составляет 20,3 %). Третьими по степени распространенности выступают преступления в сфере компьютерной информации – их доля составляет 6,83 % (участниками организованных этнических преступных формирований совершается 88,2 % всех преступлений в указанной сфере). Удельный вес преступлений против личности, государственной власти и иных преступлений не превышает 11,82 % [18, с. 13–14].

Приведенное тут количественное распределение деятельности переселенцев по разновидностям совершаемых ими преступлений нас, разумеется заинтересовало бы гораздо меньше, нежели вопрос, *какую часть в общем числе тех или иных видов преступлений составляют преступления переселенцев*. Не менее важно знать *долю переселенцев среди всех лиц, совершающих преступления*. Но получить такие сведения непросто.

Для достоверного отслеживания и исследования «вклада» переселенцев в российскую преступность нужно восстановить показатель национальности в статистическом учете лиц, совершивших преступление, а также жертв преступления. Потребуется также сбор статистических данных о странах, из которых эти люди прибыли. Теперь появились предложения дополнить статистическую карточку на лицо, совершившее преступление (форма № 2), реквизитом «этническая принадлежность (национальность)» [18, с. 260].

Экономическая сторона вопроса. В России наиболее прибыльная часть экономики управляется нашими воробогачами (нуворишами, олигархами), которые заинтересованы в дешевой рабочей силе переселенцев (7-й уровень *воронки преступности* [13, с. 9–16; 19, с. 402]). Можно сказать, что нувориши больны стяжательством с выраженной корыстной манией. Судьба России им, мягко говоря, безразлична. Ради собственной выгоды они поддерживают сохранение в стране множества недорого оплачиваемых работников, тем более что наличие таковых способствует удержанию в целом зарплаты трудящихся на низком уровне. Так, Центром стратегических разработок (некоммерческая организация, ключевую роль в которой играет А. Л. Кудрин) подготовлен доклад «Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения», в нем изыскиваются доводы о необходимости дополнительных мер по привлечению мигрантов, приток которых, согласно некоторым прогнозам, после 2024 г. может ослабеть. Авторы этого доклада, по существу, выступают за целенаправленное склонение общественного мнения в пользу сохранения большого числа прибывающих в страну переселенцев, причем предлагается проведение соответствующей «работы» со средствами массовой информации[3].

Ю. Алхаз полагает, что экономические последствия миграции не менее опасны, нежели расползающаяся по стране этническая преступная деятельность «гастарбайтеров» [20]. Иноземцы в России – это не просто разрозненная рабочая сила, они уже объединены в сплоченные кланы, существование которых не может не сопровождаться мздоимными врастаниями («метастазами») в полицию, миграционную службу, исполнительную власть. Возникновение иноземных кланов, вместо естественного взаимополезного

[3] См. URL: https://www.csr.ru/issledovaniya/migratsionnye-protsessy-v-rossii-kto-kuda-i-zachem/ (дата обращения: 17.05.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

вживания приезжих в местное общество порой превращает их в самодовлеющую вредоносную силу, а в некоторых областях хозяйства, таких как торговля, даже уже в хозяев положения, которые держат в том числе неоправданно высокие цены на товары под своим контролем [20].

Противодействие преступлениям, связанным с притоком переселенцев. Х. Кури считает, что для предупреждения преступлений беженцев важно, прежде всего, обеспечить их работой, нормальным жильем, предоставить несовершеннолетним возможность получить школьное образование, предлагать им интеграционные курсы обучения, ускорить принятие решений о статусе их нахождения на территории Германии [21]. И это верно с той лишь оговоркой, что у любой страны не беспредельны возможности по оказанию гостеприимства. Приток в Россию переселенцев должен быть строго ограничен.

Думается, что нужна методика количественно-качественного определения критического, в том числе в свете преступностиведения, числа переселенцев. Затем следует законодательно установить запрет на превышение этого критического числа. Такая мера требуется не только и не столько для того, чтобы у нас стало меньше преступников и потерпевших, но – что гораздо важнее – для сбережения самобытности России. Хотим ли мы повторения того, что уже происходит в Западной Европе? Ведь в Париже, к примеру, француза теперь днем с огнем не сыщешь! Город заполонили выходцы из Африки… Не надо забывать, что ослабление самобытности и самодостаточности означает одновременно возрастание нашей уязвимости перед возможной военной агрессией и другими военными преступлениями против нас.

Применительно к верхним шести слоям преступности в России, полагаем, надо преодолеть подход к проблеме переселенцев, основанный исключительно на интересе извлечения прибыли. Существует мнение о необходимости ограничить доступ на российский рынок труда, куда не следует допускать приезжих, не имеющих хотя бы среднего специального образования, полученного на их родине, диплом, который признан Министерством науки и высшего образования РФ [20].

Относительно трех глубинных уровней преступности: уровней экстремизма и терроризма, внешнегосударственного и глобального олигархического, – нужно иметь в виду то, что в этих слоях глобальная олигархическая власть (далее – ГОВ) готова использовать и использует для ослабления российского государства – отчасти через поддержку террористической и экстремистской деятельности – социальную группу переселенцев.

В отношении внешнегосударственного уровня иноземной преступности при президенте В. В. Путине успешно укрепляется обороноспособность России, заметно развернулась также информационная защита. Что особенно важно, произошло очищение средств распространения сведений от ГОВ-идеологии, господствовавшей в 1990-е гг. [22, с. 60–64; 23, с. 158–165]. Однако имеет место замалчивание оппозиционной активности и репрессивной реакции на нее, нарушается свобода слова. Путин не боится, конечно, ГОВ-оппозиции: она не имеет успеха у народа, поскольку работает на разрушение страны. Но президент совершенно очевидно опасается здоровой пророссийской оппозиции, которая, одобряя положительные проявления проводимой им политики, вместе с тем недовольна, что власть заметно пренебрегает заботой о благосостоянии основной части населения в угоду воробогачам. Между тем здоровая оппозиция, выдвижение сильных преемников нынешнего руководства необходимы для долгосрочного развития страны. Решение непростых вопросов, касающихся переселенцев вообще и преступности национальных кланов в частности, должно происходить с учетом широкой радуги мнений.

К разработке мер против глобальной олигархической преступности (далее – ГОП) криминология только-только теоретически подступает. Это очень нужная и в то же время сложная, как все новое, работа, которую надо строить с учетом преступного вмешательства в жизнь государства, которое ведется с использованием потоков переселенцев. Не исключено, что понадобятся как фронтальные, так и некие точечные меры – отчасти экономического характера – в отношении ГОВ и отдельных ее представителей. Помешают ли Путину его дружеские узы с внутрироссийским воробогачеством?.. На сей день ответа нет.

Обратим внимание и на очень непростой вопрос о поддержке Родиной тех своих граждан, которые невольно оказались жителями другой страны, скажем, если они в силу изменения государственных границ, например при распаде СССР, превратились

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в национальное меньшинство другой страны, как это произошло в Прибалтике. Россия должна сохранять с этими людьми живую связь, заботиться о них, в том числе способствуя получению их детьми образования на родном языке.

Русский мир за границей – значимая составляющая часть российской мощи, противостоящей преступным посягательствам на страну. Недопустимо обречь наших людей за границей на самовыживание, лишить их чувства Родины.

В своем выступлении «**Радикальный исламизм и миграционные процессы»** доктор юридических наук *В. Н. Фадеев (Москва, Россия)* отметил следующее.

Радикальные исламистские организации типа ИГИЛ (организация запрещена в РФ) представляют собой наемную армию зомбированных бандитов. Они создаются и финансируются «мировой закулисой» (Глобальная олигархическая власть. – Д. А. Шестаков) для провоцирования и поддержания ситуации «управляемого хаоса» во всем мире.

Радикальный исламизм выступает в том числе в лице так называемого Исламского государства. В составе различных радикальных исламистских организаций, действующих сегодня в Ираке и Сирии, находится большое число россиян. Они в случае возвращения домой могут выступить в качестве дестабилизирующего фактора.

Особое место в распространении радикального исламизма занимают миграционные процессы. По оценкам ООН, количество мигрантов быстро растет: в 2017 г. их число достигло 258 млн против 173 млн в 2000 г. и 153 млн в 1990 г. [24].

Проблема радикализации населения особенно остро стоит в среднеазиатских республиках бывшего СССР. По данным Федеральной миграционной службы России (далее – ФМС), в нашей стране находится около 11 миллионов иностранных граждан, причем только за 10 месяцев 2017 г. им было выдано более миллиона разрешений на работу. Эти цифры, учитывая и нелегальных мигрантов, количество которых сама ФМС оценивает в 3,7 млн человек, можно смело увеличить вдвое. При этом денежные переводы трудовых мигрантов в Среднюю Азию из России составляют львиную долю ВВП стран региона. В 2014 г. для Киргизии это около трети ВВП, для Узбекистана – четверть, Таджикистана – почти половина ВВП республики [25].

В системе радикального исламизма существуют различные направления, в которые входят десятки групп, требующих специального исследования:

1. Сторонники «классического» радикального исламизма. Они формируют свое учение на основе течений аль-Банны, Саида Кутба и Мухаммада Кутба, Абу Аля аль-Маудуди.

2. Крайне радикально настроенные группы. К ним относятся организации типа «Хизб-ут-Тахрир», «Аль-Каида», «ИГИЛ», ряд других организаций (запрещенные в России).

3. Разнообразные локальные исламские радикальные движения: палестинский «Хамас», ливанская «Хезболла», «Исламское движение Узбекистана», ставящие перед собой цель уничтожения государства (запрещенные в России).

Для радикального ислама присуще насилие, являющееся главным средством достижения целей. Действия членов радикальных групп направлены на такое уязвимое место мусульман, как религия. При этом насилие обосновывается ссылками на Коран, вырванными из контекста высказываниями пророка Мухаммеда.

Наиболее опасное проявление терроризма последнего десятилетия – боевики-смертники. Подготовка террористов-смертников в России имеет свою историю. В 1995 г. Д. Дудаев издал указ о формировании специальных добровольческих «подразделений смертников». Его план развил Ш. Басаев, создав осенью 2002 г. так называемый Исламский батальон шахидов «Риядус-Салихьийн» («Сады праведников»). Летом 2009 г. Д. Умаров объявил о восстановлении в структуре вооруженных формирований сепаратистов этой группировки и намерении провести на территории России широкомасштабные диверсионно-террористические акции.

Выступление профессора *С. Ф. Милюкова (Санкт-Петербург, Россия)* было посвящено миграционной составляющей терроризма и экстремизма. В частности, он высказал следующие суждения по обсуждаемой проблеме.

Сложившаяся к настоящему времени ситуация с проявлениями террористического характера может быть однозначно охарактеризована как исключительно острая, неблагоприятная. Об этом свидетельствует кровавый террористический акт в петербургском метро (3 апреля 2017 г.) и последующие дерзкие напа-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

дения на сотрудников силовых ведомств, гражданское население, включая попытку захвата православного храма в Грозном (19 мая 2018 г.). Все это показывает, что в России существуют разветвленные националистические сети, члены которых отнюдь не собираются сидеть в подполье и заниматься лишь религиозным просветительством. Их боевые (штурмовые) отряды стремятся перехватить инициативу, нанося неожиданные и весьма болезненные удары по государственным учреждениям, транспортной инфраструктуре и скоплениям граждан.

Действующие Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 28 ноября 2014 г.[4] и Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г.[5], другие руководящие директивы умалчивают главное – каким образом Россия может гарантировать себе сохранение территориальной целостности и государственного суверенитета в условиях перманентного нарастания внешних и внутренних угроз (среди которых хотя и не главное место занимает глобальная миграция, причем не только незаконная).

На наш взгляд, эта гарантия есть, хотя ее достижение многим покажется совершенно утопичным. Это восстановление могучей евразийской державы в границах 1945 г. (а может быть, и 1914-го). В противном случае оставшаяся часть России рано или поздно будет полностью измотана непрерывными конфликтами с псевдонезависимыми государствами, образовавшимися на территории бывших союзных республик. Нельзя исключить и широкомасштабной агрессии стран НАТО (а может быть, и не только их) с территорий этих образований (прежде всего Прибалтики, Украины, среднеазиатских республик).

Конечно, это возрожденное государство должно учесть просчеты (как раз стратегические) в проведении своей национальной политики. Если Российскую империю называли «тюрьмой народов», то советское руководство, напротив, проводило на национальных «окраинах» самоубийственную для государственного единства политику заигрывания с местными «элитами», не замечая расцвета национализма, русофобии и даже профашистских настроений (та же Прибалтика, Западная Украина).

Воссоздание союза веками населявших Россию народов вызовет, без всякого сомнения, бешеную злобу наших геополитических противников. Но они и так уже обвиняют нынешнюю российскую власть в подобном реваншизме. Поэтому лучше заявить об этой цели открыто, рассчитывая крепнущие центростремительные силы. Это может обеспечить всенародную поддержку такому курсу, сплотит народные массы, погасит социальные, национальные раздоры, решит в целом рассматриваемую проблему хотя бы за счет того, что миграционные потоки из внешних превратятся во внутренние, гораздо более контролируемые.

Вызывает сомнение развиваемое в криминологии объяснение причин бурного оживления миграционных процессов «появлением феномена трудовой миграции» [26, с. 27].

Смеем утверждать, что в России нет дефицита рабочей силы, во всяком случае острого. Конечно, официальный уровень безработицы мизерен: на 21 февраля 2018 г. в органах службы занятости состояло на учете всего 991 тыс. человек. Однако по признанной методике Международной организации труда сейчас в Российской Федерации не менее 4 млн (!) безработных, а всего не имеют официального трудоустройства свыше 25 % экономически активного населения – не менее 20 млн человек! Конечно, среди этих двух десятков миллионов не только безработные, но и лица, занятые в так называемой теневой экономике. Надо вывести эти многомиллионные массы из пресловутой тени, обязать их самих и работодателей платить налоги в государственную казну.

Почему капиталисты (их у нас стыдливо именуют бизнесменами) так охотно прибегают к труду таджиков, узбеков, киргизов, молдаван и украинцев? Ответ известен и неспециалистам. Им выгоден такой труд ввиду возможности платить по минимуму и пользоваться бесправием большинства мигрантов, некоторые из которых фактически обращены в рабство. Свидетельством тому факты гибели некоторых из них при пожарах и других несчастных случаях в местах их концентрации в той же Москве и других городах.

Вот и надо обуздать (в том числе и за счет уголовной репрессии) непомерные аппетиты таких работодателей, вольно или невольно возбуждающих

[4] URL: http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/ (дата обращения: 20.06.2018).

[5] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 20.06.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

социальную и национально-религиозную ненависть эксплуатируемых ими людей, а также той части коренного населения, которое лишается средств для достойного существования.

Следующее выступление – кандидата юридических наук, доцента *Нины Ивановны Пишикиной* (Санкт-Петербург, Россия) – было посвящено обсуждению выслушанных докладов. Она, в частности, отметила, что проблема беженцев, которую рассматривает профессор Х. Кури, является актуальной не только для Европы. Не исключено, что в ближайшее время по мере нарастания вооруженных конфликтов в мире и принятия ограничений в приеме беженцев европейскими странами эта проблема встанет и перед Россией.

В этой связи особую боль и тревогу вызывает положение детей, вынужденных вместе со взрослыми покидать свою страну и отправляться в неизвестность. Специфика психологии и сознания детей накладывает отпечаток на восприимчивость несовершеннолетними изменяющихся условий жизни. Поэтому они, в отличие от взрослых, более остро ощущают отрыв от родной земли, родственных связей, неизвестность своего будущего. Подтверждением тому является повышенное, в сравнении со взрослыми, посттравматическое стрессовое расстройство, о котором говорит профессор Кури.

Но это может быть не единственной причиной такого состояния. Сейчас известно, что многие несовершеннолетние, особенно женского пола, на территориях вооруженных конфликтов подвергаются различного рода насилию, в том числе и сексуальному. Масштаб такого преступного поведения достиг уровня, который обусловил принятие Организацией Объединенных Наций определенных решений. В частности, 19 июня 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила 19 июня Международным днем борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта.

В Южном Судане насилуют и кастрируют малолетних детей, на Ближнем Востоке используют женщин как сексуальных рабынь боевиков. Во многих конфликтах противоборствующие стороны подвергают сексуальным надругательствам женщин и девочек из общин своего противника. «Изнасилование как средство ведения войны необходимо остановить. Мы должны привлечь к ответственности исполнителей этих преступлений и их начальников, которые оправдывают такие действия, и защитить их жертв», – заявил Председатель 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Сэм Кутеса, представляя резолюцию на рассмотрение делегатам сессии. Он призвал всех в мире не закрывать глаза на страдания жертв сексуального насилия в условиях конфликта[6].

Покидая опасные территории, беженцы надеются на то, что в стране, принявшей их, они найдут понимание и помощь. Особенно на это, должно быть, надеются дети и несовершеннолетние. И как страшно им бывает, если эти надежды не оправдываются.

Конечно, можно громко заявлять: «Мы должны…», «Государства обязаны…» и т. д. Но до тех пор, пока в мире будут существовать вооруженные конфликты, в ходе которых взрослые будут решать свои амбициозные планы не путем дипломатии, а путем агрессии, расплачиваться за это будут беззащитные дети.

Выступил со своим докладом и автор настоящего обзора. Тема выступления – «**Преступное глобальное управление переселением народов»**. Эпиграфом к выступлению была взята цитата известного российского историка Н. М. Карамзина:

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек.

Ничто не ново под луной. Переселение народов – явление, хорошо известное мировой истории. Великое переселение народов (IV–VII вв.) стало одной из главных причин распада Римской империи – сильнейшего государственного образования того времени. Современное переселение больших людских масс только получает свое развитие, но уже наводит на мысль: а уцелеет ли в результате него западноевропейская цивилизация?

Если ранее на разрушение за счет «вливания чуждого» уходили столетия, сегодня, при невероятном ускорении всех социальных процессов, для этого потребуется лишь несколько десятков лет. Как отмечает Х. Кури, «проблема беженцев в Германии и других индустриальных западных странах начиная прибли-

[6] Генеральная Ассамблея ООН объявила 19 июня Международным днем борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=23960 (дата обращения: 30.03.2018).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

зительно с 2015 г. приобрела значение центральной политической и практической» [21].

Причины современных глобальных миграционных процессов. На различных уровнях воронки преступности [13, с. 9–16] мы обнаруживаем противоречия, порождающие волны нынешних переселений. Д. А. Шестаков замечает: глобальная олигархическая власть, по-видимому, использует социальную группу переселенцев для сохранения своего мирового господства, в частности, через поддержку террористической и экстремистской деятельности. Налицо противоречие между интересами мировой олигархии и человечества в целом [27].

К настоящему времени можно говорить о завершении построения ГОВ псевдогосударства, в рамках которого численность населения Земли искусственно сокращают до количества, необходимого глобальной олигархии для обслуживания собственных нужд [28, с. 60].

Переселенцы, осваиваясь на новых пространствах, по замыслу ГОВ, быстро вытеснят, заместят собой интеллектуально, культурно и духовно более развитые народы, способные активнее противостоять преступной деятельности глобальной власти. Выполнив свою разрушительную по отношению к коренному населению роль, мигранты будут устранены. Например, путем мировой эпидемии, которой они, в силу своего слабого научно-технического развития, не смогут противостоять.

Противодействие инородному влиянию. Терпимость к переселенцам должна быть умеренной, позволяющей коренным жителям, их обществу развиваться [29, с. 27–30]. Отвечать на удары глобальной олигархии необходимо на государственном и международном уровнях.

Российским специалистам, следуя предложению Д. А. Шестакова, надлежит разработать методику количественно-качественного определения критического, в том числе в свете преступностиведения, числа переселенцев и на ее основе установить законодательный запрет на его превышение [30].

Требуется провести криминологическую экспертизу Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в том числе на предмет ее соответствия требованиям о критическом числе переселенцев, и, опираясь на нее, выстраивать отношения с ними.

Иные страны, если они желают сохранить свою государственность, также должны руководствоваться в своей миграционной политике вышеобозначенной методикой.

На площадке ООН должна быть оглашена для своего последовательного разрешения центральная криминологическая проблема современности – засилье ГОВ во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Необходимо принять Конвенцию о запрещении деятельности частных транснациональных корпораций. Они должны быть национализированы. Это крайняя, но безальтернативная мера, которая позволит изъять многие преступные рычаги управления из рук представителей мировой олигархии. В преамбуле Конвенции следует указать обоснование ее принятия – угроза существованию человечества.

Кроме того, в данном документе, в целях недопущения вытеснения людей робототехникой, необходимо предусмотреть положения о *задействовании человека не менее чем в 70 % всех производственных процессов. Эту криминологическую границу прогресс не должен переступать.* При вовлечении населения в занятие производственной деятельностью и сферу услуг в рамках от 70 до 100 % от таковых оно будет находиться в состоянии умеренной терпимости к прогрессу. Заступ за эти границы ведет к активному воспроизводству преступлений, фактической ненадобности человека как такового, его исчезновению как вида [31, с. 65].

Побывав в мае этого года в Париже, автор этой статьи в очередной раз наблюдал печальную картину того, как быстро в худшую сторону меняется столичное французское общество. Коренные жители задавлены переселенцами из разных частей света. Франции, если она и дальше пойдет по пути ущербной для себя терпимости к чужакам, очень скоро может не стать. Для России такого сценария мы не желаем.

Заочное участие в дискуссии по криминогенности миграционных процессов в современном мире приняли и некоторые другие отечественные криминологи. Наиболее значимые и обсуждаемые доклады, размещенные на сайте клуба, до начала заседания мы также включили в настоящий обзор.

Известный в российской криминологической науке автор монографий, учебников и учебных пособий по криминологии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Сергей Михайлович Иншаков, представил свой доклад «**Стратегемы миграционной безопасности».** Основные положения этого доклада представлены в следующих тезисах.

1. Передвижение людей по планете, освоение новых ареалов, вытеснение сильными слабых и захват сильными территорий, обеспечивающих наиболее комфортную и безопасную жизнь, – в этом заключается один из сущностных аспектов глобализационных процессов, которые начали развиваться практически одновременно с появлением человечества. Тысячелетия культурного развития, накопление цивилизационного опыта несколько облагородили форму, но практически не изменили содержания.

2. Миграционные процессы оказывают серьезное воздействие на культуру. Практически во всех общинах отношение к пришельцам имеет негативную коннотацию (в интервале от настороженности и тревоги до неприязни и открытой агрессии). Причем чем больше число пришельцев, тем негативнее реакция аборигенов. У многих народов есть традиция с радушием встречать любого гостя. Но эта традиция носит скорее обязывающий характер, а внутренний импульс более точно раскрывает поговорка «Незваный гость хуже татарина» (и более жесткая ее транскрипция: «Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева?»). В рамках современной культуры толерантности и гуманизма такое отношение к мигрантам оценивается исключительно отрицательно. Однако реальная социальная практика дает немало оснований для устойчивости таких стереотипов: албанцы, гостеприимно принятые сербами в Косово, уже отторгли этот край от Сербии и почти полностью изгнали оттуда сербское население. Во Франции некоторые районы и кварталы городов остаются французскими лишь де-юре. Де-факто лицам неарабской национальности там лучше не появляться – безопасность не гарантируется.

3. Миграционная безопасность – это сфера обеспечения национальной безопасности посредством корректного отношения к пришельцам. За тысячелетия международной социальной практики были сформированы достаточно эффективные механизмы обеспечения национальной безопасности в этой сфере:

– пограничный контроль, исключающий проникновение в пределы страны тех, у кого нет на то специального разрешения;

– первичная миграционная фильтрация (впускать всех полезных и изгонять всех ненужных и потенциально опасных);

– дополнительный миграционный контроль (выдворение за пределы страны всех, у кого нет законных оснований пребывания);

– государственный и социальный контроль того, насколько мигранты вписываются в нормативную систему принявшего их народа (дополнительная фильтрация и коррекция поведения мигрантов);

– культурные механизмы ассимиляции (имеющие двухстороннюю направленность: как со стороны местного населения, так и со стороны мигрантов).

4. В ходе тысячелетней практики международного общения выкристаллизовались стратегемы обеспечения миграционной безопасности.

Не все народы могут позитивно взаимодействовать. Существует межнациональная некомплементарность, препятствующая этому. Межнациональная некомплементарность может быть односторонней или обоюдной. При наличии такой некомплементарности миграционные процессы в более или менее отдаленной перспективе чреваты серьезными негативными последствиями. Миграционные процессы в таком контексте можно рассматривать как фактор, отрицающий национальную безопасность.

Не все народы могут ассимилироваться. Народы могут позитивно взаимодействовать, феномен некомплементарности не просматривается. Но культура народа, представители которого в качестве мигрантов прибывают в определенную страну, настолько развита и самобытна, что мигранты не могут и не хотят от нее отказаться, не могут интегрировать ее в культуру страны пребывания. Представители этих народов живут замкнуто (диаспорами, анклавами, национальными кварталами). Среди них могут быть ценные специалисты. Представители этих народов могут даже в чем-то служить образцом для коренных жителей. Но страну пребывания они практически никогда не называют «моя страна», национальные интересы принявшего их народа и их интересы не совпадают (а могут находиться и в противоречии). В критические моменты истории эти мигранты воспринимаются как угроза национальной безопасности. В США, например, во время Второй мировой войны несколько сот тысяч японцев, имевших американское гражданство, были изолированы

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в специальных лагерях (американский вариант концентрационных лагерей).

Большие народы терпимы к малым. Народы, находящиеся на высоких ступенях цивилизационного развития, лояльны по отношению к менее развитым. В этих стереотипах кроются ловушки.

Суть двух названных стратегем заключается в том, что большие народы не боятся малых, продвинутые в плане цивилизационного развития – не боятся отсталых. Первые практически не бывают некомплементарны ко вторым. Коварство и опасность такого благодушия кроется в следующем:

– большие народы полагают, что и малые столь же великодушны к ним. Развитые полагают, что отсталые испытают чувство благодарности к ним за допуск к благам цивилизации. Общесоциологический тренд иной, можно даже сказать, прямо противоположный. Причин здесь много. Доминирует отрицание восприятия себя как представителя второсортной общности. Немаловажную роль играет и устойчивость национальных культурных стереотипов, зафиксированных как в сознании, так и в подсознании;

– во взаимодействии больших и малых народов, развитых и развивающихся наций всегда присутствуют и позитивные, и негативные моменты. Первые воспринимают взаимодействие под углом зрения доминирования позитивных воздействий («бремя белых»). Вторые часто во главу угла ставят негативные аспекты взаимодействия (эксплуатация, неэквивалентный обмен, парадигмальность социальной стратификации на высших и низших, первосортных и второсортных).

На одни и те же явления мигранты и коренные народы смотрят разными глазами, по-разному оценивают социальную ситуацию в стране. А это ставит под угрозу социальную гармонию, в отдельных случаях выступает фактором, отрицающим общественную и государственную безопасность.

Культура национальных диаспор, анклавов, городских кварталов содержит в себе тенденцию к формированию параллельных социальных институтов:

– параллельной религиозности;
– параллельной идеологии;
– параллельной традиционности;
– параллельной морали;
– параллельного права;
– параллельного правосудия.

Этот параллелизм может быть завуалирован и даже глубоко законспирирован. Западная толерантность позволяет ему активно развиваться.

В этом параллелизме в скрытой форме всегда наличествует вызов культуре и традициям коренного народа, его морали и праву. Это вариант скрытой культурной экспансии. При неблагоприятных условиях она может трансформироваться в агрессивность и открытую экспансию.

В соответствии с законом перехода количества в качество мигранты могут обрести статус титульной нации, а коренной народ – статус персоны нон грата. В одном из своих заявлений Муаммар Каддафи задекларировал объявление «демографической войны» Европе. Персонально Каддафи эту войну проиграл. А вот на уровне социума проиграть эту войну очень велики шансы у Евросоюза. Да и все цивилизации севера (включая США) в перспективе нескольких десятилетий могут почувствовать мягкую демографическую удавку.

5. Отличительной чертой современной международной обстановки является то, что международный терроризм уверенно занял место одного из главных инструментов геополитики и, в свою очередь, миграционные процессы являются условиями, благоприятствующими развитию терроризма.

6. В 2015 г. мир стал свидетелем миграционного бума, захлестнувшего страны Западной Европы. Миграционному буму сопутствовал всплеск терроризма в европейских городах. Известно, что миграционные процессы – неотъемлемая часть социогенеза. Однако европейский миграционный феномен по качественным и количественным параметрам явно выпадает из кластера стихийных процессов. Не исключено, что здесь сошлись интересы нескольких глобальных игроков:

– США;
– Турции;
– профашистских европейских элит;
– исламских радикалов.

7. Творцами хаоса в арабском мире и в Афганистане являются Соединенные Штаты. Доктрина управляемого хаоса как основа американской геополитической стратегии сегодня почти никем не оспаривается. Турция в качестве американского сателлита дозирует вброс беженцев в Европу. Обстоятельства теракта в Париже, связанного с нападением на редакцию из-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

дания «Шарли…», и тем более обстоятельства расследования этого теракта (самоубийство инспектора полиции, проводившего расследование, и самоубийство его преемника) дают немало оснований предполагать, что спецслужбы в этой геополитической акции играют важную роль. Одна из целей – подавление Евросоюза как потенциального конкурента.

8. Турция в XXI в. достаточно ясно заявила о своих претензиях на участие в глобализационных процессах в качестве активного субъекта. Статус модератора европейских миграционных процессов весьма привлекателен для нее. Она, несомненно, не главный игрок, но ее вклад весьма значим.

9. Профашистские силы в Европе еще совсем недавно находились в глубоком подполье. Робкими сигналами о том, что у них не все погибло, были марши ветеранов СС в странах Прибалтики. При этом весьма значимой и красноречивой была реакция прогрессивной европейской общественности – полное молчание, закрытые глаза. Акция Брейвика в Норвегии показала, что в рядах европейских фашистов есть и молодые люди, которые готовы убивать много. Ну а бандеровский ренессанс на Украине развеивает всякие сомнения в перспективности фашизма в Европе. Логично предположить, что именно этой политической силой были организованы рождественские акции сексуального насилия мигрантов в ряде городов Западной Европы в конце 2015 г. Фашизм как политическая сила ждет своего часа. Эта сила уже приготовила свой ответ на демографические вызовы «юга».

10. В условиях современной международной обстановки радикальному исламизму остается лишь одно – расцвести пышным цветом и отозваться на геополитические трансакции мировых игроков серией террористических атак. Образование ИГИЛ (запрещенной в России организации) – убедительное свидетельство того, что данный феномен перешагнул на новую ступень (гипертерроризм). На данный момент шансы этого субъекта как глобального геополитического актора невелики. Но эти шансы невелики лишь в той системе координат, где государственные руководители ориентируются на национальные интересы своей страны.

11. Одним из главных в этой ситуации является вопрос о субъектности руководителей стран Евросоюза, особенно Германии и Франции. То, как был устранен основной соперник Оланда на пост президента пятой республики (Строскан), изобилие материалов, компрометирующих высшее должностное лицо, дают основание сомневаться, что национальные интересы Франции доминируют в мотивационной сфере французского президента. Аналогичные сомнения в отношении канцлера Меркель беспокоят многих граждан Германии. Утечки инсайдерской информации о содержании так называемого Канцлер Акта объясняют, почему мадам Меркель часто в международных делах поступает нелогично, почему она так терпимо относится к прослушке ее телефонных переговоров спецслужбами США. Но эта «нелогичность» является таковой лишь с позиций национальных интересов Германии. А вот с позиций национальных интересов США ее поведение представляется вполне логичным и правильным.

12. Предательство элит – феномен, который зародился в XX в. Сегодня он стал символом современности. Во-первых, этот феномен стал главным инструментом реализации американской глобализационной модели. Во-вторых, все больше подтверждений находит гипотеза о том, что глобальный управляющий класс сформировал механизм подавления национальных интересов – руководитель государства может обеспечить свое будущее за счет постановки под сомнение будущего его страны. Объяснительная функция науки в данном ракурсе приобретает особую значимость. И названная гипотеза оказывается ключом к объяснению природы так называемого *миграционного дуализма*:

– обеспечение миграционной безопасности – проблема, вполне решаемая государственными руководителями, ориентированными на национальные интересы;

– эта проблема обретает статус неразрешимой, как только национальный лидер натурализуется в глобальном управляющем классе.

13. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ключом к решению проблем миграционной безопасности является национализация элит. Не исключено, что в Западной Европе этот процесс будет проходить по схеме фашизации социума. Фашизация – очень дорогая плата за обеспечение национальной безопасности. Осознание народами сущности современных социальных процессов, развитие общей и политической культуры, рост активности населения, принуждение государственных руководителей принимать решения,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

отвечающие национальным интересам, – этот вариант решения проблемы обеспечения национальной безопасности представляется более привлекательным.

Отечественный криминолог, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба и Волжско-Невской криминологической школы, доктор юридических наук *П. А. Кабанов* (Набережные Челны, Россия) представил для обсуждения доклад «**Криминальная виктимность мигрантов в современном российском обществе: краткий обзор официальной статистики за 2014–2017 годы».** Основные положения доклада сводятся к следующему.

Беседа «Преступность миграционных процессов», состоявшаяся в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе 25 мая 2018 г., была предметно направлена на поиск взаимосвязей преступности с миграционными процессами.

Такие взаимосвязи, на первый взгляд, могут показаться довольно простыми: нахождение крупных групп людей с собственными традициями на территории иностранного государства, не знающими правовых основ и традиций принимающей стороны, создает конфликтную обстановку между гражданами этого государства и мигрантами. Она приводит как к преступлениям мигрантов в отношении граждан принявшей их страны, так и к ответным преступлениям коренных жителей в отношении мигрантов.

О криминогенности миграционных процессов часто заявляют представители миграционных служб различных государств, столкнувшихся с массовым неконтролируемым «наплывом» мигрантов. Таким образом, вопросы исследования криминогенности миграционных процессов становятся важнейшей частью ведомственной криминологической науки.

Отметим, что российские криминологи больше исследуют преступления мигрантов [32], нежели негативные последствия преступности на жизнь этих лиц. Отечественными специалистами подготовлено лишь небольшое количество научных статей, в которых обращается внимание на виктимологические аспекты миграционных процессов [33, с. 74–76; 34, с. 57–62], виктимологическую характеристику миграционной преступности [35, с. 65–67], особенности поведения жертв-мигрантов отдельных видов преступности, их виктимность [36, с. 24–28], а также меры по обеспечению их виктимологической защиты от отдельных преступлений [37, с. 225–227].

Вопросы социальной миграции и виктимогенной криминализации населения лишь в самом общем виде были исследованы в начале XXI в. в рамках одного параграфа докторской диссертации К. В. Вишневецкого [38]. До настоящего времени вне научных интересов российских специалистов оказываются вопросы, связанные с оценкой состояния криминальной виктимности мигрантов, ее причинами, а также разработкой мер по их девиктимизации. Под криминальной виктимностью мы понимаем неспособность лица избежать опасности совершения в отношении него преступления там, где она могла бы быть предотвращена.

На первом этапе необходимо проанализировать данные российской виктимологической статистики в части криминальной виктимности мигрантов, а уже в последующем – выяснить факторы виктимности и выработать меры по ее снижению.

В целях установления состояния криминальной виктимности мигрантов мы обратились с запросом в ГИЦ МВД России и получили необходимые для обзора статистические данные о количестве мигрантов, ставших жертвами преступлений в 2014–2017 гг.

Выбор периода обзора обусловлен тем, что лишь с 2014 г. в России появилась база статистических сведений с закреплением правового статуса потерпевшего – «мигрант». Общее количество жертв-мигрантов с 2014 по 2017 гг. составило 5 592 человека (0,09 % от общего количества потерпевших (физических лиц) в РФ за данный период). Из них в 2014 г. было учтено 1 254 жертвы, в 2015 г. – 1 269, в 2016 г. – 1 268, в 2017 г. – 1 801. Прирост криминальной виктимности мигрантов в исследуемый период составил 30,4 %.

Важное криминологическое значение имеет статистическое описание степени тяжести совершенных в отношении мигрантов преступлений. В описываемый нами четырехлетний период потерпевшими от особо тяжких преступлений были признаны 486 мигрантов, в том числе в 2014 г. – 102 человека, в 2015 г. – 128, в 2016 г. – 152, в 2017 г. – 104. В то же время потерпевшими от тяжких преступлений были признаны 1 020 мигрантов, в том числе в 2014 г. – 264 человека, в 2015 г. – 218, в 2016 г. – 207, в 2017 г. – 331.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Жертвами преступлений средней тяжести стали 2 288 мигрантов, в том числе в 2014 г. – 515 человек, в 2015 г. – 513, в 2016 г. – 518, в 2017 г. – 742. Прирост данного показателя составил 44 %. Потерпевшими от преступлений небольшой тяжести признано 1 780 мигрантов, в том числе в 2014 г. – 373 человека, в 2015 г. – 392, в 2016 г. – 391, в 2017 г. – 624. Прирост данного показателя – 32,7 %.

Доля мигрантов, признанных правоохранительными органами и судами потерпевшими от тяжких и особо тяжких преступлений, составила 26,9 %, а от преступлений небольшой и средней тяжести – 73,1 %.

Анализ структуры сведений о потерпевших-мигрантах показал, что жертвами преступлений стали 1 384 женщины (24,7 % от общего числа пострадавших мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом. В 2014 г. были признаны потерпевшими от преступлений 302 женщины-мигранта, в 2015 г. – 318, в 2016 г. – 332, в 2017 г. – 432. Прирост женской криминальной виктимности мигрантов за описываемый период составил 43 %, что на 12,6 % выше показателя общего прироста криминальной виктимности мигрантов.

Криминальная виктимность мигрантов в зависимости от возраста пострадавших может быть классифицирована на детскую криминальную виктимность. В описываемый период 161 несовершеннолетний мигрант стал жертвой преступления (2,9 % от общего числа потерпевших мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2014 г. – 30 несовершеннолетних потерпевших, в 2015 г. – 36, в 2016 г. – 61, в 2017 г. – 34.

Значительная доля мигрантов (4 929 человек, или 88,1 % всех потерпевших-мигрантов) пострадала от следующих трех групп преступлений: против собственности (гл. 21 УК РФ), против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ). Доля пострадавших от иных преступлений составляет лишь около 12 %.

Наибольшее количество мигрантов стало жертвами преступлений против собственности – 3 665 человек (65,5 % от общего количества потерпевших-мигрантов). В динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2014 г. их было учтено 817 человек, в 2015 г. – 780, в 2016 г. – 818, в 2017 г. – 1 250. Структурная группировка по видам преступлений в отношении данной группы мигрантов показала следующее:

а) потерпевшими от тайного хищения имущества (ст. 158 УК РФ) были признаны 2 243 мигранта (в 2014 г. – 488, в 2015 г. – 495, в 2016 г. – 525, в 2017 г. – 735);

б) потерпевшими от различных форм и видов криминального мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) – 565 человек (в 2014 г. – 127, в 2015 г. – 113, в 2016 г. – 113, в 2017 г. – 212);

в) потерпевшими от грабежа (ст. 161 УК РФ) – 357 мигрантов (в 2014 г. – 90, в 2015 г. – 65, в 2016 г. – 70, в 2017 г. – 132);

г) потерпевшими от разбоя (ст. 162 УК РФ) – 229 мигрантов (в 2014 г. – 37, в 2015 – 39, в 2016 – 53, в 2017 – 100);

д) потерпевшими от вымогательства (ст. 163 УК РФ) – 46 мигрантов (в 2014 г. – 11, в 2015 г. – 10, в 2016 г. – 8, в 2017 г. – 17).

Статистические данные о мигрантах – жертвах преступлений против собственности указывают на то, что они чаще всего становятся потерпевшими от краж (61,2 % от общего количества потерпевших от преступлений против собственности, или 40,1 % от общего количества жертв-мигрантов). От мошенничества страдает меньше: 11,5 % от общего количества потерпевших от преступлений против собственности, или 10,1 % от общего количества всех потерпевших-мигрантов. Жертвами грабежа стало 7,2 % от общего числа мигрантов, потерпевших от преступлений против собственности, или 6,4 % от общего количества всех жертв-мигрантов.

Потерпевшими от преступлений против жизни и здоровья в описываемый период времени признано 1 040 мигрантов (в 2014 г. – 257, в 2015 г. – 283, в 2016 г. – 232, в 2017 г. – 268), что составило 18,6 % от числа всех пострадавших этой социальной группы. В зависимости от уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 16 УК РФ, мигранты оказались потерпевшими:

а) от убийств и покушений на него (ст. 105–108 УК РФ) – 213 человек (в 2014 г. – 63, в 2015 г. – 71, в 2016 г. – 39, в 2017 г. – 40);

б) причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 237 человек (в 2014 г. – 62, в 2015 г. – 60, в 2016 г. – 55, в 2017 г. – 60), в результате которого

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

погибло 69 человек (в 2014 г. – 17, в 2015 г. – 18, в 2016 г. – 20, в 2017 г. – 14);

в) побоев (ст. 116 УК РФ) – 139 человек (в 2014 г. – 44, в 2015 г. – 49, в 2016 г. – 31, в 2017 г. – 15).

На третьем месте по числу пострадавших от них мигрантов находятся преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Их жертвами в описываемый период стали 224 мигранта (4 % от числа всех пострадавших этой социальной группы). Данный показатель формируется в основном за счет статистического учета жертв автотранспортных преступлений – мигрантов (ст. 164 УК РФ), в результате которых пострадало 223 человека, в том числе 148 погибло.

Проведенный нами статистический обзор криминальной виктимности мигрантов за период 2014–2017 гг. позволил сделать ряд выводов. Во-первых, доля мигрантов среди жертв преступлений, совершаемых в России, крайне мала. При этом основное число потерпевших-мигрантов – это мужчины. Доля жертв-женщин – около одной четверти от числа всех потерпевших этой социальной группы.

Во-вторых, в России мигранты чаще всего становятся жертвами преступлений средней и небольшой тяжести, реже – тяжких и особо тяжких. В-третьих, мигранты как социально-демографическая группа в большей степени страдают от имущественных преступлений (краж, различных видов мошенничества и грабежей).

Помимо основных научных дискуссий и кулуарных бесед на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба *на основании решения Совета клуба № 1/18 от 04.05.2018* было осуществлено торжественное присвоение *звания почетного профессора Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Хельмуту Кури* с вручением диплома.

Выводы по результатам заседания клуба

Проведенное 25 мая 2018 г. *заседание Санкт-Петербургского международного криминологического клуба* на тему «Преступность миграционных процессов» позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, влияние миграционных процессов на различные стороны жизни современного общества очевидно. Они имеют не только позитивный характер в виде естественного перераспределения трудовых ресурсов, но и негативный – повышают криминогенность общественных отношений. Во-вторых, для снижения рисков криминализации общественных отношений мировому сообществу необходима единая согласованная миграционная политика. В-третьих, причины миграционных процессов и причины преступности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они, подпитывая друг друга, создают атмосферу неблагополучия и недоверия в делах государственных и общественных.

Список литературы

1. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее / под ред. и с предисловием д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ Д. А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 215 с.

2. Горшенков Г. Н. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб – это будущее криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 106–107.

3. Кабанов П. А. О монографии Д. А. Шестакова, С. У. Дикаева, А. П. Данилова «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 108–109.

4. Харламов В. С. О книге «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 110.

5. Кабанов П. А. Рецензия на монографию: Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее / под ред. и с предисловием д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ Д. А. Шестакова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. – 215 с. // Следователь. 2013. № 6. С. 63–64.

6. Данилов А. П. «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 89–90.

7. Дикаев С. У. Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1 (6). С. 335–344.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

8. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2012 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 107–116.

9. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2013 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 111–128.

10. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2014 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 72–95.

11. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2015 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 91–140.

12. Шестаков Д. А., Дикаев С. У., Данилов А. П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2016 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1 (44). С. 65–106.

13. Шестаков Д. А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 9–16.

14. Данилов А. П. Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы Международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 28–33.

15. Деготькова И. Мигрень от мигрантов // Московский комсомолец. 2018. № 27679. 14 мая.

16. Шестаков Д. А. Преступность политики (размышления криминолога). СПб.: Алеф-Пресс, 2013. С. 115.

17. Sigmunt O., Schestakov, Dimitry. Kriminalität der Politik. Das Naschdenken eines Kriminologen. St. Petersburg: Alef-Press, 2013, 224 Seiten (in russischer Sprache)] // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2016. Heft 6. Pp. 494–496.

18. Кузнецов К. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности. М., 2018. 279 с.

19. Шестаков Д. А. Теория преступности и отраслевая криминология. Избранное. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 402.

20. Алхаз Ю. Гастарбайтеры убьют Россию в течение 15 лет! URL: https://echo.msk.ru/blog/jurialhaz/986092-echo/ (дата обращения: 09.01.2013).

21. Кури Х. Беженцы в Германии. Исследование ситуации и вытекающих из нее последствий. URL: http://www.criminologyclub.ru/forthcoming-sessions/326-2018-02-21-14-55-24.html// (дата обращения: 05.06.2018).

22. Шестаков Д. А. Массовая дезинформация как объект преступностиведческого исследования // Следователь. 2015. № 10 (210). С. 60–64.

23. Шестаков Д. А. От преступной любви до преступного законодательства. Статьи по криминологии, интервью. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 158–165.

24. Щербакова Е. По оценке ООН число международных мигрантов возросло в 2017 году до 258 миллионов. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/barom01.php (дата обращения 29.03.2018).

25. Медников А. Азиатское эхо Крыма. URL: lenta.ru/articles/2014/11/19/ca (дата обращения: 28.03.2018).

26. Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юр. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017. С. 27.

27. Шестаков Д. А. Преступность сферы миграции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (50) (номер в печати).

28. Данилов А. П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 60.

29. Данилов А. П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.

30. Шестаков Д. А. Преступность сферы миграции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49).

31. Данилов А. П. Прогресс как криминогенный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 65.

32. Буняева А. В., Буняева М. В., Серегина Е. В. Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры противодействия на нее. М., 2017.

33. Гамаюнова В. П. Влияние социальной миграции на криминогенную виктимизацию населения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 74–76.

34. Бормотова Т. М. Виктимологические риски нелегальной миграции: социальные факторы // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 57–62.

35. Скобельков В. В. Виктимологическая характеристика и противодействие миграционной преступности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 1. С. 65–67.

36. Коваленко В. В. К вопросу о предупреждении миграционной преступности и виктимности мигрантов // Виктимология. 2015. № 1. С. 24–28.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

37. Репецкая А. Л. Виктимологическая защита иностранных трудовых мигрантов от преступлений, связанных с торговлей людьми // Российский криминологический взгляд. 2013. № 2. С. 225–227.

38. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.

References

1. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. *Saint Petersburg International Criminological Club: the past and the present,* ed. D. A. Shestakov, Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2012, 215 p. (in Russ.).

2. Gorshenkov G. N. Saint Petersburg International Criminological Club is the future of criminology, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, No. 2 (29), pp. 106–107 (in Russ.).

3. Kabanov P. A. On the monograph by Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. "Saint Petersburg International Criminological Club: the past and the present", *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, No. 2 (29), pp. 108–109 (in Russ.).

4. Kharlamov V. S. On the book "Saint Petersburg International Criminological Club: the past and the present", *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, No. 2 (29), p. 110 (in Russ.).

5. Kabanov P. A. Review of the monograph by Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. "Saint Petersburg International Criminological Club: the past and the present", ed. And foreword by Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation D. A. Shestakov, Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2012, 215 p., *Sledovatel'*, 2013, No. 6, pp. 63–64 (in Russ.).

6. Danilov A. P. "Criminology: yesterday, today, tomorrow" – a Journal of Saint Petersburg International Criminological Club, *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2011, No. 2, pp. 89–90 (in Russ.).

7. Dikaev S. U. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2003, No. 1 (6), pp. 335–344 (in Russ.).

8. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club. 2012, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, No. 1 (28), pp. 107–116 (in Russ.).

9. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club. 2013, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2014, No. 1 (32), pp. 111–128 (in Russ.).

10. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club. 2014, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2015, No. 1 (36), pp. 72–95 (in Russ.).

11. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club. 2015, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2016, No. 1 (40), pp. 91–140 (in Russ.).

12. Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P. Annals of Saint Petersburg International Criminological Club. 2016, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2017, No. 1 (44), pp. 65–106 (in Russ.).

13. Shestakov D. A. Determination of the quality of preventive work by militia, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2006, No. 2 (11), pp. 9–16 (in Russ.).

14. Danilov A. P. Love for the people and we, *Crimean juridical readings*: works of International scientific-practical conference of 11 May 2012. National University "Odessa Juridical Academy", Faculty of Economics and Law in Simferopol, Simferopol, KRP "Izdatelstvo "Krymuchpedgiz", 2012, pp. 28–33 (in Russ.).

15. Degot'kova I. Migraine caused by the migrants, *Moskovskii komsomolets*, 2018, No. 27679, 14 May.

16. Shestakov D. A. *Criminal character of politics (reflections of a criminologist),* Saint Petersburg, Alef-Press, 2013, p. 115 (in Russ.).

17. Sigmunt O., Schestakov, Dimitry. Kriminalität der Politik. Das Naschdenken eines Kriminologen. St. Petersburg: Alef-Press, 2013, 224 Seiten (in russischer Sprache)], *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2016, Heft 6, pp. 494–496.

18. Kuznetsov K. V. *Criminological characteristic and prevention of organized ethnic crime*, Moscow, 2018, 279 p. (in Russ.).

19. Shestakov D. A. *Theory of crime and sectoral criminology. Selected works*, Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr, 2015, p. 402 (in Russ.).

20. Alkhaz Yu. *Guest workers will kill Russia in 15 years!,* available at: https://echo.msk.ru/blog/jurialhaz/986092-echo/ (access date: 09.01.2013) (in Russ.).

21. Kuri Kh. *Refugees in Germany. Study of the situation and its consequences,* available at: http://www.criminologyclub.ru/forthcoming-sessions/326-2018-02-21-14-55-24.html// (access date: 05.06.2018) (in Russ.).

22. Shestakov D. A. Mass disinformation as an object of criminological research, *Sledovatel'*, 2015, No. 10 (210), pp. 60–64 (in Russ.).

23. Shestakov D. A. *From criminal love to criminal legislation. Article on criminology, interviews,* Saint Petersburg, Alef-Press, 2015, pp. 158–165 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

24. Shcherbakova E. *Bt UNO estimation, in 2017 the number of international migrants grew up to 258 million*, available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/barom01.php (access date: 29.03.2018) (in Russ.).

25. Mednikov A. *Asian echo of the Crimea*, available at: lenta.ru/articles/2014/11/19/ca (access date: 28.03.2018) (in Russ.).

26. Ul'yanov M. V. *Migration processes in the system of determining extremist crimes*: PhD (Law) thesis, Moscow, Akademiya General'noi prokuratury RF, 2017, p. 27 (in Russ.).

27. Shestakov D. A. Crime of migration sphere, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2018, No. 3 (50) (in press) (in Russ.).

28. Danilov A. P. Interference into state sovereignty as a link of global political criminal activity, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2017, No. 4 (47), p. 60 (in Russ.).

29. Danilov A. P. Criminological provision of tolerance (criminological theory of tolerance), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2015, No. 4 (39), pp. 27–30 (in Russ.).

30. Shestakov D. A. Crime of migration sphere, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2018, No. 2 (49) (in Russ.).

31. Danilov A. P. Progress as criminogenic factor, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2016, No. 4 (43), p. 65 (in Russ.).

32. Bunyaeva A. V., Bunyaeva M. V., Seregina E. V. *Crime of migrants: types and specific features of causes, measures of counteraction*, Moscow, 2017 (in Russ.).

33. Gamayunova V. P. Influence of social migration on criminogenic victimization of the populatoin, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, No. 3, pp. 74–76 (in Russ.).

34. Bormotova T. M. Victimological risks of illegal migration: social factors, *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2017, Vol. 16, No. 5 (124), pp. 57–62 (in Russ.).

35. Skobel'kov V. V. Victimological characteristics and counteraction to migration crime, *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*, 2012, No. 1, pp. 65–67 (in Russ.).

36. Kovalenko V. V. On the issue of prevention of migration crime and victimity of migrants, *Viktimologiya*, 2015, No. 1, pp. 24–28 (in Russ.).

37. Repetskaya A. L. Victimological protection of foreign labor migrants against crimes connected with human traffic, *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2013, No. 2, pp. 225–227 (in Russ.).

38. Vishnevetskii K. V. *Crinimogenic victimization of social groups in the modern society*: doctoral (Law) thesis, Moscow, 2008 (in Russ.).

Дата поступления / Received 31.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 02.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Данилов А. П., 2018
© Danilov A. P., 2018

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 340.1(042)(048.8) **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.626-639**

В. А. ТОЛСТИК[1],
П. В. ВАСИЛЬЕВ[1]

[1] Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород, Россия

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КРИТЕРИИ В ПРАВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА (IX БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)» (г. Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.)

Контактное лицо:
Толстик Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5834-9561
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018

Васильев Павел Вячеславович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: vapv22031979@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6941-9390
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6696-2018

Цель: ознакомление широкого круга читателей с результатами проведенной 24–25 мая 2018 г. в г. Нижнем Новгороде Всероссийской научно-практической конференции «Критерии в праве: теория, практика, техника (IX Бабаевские чтения)».
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений определил следующие методы исследования: анализ, синтез, сравнение, формально-юридический и сравнительно-правовой.
Результаты: описаны положения основных докладов ученых, выступивших на конференции (А. В. Аверин, В. М. Баранов, П. В. Васильев, Р. Б. Головкин, С. В. Кодан, П. А. Кабанов, Н. А. Колоколов, Н. В. Макарейко, А. Е. Михайлов, А. В. Парфенов, С. Г. Пишина, С. Б. Поляков, О. Д. Третьякова, В. В. Трофимов, В. А. Толстик, В. И. Шаров), в которых дана разносторонняя характеристика феномена «правовой критерий», определены его гносеологические и прикладные возможности в юридической науке и практике. Участниками конференции сделан вывод о том, что критерии могут как способствовать, так и тормозить общественное развитие. Обращено внимание на необходимость правильного и обоснованного их установления. В докладах проанализированы критерии, используемые для оценки научно-исследовательской, правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности и сформулированы конкретные предложения по их совершенствованию.
Научная новизна: вопросы критериев в праве в разрезе теории, практики, техники на территории Российской Федерации на международном уровне обсуждались впервые. В результате установлено множество теоретико-правовых и отраслевых правовых подходов к значению и содержанию «критериев в праве», найдены, сформулированы и описаны правовые основы применения критериев при оценке качества правотворческой и правоприменительной деятельности.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической, правоприменительной и правотворческой деятельности.

Ключевые слова: критерий в праве; правовой критерий; критерии классификации; критерии оценки; показатели оценки; критерии эффективности правового регулирования; критерии качества закона

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Как цитировать статью: Толстик В. А., Васильев П. В. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Критерии в праве: теория, практика, техника (IX Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 626–639. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3. 626-639

V. A. TOLSTIK[1],
P. V. VASILYEV[1]

[1]Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

REVIEW OF ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE "CRITERIA IN LAW: THEORY, PRACTICE, TECHNIQUE (9TH BABAYEV'S READINGS)" (Nizhniy Novgorod, 24–25 May 2018)

Contact:
Vladimir A. Tolstik, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Professional Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5834-9561
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018

Pavel V. Vasilyev, PhD (Law), Deputy Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: vapv22031979@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6941-9390
Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/Q-6696-2018

Objective: to familiarize a wide range of readers with the results of the all-Russian Scientific and Practical Conference 'Criteria in law: theory, practice, technique (9th Babayev's Readings)" held on May 24-25, 2018, in Nizhny Novgorod.
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena determined the following research methods: analysis, synthesis, comparison, formal-legal and comparative-legal methods.
Results: the provisions of the key reports (A. V. Averin, V. M. Baranov, P. V. Vasiliyev, R. B. Golovkin, S. V. Kodan, P. A. Kabanov, N. A. Kolokolov, N. V. Makareyko, A. E. Mikhailov, A. V. Parfenov, S. G. Pishina, S. B. Polyakov, O. D. Tretyakova, V. V. Trofimov, V. A. Tolstik, V. I. Sharov), are described, presenting a comprehensive characteristics of the phenomenon of "legal criterion" and defining its gnoseological and applied possibilities for the juridical science and practice. The conference participants conclude that the criteria may both facilitate and impede social development. Special attention is paid to the need of their correct and substantiated establishment. The repots analyze the criteria used for assessing the scientific-research, law-making, law-interpretation and law-enforcement activities; specific proposals for their improvement are formulated.
Scientific novelty: the issues of criteria in law were discussed for the first time in the context of theory, practice, and technique in the Russian Federation at the international level. As a result, a lot of theoretical, legal and branch legal approaches to the meaning and content of the "criteria in law" are established, the legal bases of criteria application in assessing the quality of law-making and law-enforcement activities are found, formulated and described.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical, law enforcement, and law-making activities.

Keywords: Criterion in law; Legal criterion; Classification criteria; Assessment criteria; Assessment indicators; Criteria of legal regulation efficiency; Criteria of the law quality

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Tolstik V. A., Vasilyev P. V. Review of All-Russian scientific-practical conference "Criteria in law: theory, practice, technique (9th Babayev's readings)" (Nizhniy Novgorod, 24–25 may 2018), *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 626–639 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.626-639

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

24–25 мая 2018 г. в Нижегородской академии Министерства внутренних дел России состоялась ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Критерии в праве: теория, практика, техника (IX Бабаевские чтения)». В конференции приняли участие 165 исследователей, из них 30 докторов наук и 81 кандидат наук, представлявших Московский, Санкт-Петербургский и Краснодарский университеты МВД России; Волгоградскую, Омскую и Нижегородскую академии МВД России; Барнаульский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный институты МВД России, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, другие крупнейшие образовательные организации высшего образования России. Тема конференции вызвала интерес у представителей центрального аппарата МВД России, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, Законодательного Собрания Нижегородской области, ГУ МВД России по Нижегородской области, Управления МВД России по г. Перми.

Конференция была посвящена развитию научного наследия доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Константиновича Бабаева, внесшего фундаментальный вклад в становление общетеоретической науки в Нижегородской академии МВД России. Необходимо отметить, что это уже девятая конференция подобного рода, посвященная памяти В. К. Бабаева. По результатам предыдущих мероприятий издавались сборники научных трудов [1–10], а также публиковались их обзоры [11, с. 110–117; 12, с. 113–119].

В ходе конференции рассматривались актуальные проблемы использования критериев в правотворческой, правоинтерпретационной, правореализационной и других видах юридической деятельности. Рассмотрение проблемных вопросов сопровождалось дискуссиями по наиболее интересным аспектам, связанным с определением признаков юридических критериев и использованием последних для совершенствования правового регулирования.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, А. В. Аверин в докладе на тему «*Ориентирующие и оценочные критерии формирования карательной уголовно-правовой судебной практики*» поднял проблематику оценочной деятельности судов при отправлении правосудия. Российские судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Но одно дело – закрепить в Конституции правовой принцип, совсем другое – его фактическая реализация в реальной жизни. До тех пор пока не будет создана система судопроизводства, гарантирующая (а не декларирующая) независимость судьи от «околоправовых» факторов, оказывающих влияние на его волю в судебном процессе, между судопроизводством и правосудием нельзя ставить знак равенства.

Одним из факторов, влияющих на волю и профессиональное сознание судей, сложным по содержанию, степени завуалированности, безапелляционности, имеющим высокий уровень результативности, является «Троянский конь правосудия» – правоприменительные установки Президента РФ, которые в интерпретации судебной системы представляют собой ориентирующие и оценочные критерии формирования карательной уголовно-правовой практики судов.

Правовая проблема заключается в том, что, как верно отметил Президент РФ во время общения с гражданами России 7 июня 2018 г., правоприменители на местах нередко доводят до абсурда изначально верные, полезные и необходимые обществу политико-правовые установки. В судебной системе в настоящее время доведение до абсурда политико-правовых правоприменительных установок Президента РФ (например, по делам о коррупции) носит характер системной эпидемии, поэтому данное явление требует пристального внимания со стороны правоведов.

Суть проблемы состоит в том, что требования статистической отчетности по «успешному» осуществлению борьбы с коррупцией оказывают прямое и неприкрытое влияние на судей, проявляясь в неоправданной и поголовной жестокости судебной практики по делам данной категории, по которым удобной мишенью статистической отчетности стали учителя и врачи.

Неоправданная жестокость судебной практики в отношении врачей и учителей создает лишь иллюзию борьбы с коррупцией в стране и ничего общего с правом (а следовательно, с правосудием) не имеет.

Толстик В. А., Васильев П. В. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Критерии в праве: теория, практика, техника...»
Tolstik V. A., Vasilyev P. V. Review of all-russian scientific-practical conference "Criteria in law: theory, practice, technique (9th Babayev's readings)"

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Конституционные принципы справедливости и равенства всех перед законом и судом на фоне назначенного судом наказания в виде лишения свободы сроком на один год за 1 000 рублей взятки заключившей досудебное соглашение о сотрудничестве женщине-педагогу, являющейся инвалидом и пенсионером, по уголовному делу, приведенному в качестве примера, предполагают необходимость назначения многим должностным лицам высокого ранга наказания, значительно превышающего возраст современной цивилизации.

Помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации В. М. Баранов представил доклад «*Критерии научной школы в юриспруденции: диалектика объективного и субъективного*», в котором с использованием стилистического приема антитезы и в формате антонимов актуализировал проблему критериев научной школы в юриспруденции (далее – НШЮ).

В. М. Баранов отметил наличие качественного многообразия областей (сфер) наук, видов научного знания, целей и методов научного анализа, пояснив, что глубоко дискуссионным является принципиальный вопрос: что означает понятие «критерий научной школы»? Почему вместо него нельзя использовать понятие «показатель научной школы» или «характеристика» школы либо «признак» ее. По мнению докладчика, методологически правильно применять понятие «критерий», поскольку только оно позволяет охватить все логико-гносеологическое, организационно-управленческое, морально-психологическое, культурно-воспитательное пространство школы. В докладе В. М. Баранов, представив различные точки зрения по поводу критериев НШЮ, отметил, что он усматривает необходимость разработки четких критериев НШЮ, определения их видов и законодательного закрепления процесса и результатов формирования, функционирования и оценки школ. В качестве возможных критериев НШЮ В. М. Баранов предложил следующие:

– наличие определенно сформулированной конкретной доктринальной, практической, дидактической мало исследованной проблемы (направления);

– выдвижение руководителя (лидера) НШЮ;

– создание специализированного центра, организующего и курирующего исследовательские программы в рамках выбранной проблемы;

– подбор профессионального сообщества, состоящего из трех поколений;

– систематическое проведение международных научно-практических конференций, междисциплинарных семинаров по частным (относительно узким) неисследованным проблемам;

– образование и системное издание специального профильного журнала;

– подготовка специалистов высшей квалификации – защита докторских и кандидатских диссертаций под научным руководством (либо при научном консультировании) членов НШЮ;

– участие членов НШЮ в функционировании диссертационных советов;

– выступления членов НШЮ в качестве официальных оппонентов по докторским и кандидатским диссертациям юридического профиля;

– публикационная активность членов НШЮ;

– издание учебно-методической и научно-дидактической литературы (учебники, учебные и научно-методические пособия, курсы лекций, словари, хрестоматии, образцы процессуальных документов);

– участие НШЮ в систематизации федерального и регионального законодательства, осуществляемого в форме консолидации, инкорпорации, кодификации;

– создание в рамках НШЮ специализированных временных творческих коллективов, проектных групп;

– чтение руководителем и членами НШЮ по приглашению других вузов, научно-исследовательских институтов, депутатского корпуса циклов лекций по технико-юридической проблематике;

– подготовка экспертных заключений НШЮ на проекты (идеи, концепции) федеральных и региональных законов, других нормативных правовых актов;

– авторское сопровождение фактического внедрения результатов исследований НШЮ в других гуманитарных науках, учебно-воспитательном процессе и юридической (правотворческой, интерпретационной и правоприменительной) практике;

– популяризация результатов деятельности НШЮ;

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

– участие исследователей научной НШЮ в работе экспертных советов ВАК Министерства науки и высшего образования России;

– участие в грантовых научных исследованиях, подтверждающих признание достижений научной НШЮ.

Профессор кафедры теории истории государства и права Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор Р. Б. Головкин и директор юридического института им. М. М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор юридических наук, доцент О. Д. Третьякова представили доклад о *критериях опасности в праве*. Опасность – это прежде всего перспектива нанесения вреда, имущественного (материального), физического или морального (духовного) ущерба личности, обществу, государству. Опасность – это ситуация, при которой возможно возникновение процессов и явлений, способных поражать людей, наносить материальный ущерб, разрушительно действовать на окружающую среду. В связи с опасностью право выступает критерием, мерой опасностей, угрожающих субъектам права. Основное назначение правовых норм в рассматриваемой области – это информирование субъектов правоотношений об опасности и способах преодоления этих опасностей, а также механизмах защиты от них.

Проведенное исследование критериев опасности в праве позволило установить ряд важных обстоятельств. Во-первых, критерии опасности в праве отражают и проявляют саму сущность опасности, так ли иначе отраженную в правовых нормах. Это явление или совокупность явлений, причиняющих или угрожающих жизнедеятельности личности, общества и государства, а также закрепленный в праве механизм преодоления и нейтрализации опасных факторов. Во-вторых, они отражаются и закрепляются как субъективные и объективные показатели угрозы выживанию. В-третьих, критерии опасности в праве проявляют формы, виды опасности и механизмы их преодоления. В-четвертых, субординация критериев опасности выстраивается в зависимости от отрасли охранительного законодательства, регламентирующего степень юридической ответственности за общественно опасные деяния. В-пятых, само право (прежде всего охранительное) – это критерий универсального обеспечения защиты общества, личности и государства от возможных опасностей. В-шестых, право может выступать критерием опасности и для самого права, его регулятивным свойством, в нем также могут закрепляться механизмы юридического противодействия этим явлениям.

С учетом изложенных обстоятельств авторами сформулировано операционное понятие «критерии опасности в праве» – это закрепленная в правовых нормах мера потенциальной или реальной угрозы жизнедеятельности личности, общества и государства, а также сами правовые нормы, индицирующие опасность охраняемым законом общественным отношениям.

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации С. В. Кодан в докладе «*Идеологический критерий в праве: историко-теоретические контексты*» поставил и осветил вопрос об особенностях формирования Советского государства и права в контексте их идеократических оснований. В РСФСР – СССР функционировало управленческое образование – «партия – государство», в котором центром осуществления властных полномочий и принятия основных политических, управленческих и законодательных решений являлось Политбюро ЦК коммунистической партии, хотя формально-юридически они закреплялась за Советским государством. *Идеологическая ориентация советского права связана с партийностью*, которая в общем плане выступала как требование неуклонно следовать марксистско-ленинской (на определенном этапе исключительно сталинской) доктрине и политическому руководству коммунистической партией всеми основными сферами жизнедеятельности советского общества. И хотя принцип партийности в правовых актах в качестве такового специально не выделялся, это отнюдь не мешало ему быть «высшим звеном», основополагающим началом построения правового регулирования и построения системы советского социалистического права. Уже в первые годы социалистического строительства в основу формирующегося пролетарского права были положены классовый и нормативный подходы.

Право провозглашалось как воля победивших в революции трудящихся во главе с рабочим классом,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

которая была возведена в закон, представляла систему общеобязательных и гарантированных пролетарским государством норм и являлась классовым регулятором общественных отношений. При этом право как выполняло идеологическую функцию – стало одним из главных средств трансляции партийно-мировоззренческих установок и политических ориентиров в общество, так и носило политико-инструментальный характер – являлось орудием установления и осуществления диктатуры пролетариата, обеспечивало классовый порядок. Источниками советского права являлись труды основоположников научного коммунизма (К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина и др.), а также идеологические документы коммунистической партии – РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС – программные документы, решения партийных съездов и конференций. Фактически же процессами правового регулирования руководило Политбюро ЦК. Используя право как инструмент реализации идеологических установок, лидеры и высшие органы коммунистической партии активно использовали законодательство как нормативное средство диктатуры пролетариата, а затем социалистического строительства. В докладе подчеркнуто, что идеологический подход в изучении источников познания советского социалистического права позволяет показать особенности развития правовой системы в советский период истории России.

Профессор кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, профессор В. И. Шаров посвятил доклад теме «*Критерии отнесения информации к персональным данным*». В. И. Шаров отметил, что законодатель вводит множество понятий, часть из которых требует дополнительного пояснения с точки зрения определения критериев, которым оно должно отвечать. К таким понятиям, на взгляд докладчика, относится понятие персональных данных. Созданное для защиты тайны частной жизни в цифровую эпоху, оно до сих пор трансформируется, смещаясь от формальной определенности к разработке совокупности критериев, которым должна отвечать информация, относимая к персональным данным.

Такими критериями становится относимость информации к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу. При этом четко проявляется тенденция ухода от формальной определенности и установления четких критериев в законе. Не проясняет ситуации и судебная практика, поскольку она приводит лишь примеры в контексте рассматриваемых дел, в которых и осуществляется толкование персональных данных. Роскомнадзор (уполномоченное законом ведомство по защите персональных данных) указывает на необходимость принимать во внимание цель обработки персональных данных. Если она состоит в установлении личности субъекта персональных данных, то должна осуществляться как обработка персональных данных.

В. И. Шаров предложил определить еще два критерия: наличие возможности автоматизированной обработки информации и использование ее, а также то, что информация не должна относиться к публичной стороне личности.

По мнению автора, публичность информации является необходимым критерием, согласно которому нельзя относить ее к персональным данным. Иначе возможна парадоксальная ситуация тотального ограничения другого важного права личности – права свободно получать и распространять информацию. В. И. Шаров констатировал, что в законодательстве нужны более четкие границы и критерии. При этом докладчик отметил, что разработка критериев отнесения той или информации к персональным данным, к информации о частной жизни лица при ее автоматизированной обработке еще только начинается и будет активно осуществляться.

Судья Верховного суда РФ (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), доктор юридических наук, доцент Н. А. Колоколов представил свой взгляд на *судебное решение с точки зрения критериев его законности, обоснованности и справедливости*. Используя художественные образы и материалы юридической практики, докладчик поставил проблему адекватности юридических критериев моральным ценностям отдельных народов многонационального и многоконфессионального государства.

Иллюстрацией проблемы послужили материалы одного оригинального уголовного дела. Фабула его предельно проста. У отца было две дочери, воспитать из которых достойных «горянок» у него не получи-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

лось. Тогда отец вывез обеих дочерей на гору Пушкин Тау, где по очереди перерезал им горло.

Верховный суд Республики Дагестан, назначая 27 апреля 2017 г. виновному наказание по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ в виде 15 лет лишения свободы, в приговоре указал такой критерий: мотив содеянного – аморальный, распутный образ жизни девушек, чем отцу нанесено оскорбление, унижены его честь и достоинство. 27 апреля 2017 г. отец был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам лишения свободы. Суд апелляционной инстанции пошел еще дальше, в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ признал аморальность поведения потерпевших смягчающим наказание обстоятельством. Назначенное осужденному наказание было сокращено, однако всего на один месяц. Признав поведение обеих потерпевших не только аморальным, но и противоправным, авторы апелляционного определения не указали, в чем именно заключались такие критерии, как аморальность и тем более противоправность. В качестве выводов докладчик констатировал, что критерии оценки одних и тех же действий в рамках современного российского официального права, закрепленного в конкретных законах, местного обычного права и морали могут быть весьма различными. Признавая аморальность и противоправность в действиях потерпевших, суд должен надлежащим образом мотивировать свое решение. Юридико-техническая составляющая современных судебных документов должна отличаться ясностью и четкостью.

Доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент А. Е. Михайлов сделал доклад на тему «*Антикоррупционные установки как критерии профилактики коррупции (вопросы теории и практики)*». Актуализируя тему, докладчик сообщил, что в настоящее время в России достаточно серьезной проблемой является коррупция. Разработкой направлений борьбы с коррупцией занимаются представители юридических, экономических, социологических и иных наук. Некоторые ученые говорят даже о необходимости выделения самостоятельной науки – коррупционологии, которая должна заниматься поиском путей совершенствования уголовной политики и законодательства для воздействия на организованную преступность и коррупцию.

Наиболее очевидная и непосредственная борьба с указанным явлением ведется при помощи уголовно-правовых средств, однако этого, конечно, недостаточно.

Среди необходимых мер по борьбе с коррупцией ученые выделили: усиление надведомственного контроля и надзора в отношении всех государственных и муниципальных органов независимо от того, к какой ветви власти они относятся; общественный контроль со стороны СМИ, института уполномоченного по правам человека, института общественной экспертизы при органах исполнительной власти; политический контроль за органами власти и муниципальными органами со стороны общества через различные политические партии и движения; разработку и принятие комплексной программы, направленной на повышение имиджа госслужбы; разработку и принятие основополагающих антикоррупционных законов и т. д. В рамках доклада А. Е. Михайлов предложил рассмотреть еще одно направление – формирование антикоррупционных установок в обществе.

Под антикоррупционной правовой установкой предложено понимать часть правовой установки личности, сложившуюся готовность и предрасположенность индивида к соблюдению антикоррупционных правовых установлений, определенную линию в реакциях индивида по отношению к антикоррупционным правовым установлениям, обусловливающую невозможность стать участником коррупционного отношения.

Отсутствие у большинства граждан российского общества антикоррупционной установки обусловливает возможность распространения коррупции как вирусной инфекции во все сферы общественной жизни, на все уровни публичной власти. Совершение указанных преступлений одними лицами и распространение информации об этом формирует негативную установку у других по принципу «все берут», «почему им можно, а мне нельзя?». Особенно плачевная ситуация может складываться при коррумпированности представителей высших уровней публичной власти. Вышеназванное детерминирует необходимость борьбы с коррупцией посредством в том числе формирования антикоррупционных установок: ориентировать органы исполнительной власти, осуществляющие выработку

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере образования, на совершенствование образовательных программ в целях более эффективного осуществления антикоррупционного воспитания в учебных заведениях. Образование, на наш взгляд, является наиболее эффективным средством в борьбе с коррупцией как дефектом общественной системы.

Таким образом, по мнению А. Е. Михайлова, формирование антикоррупционных установок у граждан является не только важным направлением деятельности по борьбе с коррупцией, но и критерием профилактики коррупции.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент С. Б. Поляков в сообщении «*Критерии и показатели явлений права*» представил результаты совместного с магистрами юриспруденции Л. В. Кондаковой, М. Ю. Никитенко, А. А. Романовой исследования правовых явлений разной степени сложности.

Определение критериев и показателей – это логическая операция, начинающаяся с определения признаков явления и их меры. Измерить (определить показатели) признаки права (критерии) возможно только по внешним выражениям содержания права (принципов и норм), т. е. критерии и показатели обнаруживаются в формах права (законодательство, акты судебного правотворчества, нормативные договоры).

Юридической наукой сформулированы юридико-технические и социальные требования к нормативным правовым актам. Такие требования являются критериями нормативных правовых актов. Количество нормативных правовых актов, не соответствующих полностью или в части критериям этой формы права, является отрицательным показателем. Объективным показателем качества нормативных правовых актов является статистика судебной практики абстрактного нормоконтроля (по правилам гл. 21 КАС РФ, гл. 23 АПК РФ).

С. Б. Поляковым показаны процессы определения критериев и показателей:

– явления, не имеющего исчерпывающих нормативных дефиниций – судебной защиты юридических лиц по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности;

– дискуссионного правового понятия, содержащегося в текстах правовых актов, но в правоприменительной практике используемого с разным смыслом явления – правового государства.

Представлены на основе сформулированных критериев и показателей результаты мониторинга судебной защиты юридических лиц по делам о привлечении их к административной ответственности и соответствия юридической практики доктринальным признакам правового государства.

Директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП), профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент П. А. Кабанов, освещая *правовое регулирование критериев оценки качества антикоррупционного просвещения в субъектах Российской Федерации,* отметил, что проведенный докладчиком анализ 266 федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и осуществления антикоррупционного просвещения, показал отсутствие единства критериев оценки результативности антикоррупционного просвещения как инструмента противодействия коррупции. В связи с этим требуются разработка и внедрение единых критериев оценки качества антикоррупционного просвещения.

Докладчик предложил четыре группы критериев оценки качества антикоррупционного просвещения. Первая группа показателей отражает оценку правового регулирования антикоррупционного просвещения, свидетельствующую о формах правового регулирования его организации и проведения. Вторая группа критериев качества включает в себя оценку качества правового регулирования антикоррупционного просвещения, свидетельствующая о достаточности форм, механизмов, ресурсов и технологий его осуществления в нормативных правовых актах. Третья группа критериев предусматривает анализ и оценку качества организации осуществления антикоррупционного просвещения, отражающие наличие ресурсов и условий (возможностей, инструментов, средств, механизмов и технологий) исполнения различных форм антикоррупционного просвещения. Четвертая группа

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

критериев – оценку качества исполнения в органах публичной власти антикоррупционного просвещения их должностными лицами.

По мнению докладчика, предлагаемая система критериев оценки качества организации и осуществления антикоррупционного просвещения в органах публичной власти, основанная на количественных показателях, является рабочей, однако отражает только базовые показатели первого этапа оценки. Поэтому вслед за первым этапом появится и второй, предполагающий в перспективе разработку новых количественных и качественных показателей организации и осуществления антикоррупционного просвещения в субъектах Российской Федерации.

Директор НИИ государственно-правовых исследований, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук, доцент В. В. Трофимов выступил с докладом на тему «*Критерии правовой политики: общетеоретический аспект*». «Критерий» как теоретическое понятие представляет собой некоторое средство для суждения в отношении чего-либо, с помощью которого оценивается то или иное явление (предмет); признак, на основании которого производится оценка явления с точки зрения его соответствия или несоответствия задаваемым объективно или избираемым субъективно критериальным характеристикам, в силу чего осуществляются распределение, классификация, систематизация и иная рационализация оцениваемого материала (предмета суждения). Для материи социально-правовой жизни критерии представляют крайне значимый познавательный и организационный ресурс, поскольку посредством их использования в этом плане достигаются искомые определенность и упорядоченность входящих в сложную систему социально-правовой жизни явлений. Закономерно, что такой авангардный компонент правовой системы, как «юридическая техника», которая призвана выполнять функцию рационализации правового материала, в основе своей ориентируется на методологию и методику критериального анализа (подхода).

Способом организации и упорядочения всей совокупности правовых явлений (правовой жизни общества в целом) выступает такой особый вид юридической деятельности, как правовая (юридическая) политика (в юридической науке данное научно-практическое представление получило вполне убедительное обоснование в рамках теории правовой политики, которая активно развивается в современной российской юриспруденции). Специфику этому виду юридической деятельности придает его соответствие целому ряду критериев (признаков), позволяющих «узнать» таковую во всем многообразии осуществляемых в правовой сфере жизни общества видов деятельности, нередко напоминающих лишь имитацию рациональной правовой активности.

В качестве критериев правовой политики докладчик предложил считать: а) компетентность (в значении обладания властными компетенциями) осуществляющих ее в сфере права субъектов (органы государственной и муниципальной власти, институты гражданского общества как носители и выразители демократической власти в государстве); б) научную обоснованность юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной и пр.); в) системность осуществляемых в рамках правовой политики действий; г) оптимальность принимаемых в формате правовой политики решений (предполагает выбор лучшего варианта юридического решения при существующих и прогнозируемых на перспективу условиях правового развития); д) предсказуемость и ориентацию на позитивный результат проводимой правовой политики (правовая политика, ориентируясь на методологию опережающего отражения, предсказывает и достигает позитивного эффекта от осуществляемых в ее рамках юридических операций). За счет данных и некоторых других критериев правовая политика предстает как особый и вместе с тем вполне конкретный вид юридической деятельности, не номинально, а реально способствуя прогрессивному правовому развитию государства и общества.

Доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России В. А. Толстик в своем докладе «Критерии и показатели оценки результатов научной деятельности: проблемы оптимизации» проанализировал достоинства и недостатки библиометрического подхода, используемого в настоящее время в России для официальной оценки результатов научной деятельности организаций и отдельных ученых. Особое внимание было уделено такому критерию, как публикацион-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ная активность, и соответствующим показателям (число публикаций организации, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования; совокупная цитируемость публикаций организации; индекс Хирша, совокупный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи организации).

Было установлено, что наряду с отдельными достоинствами данные измерительные инструменты порождают немало негативных следствий. Почему это происходит? Главная причина, по мнению В. А. Толстика, в том, что в данном случае происходит подмена цели. Цель науки – это получение и применение новых знаний. Такие показатели, как количество статей, цитируемость, индекс Хирша, используемые для официальной оценки результатов научной деятельности, приводят к подмене цели. Была цель – получение нового знания. Ее подменили на цель – количество публикаций и цитирований. В результате ученые и научные организации вынуждены работать на показатели, и именно они становятся определяющими при выборе варианта поведения. Лучшим признается тот, у кого выше показатели. Это закономерно побуждает научных работников к использованию различных недобросовестных технологий (ложное соавторство, салями слайсинг, плагиат и автоплагиат, ссылки друг на друга по принципу взаимности, а не научной потребности; прием «научная провокация» и другие). Подобная практика приводит к серьезным социальным последствиям: вместо качественного научного продукта культивируется фальсификат.

Далее проф. В. А. Толстик предложил ряд конкретных мер, которые, по его мнению, будут способствовать развитию подлинной науки, а не продуцированию псевдонаучных результатов. В их числе: установление законодательного запрета на официальную оценку результатов научной деятельности ученых и научных (образовательных) организаций на основе критерия «публикационная активность» и соответствующих показателей; осуществление не только количественной, но и качественной (содержательной) систематизации научного знания; разработка и утверждение кодекса научной этики.

Профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент Н. В. Макарейко остановился на проблеме *критериев классификации административных наказаний*. Отмечая значимость указанной проблемы, Н. В. Макарейко пояснил, что она обусловлена потенциалом данной формы административного принуждения, расширением практики применения и, что самое главное, наличием юридических ошибок в ходе применения. В этой связи обращение к проблеме административных наказаний с позиции классификации, а точнее используемых при этом критериев, видится вполне актуальным, востребованным в научном и прикладном планах.

Значимость классификации административных наказаний обусловлена потребностью их упорядочения, выстраивания строгой иерархической системы. С одной стороны, классификация административных наказаний имеет важное значение для осуществления законотворческой деятельности, так как выступает в качестве важного элемента техники законотворчества. С другой стороны, классификация оказывает неоспоримое воздействие на их применение, назначение за конкретное административное правонарушение.

Обращение к гл. 3 КоАП РФ позволило констатировать, что законодателем широко задействован метод классификации. При этом использовано несколько критериев. Так, в ч. 2 ст. 3.2 КоАП РФ применен критерий «субъект ответственности (принуждения)», в этой связи выделяются административные наказания, которые применяются к физическим и юридическим лицам. Отмечено, что к первым применяются все административные наказания, которые предусмотрены действующим законодательством (ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ). Значимость использования названного критерия учитывается в дальнейшем при назначении административных наказаний (гл. 4 КоАП РФ). При этом докладчик подчеркнул, что ограничение применения лишения специального права исключительно физическими лицами существенно обедняет потенциал административной ответственности. Более того, складывается парадоксальная ситуация, когда лишение специального права (лицензии) в отношении юридических лиц, а также подавляющего большинства специальных прав, которыми обладают физические лица, рассматривается не как административное наказание, а как мера административного пресечения.

Н. В. Макарейко предложил ряд критериев для классификации административных наказаний (специ-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

фика юридического лица как субъекта административной ответственности, субъект установления, юридических свойств наказания, субъект применения, характера правоограничений, степень персонификации исполнения, интенсивности принудительного воздействия, целевого назначения и объекта ограничительного воздействия) и показал их практическую значимость при реформировании законодательства об административных правонарушениях, выстраивании обновленной системы административных наказаний, их назначении и отправлении производства по делам об административных правонарушениях.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент А. В. Парфенов, представивший свое видение *критериев определения ситуации, допускающей применение правового компромисса*. Актуализируя тему выступления, А. В. Парфенов, отметил, что одной из объективных предпосылок появления государства стало увеличение количества конфликтов в обществе, обусловленное усложнением общественных отношений и усиливающейся дифференциацией интересов людей. С момента своего появления государство было ориентировано на поиск механизма разрешения социальных конфликтов. Среди таковых выступающий выделил механизм альтернативного разрешения спора, который в целом представляет собой допускаемую действующим правом процедуру, связанную с выбором и использованием специфических способов, приводящих к устранению разногласий сторон без вмешательства государственных органов и их должностных лиц. При этом А. В. Парфенов особо выделил точку зрения западных специалистов М. Хантера и Я. Полссона, полагающих, что альтернативное разрешение спора связано только с теми способами, которые основаны на достижении компромисса. К их числу следует отнести: переговоры, посредничество (медиацию), примирение. Использование механизма альтернативного разрешения споров обуславливает необходимость разработки системы соответствующих правовых критериев. Их назначение состоит в том, чтобы, во-первых, способствовать идентификации конкретных жизненных случаев, допускающих альтернативный вариант разрешения конфликта, во-вторых, давать возможность определить наиболее эффективный из них в данной ситуации. Таким образом, указанные критерии можно разделить на две группы: объективные и субъективные.

По поводу объективных критериев докладчик отметил: альтернативные варианты возможны в отношении конфликтов, имеющих правовую окраску; социальная значимость конфликтной ситуации в масштабах государства должна быть относительно невелика; устанавливается присутствие готовности и желания сторон конфликта к диалогу; присутствуют возможность и перспективность совместного формирования варианта разрешения конфликта; имеется гарантированность добровольного исполнения совместного решения, не обеспеченного мерами государственного принуждения.

В числе субъективных критериев А. В. Парфенов назвал следующее: участники конфликта обладают примерно одинаковой силой (властью); ресурсы, которые находятся в распоряжении субъектов, носят ограниченный характер; имеет место дефицит времени, требуется как можно скорее выработать решение; предмет спора не имеет для субъектов принципиального значения, поставленная в его начале цель может быть скорректирована; стороны конфликта вполне устраивает временное решение и получаемая кратковременная выгода; существует потребность сохранить партнерские отношения с оппонентом.

В качестве вывода А. В. Парфенов отметил, что компромисс как специфический государственно-правовой феномен имеет свои достоинства (например, учет взаимных интересов; подготовка взаимовыгодных решений и т. д.) и недостатки (в частности, «раздутость» первичной позиции сторон, «аморфность» принимаемого решения, оспаривание принятых на себя обязательств). Формируемая на основе компромисса концепция альтернативного разрешения спора сегодня выступает показателем совершенства и зрелости национальной правовой системы, степени цивилизованности современного общества. Умение оперировать способами, обеспечивающими урегулирование конфликта, выступает важной составной частью правовой культуры юриста, показателем его профессионального мастерства.

Доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент С. Г. Пишина сделала доклад

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

о *критериях в правоинтерпретационной практике.* Правоинтерпретационная практика, как и любая человеческая деятельность, несущая в себе риск допущения погрешности, ошибочности, порождает проблему поиска способа противодействия этому несовершенству. Таким способом определения истинности, правильности или ошибочности правоинтерпретационной практики призван быть критерий правильности толкования норм в правоинтерпретационной практике.

Критерий правильности толкования должен иметь такую правовую природу, которая была бы аналогичной, родственной материалу для толкования. Следовательно, критерий следует искать среди базовых основ права, его направляющих начал, с одной стороны, концентрирующих в себе сущность права и представляющих основу правовой системы, а с другой – сообщающих направление развития правовой мысли в актуальный период правовой интерпретации.Такими качествами обладает правовой принцип, установленный нормой права. Правовой принцип, будучи критерием правильности толкования, не позволит ошибиться в поисках смысла правовой нормы и в результате толкования выйти за рамки правовой системы, получив результат толкования, противоречащий направлению правового регулирования. Приняв в качестве критерия правильности толкования правовой принцип, можно избежать ошибочного понимания смысла правовой нормы как части правовой системы, тем самым способствуя сохранению ее устойчивости. Правовые принципы могут конкурировать между собой, так как отрасли права отличаются доминированием частного или публичного начала. В такой ситуации интерпретатору необходимо отдать предпочтение наиболее значимому в условиях интерпретации охраняемому законом интересу. Очевидно, важным направлением исследования станет конкретизация правовых принципов.

Заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук П. В. Васильев обозначил основные проблемы критериев в праве и предложил гипотезы их решения.

П. В. Васильев по поводу понимания научной (доктринальной) юридической проблемы предложил определить ее как гносеологическую ситуацию, в которой исследователи политико-правовой реальности имеют потребности в отсутствующих у них знаниях о политико-правовых явлениях, закономерностях их возникновения, развития, функционирования и прекращения существования либо о теоретических моделях осуществления (алгоритмах) какой-либо юридической деятельности.

Докладчик счел возможным отнести методологическую проблематику к объектно-предметной сфере научной специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, мотивируя свой вывод ссылками на паспорт указанной научной специальности и признанием методологической функции юридической науки.

Также П. В. Васильев констатировал наличие комплексной проблемы неопределенности основополагающих методологических идей, в частности, о сущности и структуре метода научного юридического исследования. Докладчиком были представлены авторское определение метода научного юридического исследования, а также ряд гипотез методологического характера, включая определение критерия научной новизны. Обсуждая проблему понимания критериев в праве, П. В. Васильев предложил понимать последние как гносеологические инструменты, формализованные посредством введения системы качественно и (или) количественно определенных координат и функционально предназначенные для закономерного ориентирования научной, образовательной, правотворческой, правосистематизирующей, правоинтерпретационной, правореализационной юридической деятельности и (или) закономерной оценки каких-либо правовых явлений. При этом докладчик выделил особенные функции юридических критериев: ориентировочную и оценочную, а также их формы: отдельные слова или словосочетания, на которые в речи падает логическое ударение при осуществлении ими своих особенных функций, и целостные высказывания.

Список литературы

1. Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: Правовые презумпции, теория, практика, техника. 2010. № 4. 656 с.

2. Юридическая техника. Ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. 2011. № 5. 587 с.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

3. Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. 2013. № 7. Ч. 1. 383 с.

4. Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. Т. 2. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 436 с.

5. Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. Т. 1. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 655 с.

6. Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 г.): в 2 т. Т. 1. / Нижегородская акад. МВД России, Нижегородское региональное отд. Общероссийской общественной орг. «Ассоц. юристов России»; под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Н. Новгород: НА МВД России, 2014. 490 с.

7. Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 г.): в 2 т. Т. 2. / Нижегородская акад. МВД России, Нижегородское региональное отд. Общероссийской общественной орг. «Ассоц. юристов России»; под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Н. Новгород: НА МВД России, 2014. 492 с.

8. Эффективность юридических процедур: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 20–21 мая 2015 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. 756 с.

9. Седьмые Бабаевские чтения «Связи в праве: проблемы теории, практики, техники»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 19–20 мая 2016 г.) / Нижегородская академия МВД России, Российское правотворческое общество; под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. 521 с.

10. Восьмые Бабаевские чтения. Полиция в механизме государства: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2017. 474 с.

11. Толстик В. А. Обзор Международной научно-практической конференции «Государственно-правовые закономерности: теория и практика (Четвертые Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г.) // Государство и право. 2014. № 3. С. 110–117.

12. Толстик В. А., Парфенов А. В. Обзор Международной научно-практической конференции «Компромисс в праве: теория, практика, техника (Пятые Бабаевские чтения»)) (г. Нижний Новгород, 29–30 мая 2014 г.) // Государство и право. 2015. № 7. С. 113–119.

References

1. *Juridical technique. Yearbook. First Babayev's Readings: Legal presumptions, theory, practice, technique,* 2010, No. 4, 656 p. (in Russ.).

2. *Juridical technique. Yearbook. Second Babayev's Readings: Succession in law: doctrine, Russian and foreign practice, technique,* 2011, No. 5, 587 p. (in Russ.).

3. *Juridical technique. Yearbook. Third Babayev's Readings: Juridical argumentation: theory, practice, technique*, 2013, No. 7, Ch. 1, 383 p. (in Russ.).

4. *State-legal regularities: theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-practical conference (Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2013), in 2 vol., Vol. 2, ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013, 436 p. (in Russ.).

5. *State-legal regularities: theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-practical conference (Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2013), in 2 vol., Vol. 1, ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013, 655 p. (in Russ.).

6. *Compromise in law: theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-practical conference (Nizhniy Novgorod, 29–30 May 2014), in 2 vol., Vol. 1, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii, Nizhegorodskoe regional'noe otd. Obshcherossiiskoi obshchestvennoi org. "Assots. yuristov Rossii", ed. V. A. Tolstik, V. M. Baranov, A. V. Parfenov, Nizhny Novgorod, NA MVD Rossii, 2014, 490 p. (in Russ.).

7. *Compromise in law: theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-practical conference (Nizhniy Novgorod, 29–30 May 2014), in 2 vol., Vol. 2, Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii, Nizhegorodskoe regional'noe otd. Obshcherossiiskoi obshchestvennoi org. "Assots. yuristov Rossii", ed. V. A. Tolstik, V. M. Baranov, A. V. Parfenov, Nizhny Novgorod, NA MVD Rossii, 2014, 492 p. (in Russ.).

8. *Efficiency of legal procedures: theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

practical conference (Nizhniy Novgorod, 20–21 May 2015), ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2016, 756 p. (in Russ.).

9. *Seventh Babayev's Readings "Links in law: issues of theory, practice, technique*: collection of articles by the works of International scientific-practical conference (Nizhniy Novgorod, 19–20 May 2016), Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, Rossiiskoe pravotvorcheskoe obshchestvo; ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2016, 521 p. (in Russ.).

10. *Eighth Babayev's Readings. Police in the mechanism of a state: history and modernity*: works of International scientific-practical conference, ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, 2017, 474 p. (in Russ.).

11. Tolstik V. A. Review of International scientific-practical conference "*State-legal regularities*: *theory and practice* (Fourth Babayev's Readings)" (Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2013), *Gosudarstvo i pravo*, 2014, No. 3, pp. 110–117 (in Russ.).

12. Tolstik V. A., Parfenov A. V. Review of International scientific-practical conference "*Compromise in law: theory, practice, technique* (Fifth Babayev's Readings") (Nizhniy Novgorod, 29–30 May 2014), *Gosudarstvo i pravo*, 2015, No. 7, pp. 113–119 (in Russ.).

Дата поступления / Received 23.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 03.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Толстик В. А., Васильев П. В., 2018
© Tolstik V. A., Vasilyev P. V., 2018

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 343.2(73) **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.640-659**

Б. А. КОЛГАН[1]

[1]Школа права, Калифорнийский университет, г. Лос-Анджелес, США

ШТРАФЫ, КОМИССИОННЫЕ СБОРЫ И КОНФИСКАЦИИ*

Колган Бэт, доцент права Школы права,
Калифорнийский университет, г. Лос-Анджелес
Адрес: UCLA School of Law, 385 Charles E. Young Drive, East. Los Angeles, CA, 90095 USA
E-mail: colgan@law.ucla.edu

Цель: анализ назначения и исчисления штрафов, комиссионных сборов и конфискации исчисления штрафов, комиссионных сборов и конфискации по законодательству США.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.
Результаты: в последние годы были значительно повышены размеры штрафов, комиссионных сборов и конфискаций. Причиной стало стремление законодателей обеспечить финансирование системы уголовного правосудия без увеличения налогов. Однако вызывает опасение, что недостаточно продуманная система таких экономических санкций может иметь неблагоприятные политические последствия, среди которых искажение приоритетов, обострение финансовой уязвимости бедных слоев населения, повышение уровня преступности, переполнение тюрем и даже уменьшение денежных поступлений. Кроме того, наложение и сбор штрафов, комиссионных сборов и конфискаций во многих юрисдикциях подвергается сомнениям в отношении их конституционности, а значит, возникает риск дорогостоящего оспаривания их в суде. В настоящей работе представлен обзор политики и конституциональных проблем, а также предлагается ряд конкретных решений по реформированию использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций.
Научная новизна: в статье впервые обоснована необходимость отмены «наказания за бедность» и других мер, негативно влияющих на способность выплачивать задолженность. В анализируемой статье предлагается создать систему для реальной оценки экономического эффекта штрафов, комиссионных сборов и конфискации, разработать альтернативные меры наказания, не связанные с лишением свободы, ограничить использование штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в делах с участием несовершеннолетних, отстранить субъектов уголовного судопроизводства как от давления по поводу необходимости получения прибыли в бюджет, так и от выгод, проистекающих от такого рода экономических санкций.

* Адаптированная версия статьи впервые опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Colgan Beth A. Fines, fees, and forfeitures // Criminology, Criminal Justice, Law & Society. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 22–40.

URL публикации: https://ccjls.scholasticahq.com/article/2722-fines-fees-and-forfeitures

Адаптировано журналом Criminology, Criminal Justice, Law & Society из: Colgan B. A. Fines, fees, and forfeitures. In E. Luna (Ed.), *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform.* 2017. Vol. 4. Pp. 205–234. Phoenix, AZ: Academy for Justice.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с назначением штрафов, комиссионных сборов и конфискаций.

Ключевые слова: штраф; комиссионный сбор; конфискация активов; реформа уголовного правосудия; уязвимость бедных слов населения; оспаривание в суде

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Колган Б. А. Штрафы, комиссионные сборы и конфискации // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 640–659. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.640-659

B. A. COLGAN[1]

[1]*The University of California, Los Angeles School of Law, USA*

FINES, FEES, AND FORFEITURES*

Beth A. Colgan, is an assistant professor of Law at UCLA School of Law
Address: UCLA School of Law, 385 Charles E. Young Drive, East. Los Angeles, CA, 90095 USA
E-mail: colgan@law.ucla.edu

Objective: to analyze the imposition and collections of fines, fees, and forfeitures according to the legislation of the United States of America).
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, allowing to analyze them in the historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.
Results: the use of fines, fees, and forfeitures has expanded significantly in recent years as lawmakers have sought to fund criminal justice systems without raising taxes. Concerns are growing, however, that inadequately designed systems for the use of such economic sanctions have problematic policy outcomes, such as the distortion of criminal justice priorities, exacerbation of financial vulnerability of people living at or near poverty, increased crime, jail overcrowding, and even decreased revenue. In addition, the imposition and collections of fines, fees, and forfeitures in many jurisdictions are arguably unconstitutional, and therefore create the risk of often costly litigation. This article provides an overview of those policy and constitutional problems and provides several concrete solutions for reforming the use of fines, fees, and forfeitures.
Scientific novelty: for the first time, the article substantiates the necessity to eliminate poverty penalties and other policies that negatively impact ability to pay. It is proposed to create systems for meaningful consideration of financial effect of fines, fees and forfeitures; to develop non-incarcerative alternative sanctions; to restrict the use of fines, fees, and forfeitures in cases involving juveniles; to ensure that criminal justice actors are insulated from the pressure to generate revenue and from the benefits of revenue produced from those economic sanctions.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities when considering the issues related to imposition of fines, fees, and forfeitures.

Keywords: Fine; Fee; Forfeiture; Reform of criminal law; Fines; Asset forfeiture; Criminal justice reform vulnerability of the poor; Litigation

For citation of Russian version: Colgan B. A. Fines, fees, and forfeiture, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 640–659. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.640-659

Adapted version is first published in the English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information, please contact: CJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Colgan B. A. Fines, fees, and forfeitures // Criminology, Criminal Justice, Law & Society. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 22–40. Publication URL: https://ccjls.scholasticahq.com/article/2722-fines-fees-and-forfeitures

Adapted from: Colgan B. A. Fines, fees, and forfeiture. In E. Luna (Ed.), Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform, 2017, Vol. 4, pp. 205–234. Phoenix, AZ: Academy for Justice.

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Использование штрафов[1], комиссионных сборов и конфискаций денежных средств и имущества является давно установившейся практикой, которая в последние годы получила толчок к развитию, когда законодатели стали искать пути финансирования растущей системы уголовного правосудия без увеличения налогов [1–4]. Во многих юрисдикциях экономические санкции стали применяться все шире, от момента задержания полицией (например, штрафы за расходы по охране общественного порядка и содержание до суда) до момента судебного разбирательства (например, оплата общественного защитника и работы присяжных), от процесса вынесения приговора (например, оплата содержания под стражей, обеспечения условного освобождения, штрафы, пени и реституции) до оплаты сборов (например, расходы по уплате процентов и расходы на работу коллекторов) [2]. Для тех, у кого нет возможности заплатить, последствия могут быть радикальными. Так, невозможность выплатить экономические санкции может закончиться мерами, которые получили название «наказание за бедность»: расходы по уплате процентов и расходы на работу коллекторов, условный срок и целый ряд штрафов за обеспечение условного освобождения, лишение государственных лицензий и льгот и даже тюремное заключение [2, 5, 6]. Использование конфискаций также широко распространено, включая так называемые гражданские конфискации активов, которые налагаются без уголовного приговора [1, 7, 8][2]. Так же, как штрафы и комиссионные сборы, конфискации могут приводить к разрушительным финансовым последствиям, если конфискуются средства удовлетворения базовых потребностей – автомобиль, который нужен, чтобы добираться до работы или учебного заведения, семейный дом.

Системы наложения и сбора штрафов, комиссионных сборов и конфискаций часто несовершенны. В результате в настоящее время в США 10 млн человек являются должниками по штрафам и комиссионным сборам на общую сумму более 50 млрд долларов, а сбор конфискаций стал многомиллиардным сектором экономики, причем это касается только гражданских конфискаций активов, налагаемых без уголовного приговора [4, 9]. Нарушения в обеих системах привели к тому, что все больше адвокатов и журналистов отмечают и пытаются бороться с этими тревожными последствиями стремления уголовного правосудия получить прибыль от своей деятельности [6, 9–17]. Общественное возмущение современными

[1] Автор использует термин «штрафы» в отношении как штрафов, установленных законом, так и пеней, которые налагаются как дополнительная подлежащая выплате сумма или процент от штрафа, установленного законом, и которые часто имеют конкретное предназначение (см., например, Cal. Penal Code § 1465.8). Автор также включает в это понятие реституции, выплачиваемые непосредственно пострадавшим. Эти выплаты связаны с теми же проблемами, включая долговременное обнищание, разрушение семей, увеличение нагрузки на уголовное правосудие и переполнение тюрем. Кроме того, реституции вызывают многие из упоминавшихся выше конституционных проблем (см., например, Bearden v. Georgia, 461 U.S. 660 (1983); Paroline v. United States, 134 S. Ct. 1710 (2014). Хотя реституции не предназначены для создания поступлений в бюджет, поскольку они возмещают другие государственные расходы, но они могут нарушить систему поощрительных методов уголовного правосудия. В данной работе не рассматриваются особые случаи использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в делах по преступлениям белых воротничков и корпораций.

[2] В отличие от гражданских конфискаций активов конфискации как результат обвинения бывают двух типов. Уголовные конфискации назначаются как прямое наказание приговором по уголовному делу, а гражданские – в результате гражданского процесса, когда выносится решение об окончательном размере конфискации на основе соглашения с подсудимым, признавшим свою вину по конкретному уголовному делу, или после установления вины судом. Для удобства в данной работе автор использует термин «конфискация» по отношению ко всем трем видам, а термин «гражданская конфискация активов» – по отношению к этому конкретному виду конфискации. Другое различие касается объектов конфискации. Так, «средство преступления» – это деньги или имущество, не являющиеся незаконными сами по себе, но использовавшиеся как средство совершения предполагаемого преступного деяния (например, автомобиль, использовавшийся для незаконной перевозки наркотиков). «Криминальный доход» – это денежные суммы, полученные от криминальной деятельности как напрямую (например, деньги от продажи наркотиков), так и косвенно (например, дом, купленный на деньги от продажи наркотиков). «Контрабанда» означает материальные объекты, владение которыми незаконно в силу незаконности самого объекта (например, незаконные наркотики) или в силу обстоятельств преступления (например, ввоз алкоголя, запрещенный законом штата). В работе рассматриваются первые две категории – средства преступления и криминальные доходы, поскольку обе они означают, что преступление уже произошло (что в случае гражданской конфискации активов может быть недоказанным), а также потому, что конфискация денежных средств, автомобиля, дома может иметь катастрофические последствия для подсудимого и его семьи, что может вызвать конституционные проблемы, как показано в данной работе.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

«долговыми тюрьмами» (например, в Фергюсоне, штат Миссури) и судами по всей стране, а также множеством случаев изымания денежных средств и имущества без доказательств преступной деятельности привело к поддержке реформирования как в консервативном, так и в либеральном лагере [18–22].

Кроме того, эти системы привлекли внимание ученых из разных областей, включая право, социологию, экономику и криминологию. В настоящей работе представлен краткий обзор двух направлений исследований, посвященных недостаткам систем штрафов, комиссионных сборов и конфискаций. Первое из них анализирует последствия политики, направленной на извлечение прибыли из системы уголовного правосудия. Второе раскрывает проблемы конституционности, вытекающие из данных плохо разработанных систем. Далее предложен ряд рекомендаций по реформированию использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в рамках указанных направлений исследований.

Политические последствия

Исследования в направлении политических последствий плохо разработанных систем наложения и сбора штрафов, комиссионных сборов и конфискаций ведутся по двум основным проблемам. Во-первых, при отсутствии необходимых ограничений использование экономических санкций приводит к искажению целей уголовного правосудия, ставя получение прибылей превыше общественной безопасности и нарушая систему сдержек и противовесов в этой сфере. Во-вторых, если наложение и сбор штрафов, комиссионных сборов и конфискаций усиливает экономическую и социальную нестабильность финансово уязвимых слоев общества, то наносится ущерб государственным приоритетам в области снижения уровня бедности, преступности, массового лишения свободы, а также истощаются государственные ресурсы. Оба этих аспекта рассмотрены ниже.

Искажение целей уголовного правосудия

Получение прибылей от штрафов, комиссионных сборов и конфискаций ведет к искажению целей государства по двум направлениям. Во-первых, приоритет отдается тем аспектам уголовной политики и вынесения приговоров, которые ведут к увеличению прибылей, а значит, государственные органы могут игнорировать задачи поддержания общественной безопасности и даже применять политику, прямо противоречащую этим задачам. Во-вторых, система, позволяющая правоохранительным органам и органам прокуратуры получать в свое распоряжение денежные средства и имущество, нарушает систему сдержек и противовесов, которую в ином случае обеспечивает обычная практика бюджетирования.

До сих пор в литературе остается спорным вопрос, руководствуются ли правительственные чиновники только политическими или также и финансовыми соображениями при принятии решений в целом. Однако собрано уже немало свидетельств, эмпирических и специальных исследований, показывающих, что использование штрафов, комиссионных сборов и конфискаций напрямую связано с целью извлечения прибыли в ущерб общественной безопасности [23–25]. Например, при исследовании муниципальной судебной системы в Фергюсоне, штат Миссури, проведенном Департаментом юстиции, была выявлена электронная переписка между членами администрации города и начальником полиции. Стало известно, что кадровая политика полиции была изменена с целью увеличения дорожных сборов, без учета безопасности на дорогах или в жилых районах [22]. Аналогично эмпирическое исследование ситуации с дорожными сборами в Северной Каролине с 1990 по 2003 гг. показало, что «с учетом демографических, экономических факторов и задач обеспечения правопорядка... произошло статистически значимое увеличение дорожных сборов в год, непосредственно следующее за резким снижением доходов местной администрации». Тем самым предполагается, что ужесточение ситуации с дорожными сборами было вызвано не столько заботой о безопасности на дорогах, сколько необходимостью повысить прибыли [26, p. 2].

Значительное число свидетельств указывает также на то, что решения о конфискациях часто обусловлены соображениями прибыли, а не общественной безопасности. Eric Blumenson и Eva Nilsen приводят документальные свидетельства того, насколько жажда прибыли искажает деятельность полиции. Например, при традиционной инсценировке закупки наркотиков полицейский представляется желающим купить наркотик; в результате операции полиция получает наркотик и изымает его из обращения [27]. Однако закон о конфискациях подталкивает к выбору другой стратегии: полицейский представляется продавцом наркотиков, тем самым получая в результате

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

наличные [27]. Также, Blumenson и Nilsen цитируют признательные показания в Конгрессе бывшего комиссара полиции Нью-Йорка Patrick Murphy, который сообщил, что из-за финансовых соображений полиция «предпочитала выставлять заставы на дорогах южного направления I-95, где перевозились наличные для закупки наркотиков, чем на дорогах северного направления, где перевозились сами наркотики» [7, pp. 315–316]. Хотя и закупки наркотиков полицейскими, и конфискация наличных противодействуют незаконному обороту наркотиков, однако предпочтение второго способа указывает на то, что на принятие решений полицейскими влияет вопрос получения прибыли от конфискации.

Кроме того, возможность конфискаций может приводить к тому, что больше внимания будет уделяться правонарушениям, где конфискация денег или имущества более вероятна, в ущерб насильственным преступлениям. Это, в свою очередь, может обострить проблему большей уязвимости бедных слоев населения и меньшинств [28, 29]. Например, одно из исследований показало, что полиция уделяет больше внимания деятельности, которая может вести к конфискациям, в частности, увеличение почти на 20 % числа арестов, связанных с наркотиками, по сравнению с общим числом арестов [27, 30, 31]. Более того, в таких городах, как Филадельфия и Вашингтон, округ Колумбия, полиция может конфисковать небольшие суммы наличными – обычно менее 20 долларов – при задержаниях и обысках на улице [32–34]. Другими словами, возможность получения прибыли может существенно повлиять на деятельность полиции, общественную безопасность и тревожные тенденции в аспекте взаимоотношений между полицией и гражданами. Существует риск, что такое внимание к прибыли может отразиться и на других аспектах, включая поддержание общественного порядка.

Другое искажение приоритетов уголовного правосудия может иметь место в том случае, когда органам охраны правопорядка или прокуратуры разрешено оставлять конфискованные денежные средства и имущество для нужд своего учреждения, как это происходит во многих юрисдикциях [7, 35]. Это нарушает контроль над процессом бюджетирования и дает возможность реализовывать задачи, несовместимые с контролем над преступностью как со стороны законодательной власти, так и общества в целом [36]. Например, согласно федеральной программе «Равноправное разделение», федеральное правительство «принимает» средства и имущество, конфискованные местными органами правопорядка, тем самым передавая эти активы под контроль федеральных законов о конфискации. Последние часто являются более расширительными в отношении того, что подлежит конфискации, и более строгими в отношении обеспечения процедурной защиты [7]. Взамен федеральное правительство удерживает 10 % ликвидационной стоимости конфискованных активов [7]. Такое смешение фондов позволяет правоохранительным органам не только игнорировать налагаемые штатом ограничения на конфискацию, но и обходить ограничения бюджета, которые призваны обеспечить контроль над полицией на уровне штата и на местном уровне [7, 35].

Как будет показано при обсуждении реформ в конце данной работы, любые проблемы, связанные с искажением задач уголовного правосудия из-за наложения штрафов, комиссионных сборов и конфискаций, не означают, что эти меры воздействия нужно ликвидировать. Однако необходимо ограничить их использование путем реформирования системы уголовного правосудия таким образом, чтобы приоритетом вновь стало обеспечение общественной безопасности, а не получение денежных поступлений.

Ущерб другим государственным задачам

Неадекватно сформированные системы штрафов, комиссионных сборов и конфискаций не только нарушают задачи уголовного правосудия, но и могут подорвать достижение других целей государства, поскольку носят изначально регрессивный характер. Усугубляя или обостряя финансовую уязвимость граждан и домохозяйств, такие меры, как штрафы, комиссионные сборы и конфискации, могут привести к долгосрочной нестабильности, распаду семей, увеличению преступности, переполнению тюрем и, как ни парадоксально, уменьшению общего объема поступающих денежных средств.

Штрафы, комиссионные сборы и конфискации могут иметь разрушительные последствия для финансово уязвимых граждан, в первую очередь малообеспеченных и принадлежащих к цветным меньшинствам, которые находятся под наиболее пристальным надзором полиции [37–41]. Согласно ряду исследований, лица, выплачивающие уголовные штрафы и сборы,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

часто вынуждены выбирать между выплатой долга и удовлетворением таких базовых потребностей, как пища, жилье, средства гигиены [37, 40]. При этом выплата уголовных штрафов и сборов затрудняет получение и обладание жильем, а также трудоустройство по нескольким причинам: ухудшает кредитный рейтинг должника, информация о котором доступна потенциальным домовладельцам и работодателям; не позволяет должникам закрыть или ликвидировать уголовное досье; может привести к утрате профессиональных лицензий, водительских удостоверений, причем последнее особенно неблагоприятно для тех, кто живет в районах без доступа к общественному транспорту [11, 37, 41, 42]. Нестабильность в отношении удовлетворения базовых потребностей и сложности с жильем и трудоустройством, которые вызывает наличие долгов, оказывают негативное влияние не только на должника, но и на его семью. Например, по данным Бюро правового содействия и Совета правительств штатов, повышение штрафов и сборов ведет к снижению уровня обеспечения детей, то есть подрывается экономическое благосостояние детей и выполнение задач государства по его повышению [43]. Более того, если должник не в состоянии выплачивать штрафы и сборы, он может быть лишен льгот по государственному обеспечению жильем; тем самым либо он вынужден жить отдельно от семьи, либо семья теряет государственное жилье [2]. Таким образом, невозможность выплачивать штрафы и сборы может приводить к разделению и даже распаду семей.

Хотя конфискации не ведут к долгосрочным выплатам, но могут привести к финансово тяжелым последствиям для отдельных граждан и семей. Независимо от наличия или отсутствия уголовного приговора, человек может потерять средства удовлетворения базовых потребностей: автомобили для поездок на работу или учебу, жилые помещения и пр. [9, 13, 34, 44, 45].

Верховным судом США, комментаторами, исследователями высказывались опасения, что наказания влекут за собой экономическую нестабильность, которая будет способствовать повышению уровня преступности[3]. Например, недавние исследования показали, что некоторые преступники занимались криминальной деятельностью с целью выплаты задолженностей по приговорам [46, 47]. Кроме того, хотя более ранние исследования связи между штрафами и рецидивизмом среди несовершеннолетних не дали однозначных результатов (например, [48]), эмпирический анализ применения экономических санкций к несовершеннолетним, проведенный в 2016 г. учеными Piquero и Jennings, показал, что такая мера наказания существенно повышает уровень рецидивизма [49].

Кроме того, исследования указывают, что экономическая, жилищная и социальная стабильность является критическим фактором сокращения рецидивизма; из этого следует, что наказания, способствующие дестабилизации в этих областях, будут увеличивать уровень преступности. Например, было обнаружено, что реабилитации во многом способствует доступность трудоустройства и возможности зарабатывать [50]. В случае наличия задолженности по приговору, которая часто препятствует трудоустройству, или «наказания за бедность» и других побочных последствий, которые ограничивают возможности получения профессиональной лицензии или водительских прав, необходимых для получения или сохранения рабочего места, реабилитационный потенциал трудоустройства будет потерян [51]. Ситуация будет усугубляться при отсутствии доступного жилья, поскольку это также влияет на возможности трудоустройства; далее могут обостриться проблемы с психическим здоровьем и зависимостью от алкоголя и наркотиков, затрудняющие достижение реабилитации [52–54]. Если вероятность утраты жилья невелика, рецидивизм ниже даже в группах риска [55]. Другими словами, штрафы, комиссионные сборы и конфискации снижают возможности оплачивать коммунальные услуги, пользоваться государственным жильем, повышают вероятность лишиться жилья; все это способствует рецидивизму. И наоборот, исследователи говорят о влиянии про-социальной деятельности, включая усиление семейных связей, на снижение уровня рецидивизма [53, 56]. Но, как отмечалось выше, потеря жилья и рабочего места в результате штрафов, комиссионных сборов и конфискаций может разрушить семейные связи, например, вынуждая разделить семью, чтобы сохранить жилищные льготы. Таким образом, действуя по отдельности и совокупно, указанные меры противоречат государственной задаче снижения рецидивизма и повышают вероятность развития преступной деятельности.

[3] Bearden v. Georgia, 461 U.S. 660 (1983); [43].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Кроме того, штрафы и комиссионные сборы во многих юрисдикциях усугубляют ситуацию с преступностью, что влечет переполненность мест лишения свободы местного и окружного подчинения. Это происходит как в результате повышения рецидивизма, так и в результате лишения свободы за невыплату задолженностей. Количество заключенных в связи с невыплатой долгов по приговору оценить сложно, потому что такая статистика не ведется, но, по имеющейся информации, они часто составляют до четверти всех заключенных, а в некоторых юрисдикциях их доля может быть значительно выше [22, 57]. В некоторых случаях это может приводить к нарушениям в работе тюрем. Так, в округе Rutherford, штат Теннеси, в результате неспособности выплачивать задолженности по приговорам в тюремных камерах, рассчитанных на одного, содержались трое заключенных. Это также может привести к возбуждению дел за ненадлежащие условия содержания в тюрьмах[4].

Системы, согласно которым экономические санкции накладываются на лиц, неспособных делать выплаты, могут также приводить к ненужным тратам государственных ресурсов. Например, если задолженности не выплачиваются в должные сроки, суды часто требуют периодического появления должников для подтверждения их несостоятельности; это перегружает суды и приводит к большим затратам времени судебных и административных органов [60]. Использование «наказания за бедность» также сопряжено с дополнительными расходами. В недавнем исследовании Института права Vera в Новом Орлеане, штат Луизиана, было показано, что только расходы на содержание должников под стражей привели к дефициту 1,9 млн долларов в год, не считая расходов на работу суда, вспомогательного персонала и правоохранительных органов по сбору задолженностей [40, 61, 62].

Итак, исследования и эмпирические данные подтверждают, что наложение и сбор штрафов, комиссионных сборов и конфискаций могут серьезно подорвать выполнение важных государственных задач, усугубляя сложное финансовое положение наиболее уязвимых граждан, повышая уровень преступности, способствуя переполнению тюрем и истощая государственные средства. Снова подчеркнем, что мы не утверждаем тем самым, что штрафы, комиссионные сборы и конфискации нельзя использовать с положительным результатом; однако для ликвидации негативных последствий этих плохо разработанных систем необходимы значительные реформы, некоторые из которых предложены в конце данной работы.

[4] Brown v. Plata, 563 U.S. 493 (2013); [58, 59].

Проблемы с конституционностью, вытекающие из системы извлечения прибыли из уголовного правосудия

Специалисты по конституционному праву выделяют множество аспектов неконституционности различных плохо разработанных систем, включая систему штрафов, комиссионных сборов и конфискаций[5]. Законодатели должны обратить на это пристальное внимание не только потому, что разработка конституционной системы необходима по закону, но и потому, что судебные иски по таким делам становятся все более распространенным явлением; в последнее время подается огромное количество коллективных исков против штрафов и сборов, а Верховный суд намерен покончить с конфискациями, нарушающими конституционные рамки[6, 7].

Положение о чрезмерных штрафах и конституционное значение финансовых последствий

Наряду с положениями о чрезмерной сумме залога, жестоких и необычных наказаниях, Восьмая

[5] В научной литературе в целом, как и в данной работе, рассматривается преимущественно конституционность или отсутствие таковой согласно Конституции Соединенных Штатов. Однако в рамках других конституций могут возникнуть иные конституционные ограничения, касающиеся штрафов, комиссионных сборов и конфискаций (Editors of the Harvard Law Review, 2016).

[6] Honeycutt v. United States, 137 S. Ct. 1626 (2017); Leonard v. Texas, 137 S. Ct. 847 (2017); [63]; United States v. Bajakajian, 524 U.S. 321 (1998).

[7] В марте 2017 г. судья Clarence Thomas провел дополнительное слушание по вопросу о конституционности гражданских конфискаций активов (Leonard v. Texas, 2017, Thomas J., заявление об отклонении жалобы в порядке надзора) (отметив, что заявление имеет большое значение, но также что жалоба подана несвоевременно). Стремление Верховного Суда ограничить практику конфискаций проявилось также в единогласном решении от 2017 г. толковать федеральное законодательство о конфискациях как строго запрещающее групповую и коллективную ответственность (Honeycutt v. United States, 2017).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

поправка к Конституции США запрещает наложение «чрезмерных штрафов» (U.S. Const. amend. VIII). Определив, что это относится не только к штрафам как таковым, но и ко всем финансовым последствиям, имеющим хотя бы частично карательную направленность (включая конфискации), Верховный суд также постановил, что определение чрезмерности требует применения проверки на диспропорциональность, при которой тяжесть правонарушения сопоставляется с суровостью наказания[8]. Однако, поскольку Верховный суд обращался к положению о чрезмерных штрафах лишь четырежды, ряд проблем остается нерешенным, включая вопрос о том, следует ли при оценке суровости наказания принимать во внимание способность подсудимого выплачивать штраф [2]. В настоящее время правовые исследования ведутся в основном по двум аспектам доктрины, изложенной в Восьмой поправке: использование Верховным судом метода анализа источников (исторического метода) для интерпретации и базовые принципы, определяющие пропорциональность наказания. Оба эти подхода призваны объяснить, почему, по мнению Верховного суда, финансовый эффект штрафов, комиссионных сборов и конфискаций на подсудимого определяет чрезмерность или отсутствие таковой в рамках Восьмой поправки.

Верховный суд предпринял анализ источников в попытке определить, что могло считаться «чрезмерным» штрафом во времена принятия Восьмой поправки в 1791 г. При этом суд указал на положение Великой хартии вольностей, разработанной в XIII в. английской хартии, которая оказала влияние на Английский билль о правах, а тот, в свою очередь, на Американский билль о правах [2][9]. Это положение предусматривало наложение взыскания (предшественник современных штрафов), но напрямую запрещало такие наказания, которые лишат подсудимого средств к существованию. Таким образом, становился необходимым анализ финансовых обстоятельств подсудимого [2]. В конечном итоге суд так и не вынес решения, необходим ли такой же анализ в рамках положения о чрезмерных штрафах, поскольку в том деле не поднимался вопрос о способности подсудимого справиться с конфискацией. Однако научные исследования по истории использования экономических наказаний отвечают на этот вопрос положительно [64].

Анализ как колониальных, так и ранних американских законов и судебных решений, которые привели к ратификации Восьмой поправки, а также практики английского правосудия и принятия Английского билля о правах, указывает на расширенную интерпретацию чрезмерности, включая финансовый эффект на подсудимого [2, pp. 277–350; 65; 66]. В частности, хотя охрана средств к существованию, постулируемая в Великой хартии вольностей, иногда непоследовательно применялась в Америке в ранний период, однако исторические источники ясно указывают на осознание необходимости избегать риска обнищания; это проявлялось в том числе в законах, которые напрямую ссылались на Великую хартию или требовали оценки финансового эффекта на подсудимого [2].

Как и исторические свидетельства, оценка Верховным судом практики использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в свете прецедентов в отношении пропорциональности наказаний также подтверждает вывод о том, что финансовый эффект штрафов, комиссионных сборов и конфискаций имеет прямое отношение к проблеме чрезмерных наказаний [64]. Для оценки чрезмерности экономических санкций Верховный суд использует проверку на диспропорциональность, позаимствованную из положения о жестоких и необычных наказаниях[10]. В этой области суд неоднократно возвращался к нескольким ключевым принципам.

Один из этих принципов – необходимость равноценности приговоров. Согласно этому принципу, два человека, в равной степени виновные в одинаковом преступлении, должны получить одинаковое наказание[11]. Однако что касается «наказаний за бедность», на людей, не имеющих возможности платить, налагаются дополнительные санкции, такие как проценты, сборы, условный срок или тюремное заключение. Таким образом, человек наказывается за свою бедность, а не за вину в совершении преступления. Даже если не говорить о «наказании за бедность», принцип равноценности нарушается из-за регрессивной при-

[8] Alexander v. United States, 509 U.S. 544 (1993); Austin v. United States, 509 U.S. 602 (1993); United States v. Bajakajian, 524 U.S. 321 (1998).

[9] United States v. Bajakajian, 524 U.S. 321 (1998).

[10] Там же.

[11] Solem v. Helm, 463 U.S. 277 (1983).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

роды штрафов, комиссионных сборов и конфискаций [67, 68][12]. Если два человека, в равной степени виновные в одинаковом преступлении, должны заплатить одинаковый штраф, но для одного из них эта сумма не имеет большого значения, а для другого ставит под угрозу удовлетворение даже базовых потребностей, в этом случае очевидно, что степень наказания для этих двух людей не будет равноценной.

Другой принцип – важность сравнительной пропорциональности приговоров, когда менее серьезное правонарушение ведет к более мягкому наказанию, чем более серьезное деяние[13]. И снова тяжесть правонарушения оценивается совершенно неадекватно, особенно в случае наложения долгосрочных, а иногда и нескончаемых штрафов по приговору; будь то нарушение правил дорожного движения или кража со взломом, приходится одинаково непрерывно платить, и различие в тяжести преступлений не имеет значения.

При решении вопроса о пропорциональности Верховный суд принимает во внимание также экспрессивную функцию наказания[14]. В этом аспекте «наказание за бедность» и наложение непосильных штрафов представляют собой проблему в двух отношениях. Во-первых, те, кто подвергался таким санкциям, часто уверены, что система правосудия нацелена на извлечение прибыли, а не на установление справедливости. Во-вторых, когда люди подвергаются наказанию за свою неспособность платить, а не за совершенное преступление, тогда наказание становится гораздо более суровым, чем это допускает общественное мнение, что и проявляется в широкой общественной поддержке реформ в данной сфере, характерной для сторонников обеих партий.

Еще один аспект проблемы пропорциональности в решениях Верховного суда – это возможные эффекты повышения уровня преступности и соответствующего социального ущерба, которые могут возникнуть в результате наложения чрезмерных наказаний[15]. Как было показано выше, наложение штрафов, комиссионных сборов и конфискаций, которые непосильны для человека либо серьезно дестабилизируют его возможности трудоустройства, обеспечения жильем, семейные связи, не только не сдерживает развитие преступности, но и, напротив, толкает людей к преступной деятельности. При этом обостряется проблема массового лишения свободы, резко возрастают государственные расходы и возникает еще целый ряд проблем, включая занятость, бездомность, снижение выплат на детей, распад семей.

Наконец, Верховный суд признал, что «базовая концепция, лежащая в основе Восьмой поправки, состоит в соблюдении достоинства человека», а значит, именно обеспечение достоинства подсудимого должно стать центральным моментом при обсуждении вопроса, является ли наказание конституционно приемлемым или чрезмерным[16]. Плохо разработанные системы наложения и сбора штрафов, комиссионных сборов и конфискаций не отвечают этому принципу. Они заставляют малообеспеченных людей выбирать между удовлетворением своих базовых потребностей, таких как еда, жилье и гигиена, и выплатой непосильного долга. В некоторых юрисдикциях граждане, неспособные выплатить долг по приговору суда, лишаются права голосования, т. е. не могут участвовать в жизни демократического общества. Во многих случаях из-за практически пожизненных долгов люди остаются в сфере влияния преступного мира. В результате нарушается достоинство и независимость тех, кто подвергся экономическим санкциям без возможности выплатить долг. Тем самым нарушается базовая концепция Восьмой поправки, т. е. соблюдение достоинства человека [64].

Положение о надлежащей правовой процедуре и запрет ставить извлечение прибыли превыше справедливости

Уже на протяжении почти столетия Верховный суд постоянно указывает, что положение о надлежащей правовой процедуре нарушается, когда судебные власти ставятся перед выбором между обеспечением

[12] Хотя среди исследователей нет единого мнения по поводу того, может ли субъективный опыт служить обоснованием валидности приговоров, включая лишение свободы, они сходятся в том, что невозможность оценить финансовый эффект в контексте экономических мер воздействия приводит к ошибочному доминированию формального равенства над действительным равноправием.

[13] Kennedy v. Louisiana, 554 U.S. 407 (2008).

[14] Graham v. Florida, 560 U.S. 48 (2010).

[15] Rummel v. Estelle, 445 U.S. 263 (1980).

[16] Trop v. Dulles, 356 U.S. 86 (1958), pp. 99–100; см. также Gregg v. Georgia, 458 U.S. 153 (1976); [69].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

справедливости и желанием извлечь прибыль для государственных или частных нужд[17]. И все же во многих юрисдикциях действуют системы штрафов, комиссионных сборов и конфискаций, которые напрямую нарушают эту освященную временем доктрину [39].

Для выявления таких случаев Верховный суд оценивает, используются ли в данной юрисдикции наказания, позволяющие извлечь прибыль для пополнения бюджета данной юрисдикции или для снижения налогов[18]. Еще один сигнал о возможных нарушениях – наделение государственных органов полномочиями для определения величины этой прибыли[19]. Кроме того, Верховный суд обращает внимание на количество дел, в результате которых могут быть извлечены денежные средства[20]. И все же возрастает количество свидетельств, что юрисдикции по всей стране используют экономические санкции в отношении как взрослых, так и несовершеннолетних преступников с целью избежать повышения налогов для финансирования не только систем правосудия, но и других государственных услуг, например, инфраструктурных проектов, образования и др. [70]. В исследовании Национального общественного радио и Национального центра судов штатов было показано, что за последние годы «48 штатов повысили штрафы по приговорам уголовных и гражданских судов или ввели новые штрафы» [14, § 51]. Кроме того, все больше судей сообщают, что чувствуют давление, связанное с необходимостью назначать штрафы и сборы, чтобы увеличить денежные поступления [71]. Также, как отмечалось выше, в некоторых юрисдикциях повышается количество дорожных штрафов, судебных сборов в ответ на финансовые трудности; это свидетельствует о том, что цель собрать средства все-таки ставится [26, 39].

В сферу внимания Верховного суда попадают в основном дела, по которым налагаются штрафы и сборы, однако неменьшую озабоченность в свете положения о надлежащей правовой процедуре вызывают дела с конфискациями [72, 73][21]. Конфискации в целом и гражданские конфискации активов в частности во многих юрисдикциях превратились в «золотой прииск, не облагаемый налогом» [9]. Кроме того, процессы по оспариванию гражданских конфискаций активов настолько сложны и дорогостоящи, что их редко инициируют; таким образом, любая конфискация денежных средств или имущества приводит к получению непосредственной выгоды судебным органом [13]. Наконец, объем гражданских конфискаций активов особенно ярко свидетельствует о том, что они вызваны, по крайней мере частично, стремлением получить доход. С сентября 2001 по сентябрь 2014 гг. правоохранительные органы осуществили почти 62 тысячи конфискаций только по федеральной программе «Равноправное разделение», более 80 % которых были оформлены как гражданские конфискации активов, а значит, по ним не выдвигалось уголовного обвинения, не говоря уже о вынесении приговора [33]. Эти поступления оцениваются более чем в 2,5 млрд долларов, из которых местные органы и органы штата получили более 1,7 млрд» [9, § 14]. Так же, как в случае штрафов и сборов, система назначения конфискаций не гарантирует, что они не будут применяться для извлечения дохода, а значит, остается риск, что эта мотивация перевесит соображения справедливости и положение о надлежащей правовой процедуре будет нарушено.

[17] Connally v. Georgia, 429 U.S. 245 (1977); Tumey v. Ohio, 273 U.S. 510 (1927); Ward v. Village of Monroeville, Ohio, 409 U.S. 57 (1972).

[18] Tumey v. Ohio, 273 U.S. 510 (1927); Ward v. Village of Monroeville, Ohio, 409 U.S. 57 (1972).

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] В литературе ведутся дебаты о применимости положения о надлежащей правовой процедуре к конфискациям, а именно соответствуют ли современные практики конфискаций, и в особенности гражданские конфискации активов, историческому использованию конфискаций в качестве наказания. Сравните мнение Nelson [73], который доказывает, что три черты процедуры гражданских конфискаций активов – то, что они происходят *in rem*, то, что иск должен быть своевременным и что истцы не пользуются полной конституционной защитой, – соответствуют ранним практикам конфискаций в Америке, и точку зрения Bourdeaux и Pritchard [72], которые критикуют интерпретацию Верховным судом ранних конфискаций в Америке как не соответствующую исторической практике. Независимо от ответа на эти вопросы, использование конфискаций таким образом, что получение прибыли ставится превыше справедливости, противоречит озабоченности Верховного суда по поводу случаев превышения служебных полномочий.

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ограничения положения о равенстве перед законом и положения о надлежащей правовой процедуре применительно к сбору задолженностей

Положение о равенстве перед законом и положение о надлежащей правовой процедуре запрещают автоматический переход от невыплаты задолженностей по экономическим санкциям к лишению свободы, что усложняет ситуацию во многих юрисдикциях, где разрешено использовать лишение свободы как наказание за невыплату задолженностей. Впервые положение о равенстве перед законом было увязано с использованием штрафов и сборов в деле Williams v. Illinois, которое рассматривалось Верховным судом в 1970 г.[22], а затем в деле Tate v. Short в 1971 г.[23] В обоих случаях Верховный суд постановил, что использование тюремного заключения вместо штрафов и сборов, если подсудимый не имеет возможности платить, противоречит Четырнадцатой поправке, поскольку подсудимый лишен выбора в этом вопросе. Всего десять лет спустя в деле Bearden v. Georgia[24] Верховный суд рассматривал вопрос отмены условного срока из-за невозможности выплачивать штраф по закону и реституцию. Основываясь на положении о равенстве перед законом и на положении о надлежащей правовой процедуре, Верховный суд постановил, что, поскольку выплаты были условием назначения условного наказания, суд не может отменить условный срок, не определив, было ли отсутствие выплат намеренным или произошло вследствие невозможности платить, несмотря на добросовестные усилия должника[25].

Суд Bearden счел возможным отменить условный срок и применить наказание в виде лишения свободы к должнику, даже если имеются свидетельства его добросовестных усилий выплатить задолженность. При этом данный суд постановил, что тюремное заключение возможно только в том случае, если никакая альтернативная форма наказания не сможет удовлетворить целям системы правосудия штата[26]. Затем суд последовательно отвергал все аргументы штата Джорджия, что наложение наказания за невозможность оплатить задолженность отвечает карательным целям штата. Верховный суд пояснил, что государственным интересам в области наказания вполне отвечает использование экономических санкций в рамках возможностей подсудимого, поскольку эти санкции «финансово ограничивают» его в соответствии с виной подсудимого, и что решение применить эти экономические санкции в суде первой инстанции означало, что штат отказывается от применения поражения в правах данного подсудимого[27]. Затем Верховный суд подчеркнул, что законодатели могли бы разработать самые разные альтернативные санкции, в рамках которых малообеспеченность не влияла бы на тяжесть наказания[28].

Научная литература по данным делам очень немногочисленна; несомненно, причина этого заключается в ясно выраженной позиции Верховного суда о недопустимости лишения свободы в качестве «наказания за бедность». В результате недавние исследования этого вопроса посвящены лишь анализу невыполнения судами штатов и муниципалитетов позиции, выраженной в делах Williams, Tate, Bearden, а также призывам придерживаться этой позиции [74, 75]. Позже несколько юрисдикций начали ее придерживаться, в основном после волны апелляций, иногда сопровождавшихся значительными финансовыми мерами [63].

Право на консультирование согласно Шестой и Четырнадцатой поправкам

В контексте права на консультирование в отношении использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций важны два вопроса: во-первых, применимо ли конституционное право на консультирование, выраженное в Шестой поправке или в положении о надлежащей правовой процедуре, к современным системам наложения и сбора денежных средств по приговору; во-вторых, соответствуют ли конституционным принципам системы сбора и перераспределения штрафов для обеспечения потребностей малообеспеченных подсудимых в консультировании.

Верховный суд признал, что право на консультирование предусмотрено и в Шестой поправке, и в положении о надлежащей правовой процедуре,

[22] Williams v. Illinois, 399 U.S. 235 (1970).
[23] Tate v. Short, 401 U.S. 395 (1971).
[24] Bearden v. Georgia, 461 U.S. 660 (1983).
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

однако открытым остается вопрос, относится ли это право к тем гражданам, на которых, по крайней мере предположительно, будут наложены штрафы, комиссионные сборы или конфискации[29]. В деле Scott v. Illinois Верховный суд отказался применять право на консультирование в рамках Шестой поправки к тем делам, в которых возможен приговор только в виде финансовых санкций, но не лишения свободы[30]. Однако в деле Alabama v. Shelton[31] Верховный суд оставил открытым вопрос о применимости права на консультирование в рамках Шестой поправки, если юрисдикция налагает штрафы и сборы по такому приговору, который предусматривает лишение свободы в случае невыплаты этих штрафов, даже при отсутствии формального отложенного приговора[32]. Таким образом, остается лакуна в законодательстве для тех юрисдикций, которые используют «наказание за бедность» в виде лишения свободы при невозможности выплачивать задолженности [2, 6].

Однако, даже если не принимать во внимание этот оставшийся нерешенным вопрос, есть основания полагать, что ограничение по делу Scott давно следует пересмотреть. Анахронизмом является позиция Верховного суда по этому делу, которая рассматривает соотношение между суровостью финансового наказания и лишения свободы; кроме того, данное решение не учитывает сложные фактические и конституционные проблемы, а именно что в делах, приговор по которым включает финансовые санкции, необходимо обеспечить право на консультирование, иначе результат судебного процесса не будет заслуживать доверия[33]. Однако дела, заканчивающиеся наложением штрафов, комиссионных сборов и конфискаций, до сих пор вызывают множество фактических и конституционных проблем, которые присяжные не поднимают, ведь иначе пришлось бы признать, что по делу Scott было принято неверное решение[34].

Верховный суд не только рассматривал право на консультирование в рамках Шестой поправки, но и допустил возможность применения этого права к делам с наложением экономических санкций в рамках положения о надлежащей правовой процедуре. Так, в деле о содержании ребенка, где встал вопрос о праве на консультирование[35], Верховный суд отметил, что признает право на консультирование в рамках положения о надлежащей правовой процедуре по тем делам, которые рассматривают сбор задолженностей в пользу государства, особенно если представителем государства является юрисконсульт или если не обеспечены процедурные меры защиты, такие как «адекватное уведомление о возможности выплачивать задолженность, обеспечение возможности предоставить и обсуждать точную информацию, судебное расследование» (p. 448)[36]. Во многих юрисдикциях процедуры сбора штрафов полностью соответствуют этой позиции.

Очевидно, с правом на консультирование связан «порочный круг», когда реализовать это право можно только после подачи заявления в суд, а подать такое заявление необходимо после консультирования. Однако, поскольку подсудимые, чьи заявления релевантны, не прибегают к консультированию, у Верховного суда нет значимых стимулов для пересмотра и расширения права на консультирование. Например, с тех пор как в 2011 г. было объявлено решение по делу Turner, ни один из апелляционных судов низших инстанций не счел это дело прецедентом для применения права на консультирование в делах по задолженностям, и есть лишь два дела в этой области: одно мировое соглашение с участием города Монтгомери, штат Алабама, и находящийся в процессе рассмотрения групповой иск против города Фергюссон, штат Миссури[37]. Таким образом, хотя данное положение

[29] Gideon v. Wainwright, 372 U.S. 335 (1963); Powell v. Alabama, 287 U.S. 45 (1932).

[30] Scott v. Illinois, 440 U.S. 367 (1979).

[31] Alabama v. Shelton, 535 U.S. 654 (2002).

[32] В деле Shelton Верховный суд отказался обсуждать вопрос, требуется ли консультирование в случае приговора «условный срок с обязательной выплатой штрафа». При этом условный срок используется исключительно как механизм сбора задолженностей, он не связан с условным освобождением из мест лишения свободы, однако лишение свободы может последовать как реакция на невыплату задолженности. В момент вынесения этого решения оно было новшеством, однако в последующие годы стало широко применяться. В других юрисдикциях с этой же целью используется ордер на арест, а не ордер на условный срок.

[33] См. также Alabama v. Shelton, 535 U.S. 654 (2002); Argersinger v. Hamlin, 407 U.S. 25 (1972); [76].

[34] Argersinger v. Hamlin, 407 U.S. 25 (1972); [39].

[35] Turner v. Rogers, 564 U.S. 431 (2011).

[36] См. также Colson v. Joyce, 646 F. Supp. 102 (D. Me. 1986).

[37] Чтобы оценить степень влияния дела Turner на суды низших инстанций, автор изучил все случаи цитирования данного дела по базе данных Westlaw на 1 февраля 2017 г. Из 189 выявленных случаев ни один не содержал ссылки на решение по делу Turner относительно процедуры сбора задолженности

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

перспективно, оно до сих пор не получило должного теоретического обоснования.

Вторая проблема с доступностью консультирования касается систем, в которых доступ к консультированию предоставляется, однако подсудимые вынуждены оплачивать услуги адвоката, несмотря на то, что являются малообеспеченными. Хотя Верховный суд в целом поддержал возможность юрисдикций возмещать издержки по предоставлению государственной защиты малообеспеченным гражданам, практика многих юрисдикций вызывает целый ряд проблем с точки зрения ее конституционности[38]. Во-первых, применение «наказания за бедность» по отношению к малообеспеченным гражданам, неспособным оплатить услуги государственного защитника, нарушает постановление, вынесенное по делу Gideon v. Wainwright, так как малообеспеченные лица оказываются наказанными за то самое их качество, которое и дает им право на льготу [77]. Во-вторых, оплата услуг государственного защитника и угроза «наказания за бедность» могут привести к неконституционному «замораживанию» действия Шестой поправки в части права на консультирование путем побуждения подсудимых отказываться от этого права [78]. В-третьих, расширение оплаты услуг государственного адвоката (как и других форм экономических санкций) на консультирование для малообеспеченных граждан создает систему, когда оказание услуг защитника ставится в финансовую зависимость от приговора и приводит к наложению наказания на самих клиентов [18, 79]. Это может привести к встречным судебным искам по поводу неэффективного консультирования, так как подобные системы порождают конфликт интересов [78].

Рекомендации

Поскольку такие меры наказания, как штрафы, комиссионные сборы и конфискации, до сих пор продолжают развиваться, внимание к реформированию этих систем велико. Например, отчет школы права Гарвардского университета по программе «Политика уголовного правосудия» 2016 г. и совместный доклад Школы государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета и Бюро правового содействия 2017 г. предлагают множество рекомендаций по трансформации использования штрафов и сборов, направленных на ликвидацию проблем с конституционностью, описанных выше [4]. Ниже мы приводим неполный список рекомендаций, призванный дополнить эти усилия. В этом списке собраны рекомендации, касающиеся таких реформ использования штрафов, комиссионных сборов и конфискаций, которые описываются в научной литературе, упомянутой в данной работе. Поскольку любые рекомендации, затрагивающие вопросы государственного бюджета, будут иметь свои особенности применительно к ситуации в конкретной юрисдикции, в каждой рекомендации содержится краткое указание о том, является ли она приносящей доход, нейтральной в этом отношении или требующей дополнительных ресурсов государства.

Отменить «наказание за бедность» и другие меры, негативно влияющие на способность выплачивать задолженность. Парадокс многих систем штрафов, комиссионных сборов и конфискаций состоит в том, что эти системы противоречат государственным интересам по получению полных выплат. Как описано выше, «наказание за бедность» затрудняет получение или поддержание жилья и трудоустройства, сохранение семьи, что, в свою очередь, усугубляет неспособность выплачивать задолженность. В дальнейшем любые другие прямые и побочные последствия осуждения сокращают возможности для выплаты долга [51]. Например, некоторые приговоры – в частности, за преступления, связанные с наркотиками, – лишают возможности получить государственное жилье и профессиональные лицензии, в конечном итоге снижая вероятность того, что осужденный сможет выплатить штрафы и сборы или оправиться после конфискаций ([77]; Mo. Rev. Stat. 328.150). Есть все основания полностью отменить «наказания за бедность» на законодательном уровне; кроме того, необходимо дополнительно изучить прямые и побочные последствия, снижающие эффективность экономических санкций в качестве меры наказания [80].

Отмена некоторых видов «наказания за бедность», таких как лишение свободы или условный

перед штатом. Описания судебного разбирательства см. Mitchell v. City of Montgomery, 2014 WL 11099432 at *5 (M.D. Al. Nov. 17, 2014); Cleveland v. City of Montgomery, 2014 WL 6461900 at *5 (M.D. Al. Nov. 17, 2014); Fant v. City of Ferguson, 107 F. Supp. 3d 1016 (E.D. Mo. 2015). Хотя компиляция может содержать не все судебные иски и апелляции, малое число ссылок наглядно показывает, насколько редко данная проблема разбирается в судах низших инстанций.

[38] Fuller v. Oregon, 417 U.S. 40 (1974).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

срок, будет скорее относиться к категории мер, повышающих доход государства, поскольку затраты на такие виды наказаний часто превышают собираемые суммы [40, 61, 62]. Отмена других видов подобных наказаний (например, выплаты процентов, оплаты услуг коллекторов и других выплат) может привести к некоторому снижению доходов, но во многих юрисдикциях будет скорее нейтральной в этом отношении. Хотя назначение указанных выплат состоит в компенсации государственных расходов на сбор задолженностей, однако неизвестно, действительно ли такая компенсация имеет место: так как сбор задолженностей сам по себе требует административных затрат, а наложение дополнительной задолженности уменьшает возможности для выплаты основного долга [81].

Создать системы для реальной оценки экономического эффекта. Как было подробно описано выше, невозможность учесть финансовый эффект от штрафов, комиссионных сборов и конфискаций ставит в крайне затруднительное положение малообеспеченные слои населения, тем самым подрывая выполнение государственных задач по повышению социальной и экономической стабильности, снижению уровня преступности, администрированию тюрем и эффективности государственных затрат. Кроме того, отсутствие учета финансового эффекта от таких наказаний может привести к нарушению положений Восьмой поправки о чрезмерных штрафах, вызвать значительные проблемы в свете положения **о равенстве перед законом** и положения о надлежащей правовой процедуре.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в некоторых юрисдикциях проводился ныне почти забытый эксперимент по внедрению модели применения экономических санкций в зависимости от уровня дохода подсудимого, так называемого дохода за день [81]. Эта система предусматривает двухступенчатую процедуру, когда сначала оценивается тяжесть правонарушения в баллах, а затем эти баллы умножаются на средний доход подсудимого в расчете на один день. Результатом будет величина налагаемого штрафа. Хотя эти эксперименты были недостаточно корректно организованы[39], они показали, что в случае правильной организации такая система полностью отвечает задачам эффективного судопроизводства, а также повышает уровень доходности за счет увеличения выплат и сокращения расходов на сбор задолженностей, обеспечение условных и реальных сроков тюремного заключения [43, 81–85]. Другими словами, изучение возможностей подсудимого выплатить задолженность может способствовать не только справедливости, но и повышению доходов.

Разработать альтернативные меры, не связанные с лишением свободы. Даже если экономические санкции будут зависеть от уровня дохода гражданина, всегда останутся настолько малообеспеченные граждане, которые не в состоянии выплачивать никакие штрафы [86]. Реформирование системы штрафов, комиссионных сборов и конфискаций дает возможность задуматься об альтернативных мерах наказания [84]. Разрабатывая альтернативные меры, законодатели должны также убедиться, что они пропорциональны правонарушению (в частности, необходимо запретить лишение свободы в качестве замены экономическим мерам наказания), а также что они не имеют нежелательных последствий, противоречащих общественным интересам. Например, в качестве замены экономическим санкциям часто предлагают общественные работы (хотя это неприменимо к некоторым категориям граждан, например, инвалидам или имеющим детей на иждивении), однако эта мера может иметь негативные последствия для местных рынков труда, а также не обеспечивать адекватную защиту для осужденных к этой мере наказания. Таким образом, разрабатываемые меры должны быть тщательно продуманы, чтобы избежать подобных проблем [87].

[39] В некоторой части дел экономические санкции предполагают реституции. Согласно постановлению Верховного суда, наложение реституции на обвиняемого, который не имеет возможности ее выплачивать, не позволяет получить реституцию (например, Bearden v. Georgia, 1983); неудивительно, что значительная часть реституций остается невыплаченной. Ранее был выработан механизм, который дает возможность калибровать экономические меры наказаний, включая реституции, в зависимости от возможностей осужденного, при этом возместив ущерб пострадавшим. В рамках этого механизма каждый штат имеет фонд реституций, являющийся частью федеральной программы компенсаций жертвам преступлений. Фонд аккумулирует как федеральные средства, так и часть штрафов и пеней, собранных штатом. После некоторых усовершенствований данная система может стать основой для выплат прямых убытков пострадавшим непосредственно после преступления. В этом случае необходимо предусмотреть законодательную передачу более высокого процента от собранных штрафов и пеней в фонд реституций, придав этому фонду приоритетность по сравнению с другими целями использования законных штрафов и комиссионных сборов.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В краткосрочной перспективе разработка альтернативных мер, не связанных с лишением свободы, потребует дополнительных бюджетных расходов. Однако есть все основания полагать, что в долгосрочной перспективе эти затраты принесут значительные финансовые выгоды. Вашингтонский государственный институт общественной политики (WSIPP), внепартийный исследовательский центр под эгидой законодательной власти Вашингтона, выполнил метаанализ, включавший измерение соотношения выгод и затрат различных программ, направленных на снижение рецидивизма и уровня преступности. Многие из этих программ могли бы послужить основой для разработки альтернативных мер. Например, программа по профессиональной подготовке и содействию трудоустройству принесла 18,17 доллара на каждый затраченный доллар, центры приема граждан – 5,71 доллара, конференции по восстановительному правосудию – 3,49 доллара, и это лишь несколько примеров [88]. Таким образом, хотя на начальном этапе разработка альтернативных мер может потребовать дополнительных расходов, затем эти меры будут способствовать снижению общих расходов системы за счет сокращения уровня преступности.

Ограничить использование штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в делах с участием несовершеннолетних. Мы рассмотрели в основном использование штрафов, комиссионных сборов и конфискаций в судах для взрослых преступников, однако они применяются также против несовершеннолетних. Например, в докладе Правового центра по делам несовершеннолетних за 2016 г. зафиксировано применение экономических санкций и «наказания для бедных» против осужденных несовершеннолетних и их семей [11]. Эмпирическое исследование Alex Piquero и Wesley Jennings в этой области показало связь между применением экономических санкций и повышением уровня рецидивизма среди несовершеннолетних [49]. В 2017 г. адвокатская клиника Школы права Калифорнийского университета в Беркли опубликовала глубокое исследование применения административных штрафов в судах по делам несовершеннолетних в Калифорнии и его негативных последствий для малообеспеченных несовершеннолетних и их семей [89]. Во всех этих работах показано, как такие приговоры способствуют появлению современных долговых тюрем. Законодатели должны обратить самое пристальное внимание на практики судов по делам несовершеннолетних и оценить, насколько применение экономических санкций отвечает первоочередной цели системы ювенального правосудия – реабилитации преступников и соблюдению конституционных прав, упомянутых выше.

Как и в случае со взрослыми правонарушителями, хотя сокращение применения экономических санкций в судах по делам несовершеннолетних потребует разработки альтернативных мер, не связанных с лишением свободы, результат может быть многообещающим, в том числе в отношении сокращения государственных расходов. Например, вышеупомянутый метаанализ WSIPP показал, что в случае с несовершеннолетними правонарушителями соотношение выгод и затрат составляет: для программ по обучению и профессиональной подготовке 31,24 доллара на каждый затраченный доллар, для различных терапевтических программ – от 1,64 до 28,56 доллара, для менторских программ – 6,53 доллара на каждый затраченный доллар [88]. Использование программ поддержки вместо экономических санкций может принести существенную экономическую выгоду, способствуя достижению целей реабилитации ювенальных правовых систем.

Требовать уголовного приговора при конфискациях. Имея широкую поддержку со стороны как консервативных, так и либеральных организаций, все больше штатов запрещают использование гражданских конфискаций активов, определив, что конфискации возможны только по приговору уголовного суда [18, 19, 36, 73, 90]. В отличие от реформ, обсуждавшихся выше, в данном случае нет сомнения, что это приведет к значительному сокращению доходов, учитывая, что около 80 % дел в рамках федеральной программы «Равноправное разделение» – это гражданские конфискации активов, т. е. они налагаются без уголовного приговора, а во многих случаях и без подачи уголовного иска [33].

Почему же эта реформа получила поддержку обеих партий? Дело в том, что применение гражданских конфискаций активов нарушает презумпцию невиновности – основополагающий принцип уголовного правосудия в США. Вместо необходимости государству доказывать вину подсудимого последний вынужден доказывать свою невиновность[40]. Озабо-

[40] Alexander v. United States, 509 U.S. 544 (1993); Austin v. United States, 509 U.S. 602 (1993); [7, 44].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ченность по этому поводу вполне обоснованна – все больше примеров того, как гражданские конфискации активов происходят без соблюдения даже простейших стандартов доказательности. Например, в исследовании Washington Post было проверено 62 тысячи конфискаций денежных средств, что составляет лишь малую долю всех конфискаций; небольшой охват объясняется, вероятно, недоступностью услуг консультирования [9, 13]. Однако по 4 455 делам апелляции были поданы, и в 41 % из них государство полностью или частично вернуло конфискованные средства или имущество, часто в обмен на соглашение не подавать в суд по обстоятельствам процедуры конфискации правоохранительными органами [9, 13]. Таким образом, данная реформа, сократив поток поступлений в бюджет, будет при этом способствовать справедливости уголовного правосудия и защите от произвола государства.

Отстранить субъектов уголовного судопроизводства. Ключевой компонент реформирования системы штрафов, комиссионных сборов и конфискаций – необходимость отстранения субъектов уголовного судопроизводства как от давления по поводу необходимости получения прибыли в бюджет, так и от выгод, проистекающих от такого рода экономических санкций. В этом отношении двумя ключевыми компонентами реформы могут стать обеспечение полного финансирования системы уголовного правосудия и вывод финансовых средств из-под контроля тех субъектов уголовного судопроизводства, которые имеют значительное влияние на наложение штрафов, комиссионных сборов и конфискаций.

По всей стране юрисдикциям значительно урезали бюджеты уголовного правосудия, особенно на содержание судов. Всего один пример: законодательная власть штата Оклахома сократила финансирование окружных судов на «60 % с 2008 по 2012 гг.» [70, § 51]. В результате судьи оказались под давлением необходимости усилить экономические санкции для поддержания бюджетов судов. Это может привести к нарушениям Конституции, когда получение прибыли ставится превыше права на надлежащую правовую процедуру и справедливый суд [18, 39, 71]. Следует законодательно отстранить субъектов уголовного судопроизводства от финансовых интересов их юрисдикций во избежание коррупции судебной системы; это может быть достигнуто, в частности, обеспечением полного финансирования судов [80].

Кроме того, законодатель может уменьшить финансовую заинтересованность тех субъектов уголовного судопроизводства, которые непосредственно принимают решения о наложении штрафов, комиссионных сборов и конфискаций. Например, пока правоохранительным органам разрешено оставлять у себя конфискованные средства, остается риск, что приоритетом для них будут такие преступления, по которым можно немедленно получить доход, в ущерб тем преступлениям, включая насильственные, которые не предоставляют возможностей для применения конфискаций [91]. Можно законодательно снизить значимость этого мотива, установив, что средства, полученные от конфискаций, должны передаваться в некий общий фонд, не связанный с обеспечением потребностей правоохранительных органов или органов прокуратуры; такая практика уже существует в нескольких юрисдикциях [73].

Разумеется, такая мера, как полное финансирование систем уголовного правосудия, не может считаться нейтральной в отношении государственного бюджета. Однако если будет принята предыдущая реформа о необходимости уголовного приговора при конфискации, то доходы от таких конфискаций будут все же достаточно велики[41]. Эти доходы, в свою очередь, могут быть использованы для пополнения бюджетов систем уголовного правосудия и даже для финансирования деятельности правоохранительных органов и органов прокуратуры по контролю за соблюдением приоритетов уголовного правосудия. Это принесет двойную выгоду: сокращение мотивации при удержании конфискованных средств и имущества, с одной стороны, и сокращение необходимости полагаться на штрафы и сборы при финансировании уголовного правосудия – с другой.

Предоставить реальную доступность услуг консультирования для малообеспеченных граждан. Как было показано выше, конституционное право на консультирование в рамках Шестой поправки и положения о надлежащей правовой процедуре остается под вопросом. Важно понять, что обеспечение доступа к консультированию – это не только вопрос конституционности, который возникает только тогда, когда есть необходимость в консультировании, но и предмет политики, находящийся в ведении законодательных органов [39]. Обеспечение доступа к консультирова-

[41] State v. Goodenow, 282 P.3d 8 (Or. Ct. App. 2012).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

нию – важный механизм, способный предотвратить худшие последствия применения штрафов, комиссионных сборов и конфискаций.

Несомненно, использование консультирования в качестве такого механизма против злоупотреблений государства имеет смысл только тогда, когда все слои населения имеют к нему доступ, а системы поддержки малообеспеченных полностью финансируются из бюджета; в этом случае консультирование способно противостоять нарушениям конституционности [39, 92]. Это дорогостоящая мера, но она послужит для контроля над системными нарушениями и неконституционными действиями юрисдикций, а значит, предотвратит и крайне затратные судебные иски по поводу нарушений [63]. Так же, как и в других областях системы уголовного правосудия, при условии отстранения субъектов уголовного судопроизводства от проблемы финансирования их юрисдикций с помощью этих экономических санкций средства от законных штрафов, комиссионных сборов и конфискаций могут быть использованы для обеспечения услуг консультирования для малообеспеченных граждан [93].

Использовать механизмы сбора данных. В рамках осуществления реформ в отношении применения штрафов, комиссионных сборов и конфискаций важно организовать сбор данных по широкому кругу проблем, включая изменения среднего объема собираемых сумм, последствия экономических санкций, уровень рецидивизма. Хотя такая работа требует значительных ресурсов, она критически важна для оценки должного функционирования реформ, необходимости их коррекции или углубления для решения вышеописанных проблем. Таким образом, по мере реформирования системы уголовного правосудия масштабный сбор информации будет способствовать ее прозрачности и даст возможность своевременно решать проблемы, связанные с наложением и сбором штрафов, комиссионных сборов и конфискаций.

Список литературы / References

1. Carpenter D. M., Knepper L., Erickson A. C., McDonald J. *Policing for profit: The abuse of civil asset forfeiture* (2nd ed.), 2015, available at: http://ij.org/report/policing-for-profit/

2. Colgan B. A. Reviving the excessive fines clause, *California Law Review*, 2014, Vol. 102, No. 2, pp. 277–350.

3. *Fines, fees, and bail,* Council for Economic Advisors, 2015, available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/page/files/1215ceafinefeebailissue_brief.pdf

4. Martin K. D., Smith S. S., Still W. *Shackled to debt: Criminal justice financial obligations and the barriers to re-entry they create*, 2017, available at: https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/249976.pdf

5. *Criminal Justice Policy Program,* Confronting criminal justice departments: A Guide for policy reform, Harvard Law School, 2016, available at: http://cjpp.law.harvard.edu/assets/Confronting-Crim-Justice-Debt-Guide-to-Policy-Reform-FINAL.pdf

6. *Profiting from probation: America's "offender funded" probation industry*, Human Rights Watch, 2014, available at: https://www.hrw.org/report/2014/02/05/profiting-probation/americas-offender-funded-probation-industry#page

7. Benson B. L. Escalating the war on drugs: Causes and unintended consequences, *Stanford Law and Policy Review*, 2009, Vol. 20, pp. 293–358.

8. Logan W. A. The shadow criminal law of municipal governance, *Ohio State Law Journal*, 2001, Vol. 62, No. 4, pp. 1409–1472.

9. Sallah M., O'Harrow R., Jr., Rich S., Silverman G. Stop and seize, *The Washington Post*, 2014, September 6, available at: http://www.washingtonpost.com/sf/investigative/2014/09/06/stop-and-seize/?utm_term=.4cd0793fd067

10. Bannon A., Diller R., Nagrecha M. *Criminal justice debt: A barrier to reentry*, 2010, available at: https://www.brennancenter.org/publication/criminal-justice-debt-barrier-reentry

11. Feierman J., Goldstein N., Haney-Caron E., Columbo J. F. *Debtors' prison for kids? The high cost of fines and fees in the juvenile justice system*, Juvenile Law Center, 2016, available at: http://debtorsprison.jlc.org/documents/JLC-Debtors-Prison.pdf

12. O'Hara R., Sallah M. Police intelligence targets cash, *The Washington Post*, 2014, September 7, available at: http://www.washingtonpost.com/sf/investigative/2014/09/07/police-intelligence-targets-cash/?utm_term=.5da4381a1930

13. O'Hara R., Sallah M. They fought the law, who won?, *The Washington Post*, 2014, Sep. 8, available at: http://www.washingtonpost.com/sf/investigative/2014/09/08/they-fought-the-law-who-won/?utm_term=.36b0f0d5f048

14. Shapiro J. As court fees rise, the poor are paying the price, *NPR*, 2014, May 19, available at: http://www.npr.org/2014/05/19/312158516/increasing-court-fees-punish-the-poor

15. Shapiro J. Supreme Court rules not enough to prevent debtors' prisons, *NPR*, 2014, May 21, available at: http://www.npr.org/2014/05/21/313118629/supreme-court-ruling-not-enough-to-prevent-debtors-prisons

16. Stillman S. Taken, *The New Yorker*, 2013, August 12, available at: https://www.newyorker.com/magazine/2013/08/12/taken

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

17. Stillman S. Get out of jail, Inc., *The New Yorker*, 2014, June 23, available at: http://www.newyorker.com/magazine/2014/06/23/get-out-of-jail-inc

18. *In for a penny: The rise of America's new debtors' prisons*, American Civil Liberties Union, 2010, available at: https://www.aclu.org/report/penny-rise-americas-new-debtors-prisons

19. *Resolution on criminal justice fines and fees*, American Legislative Exchange Council, 2016, available at: https://www.alec.org/model-policy/resolution-on-criminal-justice-fines-and-fees/

20. Ingraham C. How police took $53,000 from a Christian band, and orphanage, and a church, *The Washington Post*, 2016, April 25, available at: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2016/04/25/how-oklahoma-cops-took-53000-from-a-burmese-christian-band-a-church-in-omaha-and-an-orphanage-in-thailand/?utm_term=.2b9e0b6ecd82

21. Bingham S., Calhoun S., Case A., Christensen G., Della- Piana E., Zhen T. *Not just a Ferguson problem: How traffic courts drive inequality in California*, Lawyers' Commission for Civil Rights, 2015, available at: http://www.lccr.com/wp-content/uploads/Not-Just-a-Ferguson-Problem-How-Traffic-Courts-Drive-Inequality-in-California-4.20.15.pdf

22. *Investigation of the Ferguson Police Department*, U.S. Department of Justice, 2015, available at: https://www.justice.gov/sites/default/files/opa/press-releases/attachments/2015/03/04/ferguson_police_department_report.pdf

23. Gilles M. E. In defense of making government pay: The deterrent effect of constitutional tort remedies, *Georgia Law Review*, 2001, Vol. 35, pp. 845–880.

24. Levinson D. J. Making government pay: Markets, politics, and the allocation of constitutional costs, *The University of Chicago Law Review*, 2000, Vol. 67, No. 2, pp. 345–420.

25. Schwartz J. C. How governments pay: Lawsuits, budgets, and police reform, *UCLA Law Review*, 2016, Vol. 63, No. 5, pp. 1–147.

26. Garrett T. A., Wagner G. A. Red ink in the review mirror: Local fiscal conditions and the issuance of traffic tickets, *The Journal of Law and Economics*, 2009, Vol. 52, No. 1, pp. 71–90.

27. Blumenson E., Nilsen E. Policing for profit: The drug war's hidden economic agenda, *The University of Chicago Law Review*, 1998, Vol. 65, No. 1, pp. 35–114.

28. Claramella C. J. Poor neighborhoods hit hardest by asset forfeiture in Chicago, data shows, *Reason*, 2017, June 13, available at: http://reason.com/blog/2017/06/13/poor-neighborhoods-hit-hardest-by-asset

29. Fagan J. Race and the new policing, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 83–116.

30. Bowers J. Legal guilt, normative innocence, and the equitable decision not to prosecute, *Columbia Law Review*, 2010, Vol. 110, No. 7, pp. 1655–1726.

31. Mast B. D., Benson B. L., Rasmussen D. W. Entrepreneurial police and drug enforcement policy, *Public Choice*, 2000, Vol. 104, No. 3–4, pp. 285–308. DOI: 10.1023/A:1005183918319

32. *Guilty property: How law enforcement takes $1 million in cash from innocent Philadelphians every year – and gets away with it*, American Civil Liberties Union, 2015, available at: https://www.aclupa.org/files/3214/3326/0426/Guilty_Property_Report_-_FINAL.pdf

33. O'Hara R., Rich S. Asset seizures fuel police spending, *The Washington Post*, 2014, October 11, available at: http://www.washingtonpost.com/sf/investigative/2014/10/11/asset-seizures-fuel-police-spending/?utm_term=026a2f51c0eb

34. O'Hara R., Rich S. D.C. police plan for future seizure proceeds year in advance in city budget documents, *The Washington Post*, 2014, November 15, available at: https://www.washingtonpost.com/investigations/dc-police-plan-for-future-seizure-proceeds-years-in-advance-in-city-budget-documents/2014/11/15/7025edd2-6b76-11e4-b053-65cea7903f2e_story.html?utm_term=.4853638de9bb

35. Harmon R. A. Federal programs and the real cost of policing, *New York University Law Review*, 2015, Vol. 90, pp. 870–960.

36. Sibilla N. Civil forfeiture now requires a criminal conviction in Montana and New Mexico, *Forbes,* 2015, July 2, available at: https://www.forbes.com/sites/instituteforjustice/2015/07/02/civil-forfeiture-now-requires-a-criminal-conviction-in-montana-and-new-mexico/#2efbcba5ee30

37. Beckett K., Harris A. On cash and conviction: Monetary sanctions as misguided policy, *Criminology and Public Policy*, 2011, Vol. 10, No. 3, pp. 509–537.

38. Carbado D. W. Race and the Fourth Amendment, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 153–184.

39. Colgan B. A. Lessons from Ferguson on individual defense representation as a tool for systematic reform, *William and Mary Law Review*, 2017, Vol. 58, No. 4, pp. 1171–1252.

40. Laisne M., Wool J., Henrichson C. *Past due: Examining the cost and consequences of charging for justice in New Orleans*, 2017, available at: https://storage.googleapis.com/vera-web-assets/downloads/Publications/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans/legacy_downloads/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans.pdf

41. Pawasarat J. *The driver license statutes of the voting age population in Wisconsin*, 2005, available at: https://www.brennancenter.org/sites/default/files/legacy/d/download_file_50902.pdf

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

42. Waller M. High cost or high opportunity cost? Transportation and family economic success, *Brookings*, 2005, December 2, available at: https://www.brookings.edu/research/high-cost-or-high-opportunity-cost-transportation-and-family-economic-success-2/

43. McLean R. L., Thompson M. D. *Repaying debts*, 2007, available at: https://victimsofcrime.org/docs/default-source/restitution-toolkit/repaying_debts_full_report.pdf?sfvrsn=2

44. Brown P. Parents' house seized after son's drug bust, *CNN*, 2014, September 8, available at: http://www.cnn.com/2014/09/03/us/philadelphia-drug-bust-house-seizure/index.html

45. Kruger J. G. DEA to traveler: Thanks, I'll take that cash, *Albuquerque Journal*, 2015, May 6, available at: https://www.abqjoumal.com/580107/dea-agents-seize-16000-from-aspiring-music-video-producer.html

46. Cook F. The burden of criminal justice debt in Alabama: 2014 participant self-report survey, *Jefferson County's Community Corrections Program*, available at: https://www.uab.edu/medicine/substanceabuse/images/The_Burden_of_Criminal_Justice_Debt_in_Alabama-_Part_1_Main_Report.pdf

47. Harris A., Evans H., Beckett K. Drawing blood from stones: Legal debt and social inequality in contemporary United States, *American Journal of Sociology*, 2010, Vol. 115, No. 6, pp. 1753–1799. DOI: 10.1086/651940

48. Schneider A. L. Restitution and recidivism rates of juvenile offenders: Results from four experimental studies, *Criminology*, 1986, Vol. 24, No. 3, pp. 533–552. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1986.tb00389.x

49. Piquero A. R., Jennings W. G. Research note: Justice system-imposed financial penalties increase the likelihood of recidivism in a sample of adolescent offenders, *Youth Violence and Juvenile Justice*, 2016, Vol. 15, No. 3, pp. 325–340. DOI: 10.1177/1541204016669213

50. Grogger J. Certainty v. severity of punishment, *Economic Inquiry*, 1991, Vol. 29, No. 2, pp. 297–309. DOI: 10.1111/j.1465-7295.1991.tb01272.x

51. Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2017, Vol. 18, No. 3, pp. 1–16.

52. Fontaine J., Biess J. *Housing as a platform for formerly incarcerated individuals*, The Urban Institute, 2012, available at: http://www.urban.org/sites/default/files/publication/25321/412552-Housing-as-a-Platform-for-Formerly-Incarcerated-Persons.PDF

53. Graffam J., Shinkfield A., Lavelle B., McPherson W. Variables affecting successful reintegration as perceived by offenders and professionals, *Journal of Offender Rehabilitation*, 2004, Vol. 40, No. 1–2, pp. 147–171. DOI: 10.1300/J076v40n01_08

54. Roman C. G., Travis J. *Taking stock: Housing, homelessness, and prisoner reentry*, 2004, available at: http://www.urban.org/sites/default/files/publication/58121/411096-Taking-Stock.PDF

55. Lutze F. E., Rosky J. W., Hamilton Z. K. Homelessness and reentry: A multisite outcome evaluation of Washington State's reentry housing program for high risk offenders, *Criminal Justice and Behavior*, 2013, Vol. 41, No. 4, pp. 471–491. DOI: 10.1177/0093854813510164

56. Berg M. T., Huebner B. M. Reentry and the ties that bind: An examination of social ties, employment, and recidivism, *Justice Quarterly*, 2011, Vol. 28, No. 2, pp. 382–410. DOI: 10.1080/07418825.2010.498383

57. Seyler R. Local ACLU chapter см.ks jail oversight committee, *Silver City Sun-News*, 2015, July 6, available at: http://www.scsun-news.com/story/news/local/2015/07/06/local-aclu-chapter-см.ks-jail-oversight-committee/71601486/

58. Dolovich S. Prison conditions, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 261–294.

59. Hall B. Sheriff calls Rutherford county's probation system a "rat wheel", *News Channel 5 Network*, 2016, January 17, available at: http://www.newschannel5.com/news/newschannel-5-investigates/sheriff-calls-rutherford-countys-probation-system-a-rat-wheel

60. Henrichson C., Roberts S., Mai C., Delany- Brumsey A., Laisne M., Davis C., Wilson R. *The costs and consequences of bail, fines and fees in New Orleans: Technical report*, 2017, available at: https://storage.googleapis.com/vera-web-assets/downloads/Publications/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans/legacy_downloads/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans-technical-report.pdf

61. Dolan S. Taxpayers lose as Maine counties jail indigents over unpaid fines, *Portland Press Herald*, 2015, May 31, available at: http://www.pressherald.com/2015/05/31/taxpayers-lose-as-maine-counties-jail-indigents-over-unpaid-fines/

62. Stevenson M., Mayson S. G. Pretrial detention and bail, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 21–48.

63. Patrick R. Judge approves $4.7 million settlement to those jailed for unpaid fines in Jennings, *St Louis Post Dispatch*, 2016, December 14, available at: http://www.stltoday.com/news/local/crime-and-courts/judge-approves-million-settlement-to-those-jailed-for-unpaid-fines/article_030c999a-00a0-56fb-a006-cda8bb2121b7.html

64. Colgan B. A. The excessive fines clause: Challenging the modern debtors' prison, *UCLA Law Review*, 2018, Vol. 65, p. 2.

65. Durham R. B. The cruel and unusual punishments and excessive fines clauses, *American Criminal Law Review*, 1989, Vol. 26, pp. 1617–1658.

66. McLean N. M. Livelihood, ability to pay, and the original meaning of the excessive fines clause, *Hastings Constitutional Law Quarterly*, 2013, Vol. 40, pp. 833–902.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

67. Kolber A. J. The subjective experience of punishment, *Columbia Law Review*, 2009, Vol. 109, pp. 182–236.

68. Simmons K. W. Retributivists need not and should not endorse the subjectivist account of punishment, *Columbia Law Review Sidebar*, 2009, Vol. 109, pp. 1–10.

69. Ryan M. J. Taking dignity seriously: Excavating the backdrop of the eighth amendment, *University of Illinois Law Review*, 2016, pp. 2129–2178.

70. Carter M. S., Adcock C. Prisoners of debt: Justice system imposes steep fines, fees, *Oklahoma Watch*, 2015, January 31, available at: http://oklahomawatch.org/2015/01/31/justice-system-steeps-many-offenders-in-debt/

71. Brownstone S. Leaked e-mail: What a King County Superior Court judge really thinks about raising the cost of traffic ticket fines, *The Stranger*, 2015, May 21, available at: http://www.thestranger.com/blogs/slog/2015/05/21/22255032/leaked-e-mail-what-a-king-county-superior-court-judge-really-thinks-about-raising-the-cost-of-traffic-ticket-fines

72. Bourdeaux D. J., Pritchard A. C. Innocence lost: Bennis v. Michigan and the forfeiture tradition, *Missouri Law Review*, 1996, Vol. 61, No. 3, pp. 593–632.

73. Nelson C. The constitutionality of civil forfeiture, *Yale Law Journal*, 2016, Vol. 125, No. 8, pp. 2182–2555.

74. Eaglin J. M. Improving economic sanctions in the States, *Minnesota Law Review*, 2015, Vol. 99, pp. 1837–1870.

75. Sobol N. L. Charging the poor: Criminal justice debt & modern-day debtors' prisons, *Maryland Law Review*, 2016, Vol. 75, No. 2, pp. 486–540.

76. King J. D. Beyond "life and liberty": The evolving right to counsel, *Harvard Civil Rights – Civil Liberties Law Review*, 2013, Vol. 48, pp. 1–49.

77. Colgan B. A. Paying for Gideon, *Iowa Law Review*, 2014, Vol. 99, pp. 1929–1949.

78. Anderson H. A. Penalizing poverty: Making criminal defendants pay for their court-appointed counsel through recoupment and contribution, *University of Michigan Journal of Law Reform*, 2009, Vol. 42, pp. 323–380.

79. Wright R. F., Logan W. A. The political economy of application fees for indigent criminal defense, *William and Mary Law Review*, 2006, Vol. 47, pp. 2045–2087.

80. Natapoff A. Misdemeanors, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 71–98.

81. Colgan B. A. Graduating economic sanctions according to ability to pay, *Iowa Law Review*, 2017, Vol. 103, pp. 53–112.

82. McDonald D. C., Green J., Worzella C. *Day fines in American courts: The Staten Island and Milwaukee experiments*, 1992, available at: https://csgjusticecenter.org/wp-content/uploads/2013/07/1992-day-fines-in-Staten-Island-Milwaukee.pdf

83. *National Association of Crime Victim Compensation Boards*, 2017, available at: http://www.nacvcb. org/index. asp?sid=6

84. Tonry M. Community punishment, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 187–204.

85. Turner S., Petersilia J. Day fines in four U.S. jurisdictions, *RAND Corporation*, 1996, available at: https://csgjusticecenter.org/wp-content/uploads/2013/07/1996-RAND-day-fines-4-BJA-pilot-sites.pdf

86. Edin K. J., Shaefer L. *$2.00 a day: Living on almost nothing in America*, New York, NY, Houghton Mifflin Harcourt, 2016.

87. Zatz N. Get to work or go to jail: Free labor in the shadow of mass incarceration, *ACSBlog*, 2015, November 16, available at: https://www.acslaw.org/acsblog/get-to-work-or-go-to-jail-free-labor-in-the-shadow-of-mass-incarceration

88. *Benefit-cost results*, Washington State Institute for Public Policy, 2016, available at: http://www.wsipp.wa.gov/BenefitCost

89. *Making families pay: The harmful, unlawful, and costly practice of charging juvenile administrative fees in California*, Policy Advocacy Clinic, 2017, available at: http://wclp.org/wp-content/uploads/2017/03/State-Juvenile-Fees-Report.pdf

90. Charles Koch, ACUL form unusual alliance in pushing states to overhaul asset forfeiture rules, Access WDUN, *The Associated Press*, 2015, October 15, available at: http://accesswdun.com/article/2015/10/342669

91. Worrall J. L. Addicted to the drug war: The role of civil asset forfeiture as a budgetary necessity in contemporary law enforcement, *Journal of Criminal Justice*, 2001, Vol. 29, No. 3, pp. 171–187. DOI: 10.1016/S0047-2352(01)00082-4

92. Primus E. B. Defense counsel and public defense, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 121–146.

93. Earl J. Civil asset forfeiture: Fund public defenders instead of the police, *The Hill*, 2017, February 15, available at: http://thehill.com/blogs/pundits-blog/crime/319632-civil-asset-forfeiture-fund-public-defenders-instead-of-the-police

94. Colgan B. A. Fines, fees, and forfeitures, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, Vol. 18, Iss. 3, pp. 22–40.

Дата поступления / Received 23.07.2018
Дата принятия в печать / Accepted 29.08.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Колган Б. А., 2018. Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 25.09.2018.
© Colgan B. A., 2018

Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3
Actual Problems of Economics and Law, 2018, vol. 12, No. 3

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 343.15:343.2(73) **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.660-676**

Г. ДЖ. ЧИН[1]

[1] *Калифорнийский университет, Школа права Дэвиса, Калифорния, США*

ПОБОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ*

Чин Габриэль Джек, младший профессор права, Калифорнийский университет, Школа права Дэвиса, кафедра Edward L. Barrett Jr. Chair and Martin Luther King
Адрес: University of California, Davis School of Law. 400 Mrak Hall Drive, Davis, CA, 95616-5201, USA
E-mail: gjchin@ucdavis.edu
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-8814-6834

Цель: анализ побочных последствий осуждения в уголовном праве (на примере Соединенных Штатов Америки).
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой и социологический.
Результаты: для многих людей важнейшим последствием уголовного приговора является не само заключение под стражу, а получение статуса осужденного и наступление побочных последствий. Среди таких последствий – утрата гражданских прав, государственных льгот, недоступность ряда возможностей трудоустройства, лицензий и разрешений. Во всех пятидесяти штатах США побочные последствия, зачастую действующие всю оставшуюся жизнь, налагаются на основании уголовного приговора любой юрисдикции. Побочные последствия настолько многочисленны и разнообразны, информация о них настолько разбросана, что их можно назвать неисчислимыми. В последние годы Американский институт права, Американская ассоциация юристов и Комиссия по унификации законодательства предложили ряд реформ. Побочные последствия должны: 1) быть обобщены и опубликованы, так чтобы адвокаты, юристы, судьи и законодатели имели о них ясное представление; 2) быть известны на этапе консультирования, переговоров о заключении сделки о признании вины, вынесения приговора и иных аспектов уголовного процесса; 3) подлежать смягчению, так чтобы гражданин, ведущий законопослушный образ жизни, мог восстановить свой равноправный статус; 4) ограничиваться случаями, которые достоверно повышают общественную безопасность.
Научная новизна: в работе впервые обоснована необходимость рационализировать и реформировать побочные последствия приговоров. Побочные последствия должны быть интегрированы в систему уголовного правосудия в целом, а также в процесс разбирательства по каждому отдельному делу. Предлагается создать Общенациональный сборник побочных последствий приговоров, с тем чтобы каждый гражданин смог ознакомиться с правовыми последствиями приговора в каждой отдельной юрисдикции. В связи с этим адвокатам рекомендуется информировать клиентов о побочных последствиях при оказании юридической помощи, судьи должны информировать подсудимых о возможных побочных последствиях при подаче заявления о признании вины и при вынесении приговора, прокуроры должны учитывать побочные последствия при обсуждении признания вины и возможного приговора. Доказана необходимость разработки Конгрессом и законодательными органами штатов механизма смягчения побочных последствий с целью трудоустройства и реабилитации осужденного.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с побочными последствиями осуждения в уголовном праве.

Ключевые слова: побочные последствия осуждения в уголовном порядке; реформа уголовного законодательства; судебный приговор; заключение под стражу; статус осужденного

---

* Адаптированная версия статьи впервые опубликована на английском языке в журнале Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction // Criminology, Criminal Justice, Law & Society. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 1–17.

URL публикации: https://ccjls.scholasticahq.com/article/2721-collateral-consequences-of-criminal-conviction

Адаптировано журналом Criminology, Criminal Justice, Law & Society. из: Chin, G. J. (2017). Collateral consequences. In E. Luna (Ed.), *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform* (Vol. 4, pp. 371–395). Phoenix, AZ: Academy for Justice.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Благодарность: автор выражает благодарность Margaret Colgate Love за ее многолетнее участие в изучении побочных последствий, а также за ее комментарии к данной статье.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Чин Г. Дж. Побочные последствия осуждения в уголовном порядке // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 3. С. 660–676. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.660-676

G. J. CHIN[1]

[1] *University of California, Davis School of Law, California, USA*

COLLATERAL CONSEQUENCES OF CRIMINAL CONVICTION*

Gabriel "Jack" Chin is the Edward L. Barrett Jr. Chair and Martin Luther King, Jr. Professor of Law at the University of California, Davis School of Law
Address: Gabriel J. Chin, University of California, Davis School of Law
400 Mrak Hall Drive, Davis, CA, 95616-5201, USA
E-mail: gjchin@ucdavis.edu
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-8814-6834

Objective: to analyze the collateral consequences of conviction in criminal law (by the example of the United States of America).

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, allowing to analyze them in the historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

Results: for many people convicted of crime, the greatest effect will not be imprisonment, but being marked as a criminal and subjected to collateral consequences. Consequences can include loss of civil rights, public benefits, and ineligibility for employment, licenses, and permits. The United States, the 50 states, and their agencies and subdivisions impose collateral consequences – often applicable for life – based on convictions from any jurisdiction. Collateral consequences are so numerous and scattered as to be virtually uncountable. In recent years, the American Law Institute, American Bar Association, and Uniform Law Commission all have proposed reforms. Collateral consequences should be: (1) collected and published, so that defendants, lawyers, judges and policymakers can know what they are; (2) incorporated into counselling, plea bargaining, sentencing and other aspects of the criminal process; (3) subject to relief so that individuals can pursue law-abiding lives, and regain equal status; and (4) limited to those that evidence shows reasonably promote public safety.

Scientific novelty: for the first time, the work substantiates the necessity to rationalize and reform the collateral consequences of conviction. The collateral consequences should be integrated into the criminal justice policy process in general, and into the process of disposition of each case. It is proposed to publish the National Inventory of Collateral Consequences of Conviction so that any individual can learn the legal implications of a conviction under the law of each jurisdiction. At the same time, defense attorneys should inform clients of collateral consequences, judges should inform defendants of applicable collateral consequences at plea and sentencing, prosecutors should take collateral consequences into account in charging and plea bargaining. It is proved that Congress and state legislatures should develop mechanisms to relieve individual collateral consequences to facilitate an individual's employment and rehabilitation**.**

Practical significance: the main provisions and conclusions can be used in scientific and educational activities for the development of the issues related to collateral consequences of conviction in criminal law.

Keywords: Collateral consequences of criminal conviction; Reform of criminal law

* Adapted version is first published in the English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS) and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information, please contact: CJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction // Criminology, Criminal Justice, Law & Society. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 1–17.

Publication URL: https://ccjls.scholasticahq.com/article/2721-collateral-consequences-of-criminal-conviction

Adapted from: Chin, G. J. Collateral consequences. In E. Luna (Ed.), *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform, 2017,* Vol. 4, pp. 371–395. Phoenix, AZ: Academy for Justice.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Acknowledgements: thanks to Margaret Colgate Love for her partnership in collateral consequences work over the years, and for her comments on this article.

For citation of Russian version: Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction, A*ctual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 3, pp. 660–676. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.660-676

Общеизвестно, что уголовный приговор влечет за собой традиционные формы наказаний: лишение свободы, денежный штраф, надзор после или вместо заключения под стражу. Однако не все хорошо понимают, что лица, осужденные по уголовным делам, сталкиваются с целым рядом дополнительных правовых последствий, которые называются *побочными последствиями.*

Побочные последствия затрагивают многие стороны жизни. Некоторые приговоры ведут к утрате гражданского статуса: гражданин может потерять право голоса, право выступать в качестве присяжного заседателя, занимать какую-либо должность; негражданин может быть депортирован или потерять право натурализации. Другие приговоры могут лишить человека права на общественные блага, такие как право на проживание в государственном жилье или получение водительских прав. Приговоры по уголовным делам влияют на трудоустройство. Так, лица с судимостью не могут работать в сфере охраны общественного порядка и здравоохранения. Они могут также лишиться права на получение лицензии или разрешения на определенные виды занятий или на ведение бизнеса, лишиться права на пенсию. Судебный приговор влияет и на семейные отношения, например, на право осуществлять опеку или видеться со своим ребенком. Наступают также значительные последствия неправового характера, такие как пятно на репутации и моральный стыд, но в данной статье рассматриваются лишь правовые аспекты [1].

Проблема побочных последствий нарастает. Во-первых, им подвергается все большее число американцев. В США около 2,25 млн человек находятся в местах лишения свободы [2], при этом уголовным прошлым обладают более 77 млн американцев [3]. Справедливость с одной стороны и проблема обеспечения общественной безопасности с другой заставляют искать пути для того, чтобы лица с судимостью становились самодостаточными и продуктивными членами общества.

Во-вторых, хотя побочных последствий становится все больше, они остаются невидимыми. Они налагаются федеральными, региональными на уровне штатов и местными органами власти и их ведомствами; иногда это делается открыто, но часто остается частью информационной политики, которую нелегко обнаружить. Необходимо систематизировать побочные последствия и сделать их доступными для любой юрисдикции.

В-третьих, побочные последствия, будучи для многих людей самой важной частью системы уголовного правосудия, в целом до сих пор не считаются наказанием, а значит, не регулируются положениями Конституции об уголовном процессе. Например, поскольку новые побочные последствия относятся к области регулирования, а не наказания, они могут быть наложены на лиц, осужденных много лет назад. В целом, согласно Конституции США, подозреваемые не могут знать, какие побочные последствия им угрожают, в момент выбора между признанием своей вины или прохождением через судебное разбирательство; судьи не обязаны принимать побочные последствия во внимание при вынесении приговора. Мы считаем, что судьи и прокуроры должны принимать во внимание побочные последствия при обвинении и вынесении приговора, а адвокаты должны объяснять их своим клиентам.

В-четвертых, дела осужденных стали более доступны широкой публике через государственные и частные базы данных. Соответственно, скрыть информацию об уголовном преследовании становится все труднее. В то же время правовые последствия приговора сложно устранить. Одни побочные последствия действуют лишь в течение определенного периода, другие налагаются бессрочно. Хотя все юрисдикции используют методы по устранению последствий уголовного наказания (помилование, закрытие доступа третьих лиц к материалам дела, снятие судимости), однако избавиться от побочных

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

последствий практически невозможно, либо это доступно лишь некоторым категориям осужденных [4].

Юрисдикции, имеющие право налагать различные побочные последствия, должны обеспечить такое их структурирование, которое позволит повысить общественную безопасность. С одной стороны, необходимо защитить общество от опасных индивидуумов, а с другой – дать возможность гражданам с судимостью вести законопослушный образ жизни. Оценка этих параметров должна вестись на основе эмпирического анализа, а не интуиции. Насколько возможно, побочные последствия должны быть ограничены конкретными видами преступлений, налагаться по конкретным делам и на ограниченный период времени, а не пожизненно и на всех осужденных. Юрисдикции должны прояснить применение неоднозначных побочных последствий. Кроме того, они должны разработать механизмы смягчения последствий, когда гражданин может восстановить определенные права при выполнении требований общественной безопасности, а при условии своего исправления и полностью избавиться от побочных последствий приговора.

Действующее законодательство и политика

В настоящее время в США вынесение приговоров по уголовным делам носит массовый характер. Известные исследователи используют иной термин: «массовое лишение свободы» [5–14]. Начиная с 1970-х гг. и в еще большей степени с 1980-х гг. увеличение количества приговоров к лишению свободы и абсолютного числа заключенных стали называть «беспрецедентным в истории либеральной демократии» [15, с. 14]. В 1980 г. более 500 тысяч американцев были приговорены к тюремному заключению; а в 2015 г. их было уже более 2,25 млн [2, 16–19].

Однако повышенное внимание к феномену «массового лишения свободы» заставляет забыть, что место заключения не единственный инструмент уголовного правосудия[1]. В год на уровне штатов совершается около 1 млн тяжких уголовных преступлений и намного больше мелких [20–26][2]. Кроме того, ежегодно выносится около 80 тысяч уголовных приговоров на федеральном уровне (Bureau of Justice Statistics, 2010). Большинство осужденных за тяжкие преступления – 60 % – приговариваются не к тюремному заключению, а к испытательному сроку с лишением свободы или без такового [20]. Среди осужденных за мелкие преступления этот процент еще выше [21, 27]. Хотя продолжительность заключения выросла, в среднем она составляет менее пяти лет [20, 28]. Соответственно, большинство приговоренных к лишению свободы за тяжкие преступления тем не менее проведет большую часть своей жизни в свободном обществе.

Лица, осужденные, но не находящиеся в местах лишения свободы, обычно находятся на испытательном сроке или на условном освобождении [29]. В 2015 г. таковых было около 7 млн человек, что в три раза больше, чем в местах лишения свободы [29, 30]. В целом около 77 млн взрослых граждан имеют уголовное прошлое, хотя в ряде случаев это означает задержание без последующего вынесения приговора [3, 31, 32]. Таким образом, общее количество преступников – это не только 2 млн в местах лишения свободы; это еще и более 7 млн человек, находящихся под контролем уголовной системы, которые не находятся в местах лишения свободы, а также десятки миллионов, на которых имеются полицейские досье.

Если человек был осужден, но не попал в тюрьму, это не означает, что он избежал правовых последствий [33–37]. По словам Верховного суда, «гражданин, совершивший тяжкое преступление, обычно утрачивает существенные права»[3]. Каждый приговор влечет за собой значительные перемены в жизни, так как это поражение в правах будет «бессрочным»[4]. Для граждан очевидным последствием будет утрата гражданских прав: «Осужденный преступник может быть ограничен в правах, не сможет занимать государственную должность на уровне штата или на федеральном уровне, заниматься определенными профессиями, вы-

[1] Хотя выражение «массовое лишение свободы» не отражает всех побочных последствий, это не означает, что ученые, использующие данный термин, не знают об этих побочных последствиях или уделяют им недостаточно внимания. Указанное замечание касается лишь ограничений самого термина, а не работы тех, кто его использует.

[2] Систематической статистики по мелким правонарушениям не ведется, но очевидно, что приговоры по ним выносятся чаще, чем по тяжким преступлениям.

[3] См. Estep v. United States, 327 U.S. 114 (1946), p. 122; Daniels v. United States, 532 U.S. 374 (2001).

[4] См. Fiswick v. United States, 329 U.S. 211 (1946), p. 222; Parker v. Ellis, 362 U.S. 574 (1960).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ступать свидетелем, быть присяжным заседателем», владеть и пользоваться оружием[5]. Неграждане могут быть депортированы [43–46][6].

Некоторые побочные последствия наступают после определенных видов преступлений, другие – после тяжких преступлений или таких расплывчатых категорий, как преступления против нравственности. Отдельные налагаются автоматически, другие требуют вмешательства органов власти по конкретному делу. Иные налагаются на определенный срок, другие – пожизненно.

Последствия от потери статуса тем более значительны в наши дни, когда столь многие сферы жизни подлежат государственному регулированию. Приговор может затронуть многие аспекты семейных отношений, включая, например, возможность усыновления, опеки или сохранения права общения с ребенком [45]. Осужденный может потерять право на работу в государственных органах, в частности, быть военнослужащим или сотрудником правоохранительных органов (например, 10 U.S.C. § 504; Fla. Stat. Ann. § 943.13(4) (2017)). Может быть затруднено и трудоустройство в частном секторе, включая работу в регулируемых отраслях[7], на производствах, где правительство является одной из сторон контракта, или в сферах с особыми требованиями к безопасности.

Наличие приговора может также ограничить возможность выполнять государственные контракты, получать лицензии и разрешения [45][8], занимать государственное жилье, получать положенную по закону государственную пенсию и другие льготы [45, 47, 48][9]. Осужденные за определенные преступления могут быть лишены права водить машину [45][10]. Лица, осужденные за сексуальные преступления, часто должны регистрироваться, могут быть лишены права проживать в определенных районах, а также подвергаются гражданскому наказанию после освобождения из мест лишения свободы [45, 49]. Досье на уголовных преступников становятся все более доступны всем ветвям власти, всем сегментам общества посредством компьютерных баз данных. Тем самым побочные последствия становится все проще применить, хотя некоторые штаты стараются ограничить доступ к полицейским досье [45, 50–52].

Несмотря на широкую распространенность побочных последствий, а может быть и благодаря ей, федеральное законодательство обеспечивает их минимальное регулирование. Верховный суд постановил, что ограничения на право заниматься определенными профессиями[11], депортация[12] и регистрация лиц, осужденных за сексуальные преступления[13], а также помещение в режимное учреждение в гражданском порядке[14] не подлежат запрету на основании законов обратной силы (*ex post facto)*, хотя некоторые режимы регистрации были признаны настолько ограничивающими, что составляют уже наказание [45] или требуют индивидуальных решений[15]. Суд также указал, что лица с судимостью могут быть ограничены в правах[16] и лишены права владеть огнестрельным оружием[17]. Многие суды признают, что побочные последствия не являются наказанием, а значит, к ним не относится

---

[5] См. Parker v. Ellis, 362 U.S. 574 (1960), p. 247; District of Columbia v. Heller, 554 U.S. 570 (2008); см. также [34, 38–42].

[6] См. также Mahler v. Eby, 264 U.S. 32 (1924).

[7] Например, в деле DiCola v. FDA, 77 F.3d 504 (D.C. Cir. 1996) Апелляционный суд округа Колумбия так обосновал решение о пожизненном запрете на работу в фармацевтической промышленности: «Кроме своего карательного назначения, данный запрет основан на убеждении, что в интересах фармацевтической промышленности и доверия общества к ней нельзя допустить работу в данной промышленности лиц, совершивших тяжкое преступление, нарушающее законы Управления по контролю за продуктами и медикаментами. Данное убеждение основано как на сомнении в возможности исправить поведение лица, совершившего преступление, так и на озабоченности последствиями такого поведения» (pp. 507–508).

[8] Верховный суд поддержал запрет на выдачу лицензий лицам, совершившим преступление:

«Нет сомнения, что совершение преступления, т. е. нарушение закона, связано с особенностями личности преступника. Как правило, хорошие люди не совершают преступлений. Если законодательный орган заявляет, что лицо, осужденное за уголовное преступление, обладает недостаточно развитыми нравственными качествами, то тем самым этот орган не устанавливает произвольного суждения или правила, а лишь ссылается на общеизвестный опыт человечества» *(Hawker v. New York,* 170 U.S. 189 (1898), p. 196).

[9] Commonwealth v. Abraham, 62 A.3d 343 (Pa. 2012).

[10] См. также 23 U.S.C. § 159.

[11] Hawker v. New York, 170 U.S. 189 (1898).

[12] Galvan v. Press, 347 U.S. 522 (1954).

[13] Smith v. Doe, 538 U.S. 84 (2003).

[14] Kansas v. Hendricks, 521 U.S. 346 (1997).

[15] In re J.B., 107 A.3d 1 (Pa. 2014).

[16] Richardson v. Ramirez, 418 U.S. 24 (1974).

[17] District of Columbia v. Heller, 554 U.S. 570 (2008); Voisine v. United States, 136 S. Ct. 2272 (2016).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Восьмая поправка, запрещающая применение жестоких и необычных наказаний[18], а также Пятая поправка, запрещающая привлечение к ответственности дважды за одно и то же правонарушение[19].

Несмотря на критику учеными побочных последствий за то, что они непропорционально ущемляют цветное население [53–59], суды утверждают, что лица с судимостью не являются ущемленным классом в рамках доктрины равноценной защиты, поэтому законодательство, которое ущемляет этих лиц, допустимо после прохождения небольшой проверки его рациональности[20]. Время от времени суды низших инстанций находят некоторые ограничения нерациональными[21]; некоторые ученые, например Sandra Mayson [60], высказывают мнение, что следует тщательнее проводить такую проверку (см. также [61]). Однако, по мнению большинства судов, экономия бюджетных денежных средств является достаточным основанием для вынесения решения о лишении льгот[22]; лишение лицензии или возможности трудоустройства объясняется защитой общественной безопасности[23] или необходимостью повысить государственный контроль над регулируемыми отраслями[24].

Уголовное судопроизводство предусматривает, что в случае признания вины подсудимым судья должен предупредить его о прямых последствиях, но это не относится к побочным последствиям[25]. Аналогично, хотя Шестая поправка требует компетентной защиты подсудимого, большинство судов считает, что адвокат не обязан предупреждать о побочных последствиях[26].

Здесь имеются два исключения. Во-первых, ошибочный положительный совет, в том числе и относительно побочных последствий, будет проявлением некомпетентности, даже если у адвоката не было обязательства давать верный совет [64]. Второе исключение – побочное последствие в виде депортации. Согласно закону или судебному правилу, многие юрисдикции требуют информировать о возможности депортации. В деле *Padilla v. Kentucky*[27] Верховный суд постановил, что эффективная работа адвоката дала возможность подсудимым признать вину благодаря предупреждению о возможности депортации[28]. В настоящее время суды низших инстанций прорабатывают вопрос о том, обязан ли защитник предупреждать о других серьезных побочных последствиях, таких как регистрация или заключение под стражу, лиц, осужденных за сексуальные преступления [65].

Хотя побочные последствия могут быть уменьшены при условном освобождении и других формах смягчения наказания [66, 67], однако в наши дни условное освобождение применяется гораздо реже, чем в прошлом [68]. И наконец, хотя исторически ограничения в правах применялись только в той юрисдикции, где был вынесен приговор[29], теперь эти ограничения применяются по всей стране, как это видно из законов штатов, которые лишают определенных прав лиц, осужденных за тяжкие преступления в других штатах[30]. Часто юрисдикция накладывает ограничения в правах, даже если это не было сделано в той юрисдикции, где был вынесен приговор[31].

Анализ и оценка

Исторически побочные последствия уголовных приговоров не играли значительной роли в правовой

[18] Byrne v. Secretary U.S. Department of Homeland Security, 618 F. App'x 143 (3d Cir. 2015); People v. Rizzo, 61 N.E.3d 92 (Ill. 2016); State v. Meadows, No. A13-1023, 2014 WL 3396238 (Minn. Ct. App. July 14, 2014).

[19] Crook v. Galaviz, No. EP-14-CV-193-KC, 2015 WL 502305, at *9 (W.D. Tex. Feb. 5, 2015), affd, 616 F. App'x 747 (5th Cir. 2015); Roberson v. Director, TDCJ-CID, No. 6:08CV324, 2008 WL 5412383 (E.D. Tex. Dec. 29, 2008); Urciuolo v. Commonwealth, 684 A.2d 1094 (Pa. Comm. Ct. 1996).

[20] Talley v. Lane, 13 F.3d 1031 (7th Cir. 1994).

[21] Например, Barletta v. Rilling, 973 F. Supp. 2d 132 (D. Conn. 2013).

[22] Houston v. Williams, 547 F.3d 1357 (11th Cir. 2008).

[23] Rinehart v. Louisiana Department of Corrections, 29 F.3d 624 (5th Cir. 1994).

[24] DiCola v. FDA, 77 F.3d 504 (D.C. Cir. 1996); Parker v. Lyons, 757 F.3d 701 (7th Cir. 2014).

[25] State v. Fisher, 877 N.W.2d 67 (Iowa 2016); People v. Washington, 37 N.Y.S.3d 867 (Sup. Ct. 2016); см. также [62].

[26] State v. LeMere, 879 N.W.2d 580 (Wis. 2016); см. также [63].

[27] Padilla v. Kentucky, 559 U.S. 356 (2010).

[28] Верховный суд признал значимость побочных последствий в контексте заявлений о законности ареста; применение побочных последствий может помочь разрешить спорные вопросы при освобождении заключенного (Evitts v. Lucey, 469 U.S. 387 (1985)).

[29] См. Huntington v. Attrill, 146 U.S. 657 (1892).

[30] Например, Fla. Stat. Ann. § 790.23(1)(e) (2009).

[31] Haw. Rev. Stat. § 846E-1 (2016); Logan v. United States, 552 U.S. 23 (2007), см. также [69].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

системе, поскольку наказанием за тяжкое преступление была смертная казнь [70–72]. Единственным крупным побочным последствием приговора за тяжкое преступление была гражданская смерть, которая означала отсутствие правовой жизни человека в тот период, пока государство готовилось прекратить его физическое существование [73]. Когда смертная казнь была заменена на тюремные сроки, а значит большинство осужденных рано или поздно возвращались в свободное общество, гражданскую смерть стали считать слишком суровым наказанием. В середине XX в. казалось, что побочные последствия должны исчезнуть так же, как исчезла гражданская смерть. Однако появление феномена массового лишения свободы, а акже общий рост государственного регулирования в обществе породили систему побочных последствий.

Конгресс и законодательства штатов сделали наложение побочных последствий центральной функцией уголовного правосудия. Система уголовного правосудия имеет свои виды наказаний – лишение свободы, но также привязывает статус осужденного к общему аппарату законодательства штата. Сложилась ситуация, как будто имеется статья свода законов США и законов каждого штата, регулирующая положение осужденных лиц, как законы штатов или федеральные законы регулируют правовые нормы по охране окружающей среды или правовые нормы в области ценных бумаг.

По нескольким структурным причинам законодательство о положении осужденных лиц не обладает должными качествами. Можно заглянуть в свод законов любого штата и найти там раздел «Правовые нормы в области ценных бумаг», однако положения относительно осужденных разбросаны по различным законам и актам. Если бы по какой-то причине положения о ценных бумагах были так же разбросаны, как положения о побочных последствиях – часть под заголовком «Контракты», часть в уголовном кодексе, часть в разделе о корпорациях, – то под влиянием рыночных сил какая-либо ассоциация или издательство наняло бы юристов, чтобы «прочесать» все законы и создать сборник всех необходимых положений[32].

Своды законов необходимы в силу нескольких причин. Во-первых, когда все положения, относящиеся к ценным бумагам, находятся под рукой, становится возможным рассмотреть все достоинства системы регулирования ценных бумаг и предложить возможные доработки. Во-вторых, клиенты юристов могут надеяться, что получат совет с учетом конкретного закона.

Однако, «как много лет назад выразился Роберт Ф. Кеннеди, у бедняка, обвиняемого в преступлении, нет своего лобби» [74, с. 1877]. Также бедняк не может нанять юристов для проведения обширного исследования. Не имея представления о правовом поле, гораздо сложнее оценить, являются ли побочные последствия в целом справедливыми и действительно ли они способствуют общественной безопасности или же, напротив, снижают общественную безопасность, не давая многим осужденным возможности вести законопослушную жизнь и не стать рецидивистами [75]. Кроме того, нельзя ожидать, что отдельные адвокаты и судьи возьмутся за геркулесов труд по исследованию всех побочных последствий по индивидуальным делам.

Еще одна проблема состоит в отсутствии прозрачности в области побочных последствий. Законы принимают, чтобы они исполнялись. Если информация о побочных последствиях не доводится до осужденных, а также до тех субъектов правовой системы, которые призваны направлять осужденных и давать им советы, то вероятность исполнения законов уменьшается. Такой невидимый, почти секретный характер побочных последствий привел к тому, что система уголовного правосудия произвольна, непредсказуема, дорогостоящa, несправедлива, а в некоторых отношениях и контрпродуктивна.

Стандарты уголовного правосудия (стандарты *ABA*) Американской ассоциации юристов[33], Закон об унификации побочных последствий осуждения Комиссии по унификации законодательства[34] и работа Американского института права[35] привели к пере-

[32] Либо, возможно, законодательство о ценных бумагах было так же разбросано в прошлом, однако под влиянием политических сил был создан соответствующий свод законов.

[33] Standards for criminal justice on collateral sanctions and discretionary disqualification of convicted persons / American Bar Association. 2004. URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba7publishing/criminaljustice_section_newsletter/crimjust_standards_collateralsanctionwithcommentary.authcheckdam.pdf

[34] Uniform Collateral Consequences of Conviction Act / Uniform Law Commission. 2010. URL: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/collateral_consequences/uccca_final_10.pdf

[35] American Law Institute. 2017, May 24. Model penal code: Sentencing § 6x: Proposed final draft. URL: https://robinainstitute.umn.edu/publications/model-penal-code-sentencing-proposed-final-draft-approved-may-2017

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

смотру положений о вынесении приговоров Кодекса о стандартных наказаниях (*MPC*); общепризнанным стало мнение, что важнейшим первым шагом должно быть составление, публикация и обновление сборника законов. Значительным достижением является Общенациональный список побочных последствий осуждения[36], первоначально составленный Американской ассоциацией юристов и обновляемый Советом правительств штатов, однако этот список не отличается ни полнотой, ни точностью.

В некоторых юрисдикциях государственные и иные защитники создают справочники по побочным последствиям (Ресурсный центр по побочным последствиям)[37]. Часто в таких справочниках указываются не все побочные последствия для каждого вида преступлений, а лишь наиболее серьезные и распространенные из них, либо побочные последствия, применяемые при наиболее распространенных преступлениях, либо побочные последствия, наиболее значимые для населения, т. е. дается выборочная информация. Такие справочники необходимы в каждом штате; они должны регулярно обновляться и быть доступными для всех адвокатов и судей [76].

Последствия для отдельных уголовных дел

Несмотря на значимость побочных последствий для отдельного гражданина, до дела *Padilla v. Kentucky*[38] в большинстве судов считалось, что юридическая консультация и суд не обязаны информировать клиента о побочных последствиях его осуждения [77]. Большое значение имело постановление суда по делу *Padilla, которое гласило, что адвокат должен был уведомить клиента о возможной депортации;* это постановление было провозвестником расширения данного подхода в направлении других побочных последствий, хотя и в рамках интерпретаций конституций различных штатов. Тем не менее некоторые суды по-прежнему считают, что обязанности адвокатов не распространяются на информирование о других побочных последствиях за исключением депортации[39].

Стандарты *ABA*, Закон об унификации побочных последствий осуждения и *MPC* сходятся в том, что очень важно информировать клиента обо всех побочных последствиях. В данном разделе мы покажем, что интересы клиента нельзя защитить без информации о побочных последствиях.

Переговоры и соглашение о признании вины обвиняемым. Зная о побочных последствиях, адвокат может помочь клиенту в переговорах о признании вины. В деле *Padilla* [40] Верховный суд отметил, что: «...получение информации о возможной депортации полезно как для государства, так и для подсудимых неграждан в процессе переговоров о признании вины. Имея эту информацию, стороны защиты и обвинения могут достичь соглашений, удовлетворяющих интересам всех сторон. В данном деле уголовное деяние может служить основанием для множества обвинений, из которых за осуждением последует только обязательная депортация. Если адвокат имеет представление о последствиях депортации в случае конкретного правонарушения, он может прийти к соглашению с обвинителем таким образом, чтобы избежать приговора, который автоматически запускает процесс депортации. В то же время угроза депортации может предоставить защитнику значимый мотив для признания вины подзащитного, если это поможет ему избежать более сурового наказания» (p. 373).

Хотя в деле *Padilla* шла речь о депортации, другие значимые последствия, такие как утрата профессиональных лицензий, льгот и даже гражданских прав, также могут быть предметом соглашений[41].

Поскольку переговоры о признании вины могут вестись не только относительно традиционных уголовных наказаний, постольку нельзя приуменьшать роль ответственности адвоката. Знающий юрист может использовать побочные последствия для смягчения других аспектов приговора или, как предложил суд в деле *Padilla,* попытаться добиться приговора

[36] National inventory of the collateral consequences of conviction / Council of State Government Justice Center. 2017. URL: https://niccc.csgjusticecenter.org

[37] Compilations and inventories / Collateral Consequences Resource Center. 2017. URL: http://ccresourcecenter.org/compilations-inventories-of-collateral-consequences/

[38] Padilla v. Kentucky, 559 U.S. 356 (2010).

[39] State v. LeMere, 879 N.W.2d 580 (Wis. 2016).

[40] Padilla v. Kentucky, 559 U.S. 356 (2010).

[41] Например, City of Baldwin v. Barrett, 458 S.E.2d 619 (Ga. 1995); In re Meyers, 562 N.Y.S.2d 502 (App. Div. 1990); Libretti v. Wyoming Attorney General, 60 F. App'x 194 (10th Cir. 2003).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

с менее серьезными побочными последствиями. В решениях прокуратуры часто указываются побочные последствия [78–80].

Как частные, так и государственные квалифицированные защитники используют побочные последствия в переговорах о признании вины, если это допускается в той юрисдикции, где они действуют. При этом они могут добиться отмены обвинения; либо вынесения приговора по статье, не предусматривающей серьезных побочных последствий; либо наказания, смягченного ввиду серьезных побочных последствий; либо, разумеется, они могут ничего не добиться. И все же тысячи подсудимых не должны оставаться в неведении о правовых последствиях своих решений, а их адвокаты не должны отказываться от возможности заключить благоприятное соглашение.

Доклад о личности и обстоятельствах жизни подсудимого. Рассмотрение побочных последствий следует внести в процесс вынесения приговора, поскольку они влияют на потенциальный приговор и способность подсудимого добиться освобождения под надзор или условного срока [81]. Перед вынесением приговора вниманию суда представляется доклад о личности и обстоятельствах жизни подсудимого (*PSR*); это важнейший документ, который содержит факты, используемые судьей при вынесении приговора. Как правило, в нем не перечисляются побочные последствия, которым подвергнется подсудимый. Существует некоторое дублирование между побочными последствиями и информацией, предоставляемой как часть процесса вынесения приговора, – например, побочное последствие в виде запрета на владение огнестрельным оружием (18 U.S.C. § 922(g)) является в то же время условием освобождения под надзор или условного срока (18 U.S.C. § 3563(b)(8)), и подсудимые обычно информированы о таких условиях. Однако, как правило, в рамках процесса вынесения приговора не предпринимается систематических попыток обсудить все ограничения, которым будет подвергаться осужденный.

До вынесения приговора важно знать о будущих перспективах трудоустройства и финансового положения подсудимого. В рамках федеральной системы, согласно Федеральному закону об уголовном процессе № 32, *PSR* должен содержать информацию о финансовом положении подсудимого. Эти сведения необходимы потому, что одна из целей вынесения приговора – «обеспечить возмещение ущерба для потерпевших» (18 U.S.C. § 3553(a)(7)), а также потому, что размер штрафов зависит от «доходов, возможностей и финансовых ресурсов подсудимого» (18 U.S.C. § 3572(a)(1); см. также 18 U.S.C. § 3572(b); [82]). Приговор может значительно изменить возможности трудоустройства осужденного. Нет смысла вычислять финансовые ресурсы подсудимого, основываясь на запрещенных законом видах деятельности, на наличии лицензий и разрешений, на которые осужденный уже не будет иметь права.

Вынесением приговора не ограничивается значимость финансового статуса подсудимого. Кроме лишения свободы или вместо него, большинство осужденных за тяжкие преступления будут в той или иной форме находиться под надзором системы уголовного правосудия. Большинство осужденных федеральными судами либо осуждаются условно вместо тюремного заключения, либо находятся под надзором после освобождения. Стандартный приговор, включающий условный срок или освобождение под надзор, подразумевает, что осужденный выплачивает реституцию, «постоянно занимается законной деятельностью», «обеспечивает иждивенцев и исполняет иные семейные обязанности» (U.S. Sentencing Commission, 2016, §§ 5B1.3(a)(1)-(c)(5) & §§ 5D1.3(a)(1) -(c)(5))[42]. Неисполнение этих условий является основанием для возвращения в места лишения свободы. Таким образом, даже если в момент вынесения приговора осужденный может выплатить реституции и штрафы, обычно на него ложатся иные долговременные финансовые обязательства; отсюда также следует, что прокуроры и судьи должны иметь представление о будущем положении с трудоустройством подсудимого в момент вынесения приговора.

Кроме исполнения финансовых обязательств, условное осуждение или освобождение под надзор предполагает, что осужденный в целом ведет законопослушный образ жизни. Это также предполагает, что «осужденный не совершит нового правонарушения на уровне федерального, местного законодательства или законодательства штата» (U.S. Sentencing Com-

[42] U.S. Sentencing Commission. (2016). U.S. Sentencing guidelines manual. URL: https://www.ussc.gov/guidelines/2016-guidelines-manual

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

mission, 2016, §§ 5B1.3(a)(1) & 5D1.3(a)(1))[43]. Если такое правонарушение относится к категории *malum in se* (незаконных по сути) уголовных преступлений, нарушитель не может сослаться на незнание; например, гражданин не может сказать, будто не знал, что нельзя грабить банки[44]. Однако о законных ограничениях относительно побочных последствий часто имеют слабое представление даже адвокаты и судьи. Информированность всех сторон по поводу законных побочных последствий отвечает всеобщим интересам.

Вынесение приговора. В рамках большинства систем судья может наложить различные наказания. Иногда эта произвольность ограничена инструкциями, иногда существуют положения о минимально возможном наказании, но редко бывает так, что возможно только одно законное наказание [83, 84]. Судьи выбирают из возможных законных наказаний, исходя из предписанных законом факторов (например, Ariz. Rev. Stat. § 13-701(D)) и общих, достаточно широких, принципов вынесения приговора[45]. Поскольку суды могут рассматривать практически любые обстоятельства при вынесении приговора, они могут также учесть побочные последствия, которым подвергнется осужденный.

Есть некоторые признаки того, что побочные последствия становятся более формализованным фактором при вынесении приговора[46]. Согласно стандартам *ABA*, «законодательство должно уполномочить суд, выносящий приговор, учитывать, а суд должен рассматривать соответствующие побочные санкции при вынесении общего приговора подсудимому» (§ 19-2.4(a)). В комментариях к данному положению поясняется, что «суд, выносящий приговор, должен гарантировать, что суммарное наказание не будет неоправданно суровым и не приведет к неоправданному неравенству». Кодекс о стандартных наказаниях (*MPC*) (2017) также вводит побочные последствия в процесс вынесения приговора (см. §§ 6x.02(2) & 6x.04).

В широко известном решении от 2016 г. по делу *United States v. Nesbeth*[47] старший окружной судья Frederic Block учитывал побочные последствия при вынесении приговора: «Я назначил один год условного срока. При этом я учитывал те побочные последствия, что г-жа Nesbeth лишится права голосования, а также не сможет навещать своих отца и бабушку на Ямайке в течение условного срока» (pp. 194–195).

Поскольку суды учитывают иные личные обстоятельства при вынесении приговора, неясно, почему они должны категорически игнорировать побочные последствия, установленные законом.

Исключение избыточности побочных последствий

Юрисдикции должны пересмотреть списки побочных последствий и исключить все ненужное. Так, раздел 6x.03 *MPC* предлагает запретить лишать гражданина права на голосование или ограничить его временем тюремного заключения, а лишение права быть присяжным заседателем ограничить периодом коррекционного контроля. В свою очередь, § 19-2.6 стандартов *ABA* предлагает отменить лишение гражданина права на голосование, за исключением периода тюремного заключения, а также отменить лишение права «участвовать в государственных программах по обеспечению предметами первой необходимости» или «получать государственные льготы, способствующие успешному возвращению в общество, например, для участия в образовательных программах или программах профессиональной подготовки».

Формирование побочных последствий происходило постепенно. Поскольку их юридическое обобщение было до сих пор минимальным, законодатели почти не занимались их формализацией, оценкой их эффективности или недостатков. Складывается впечатление, что побочные последствия иногда налагаются произвольно, без учета их места в системе наказаний, реабилитации и трудоустройства.

С точки зрения законодательства, побочные последствия налагаются с целью обеспечения обще-

[43] U.S. Sentencing Commission. (2016). U.S. Sentencing guidelines manual. URL: https://www.ussc.gov/guidelines/2016-guidelines-manual

[44] United States v. Ortuno-Higareda, 450 F.3d 406 (9th Cir. 2006), vacated en banc, 479 F.3d 1153 (9th Cir. 2007).

[45] Williams v. New York, 337 U.S. 241 (1949); см. также [85].

[46] Побочные последствия применяются во всех приговорах федерального уровня и уровня штата по делам о распространении наркотиков. Малоизвестный Федеральный закон 21 U.S.C. § 862 разрешает судьям, выносящим приговор, отменять федеральные льготы лицам, осужденным за хранение и распространение наркотиков.

[47] United States v. Nesbeth, 188 F. Supp. 3d 179, (E.D.N.Y. 2016).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ственной безопасности и уменьшения рисков, либо чтобы лишить правонарушителя тех благ, которых он не заслуживает, или преследуются обе эти цели. Хотя предполагается, что побочные последствия не должны служить наказанием, создается впечатление, что мысль о воздаянии не покидала умы некоторых сторонников этих мер [86]. Связь между последствиями и уменьшением риска часто основывается не на доказательствах, а на интуиции или на предположении, исходя из обычной логики [87]. Поскольку весь вопрос остается в области личных мнений или умозрительных предположений, постольку суждение, что побочных последствий слишком много, имеет такое же право на существование, что и суждение, что их слишком мало.

Однако появляется все больше методик измерения и оценки степени риска [88]. В ряде исследований было показано, что риск повторного совершения правонарушения уменьшается со временем, прошедшим после совершения первого преступления [89–91]. Есть также свидетельства того, что временный сотрудник, стремящийся очистить свое криминальное досье, с меньшей вероятностью будет повторно арестован. Таким образом, отсутствие наложенных побочных последствий имеет положительное влияние на общественную безопасность [92, 93]. Кроме того, в недавних исследованиях было показано, что дисквалификация по закону не коррелирует с решениями, основанными на эмпирических данных по преступности и рецидивизму [94]. Вероятно, было бы более справедливо по отношению к отдельным гражданам и лучше для безопасности общества в целом, если бы решения принимались на основе эмпирически достоверных факторов, таких как время, прошедшее от момента совершения преступления, и доказательства законопослушного поведения, а не принадлежности к неким категориям, например, совершение определенных видов правонарушений.

Вместо того чтобы применять побочные последствия ко «всем тяжким преступлениям» или «всем преступлениям», юрисдикциям следует ограничить виды правонарушений, влекущих за собой побочные последствия, видами, включающими конкретные ситуации опасности, которые данные последствия могут предотвратить. Там, где доказано, что риски уменьшаются со временем, следует применять побочные последствия в течение определенного периода, а не пожизненно. Во многих случаях дисквалификация уместна в связи с конкретными фактами и обстоятельствами дела, а не для всех поголовно. Здесь также юрисдикции должны рассматривать случаи, представляющие повышенную опасность для общества, при этом не подрывая общественную безопасность путем лишения граждан, осужденных за преступления, возможности законного трудоустройства.

Смягчение наказаний

В большинстве юрисдикций предусмотрена возможность законодательного, исполнительного или судебного смягчения наказаний [95]. В некоторых работах было показано, что смягчение наказаний улучшает показатели занятости [96, 97]. В федеральной системе единственной мерой смягчения наказаний является президентское помилование, что вызывает критику некоторых федеральных судов[48].

При этом существует ряд технических сложностей. Одна из них – осуждение за пределами штата в условиях высокой мобильности в стране. Юрисдикции, как правило, назначают побочные последствия по приговорам, вынесенным в другом штате. При этом не всегда понятно, какие результаты дает смягчение наказаний в другой юрисдикции [98]. Таким образом, лицо, осужденное в одном штате, где определенные гражданские права не были им утрачены либо были восстановлены, может утратить их при переезде в другой штат. Закон штата должен не только прояснить, влекут ли побочные последствия приговоры, вынесенные в другом штате, но и определить последствия помилования, закрытие доступа третьих лиц к материалам дела, иных видов смягчения наказаний по приговорам, вынесенным в другом штате (например, *UCCCA*, 2010). Кроме того, штаты должны довести существующие внутри штата механизмы смягчения наказаний до сведения жителей штата, осужденных по приговорам, вынесенным в другом штате, как это рекомендовано стандартами *ABA* и положениями Кодекса о стандартных наказаниях.

[48] Например, John Gleason, бывший судья Восточного округа Нью-Йорка, постановил, что не существует механизма помощи таким заявителям. Он аннулировал приговор одному из заявителей и выдал заключение о реабилитации другому (Doe v. United States, 110 F. Supp. 3d 448 (E.D.N.Y., vacated, 833 F.3d 192 (2d Cir. 2016); Doe v. United States, 168 F. Supp. 3d 427 (E.D.N.Y. 2016)).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Стандарты *ABA*, Закон об унификации побочных последствий осуждения и Кодекса о стандартных наказаниях предусматривают средства уменьшения побочных последствий для отдельного гражданина с целью способствования реабилитации, возвращению к нормальной жизни, самообеспечению. Например, если все лица, осужденные за тяжкие преступления, утрачивают право на государственное жилье, то должен существовать механизм, позволяющий лицу, совершившему ненасильственное преступление, получить государственное жилье и при этом обеспечивающий возможность самодостаточного существования данному лицу и отсутствие необоснованного риска для общественной безопасности. Кроме того, указанные юридические документы предусматривают другие меры смягчения наказаний, если реабилитация подтверждается на основании прошедшего периода времени, исполнения приговора и индивидуального досье [99].

В настоящее время идет обсуждение, является ли смягчение наказаний вопросом «простить» или «забыть». Другими словами, должно ли смягчение наказаний следовать за доказательствами реабилитации, подтвержденными такими документами, как Сертификат о реабилитации, Свидетельство о законопослушном поведении, или оно должно состоять в сокрытии самого факта осуждения, как это происходит при помиловании [100]. Существуют сомнения в том, может ли приговор быть полностью скрыт [101]. Если информация о криминальном прошлом остается доступной, штаты должны позаботиться о том, чтобы работодатели не ущемляли права осужденных, к которым было применено смягчение наказания (см., например, *MPC* § 6x.06(5); *UCCCA* § 14).

Другие структурные изменения

Сборник побочных последствий позволит оценить их в целом и определить, в каком направлении их следует реформировать, чтобы повысить эффективность. Полезным было бы составление технических разъяснений. Многие акты о побочных последствиях сформулированы неточно или двусмысленно. Такие случаи включают следующие нерешенные вопросы:

1. Предусматриваются ли обязательные ограничения или оценка будет проводиться индивидуально?

2. Какие виды преступлений влекут за собой побочные последствия?

3. Относится ли ограничение к приговорам, вынесенным в другом штате?

4. Будет ли ограничение действовать бессрочно?

В идеале преступления, влекущие за собой побочные последствия, должны быть точно указаны, с цитатами из соответствующих законов, а не описаны в расплывчатых терминах, таких как «преступления против нравственности» [102]. В разделе 7(*b*) Закона об унификации побочных последствий осуждения указано, что если положение сформулировано неоднозначно, то оно должно рассматриваться как дискреционное, а не обязательное.

Еще один вопрос – какие именно государственные органы имеют право назначать побочные последствия. В настоящее время это право имеют местные органы; возможно, побочные последствия настолько важны, что назначать их должны только на уровне законодательств штатов (*UCCCA* § 7(a); см. также [103]). Поскольку сложно отследить положения о побочных последствиях в постановлениях местных органов власти или неопубликованных документах министерств, возможно, следует лишить органы власти низких уровней назначать такие ограничения либо обязать их размещать такие постановления в централизованных государственных депозиториях как условие их валидности. В другом варианте органы власти низких уровней должны иметь право назначать побочные последствия лишь в индивидуальных случаях, а не автоматически по категориям.

Юрисдикции могли бы рассмотреть возможность ужесточения побочных последствий в случае тяжких преступлений. Верховный суд указывал, что «приговоры по мелким правонарушениям могут приводить к широкому спектру ограничений в области гражданских прав»[49]. Как было показано в работах [25, 104, 105], даже приговор за мелкое преступление может привести к множеству побочных последствий. При этом многие защитные механизмы системы ослаблены в случае мелких правонарушений, поскольку они воспринимаются как значительно менее серьезные, чем тяжкие преступления[50].

Результатом этого является противоречие: побочные последствия более существенны для относительно ме-

[49] Argersinger v. Hamlin, 407 U.S. 25 (1972); см. также Hopper v. State, 957 N.E.2d 613 (Ind. 2011).

[50] State v. Young, 863 N.W.2d 249 (Iowa 2015).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

нее серьезных правонарушений. Если человек осужден на 25 лет лишения свободы в колонии строгого режима, для него не имеет большого значения, что он не сможет получить лицензию хиропрактика после освобождения. Если человек осужден за мошенничество с ценными бумагами, он не сможет занимать должность в финансовом учреждении независимо от того, получит ли он реальный тюремный срок. Но человек, приговоренный к условному сроку без надзора и штрафу в 250 долларов за мелкое правонарушение, может потерять работу, право преподавать, ухаживать за пожилыми людьми, занимать государственное жилье или стать опекуном для родственника – это катастрофические потери.

Справедливость требует уделить больше времени и внимания вопросам защиты и исполнения наказаний в случае мелких правонарушений. Но эта проблема будет во многом решена, если побочные последствия для таких правонарушений будут уменьшены.

Рекомендации

1. В целях общественной безопасности, справедливого разрешения отдельных дел и повышения эффективности системы уголовного правосудия следует рационализировать и реформировать побочные последствия приговоров. Побочные последствия должны быть интегрированы в систему уголовного правосудия в целом, а также в процесс разбирательства по каждому отдельному делу.

2. Государственные органы должны собирать и публиковать побочные последствия, применяемые в каждой юрисдикции, так чтобы законодатели, судьи, адвокаты и иные лица могли иметь представление о законных последствиях приговора в каждой отдельной юрисдикции. Необходимо создать Общенациональный сборник побочных последствий приговоров.

3. Общественные защитники, юридические ассоциации и отделы пробации должны определить побочные последствия наиболее распространенных правонарушений, а также иные широко распространенные или наиболее значимые последствия. Данная информация должна быть обобщена в документе, который адвокаты и сотрудники отделов пробации смогут использовать при консультировании клиентов.

4. Защитники должны информировать клиентов о побочных последствиях и учитывать их в рекомендациях клиентам о возможных вариантах действий. Судьи должны информировать подсудимых о возможных побочных последствиях при подаче заявления о признании вины и при вынесении приговора.

5. Прокуроры должны учитывать побочные последствия при обсуждении признания вины и возможного приговора. Доклады о личности и обстоятельствах жизни подсудимого должны содержать информацию о побочных последствиях, и судьи должны учитывать эту информацию при вынесении приговора.

6. Верховный суд США и верховные суды штатов должны определить, подпадают ли побочные последствия под конституционные ограничения, касающиеся наказаний; в ином случае побочные последствия выполняют регулирующую функцию, а значит, должны быть разумными и не чрезмерными.

7. Конгресс и законодательные органы штатов должны разработать механизмы смягчения побочных последствий с целью способствовать трудоустройству и реабилитации осужденного. Кроме того, в случае реабилитации и законопослушного поведения осужденного должна быть возможность отмены или аннулирования приговора в знак того, что осужденный выполнил свой долг перед обществом и вновь становится его равноправным членом.

8. Кроме того, Конгресс и законодательные органы штатов должны рассмотреть необходимость отдельных побочных последствий при трудоустройстве на основе эмпирической оценки риска и общественной безопасности, а также возможность ограничить их отдельными правонарушениями, назначать их на определенный период времени или рассматривать их исключительно в рамках конкретных дел.

Список литературы / References

1. Logan W. A. Informal collateral consequences, *Washington Law Review,* 2013, Vol. 88, pp. 1103–1118.

2. Carson E. A., Anderson E. *Prisoners in 2015*, Washington, DC, U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics, 2016.

3. Friedman M. *Just facts: As many Americans have criminal records as college diplomas,* New York University School of Law's Brennan Center for Justice, 2015, November 17, available at: https://www.brennancenter.org/blog/iust-facts-many-americans-have-criminal-records-college-diplomas

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

4. Osler M. Clemency, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform,* ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 419–439.

5. Alexander M. *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness,* New York, NY, The New Press, 2010.

6. Clear T. R. *Imprisoning communities: How mass incarceration makes disadvantaged neighborhoods worse*, Oxford, NY, Oxford University Press, 2007.

7. Gottschalk M. *The prison and the gallows: The politics of mass incarceration in America*, New York, NY, Cambridge University Press, 2006.

8. Pager D. *Marked: Race, crime, and finding work in an era of mass incarceration*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 2007.

9. Kennedy J. E. The Jena six, mass incarceration, and the remoralization of civil rights, *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 2009, Vol. 44, pp. 477–511.

10. Roberts D. E. The social and moral cost of mass incarceration in African American communities, *Stanford Law Review*, 2004, Vol. 56, pp. 1271–1307.

11. Simon J. Consuming obsessions: Housing, homicide, and mass incarceration since 1950, *University of Chicago Legal Forum*, 2010, Vol. 1, pp. 165–205.

12. Thompson A. C. Unlocking democracy: Examining the collateral consequences of mass incarceration on Black political power, *Howard Law Journal*, 2011, Vol. 54, pp. 587–638.

13. Forman J. Jr. Why care about mass incarceration?, *Michigan Law Review*, 2010, Vol. 108, pp. 993–1011.

14. Haney-Lopez I. F. Post-racial racism: Racial stratification and mass incarceration in the age of Obama, *California Law Review*, 2010, Vol. 98, No. 3, pp. 1023–1074.

15. McCulloch J., Scraton P. The violence of incarceration: An introduction, *The violence of incarceration*, eds. P. Scraton, J. McCulloch, New York, NY, Routledge, 2009, pp. 1–18.

16. Beck A. J., Gillard D. K. Prisoners in 1994, *Bureau of Justice Statistics Bulletin*, U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs, 1995, available at: https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/Pi94.pdf

17. Glaze L. E. *Correctional populations in the United States, 2010*, available at: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=2237

18. Guerino P., Harrison P. M., Sabol W. J. *Prisoners in 2010*, available at: https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/p10.pdf

19. Kaeble D., Glaze L. E. *Correctional populations in the United States, 2015*, available at: https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cpus15.pdf

20. Rosenmerkel S., Durose M., Farole D. *Felony sentences in state courts*, 2006, available at: https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/fssc06st.pdf

21. Harris K. D. *Crime in California 2015*, available at: https://oag.ca.gov/sites/all/files/agweb/pdfs/cjsc/publications/candd/cd15/cd15.pdf

22. *Examining the work of state courts: An analysis of 2010 state court caseloads?* National Center for State Courts, available at: http://www.courtstatistics.org/other-pages/csp2010.aspx

23. Langton L., Farole D. J. Jr. *Public defender offices, 2007*, available at: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=1758

24. Natapoff A. Misdemeanors, *Southern California Law Review*, 2012, Vol. 85, pp. 1313–1376.

25. Natapoff A. Misdemeanors, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 71–98.

26. *Minor crimes, massive waste: The terrible toll of America's broken misdemeanor court*, National Association of Criminal Defense Lawyers, available at: https://www.nacdl.org/reports/misdemeanor

27. Logan W. A., Wright R. F. Mercenary criminal justice, *University of Illinois Law Review*, 2014, pp. 1175–1225.

28. *Federal justice statistics, 2008*, U.S. Department of Justice, available at: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=1745

29. Tonry M. Community punishments, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 187–204.

30. Kaeble D., Bonczar T. P. *Probation and parole in the United States, 2015*, available at: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=pbdetail&iid=5784

31. Neighly M., Emsellem M. *Wanted: Accurate FBI background checks for employment*, 2013, available at: http://www.nelp.org/content/uploads/2015/03/Report-Wanted-Accurate-FBI-Background-Checks-Employment.pdf

32. Rodriguez M. N., Emsellem M. *65 Million "need not apply": The case for reforming criminal background checks for employment*, 2011, available at: http://www.nelp.org/content/uploads/2015/03/65_Million_Need_Not_Apply.pdf

33. Love M. C., Roberts J., Klingele C. *Collateral consequences of criminal conviction: Law, policy and practice*, Eagan, MN, Thomson West, 2016.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

34. Manza J., Uggen C. *Locked out: Felon disenfranchisement and American democracy*, New York, NY, Oxford University Press, 2006.

35. Mauer M., Chesney-Lind M. *Invisible punishment: The collateral consequences of mass imprisonment*, New York, NY, New Press, 2002.

36. Mele C., Miller T. A. *Civil penalties, social consequences*, New York, NY, Routledge, 2005.

37. *Collateral damage: America's failure to forgive or forget in the war on crime, a roadmap to restore rights and status after arrest or conviction*, National Association of Criminal Defense Lawyers, 2014, available at: https://www.nacdl.org/restoration/roadmapreport

38. Ewald A. C. "Civil death": The ideological paradox of criminal disenfranchisement law in the United States, *Wisconsin Law Review*, 2002, pp. 1045–1132.

39. Holloway P. *Living in infamy: Felon disfranchisement and the history of American citizenship*, New York, NY, Oxford University Press, 2013.

40. *After prison: Roadblocks to reentry,* Legal Action Center, 2004, available at: https://lac.org/roadblocks-to-reentry

41. Laisne M., Wool J., Henrichson C. *Past due: Examining the cost and consequences of charging for justice in New Orleans*, 2017, available at: https://storage.googleapis.com/vera-web-assets/downloads/Publications/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans/legacy_downloads/past-due-costs-consequences-charging-for-justice-new-orleans.pdf

42. Zimring F. E. Firearms and violence, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 167–186.

43. Chacon J. M. Crimmigration, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 205–228.

44. Lasch C. N. "Crimmigration" and the right to counsel at the border between civil and criminal proceedings, *Iowa Law Review*, 2014, Vol. 99, pp. 2131–2161.

45. Love M. C. *Restrictions on access to criminal records: A national survey*, 2017, available at: http://ccresourcecenter.org/2017/03/09/restrictions-on-access-to-criminal-records-a-national-survey/#more-11938

46. Markowitz P. L. Straddling the civil-criminal divide: A bifurcated approach to understanding the nature of immigration removal proceedings, *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 2008, Vol. 43, pp. 289–353.

47. Cammett A. Confronting race and collateral consequences in public housing, *Seattle University Law Review*, 2016, Vol. 39, pp. 1126–1159.

48. Silva L. R. Collateral damage: A public housing consequence of the "war on drugs", *U.C. Irvine Law Review*, 2015, Vol. 5, pp. 783–813.

49. Logan W. A. *Knowledge as power: Criminal registration and community notification laws in America*, Stanford, CA, Stanford University Press, 2009.

50. Jacobs J. B. *The eternal criminal record*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2015.

51. Jacobs J., Crepet T. The expanding scope, use, and availability of criminal record, *New York University Journal of Legislation and Public Policy*, 2007, Vol. 11, pp. 177–215.

52. Slobogin C. Policing, databases, and surveillance, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 209–232.

53. Butler P. Race and adjudication, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 211–226.

54. Carbado D. W. Race and the Fourth Amendment, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 153–184.

55. Chin G. J. Race, the war on drugs, and the collateral consequences of criminal conviction, *Gender, Race, & Justice*, 2003, Vol. 6, pp. 253–277. DOI: 10.2139/ssrn.390109

56. Fletcher G. P. Disenfranchisement as punishment: Reflections on the racial uses of Infamia, *UCLA Law Review*, 1999, Vol. 46, pp. 1895–1906.

57. Harris D. A. Racial profiling, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform,* ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 117–152.

58. Pinard M. Collateral consequences of criminal convictions: Confronting issues of race and dignity, *New York University Law Review*, 2010, Vol. 85, pp. 4570–4648.

59. Spohn C. Race and sentencing disparity, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 169–186.

60. Mayson S. G. Collateral consequences and the preventive state, *Notre Dame Law Review,* 2015, Vol. 91, pp. 301–363.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

61. Aukerman M. J. The somewhat suspect class: Towards a constitutional framework for evaluation occupational restrictions affecting people with criminal records, *Journal of Law in Society*, 2005, Vol. 7, pp. 18–87.

62. Turner J. I. Plea bargaining, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 73–100.

63. Murray B. M. Beyond the right to counsel: Increasing notice of collateral consequences, *University of Richmond Law Review*, 2015, Vol. 49, pp. 1139–1191.

64. Primus E. B. Defense counsel and public defense, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 121–146.

65. Logan W. A. Sex offender registration and notification, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 397–418.

66. *State-specific resources*, Collateral Consequences Resource Center, 2017, available at: http://ccresourcecenter.org/resources-2/state-specific-resources

67. *50-state comparison characteristics of pardon authorities*, Restoration of Rights Project, 2017, available at: http://ccresourcecenter.org/resources-2/restoration-of-rights/50-state-comparisoncharacteristics-of-pardon-authorities

68. Love M. *What (if anything) does the Virginia voting rights decision tell us about the president's pardon power?,* Collateral Consequences Resource Center, available at: http://ccresourcecenter.org/2016/07/24/virginia-court-strikes-down-vote-restoration-order/

69. Kuck J. B. Elections: Effect of conviction under federal law, or law of another state or country, on right to vote or hold public office, *American Law Reports, Third*, 1971, Vol. 39, p. 303.

70. Damaska M. R. Adverse legal consequences of conviction and their removal: A comparative study, *Criminal Law, Criminology & Police Science*, 1968, Vol. 50, No. 3, pp. 347–361. DOI: 10.2307/1141759

71. Love M. C. Starting over with a clean slate: In praise of a forgotten section of the Model Penal Code, *Fordham Urban Law Journal*, 2003, Vol. 30, No. 5, pp. 1705–1745.

72. Steiker C. S., Steiker J. M. Capital punishment, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 147–168.

73. Chin G. J. The new civil death: Rethinking punishment in the era of mass conviction, *University of Pennsylvania Law Review*, 2012, Vol. 160, pp. 1789–1833.

74. Bright S. B. Counsel for the poor: The death sentence not for the worst crime but for the worst lawyer, *Yale Law Journal*, 1994, Vol. 103, pp. 1877–1883.

75. Jones D. R. When the fallout of a criminal conviction goes too far: Challenging collateral consequences, *Stanford Journal of Civil Rights and Civil Liberties*, 2015, Vol. 11, pp. 237–268.

76. Chin G. J. Making Padilla practical: Defense counsel and collateral consequences at guilty plea, *Howard Law Journal*, 2011, Vol. 47, pp. 675–691.

77. Chin G. J., Holmes R. W. Effective assistance of counsel and the consequences of guilty pleas, *Cornell Law Review*, 2002, Vol. 87, No. 3, pp. 697–743.

78. Eagly I. V. Immigrant protective policies in criminal justice, *Texas Law Review*, 2016, Vol. 95, pp. 245–324.

79. Jain E. Prosecuting collateral consequences, *Georgia Law Journal*, 2016, Vol. 104, pp. 1197–1245.

80. Murray B. M. Prosecutorial responsibility and collateral consequences, *Stanford Journal of Civil Rights and Civil Liberties*, 2016, Vol. 12, pp. 213–247.

81. Chin G. J. Taking plea bargaining seriously: Reforming pre-sentence reports after Padilla v. Kentucky, *St. Louis University Public Law Review*, 2011, Vol. 31, pp. 61–78.

82. Colgan B. A. Fines, fees, and forfeitures, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society,* 2017, Vol. 18, No. 3, pp. 21–39.

83. Berman D. A. Sentencing guidelines, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 95–116.

84. Luna E. Mandatory minimums, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 117–146.

85. Hessick C. B., Berman D. A. Towards a theory of mitigation, *Boston University Law Review*, 2016, Vol. 96, pp. 161–219.

86. Murphy J. G. Retribution, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 171–192.

87. Ellman I. M., Ellman T. "Frightening and high": The Supreme Court's crucial mistake about sex crime statistics, *Constitutional Commentary*, 2015, Vol. 30, pp. 499–513.

88. Monahan J. Risk assessment in sentencing, *Reforming criminal justice: A report of the Academy for Justice on bridging the gap between scholarship and reform*, ed. E. Luna, Phoenix, AZ, Academy for Justice, 2017, pp. 77–94.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

89. Blumstein A., Nakamura K. Redemption in the presence of widespread criminal background checks, *Criminology*, 2009, Vol. 47, No. 2, pp. 327–359. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2009.00155.x

90. Bushway S. D., Nieuwbeerta P., Blokland A. The predictive value of criminal background checks: Do age and criminal history affect time to redemption?, *Criminology*, 2011, Vol. 49, No. 1, pp. 27–60. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2010.00217.x

91. Kurlychek M. C., Bushway S. D., Brame R. Long-term crime desistence and recidivism patterns- Evidence from the Essex County convicted felon study, *Criminology*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 71–103. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2011.00259.x

92. Denver M., Siwach G., Bushway S. D. A new look at the employment and recidivism relationship through the lens of a criminal background check, *Criminology*, 2017, Vol. 55, No. 1, pp. 174–204. DOI: 10.1111/1745-9125.12130

93. Denver M. Evaluating the impact of "old" criminal conviction decision guidelines on subsequent employment and arrest outcomes, *Journal of Research in Crime and Delinquency,* 2016, Vol. 54, No. 3, pp. 379–408. DOI: 10.1177/0022427816680252

94. Siwach G., Bushway S. D., Kurlychek M. C. *Legal mandates in criminal background checks: An evaluation of disparate impact in New York State* (unpublished manuscript), 2017, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2986384

95. *Restoration of rights*, Collateral Consequences Resource Center, 2017, available at: http://ccresourcecenter.org/resources-2/restoration-of-rights

96. Leasure P., Andersen T. S. The effectiveness of certificates of relief as collateral consequence relief mechanisms: An experimental study, *Yale Law and Policy Review Inter Alia*, 2016, Vol. 35, pp. 11–23.

97. Selbin J., McCray J., Epstein J. Unmarked? Criminal record clearing and employment outcomes, *Journal of Criminal Law and Criminology*, Vol. 108, No. 1 (в печати), DOI: 10.2139/ssrn.2486867

98. Logan W. A. "When mercy seasons justice": Interstate recognition of ex-offender rights, *U.C. Davis Law Review*, 2015, Vol. 49, pp. 1–58.

99. Logan W. A. Database Infamia: Exit from the sex offender registries, *Wisconsin Law Review,* 2015, pp. 219–247.

100. Hager E. *Forgiving v. forgetting*, 2015, March 17, available at: https://www.themarshallproject.org/2015/03/17/forgiving-vs-forgetting#

101. Wayne L. D. The data-broker threat: Proposing federal legislation to protect post-expungement privacy, *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2012, Vol. 102, No. 1, pp. 253–282.

102. Simon-Kerr J. A. Moral turpitude, *Utah Law Review*, 2012, pp. 1001–1072.

103. Meek A. P. Street vendors, taxicabs, and exclusion zones: The impact of collateral consequences of criminal convictions at the local level, *Ohio State Law Journal*, 2014, Vol. 75, pp. 1–57.

104. Roberts J. Why misdemeanors matter: Defining effective advocacy in lower courts, *U.C. Davis Law Review*, 2012, Vol. 45, pp. 277–373.

105. King J. D. Beyond "life and liberty": The evolving right to counsel, *Harvard Civil Rights - Civil Liberties Law Review*, 2013, Vol. 48, pp. 1–49.

106. Chin G. J. Collateral consequences of criminal conviction, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, Vol. 18, Iss. 3, pp. 1–17.

Дата поступления / Received 23.06.2018
Дата принятия в печать / Accepted 04.09.2018
Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2018

© Чин Г. Дж., 2018. Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru) 25.09.2018
© Chin G. J., 2018

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП)». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; менеджмент).

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте apel.ieml.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удается отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст …
2. Текст …

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 150 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнеее см. на сайте журнала: apel.ieml.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглимат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаться по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)". The publisher is "Tatar Center for Education "Taglimat" Ltd..

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES: 08.00.01 Theory of economics; 08.00.05 Economics and management of national economy (economy, organization and management of enterprises, sectors, complexes; management of innovations; regional economy; management).

12.00.00 LEGAL SCIENCES: 12.00.01 Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state; 12.00.03 Civil law; entrepreneurship law; family law; international private law; 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal-execution law.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (ASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site apel.ieml.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that «The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation».

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has-obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 "Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials")

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text …
2. Text …

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal "Actual problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye «Bank Tatarstan» #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru